

Академия управления МВД России

РОССИЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО И ВЫЗОВЫ XXI ВЕКА

ПУБЛИЧНАЯ ВЛАСТЬ. ПРАВОПОРЯДОК. ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

*к 70-летию со дня рождения и памяти
профессора В. Н. Бутылина*

**Сборник статей
Международного круглого стола
(Москва, 16 декабря 2022 г.)**

**Москва
2023**

УДК 342.1
ББК 67.3
Р76

*Одобрено редакционно-издательским советом
Академии управления МВД России*

Рецензенты: *Бучакова М. А.*, доктор юридических наук, доцент (Омская академия МВД России); *Клименко А. И.*, доктор юридических наук, профессор (Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя).

Р76

Российское государство и вызовы XXI века : сборник статей Международного круглого стола к 70-летию со дня рождения и памяти профессора В. Н. Бутылина (Москва, 16 декабря 2022 г.). – Москва : Академия управления МВД России, 2023. – 384 с.

ISBN 978-5-907530-67-6

В сборник статей вошли выступления участников Международного круглого стола «Российское государство и вызовы XXI века» на тему «Публичная власть. Правопорядок. Права человека», состоявшегося в Академии управления МВД России 16 декабря 2022 г. и приуроченного к 70-летию со дня рождения и памяти профессора В. Н. Бутылина. В выступлениях участников научного мероприятия с учетом исторических традиций и междисциплинарного подхода к изучению государственно-правовых явлений отражены актуальные проблемы и перспективы развития Российского государства и права в условиях вызовов современности.

Данное издание предназначено для слушателей (магистрантов), адъюнктов (аспирантов), преподавателей юридических вузов и всех интересующихся проблемами развития государства и права.

УДК 342.1
ББК 67.3

ISBN 978-5-907530-67-6

© Академия управления МВД России, 2023

Оглавление

Воспоминания учителей, товарищей и учеников о В. Н. Бутылине	7
Пожарский Д. В. Государство и публичная власть: идеи профессора Бутылина.....	23
Андреева И. А. Предиктивное государство.....	26
Бабурин С. Н. Государство и правопорядок в эпоху современного мировоззренческого кризиса человечества	31
Беляева Л. И. В. Н. Бутылин о роли органов внутрен- них дел в обеспечении конституционных основ государства	39
Боева О. М. Служение Отечеству – традиционная цен- ность России	42
Борисов А. В. Образование СССР и определение прин- ципов советской национальной политики (по материалам секретного совещания в ЦК РКП (б) в июне 1923 г.).....	48
Гончаров И. В. Правовой нигилизм как социальное явление	53
Горбань В. С. Ответственность публичной власти за сос- тояние законного порядка в общественной жизни.....	57
Григорьев И. Б. К вопросу об отдельных направлениях развития конституционной доктрины безопасности Россий- ской Федерации	59
Громова О. Н. Конституционно-правовое оформление области в составе РСФСР как субъекта федерации.....	69
Грошева В. К. Деятельность органов пожарного над- зора по обеспечению пожарной безопасности в составе НКВД-МВД УССР в 30–50-е годы XX века.....	76
Жидконожкина О. Н., Жукова О. П. Сущность об- щественного контроля как формы взаимодействия полиции и институтов гражданского общества	84
Кирюхин В. В. К истокам революционно-марксистской теории права в России (о юридическом наследии П. И. Стучки)	93
Клименко А. И. Деидеологизация теории прав человека как условие обеспечения стабильного правопорядка и сувере- нитета Российской Федерации в современных условиях.....	101
Козырев М. С. К вопросу о государственной идеологии Российской Федерации	104
Корабельникова Ю. Л. Обеспечение права на безопасность как основа правопорядка в городе	112

Корнев А. В. О перспективах формирования национальной концепции прав человека	118
Косых А. А. Функции судебной власти как основа обеспечения правопорядка.....	122
Ладушкин С. И. Публичное управление и делиберативные процедуры в контексте ограниченной рациональности.....	128
Матанцев Д. А. Границы правомерного и противоправного поведения с позиции нормативистского подхода	135
Оплеснина М. В. Противодействие деструктивному влиянию неправительственных, некоммерческих организаций посредством международного сотрудничества в правоохранительной сфере	141
Орлов К. А. Отдельные проблемные аспекты функционирования гражданского общества в современной России.....	150
Поликарпов И. А. Конституция победившего социализма: образование массовой политической культуры сталинизма	158
Прудников А. С. Институты гражданского общества и органы внутренних дел: взаимоотношения и партнерство. К 70-летию со дня рождения памяти профессора В. Н. Бутылина.....	163
Репьев А. Г. «Опыт» как экспертно-методологический прием государственно-правовых преобразований	165
Рыболовлева Н. С. Генезис гражданского общества и его институтов	170
Рыжова Ю. В. Влияние регионального фактора на внутреннюю безопасность Российской империи в начале XX века	176
Хозикова Е. С. Административный надзор за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, в постановлениях Европейского Суда по правам человека... ..	182
Чинарян Е. О. Законодательная техника периода становления и развития советского права	189
Шеяфетдинова Н. А. Имперская архитектура социальных сетей: теоретико-правовой аспект	194
Трибуна молодого ученого	201
Абдуллина Л. Р. Становление и развитие разумности как принципа законодательства и правоприменительной деятельности	201
Алексеев Е. А. Многосубъектность участников механизма взаимодействия органов прокуратуры с органами публичной власти в сфере защиты прав и свобод человека и гражданина.....	208

Баринова Е. Д. Рациональность как свойство правового ожидания	213
Белова А. Р. Право на забвение в системе естественных прав в цифровую эпоху	218
Васильева Ю. А. Факторы, обуславливающие особенности становления и развития советской юридической науки	222
Волкова В. Р. К вопросу о разграничении понятий «правовые последствия» и «правовые квазипоследствия»	228
Герасименко А. А. Возможность применения опыта борьбы с экономическими преступлениями в СССР для современной России	234
Герасименко Ю. А. Нормы-оговорки в российском праве как индикатор тенденций правотворчества.....	237
Гусев В. С. Проблемы соблюдения принципа тайны обращения граждан в органы государственной власти и местного самоуправления	242
Зикунова Н. В. Правовые основы защиты традиционных российских духовно-нравственных ценностей как одного из факторов сбережения народа России.....	246
Игнатьев Н. О. Линеинный и нелинейный подходы к изучению развития государства.....	255
Игнатьева А. В. Обход закона как общеправовой феномен	261
Иллюк П. А. Ответственность за нарушение законодательства в области персональных данных в России и Индии: сравнительный анализ	267
Карновская В. В. Государственное принуждение как недостаточное условие действия права	273
Кириллин А. В. Роль С. Ю. Витте в создании фабричной инспекции	277
Кондратьев С. С. Правовое регулирование медицинского освидетельствования рекрутов в Российской Империи в начале XIX в.	281
Корабельников А. Д. Проблемные аспекты разграничения полномочий органов публичной власти в России	286
Кузнецов А. А., Петрова О. В. Правовой статус частных военных компаний в условиях современных прокси-конфликтов... ..	291
Ладыгина О. А. Обязанности в структуре правового статуса	297
Лоншаков А. А. Историко-правовые аспекты создания и деятельности милиционных формирований в России.....	300

Мальцева Т. В. Общеправовой феномен «предупреждение»: юридическая природа и сущность	306
Манаева Е. К. «Политика памяти» современного российского государства и ее роль в патриотическом воспитании	311
Маргарян А. В. Экспериментальная норма российского права как средство осуществления государственных преобразований	317
Нефедова Е. В. Квотирование в современной правовой политике России: тенденции и перспективы	323
Плужникова (Гогитидзе) Д. А. Уважение как принцип российского права и государственной политики	328
Полевщикова А. С. Соотношение нормотворческой и законотворческой деятельности МВД России.....	333
Рудакова О. Н. Естественные права как конституционные ценности	339
Сергеева Т. Н. Функции общенародного государства в трудах профессора А. П. Косицына	345
Сидорук А. Ю. Основные подходы к формированию теории ограничения публичной власти	353
Сирохин А. И. Содержание понятия «сословие»: постановка вопроса	360
Тайгаров М. А. Институт абречества как угроза для российской государственности на Кавказе в конце XIX – начале XX в.: история и аналогия с современностью	365
Тошматова А. Н., Петрова О. В. Об использовании положительного опыта Европейского суда по правам человека в отечественной судебной системе.....	371
Черномор А. Д. Роль средств массовой информации в функционировании конституционно-правового механизма обеспечения правопорядка.....	377

Синенко Сергей Андреевич,
доктор юридических наук,
доцент, генерал-майор полиции,
начальник Академии управле-
ния МВД России

Уважаемые коллеги! Круглый стол организован в память об очень замечательном человеке – Валерии Николаевиче Бутылине.

Многие из участников нашего мероприятия были знакомы с ним, получали заряд научного, человеческого порядка. Я знал Валерия Николаевича относительно не продолжительный период с 2004 по 2011 год, пока его не стало. С нашего первого знакомства в 2004 году он притягивал к себе не только благодаря качествам вербального, но зрительного характера.

Это был человек, который для меня стал в определенной степени ориентиром в жизни как с точки зрения науки, так и с точки зрения отношений человеческих, дружеских, порядочности и культуры. Каждый раз приезжая в Москву, я первым делом обязательно приезжал к нему, и он мне рассказывал, как организована работа в науке, научная деятельность на кафедре... Процент защит диссертаций на кафедре был около 95–98 %. Сравним, какой процент защит в наши дни... Я сейчас вспоминаю эти цифры и понимаю, что он очень гордился ими, он очень гордился этим делом.

Можно отметить правила его научной деятельности, организации научной деятельности молодого поколения. Он взаимодействовал с Государственной Думой, с Аппаратом Президента Российской Федерации, привлекая к мероприятиям также адъюнктов и докторантов Академии.

Он привлекался к выполнению государственных задач самого высокого уровня. Одной из последних масштабных задач была работа над законом «О полиции». Я помню его настроение по этому поводу. Его ключевая идея – милиция должна быть профессиональным правоохранительным органом.

К сожалению, он был всего 1,5 года заместителем начальника Академии по научной работе. Когда он пришел на эту должность, я был очень рад. Думаю, что он добился бы еще больших успехов, проработав на этой должности дольше.

Валерий Николаевич – это тот человек, который хранил традиции Академии, традиции, которые закладывались учеными разных поколений. Круглый стол, проводимый в его память, продолжает эти традиции, продолжает дело Валерия Николаевича, его учителей.

Такие мероприятия, я думаю, будут проходить постоянно, и как ученого мы его никогда не забудем.

Кабышев Сергей Владимирович,
кандидат юридических наук, до-
цент, заслуженный юрист Россий-
ской Федерации, Председатель
комитета Государственной Думы
Федерального Собрания Россий-
ской Федерации по науке и выс-
шему образованию

Время сейчас не простое. Я вспоминаю Валерия Николаевича, у нас с ним сложились настоящие отношения. Он был очень хороший человек, во всех качествах достойный и настоящий офицер, ученый, таких людей очень мало и, честно говоря, не хватает сегодня. Мы в последнее время общались с ним по телефону, и он всегда давал точные советы, как в той или иной ситуации можно поступить. Часто, в моменты душевных колебаний, я мысленно начинаю разговаривать с Валерием Николаевичем и думать, как бы он поступил в данной ситуации.

Я благодарю всех, кто причастен к созданию фильма о Валерии Николаевиче и организации Международного круглого стола. Надеюсь, что идеи, которые Валерий Николаевич исповедовал, будут для нас определенным руководством, и Академия продолжает эти традиции.

Особые слова признательности хочу выразить Ольге Николаевне Бутилиной за участие в мероприятии.

Глебов Дмитрий Александрович,
генерал-майор внутренней службы,
заместитель начальника Дого-
говорно-правового департамента
МВД России

У меня к Валерию Николаевичу особое отношение. Я был учеником В. Н. Бутылина, но не индивидуальным, а коллективным. И когда уважаемый руководитель кафедры заходил к нам, то мы ощущали особый трепет. Это был действительно требовательный руководитель, который мог задать неудобный вопрос, но по делу, делалось это для того, чтобы мы накапливали свои знания, двигали свои научные изыскания и становились настоящими профессионалами, что очень важно. Требовательность человека прежде всего к себе, к подчиненным, окружающим, ученикам дает очень серьезные всходы. Мы видели, как руководителя на должности заместителя начальника Академии сменил его ученик. Эта преемственность не всегда возможна в нашей системе. Лично для меня неформальное знакомство состоялось благодаря Роланду Сергеевичу Мулукаеву, который зашел ко мне в кабинет (я тогда исполнял обязанности начальника редакционного издательского отдела), он сказал, чтобы я заканчивал свою работу, взял под ручку и увел на кафедру. В тот день состоялась презентация книги «История органов внутренних дел», я участвовал в ее издании. В то время был тяжелый период, когда рукописи лежали и неоднократно проходили редакционные советы. Я проникся коллективизмом на кафедре, подходом к руководителю, данный коллектив действительно отдавался науке, слушателям и очень дружно и плодотворно работал. Это пример, которому нужно следовать, повторять и пропагандировать. Очень приятно, что руководство Академии и кафедры относится к происходящему творчески и подходит очень широко. Наши научные изыскания интересны не сами по себе, но и для Министерства в целом. Обеспечение нашего движения вперед с точки зрения защиты прав и законных интересов граждан подтверждается ежедневно.

Мулукаев Роланд Сергеевич,
доктор юридических наук, профес-
сор, заслуженный деятель науки
Российской Федерации, главный
научный сотрудник научно-иссле-
довательского центра Академии
управления МВД России

Я хотел бы прежде всего выразить благодарность сотрудникам кафедры государственно правовых дисциплин Академии управления МВД России за то, что они не забывают своего прошлого, своих коллег, которые стояли рядом с ними «в строю» в составе кафедры государственно-правовых дисциплин. Одним из наиболее достойных членов этой кафедры бесспорно является Валерий Николаевич Бутылин.

Я могу сказать, что большая часть жизни В. Н. Бутылина, связанная с Академией, проходила на моих глазах. Академия стала той организацией, тем домом, в котором проходила большая часть его жизни после того, как он переступил порог здания по адресу: ул. Зои и Александры Космодемьянских, дом 8.

Службу в Академии МВД России Валерий Николаевич начал со скромной должности сотрудника политотдела и закончил ее в качестве заместителя начальника Академии. Он прошел путь, которой не все проходят в своей жизни.

Надо сказать, что в период совместной с Валерием Николаевичем службы я всегда удивлялся тому, с какой ответственностью, с каким желанием сделать что-то нужное, что-то важное, он относился к своей работе. В этом отношении я считаю большой удачей то, что основная часть его деятельности связана с кафедрой государственно-правовых дисциплин.

Я, как человек, жизнь которого в большей степени связана с кафедрой государственно-правовых дисциплин, безо всякого преувеличения и ложного профессионального патриотизма считаю, что эта кафедра являлась и является одной из ведущих в Академии. Благодаря Валерию Николаевичу Бутылину на кафедре сформировался такой внутренний климат, который позволил вести свою

деятельность всем членам кафедры на высоком профессиональном уровне.

В составе кафедры государственно-правовых дисциплин Валерий Николаевич прошел большой путь от адъюнкта до начальника кафедры, доктора юридических наук, профессора.

В то время, когда он работал, кафедра достигла больших успехов, из ее рядов вышло много кандидатов и докторов наук. Она пользовалась и пользуется большим авторитетом у слушателей и адъюнктов. И это тоже заслуга В. Н. Бутылина как человека, заложившего профессиональные основы производственной деятельности кафедры государственно-правовых дисциплин.

Валерия Николаевича можно назвать детищем Академии. Академия сыграла важную роль, стала для него действительно таким местом, где формировалась все его качества как профессионала. Нужно сказать, что он был не только достойным руководителем, но и большим ученым. Его вклад в проблемы разработки государственно-правового механизма обеспечения прав и свобод человека и гражданина трудно переоценить. Сформулированные им положения сохраняют свою актуальность и сегодня.

Хочется также сказать о нем как о руководителе. Он был требовательным и строгим, но при этом трепетно относился к личному составу кафедры и, можно сказать, душой болел за кафедру, «стоял горой», защищая своих сотрудников. Я безо всякого преувеличения скажу, что период, когда Валерий Николаевич был начальником, стал одним из самых плодотворных в истории кафедры.

Поскольку я с ним работал, у нас складывались личные отношения, и они были нормальными. Он был моложе меня, но никогда не забывал, что я являюсь старшим товарищем. В отношении ко мне проявлял всегда уважение и внимание, и я это тоже ценил, мы с ним жили и работали «душа в душу».

Правда была одна напряженная ситуация в наших отношениях. Это произошло в начальный период руководства кафедрой В. Н. Бутылиным, когда я работал в должности профессора кафедры. Ко мне, как к председателю диссертационного совета, один из сотрудников Академии привел молодую женщину, которая написала докторскую диссертацию по истории отечественного государства и права и хотела защититься. Побеседовав с ней, я понял, что диссертация серьезная, и попросил оставить ее у себя для более глубокого изучения. Соискательнице же предложил пройти к Валерию Николаевичу и рассказать о своем желании пройти обсуждение диссертации на кафедре. Через некоторое время он вызвал меня к себе в кабинет и недовольным тоном сказал, что я неправильно

поступил, приняв диссертацию у соискательницы, что нужно было сразу направить ее к нему, как к начальнику кафедры.

Я тогда объяснил, что беседовал с ней как председатель диссертационного совета, мы говорили только о диссертации, даже о том, что нужно обсуждаться на кафедре, вопрос не ставил. Но тем не менее сложилась некая напряженная ситуация между мной и В. Н. Бутылиным. Но когда он, я и члены кафедры ознакомились с диссертацией, Валерий Николаевич убедился в ее высоком качестве и не возражал, чтобы рекомендовать данную диссертацию к защите. Валерий Николаевич подошел ко мне и сказал, что никаких недоразумений между нами нет. После этого наши отношения остались нормальными.

За присуждение той соискательнице доктора юридических наук диссертационный совет голосовал единогласно, а значит, и В. Н. Бутылин голосовал «ЗА», что говорит о его больших достоинствах как человека, поэтому я всегда вспоминаю о времени работы с Валерием Николаевичем, как о лучших днях моей профессиональной деятельности. Тогда и сейчас очень сожалею о том, что он очень рано ушел из жизни, так как мог еще много сделать для нашего общества, государства, нашего дела.

Я думаю, что все, кто работал с Валерием Николаевичем, его никогда не забудут.

Лазарев Валерий Васильевич, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, главный научный сотрудник центра фундаментальных исследований Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации

Валерий Николаевич был моим учеником в прямом смысле этого слова. Когда он поступал в адъюнктуру, не без моего участия был принят на кафедру, и я стал его научным руководителем по кандидатской диссертации.

Мне всегда в Валерии Николаевиче импонировало то, что он в первую очередь стремился быть «службистом». Но я употребляю это слово в очень хорошем, позитивном смысле, потому что служба для него являлась приоритетом, первенствующим и перед наукой, потому что он был дисциплинированный, последовательный, и выполнял свои служебные функции так, как их должно выполнять.

Валерий Николаевич был спокойным, уравновешенным. Я не знал ситуаций, при которых он бы повысил голос. Это позволяло ему урегулировать все возможные конфликтные ситуации, возникавшие в коллективе кафедры.

Учителя гордятся тем, что их ученики превосходят их. Это должно рассматриваться в качестве аксиомы, и это в полной мере относиться и к Валерию Николаевичу Бутылину, который по службе продвинулся до заместителя начальника Академии управления МВД России.

Валерий Николаевич во всех отношениях достоин того, чтобы отмечали его позитивные качества, которые сложно перечислить.

Многим Валерий Николаевич казался «сухим». Но мы общались и в неформальной обстановке – домашние встречи с гитарой и пр. Он не исключал такого рода мероприятия, и мы наши научные исследования сопровождали такими дружескими встречами. Это также было залогом того, что кафедра успешно выполняла все возложенные на нее задачи и не имела замечаний со стороны руководства Академии. Уверен, что Валерий Николаевич внес свой вклад, поскольку на заместителях всегда лежит обязанность организационных моментов.

Проводя мероприятие в память о В. Н. Бутылине, Академия управления МВД России осуществляет нужный возврат к традициям, к своей истории.

Радко Тимофей Николаевич,
доктор юридических наук, профес-
сор, заслуженный юрист Россий-
ской Федерации, профессор ка-
федры теории государства и права
Университета им. О. Е. Кутафина
(МГЮА)

Я не знал близко Валерия Николаевича Бутылина, но мы с ним встречались, потому что с кафедрой поддерживал хорошие, творческие отношения. Валерий Николаевич всегда давал мне замечательных адъюнктов, привлекал меня для руководства. Среди моих адъюнктов был Владимир Алексеевич Толстик, который в настоящий момент служит в Нижнем Новгороде начальником кафедры, Дмитрий Владимирович Пожарский – начальник кафедры в Академии управления МВД России, ну и вершина – Сергей Владимирович Кабышев – Председатель комитета Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. То ли он специально выбирал таких людей, то ли случайно получалось, но мне везло с адъюнктами.

Отношения с Валерием Николаевичем были хоть и не слишком тесные, но с кафедрой дружил всегда. Валерий Николаевич Бутылин мне показался скромным исполнителем. Организационные вопросы я в основном решал с Валерием Васильевичем Лазаревым, а с ним контактировал по вопросам адъюнктов: подписать заключение или переход адъюнкта на следующий курс и пр.

У меня постоянная дружба с Академией управления МВД России. Хороший коллектив кафедры государственно-правовых дисциплин..., всегда есть что обсудить, есть с кем обсуждать. Валерий Николаевич был одним из ярких представителей этого коллектива.

Цепелев Валерий Филиппович, доктор юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры уголовного права Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА); профессор кафедры уголовной политики Академии управления МВД России

С Валерием Николаевичем Бутылиным судьба свела меня в 1985 г., когда оба мы поступили в очную адъюнктуру Академии МВД СССР: он – по кафедре государственно-правовых дисциплин, я – по кафедре уголовной политики и уголовного права. Адъюнктуру тогда возглавлял весьма колоритный руководитель – Николай Иванович Майоров, а его заместителем был Анатолий Васильевич Сафонов. Оба они были и требовательными, и доброжелательными людьми. Нашими научными руководителями стали начальники соответствующих кафедр – авторитетные ученые, заслуженные деятели науки РСФСР, доктора юридических наук, профессора Валерий Васильевич Лазарев и Генрих Михайлович Миньковский, поддерживавшие между собой теплые дружеские отношения. Лекции для нас – адъюнктов – читали такие известные в своих отраслях ученые, как Валерий Дмитриевич Зорькин (теория государства и права), Николай Васильевич Витрук (конституционное право), Михаил Матвеевич Бабаев (криминология), Инга Борисовна Михайловская (социология), Алексей Михайлович Столяренко (психология и педагогика) и другие видные научные специалисты. Диссертационные исследования мы проводили каждый по своей теме и защитили кандидатские диссертации синхронно – в 1988 г. За время обучения в адъюнктуре сдружились и поддерживали сложившиеся добрые личные и служебные отношения вплоть до кончины Валерия Николаевича в 2011 г.

Все эти годы наши служебные и творческие шаги тоже во многом совпадали. Так, практически одновременно и он, и я были назначены заместителями начальников своих кафедр, а в 1996 г. по решению на тот момент начальника Академии МВД России Николая Ивановича Демидова возглавили факультеты. Далее наши пути несколько разошлись: Валерий Николаевич в начале

1998 г. возвратился на свою кафедру государственно-правовых дисциплине в качестве ее начальника, а я с октября того же года был зачислен в докторантуру по кафедре уголовной политики и организации профилактики преступлений. Свои докторские диссертации мы защитили тоже одновременно в 2001 г., причем Валерий Николаевич проявил здесь лучшую организованность и настойчивость, поскольку свою диссертацию подготовил и защитил, состоя в должности начальника кафедры, используя небольшой творческий отпуск для завершения работы. Когда я защитил докторскую диссертацию, Валерий Николаевич предложил мне поработать в качестве профессора возглавляемой им кафедры государственно-правовых дисциплин, где я и проработал до осени 2002 г., преподавая международное гуманитарное право и международное сотрудничество в борьбе с преступностью. Здесь же я получил ученое звание профессора по кафедре государственно-правовых дисциплин, чем очень горжусь по сей день.

Осенью 2002 г. наше должностное положение вновь сравнялось, поскольку я был назначен начальником кафедры уголовно-правовых дисциплин, объединившей компетенции и традиции предыдущих кафедр уголовной политики и уголовного права, криминологии и организации профилактики преступлений, организации управления органами, исполняющими наказание, которую возглавлял вплоть до увольнения со службы в органах внутренних дел в августе 2011 г. Валерий Николаевич пошел дальше в нашем спонтанном «соперничестве»: в 2010 г. Указом Президента Российской Федерации он был назначен на должность заместителя начальника Академии управления МВД России по научной работе.

За годы нашего дружеского личного и профессионального общения проявились те свойства характера Валерия Николаевича, которые он перенял от отца – ветерана органов внутренних дел, бывшего начальника Советского РУВД города Москвы (эту должность он занимал около 20 лет), полковника милиции Николая Николаевича Бутылина: высочайший профессионализм, исключительная дисциплинированность и ответственность за свои действия, принципиальность и требовательность, иногда доходящая до жесткости как к себе, так и к коллегам и подчиненным сотрудникам. Вместе с тем Валерий Николаевич сумел адаптировать эти качества и свои реальные действия к специфике руководства особым подразделением – коллективом кафедры, состоящим из профессоров и доцентов, обладающих высокими учеными степенями и почетными званиями. Свои личные творческие качества он проявил в подготовке и защите интересной и чрезвычайно актуальной доктор-

ской диссертации «Милиция в государственно-правовом механизме охраны конституционных прав и свобод граждан» (научный консультант – В. В. Лазарев). Валерий Николаевич активно занимался всеми видами научной работы (подготовка монографий, учебников, пособий, научных статей; выступления на конференциях; оппонирование по диссертациям; научное руководство адъюнктами и соискателями) и делал это с явным удовольствием и успехом. Все это свидетельствует о том, что Валерий Николаевич Бутылин, несомненно, оставил яркий след в научно-педагогической, научно-исследовательской и научно-организационной деятельности Академии управления МВД России.

Кононов Анатолий Михайлович,
доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры организации деятельности органов внутренних дел центра командно-штабных учений Академии управления МВД России

В конце 2000-х г. для многих ученых и практиков правоохранительной сферы стало очевидно, что действующая модель органов внутренних дел Российской Федерации не отвечает потребностям населения страны. Этот запрос на реформирование российской милиции был услышан и поддержан руководством страны. Во исполнение Указа Президента Российской Федерации от 24 декабря 2009 г. № 1468 «О мерах по совершенствованию деятельности органов внутренних дел Российской Федерации» в центральном аппарате, научных и образовательных организациях МВД России были сформированы рабочие группы и развернута активная работа по выработке предложений о реформировании милиции.

В Академии управления МВД России это направление научной работы возглавил Валерий Николаевич Бутылин, который в тот период был заместителем начальника Академии. Именно при его непосредственном участии было внесено предложение о переименовании милиции в полицию и подготовке нового федерального закона, регулирующего ее деятельность.

Среди многочисленных предложений, поступивших в процессе разработки проекта закона «О полиции», нашли свое место и предложения ученых Академии. В частности, не остались без внимания предложения о роли и месте полиции в системе органов внутренних дел, принципах ее деятельности, правах и обязанностях полицейских, основах прохождения службы в полиции. Сегодня можно с уверенностью сказать, что идеи Валерия Николаевича, его видение нового облика МВД России не остались незамеченными.

Как заслуженное признание роли Академии управления МВД России в подготовке законопроекта стало подписание 7 фев-

раля 2011 г. Президентом Российской Федерации Д. А. Медведевым в стенах Академии Федерального закона «О полиции».

В дальнейшем по инициативе и при личном участии В. Н. Бутылина коллективом авторов Академии управления МВД России и Омской академии МВД России было подготовлено объемное научно-практическое пособие «Федеральный закон "О полиции"», ставшее первым и наиболее значимым изданием такого рода, в котором разъяснялись с научно-методических позиций смысл и значение изложенных в законе правовых новелл. Эта работа была опубликована уже после смерти Валерия Николаевича, но его мысли продолжают жить.

Киричёк Евгений Владимирович,
доктор юридических наук, доцент,
начальник управления учебно-
методической работы Академии
управления МВД России

31 декабря 2022 г. исполнилось бы 70 лет Великому человеку, блестящему ученому, учителю и руководителю, доктору юридических наук, профессору, члену-корреспонденту РАЕН, полковнику внутренней службы Валерию Николаевичу Бутылину.

Именно на этих трех качественных столпах, подчеркивающих высокий статус Валерия Николаевича, хотелось бы остановиться.

Валерий Николаевич как Ученый. Следует отметить, что становление будущего ученого началось после окончания Академии МВД СССР в 1981 г., а далее адъюнктуры Академии в 1988 г., где и был заложен фундамент последующего научно-исследовательского поиска. В 1989 г. Валерий Николаевич под руководством доктора юридических наук, профессора Валерия Васильевича Лазарева защитил кандидатскую диссертацию, а в 2001 г. – докторскую. Во всем и всегда своим личным примером показывал, что значит созидательный путь в науку.

Многие годы Валерий Николаевич участвовал в разработке и экспертизе федеральных законов, ведомственных нормативных правовых актов. Свои оригинальные научные идеи озвучивал на научно-представительских мероприятиях разного уровня.

Валерий Николаевич обладал фундаментальными знаниями в области конституционного (государственного) права, теории прав человека и законности, тонко чувствовал юридическую материю, был великолепно эрудированным во многих сферах специалистом. Автор более 200 научных работ, разработчик оригинальной научной концепции и основатель, не побоюсь этого словосочетания, научной школы обеспечения прав и свобод человека и гражданина Академии управления МВД России.

Валерий Николаевич как Учитель. Учитель с большой буквы. Огромный вклад Валерий Николаевич внес в подготовку молодых специалистов – руководителей территориальных органов внутренних дел всех уровней, а также подготовку научных и научно-педагогических кадров.

Как и у всякого учителя, у него есть последователи и многочисленные ученики.

С гордостью говорю о том, что являюсь учеником Валерия Николаевича и продолжателем его научного пути: от государственно-правового механизма охраны конституционных прав и свобод граждан и места милиции в этом механизме, разработанного Валерием Николаевичем, к организационно-правовому механизму обеспечения конституционных прав и свобод человека и гражданина в условиях взаимодействия полиции и институтов гражданского общества, исследуемого мной.

Валерий Николаевич как Руководитель прошел достаточно простой путь от инспектора отдела пропаганды и агитации управления по политико-воспитательной работе ГУВД Московского горисполкома (1975 г.) до заместителя начальника Академии управления МВД России (2010 г.). С 1998 по 2010 гг. возглавлял кафедру государственно-правовых дисциплин. Своей целеустремленностью и упорством не только сохранил коллектив, состоящий из ведущих ученых, без преувеличения легенд отечественной юридической науки, но и определил курс на формирование среднего поколения ученых, так называемой достойной смены. Делал все возможное, чтобы наука стала привлекательной для молодых исследователей, старался искоренить догоняющий характер науки, предлагал пересмотреть конъюнктурный подход к исследованиям в пользу перспективных научных разработок, которые позволили бы кафедре оставаться ведущей научной школой.

К сожалению, скоропостижный уход Валерия Николаевича в 2011 г. не позволил реализовать ему все плодотворные предложения, но до сих пор многие из них являются актуальными, поражают своей обоснованностью и научной глубиной, вдохновляют последователей к новым научным изысканиям.

Убежден, что труды Валерия Николаевича еще долгие годы будут активно востребованы и законодателем, и наукой, и высшей школой.

В заключение хотел бы вспомнить слова из стихотворения Андрея Дементьева «Не смейте забывать учителей».

Не смейте забывать учителей,
Пусть будет жизнь достойна их усилий.
Учителями славится Россия.
Ученики приносят славу ей.
Не смейте забывать учителей!
Светлая память учителю!

Государство и публичная власть: идеи профессора Бутылина**Аннотация**

В статье анализируются взгляды профессора В. Н. Бутылина о роли государства в целом и полиции (милиции) как неотъемлемом элементе механизма обеспечения прав и свобод человека и гражданина.

Ключевые слова и словосочетания: государство; публичная власть; права человека; роль милиции в обеспечении прав человека.

Уважаемые коллеги!

Кафедра государственно-правовых дисциплин проводит второй круглый стол, посвященный проблемам развития Российского государства в современных условиях. В отличие от круглого стола, проведенного в прошлом году, это международное мероприятие, в котором принимают участие государственные деятели и ученые из России, Республики Казахстан, Кыргызской Республики, Республики Таджикистан, Республики Узбекистан. И все-таки, особенность не в этом...

Дело в том, что 2022 г. – это год 70-летия со дня рождения доктора юридических наук, профессора, заслуженного юриста Российской Федерации – Валерия Николаевича Бутылина. В необходимости проведения именно такого круглого стола и посвящения его памяти Валерия Николаевича сомнений не было, тем более что проблемы, обозначенные в «повестке», – это то, чем многие годы занимался профессор В. Н. Бутылин – занимался не только как исследователь, но и как руководитель.

В сообществе ученых-юристов имя Валерия Николаевича Бутылина устойчиво ассоциируется с фундаментальными разработками в области прав и свобод человека, механизмов их обеспечения. Научная жизнь Валерия Николаевича неразрывно связана с Академией управления МВД России. Здесь он написал свои фундаментальные труды, здесь защитил кандидатскую и докторскую диссертации. Здесь он сплотил коллектив соратников и учеников, объ-

единенных изучением проблем законности, правопорядка и прав человека...

Права человека и проблемы, связанные с их обеспечением, во-многом определяли круг научных интересов профессора В. Н. Бутылина, и были центральным звеном в его научном наследии, тем не менее они не были единственными. Рассматривая правовой статус личности, он так или иначе затрагивал такие научные «пласты», которые по своей важности и масштабам ничуть не уступают, а быть может и превосходят проблематику прав и свобод личности. Одним из таких объектов в трудах В. Н. Бутылина выступает государство и публичная власть. Валерий Николаевич прекрасно понимал неразрывную связь между личностью и государством. «Только государство и его органы обладают государственно-властными полномочиями, силами и средствами по осуществлению в масштабах всей страны, на территории всего государства мер по охране прав и свобод...» [1, с. 19].

Следует отметить некую тонкость, одну из особенностей научных взглядов и стиля Валерия Николаевича – это взвешенность и умеренность. В период 90-х гг. не всем удалось удержаться от излишне категоричных (порой радикальных) идей относительно того, каким должно быть государство, как должна быть устроена публичная власть, и чем она должна заниматься...

Валерий Николаевич чувствовал и понимал исторический момент. В целом соглашаясь с идеей о необходимости поиска новой теории организации государственной власти, он отмечал опасность идей деполитизации и децентрализации власти, будучи уверенным в том, что на практике это создаст проблему массовой коррумпированности и партикуляризации управления [1, с. 3]. Он прекрасно понимал, что государство необходимо развивать и укреплять, поскольку только оно располагает потенциалом и реальным ресурсом обеспечения (охраны и защиты) прав человека.

Рассуждая об институтах публичной власти, их роли в государственно-правовом механизме охраны прав и свобод человека, профессор В. Н. Бутылин последовательно отстаивал идею первичности структур (государственных и муниципальных), относящихся к районному и городскому звеньям и находящихся в режиме непосредственного контакта с носителями прав и свобод – гражданами, населением. Именно эти звенья он считал основой всей системы субъектов охраны прав и свобод граждан [1, с. 28].

И тем не менее милиция и ее функции в системе обеспечения (охраны и защиты) прав и свобод была предметом особенной научной заботы профессора В. Н. Бутылина. Рассматривая этот соци-

альный институт в качестве продукта эволюционного развития национальной цивилизации, он весьма точно отметил, что это государственный орган наиболее многочисленный и наиболее близкий к населению... ближайший к народу инструмент государственной власти. Прав он был и в том, что о власти и своем государстве граждане зачастую судят, исходя из оценки деятельности милиции [1, с. 30].

Несомненно, что эти и другие идеи профессора В. Н. Бутылина были положены в основу концепции нового нарождавшегося в 2000-х Федерального закона «О полиции»...

Список литературы:

1. Бутылин В. Н. Милиция в государственно-правовом механизме охраны конституционных прав и свобод граждан: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2001.

Предиктивное государство

Аннотация

Умение предвосхитить проблемы, упредить негативные сценарии развития на современном этапе являются главным компонентом эффективного государственного менеджмента. Активный поиск соответствующих инструментов (прогнозирование, стратегирование, сценарирование, программы «упреждающей защиты», способные путем трактовки больших данных предотвращать совершение преступлений или правонарушений и др.) и их внедрение в практику государственного управления подталкивают к мысли о том, что мы уже имеем дело с новой гранью государства – государства упреждающего, проактивного, предиктивного. Имеющиеся в распоряжении «упреждающего» государства массивные данные и искусственный интеллект расширят возможности предвидеть возникающие явления, повысят операционную эффективность в управлении и нейтрализуют неопределенность развития.

Ключевые слова и словосочетания: предиктивная аналитика; государство; проактивное государство; предиктивное государство; большие данные; искусственный интеллект.

Правовое государство, социальное государство, минимальное государство, государство – ночной сторож, сильное государство, эффективное государство, государство – стратег, государство – аниматор, этическое государство, государство-как-платформа – вот далеко не полный перечень концепций государства, обладающих разной степенью влияния и популярности, родившихся в процессе поиска соответствующего условиям и вызовам времени образа государства. Современный экономический, социальный, финансовый, политический кризис, и, в конечном счете, по-настоящему глобальный кризис общественного развития делает востребованными все прежние концептуальные наработки государствоведческой мысли

и порождает необходимость в разработке и обсуждении новых концепций государства, новых моделей развития.

Одной из таких моделей, по нашему мнению, может стать концепция «упреждающего» государства. Поскольку никогда ранее человечество не сталкивалось со столькими проблемами, порожденными темпами, направленностью и т. д. его развития, имея так мало средств для их решения, то сегодня общество ждет от государства умения предвосхитить проблемы, упреждения негативных последствий. Активный поиск соответствующих инструментов (прогнозирование, стратегирование, сценирование, программы «упреждающей защиты», способные путем трактовки больших данных предотвращать совершение преступлений или правонарушений и др.) и их внедрение в практику государственного управления подталкивают к мысли о том, что мы уже имеем дело с новой гранью государства – государства упреждающего, проактивного, предиктивного. Термины «проактивный» (упреждающий), «предиктивный» (упреждающий) сходны по смыслу. Но предиктивное государство не только стремится к проактивной деятельности, но делает проактивность (упреждение) одной из ключевых областей применения искусственного интеллекта (или по крайней мере на сегодняшний день применения информационных технологий). В рамках работы по цифровой трансформации Государственному совету Российской Федерации поручено подготовить переход системы государственной власти на федеральном и региональном уровне к модели управления на основе данных с применением платформенного подхода. Развитие предиктивной аналитики в государственном управлении (здравоохранении и образовании особенно), предиктивной полиции, предиктивного правосудия и т. д. находится в начальной стадии, но ввиду благоприятного сочетания факторов неявные очертания предиктивного государства вполне могут приобрести в ближайшее время отчетливые признаки.

Предиктивная аналитика (англ. *predictive analytics*) – это программные инструменты, основанные на данных, которые используют подтвержденные взаимосвязи между переменными для прогнозирования будущих результатов. По определению, предиктивная аналитика прогнозирует будущие события на основе того, что произошло в прошлом, класс методов анализа данных, решающий задачи прогнозирования будущего поведения объектов в целях принятия оптимальных решений [1]. Следовательно, они могут предоставить правительству новые возможности для повышения эффективности принятия политических решений в кризисных условиях. Предиктивная аналитика тесно связана с использованием искусственного

интеллекта. Искусственный интеллект открывает для государственного сектора ряд преимуществ [3, с. 17], среди которых «обеспечение более точной информации, прогнозирования и предвидения, ведущих к улучшению результатов», благодаря доступности и использованию массивных данных и развития технологий их обработки (связанных с искусственным интеллектом) органы государственной власти получили возможность более эффективного принятия решений и прогнозирования.

Предиктивное государство открывает область возможностей, которые мы попытаемся обозначить. Управление на основе информации о реальности не является чем-то новым. Статистическая обработка данных в государственно-правовой сфере зародилась в XVIII в., и уже тогда математики разрабатывали модели использования вероятностей для минимизации риска ошибочных суждений. В XIX в. публикации статических данных стали систематическими, так появилась информация, пригодная для масштабного прогнозирования, и оформился актуарный (основанный на статистических данных и объективных характеристиках) подход к прогнозированию [2]. Сегодня алгоритмы и вычислительные мощности, предоставляемые информационными технологиями, позволяют реализовывать гораздо большие амбиции в использовании доступной информации в целях управления. У каждой эпохи есть свой способ сделать реальное (в понимании Л. Болтански [4, с. 75]) управляемым. Одной из основных трудностей и одной из главных целей государственной деятельности, безусловно, является структурирование возможного поля деятельности, что предполагает определенную способность предвидеть, заранее определять, на что способны субъекты общественной жизни. С помощью актуарного подхода конструировалась «актуарная реальность», с которой и имели дело политики и администраторы, она позволяла создавать вероятные сценарии развития, так было вплоть до недавнего времени. Но беспрецедентная интенсификация потоков людей, предметов и информации в так называемом глобальном мире, стремление к минимизации рисков и безопасности обусловили желание сконструировать реальность, можно ее назвать постактуарной, позволяющей не только вычислить вероятности, но и позаботиться о том, что ускользает от них, реальность алгоритмического управления. Машины способны собирать миллионы данных и предоставлять их после обработки. Разница по сравнению с возможностями человека колоссальная. Это создает громадный потенциал использования искусственного интеллекта в государственном управлении.

Кроме преимуществ технологического характера предиктивное государство «обещает» быть более экономным, более эффективным. Например, государственный служащий, имея в распоряжении статистику принятия решений, мог бы более оперативно и качественно рассматривать дела, а благодаря предиктивной юстиции вообще ожидается сокращение количества обращений в суд. Использование инструментов предиктивной аналитики способствовало бы обеспечению единообразия применения права, приданию большей ценности (большого веса) правовым решениям благодаря их повторному использованию, искоренению действий в обход закона. Освобожденное от рутинной деятельности из-за использования искусственного интеллекта время профессионалов может быть потрачено на дела и консультации, касающиеся сложных, редких, исключительных ситуаций, требующих не алгоритмического применения правовых норм, а индивидуального подхода.

Итак, предполагается, что массивные данные и искусственный интеллект расширят возможности предвидеть возникающие явления, повысят операционную эффективность в управлении и нейтрализуют неопределенность.

Вместе с тем использование искусственного интеллекта в государственном управлении сопряжено с этическими противоречиями, такими как вопросы справедливости, прозрачности, неприкосновенности частной жизни и прав человека. Так, чтобы бороться с распространением коронавируса, государственные власти использовали технологии обработки больших данных для отслеживания частных контактов. Это вызывает жаркие споры о месте цифровых технологий в принятии государственных решений и защите личных свобод. Проблематика, связанная с правами человека, заслуживает отдельного разговора. Но не столь однозначно выглядит большая степень научности, объективности принятого на основе предиктивной аналитики решения. Действительно, утверждение о том, что компьютер способен учитывать и интерпретировать все имеющиеся юридические и фактические данные, он в результате компьютерной обработки принимает с учетом решений, уже вынесенных в аналогичных ситуациях, наиболее обоснованное, оптимальное решение, и, возможно, даже безошибочное, утверждение вызывает сомнения, и не только потому, что качество решения, его правильность и приемлемость не могут быть основаны исключительно на измеримых данных.

Принято считать, что использование больших данных является залогом объективности. Но в основе алгоритмов лежат взгляды на мир, которые не свободны от предвзятости. Сами данные могут

отражать предубеждения, присутствующие в социальной реальности, такие как неравенство, путем их пассивной регистрации. Прогнозы, генерируемые с помощью искусственного интеллекта, основаны на данных из прошлого и корреляционном анализе признаков и ассоциаций, обнаруженных в данных. Это необходимо учитывать тому, кто пишет коды для алгоритмов, чьи интересы передаются с помощью алгоритмов. Наконец, мир не является однородно оцифрованным. Для того чтобы предиктивное государство было эффективным, оно должно основываться на безупречной (полной, целостной) базе массовых данных, что в настоящее время таковым не является, и неизвестно, возможно ли это в принципе.

Предиктивное управление поднимает множество научных, моральных и этических вопросов. Что произойдет со свободой администратора, судьбы в предиктивном государстве? С их ответственностью? Правовая база в отношении ответственности за алгоритмические публичные решения отсутствует. Должна ли ответственность лежать на государственной администрации, технологической компании или самой технологии? Какова роль государственных служащих как посредников алгоритмических решений? Как обеспечить легитимность публичной власти в условиях, когда прозрачность принятия решения системой не может быть обеспечена в целях предотвращения манипулирования ею?

Список литературы:

1. Понкин И. В. Военная аналитика: понятие, значение, видовое многообразие, необходимость и содержание подготовки в военной аналитике. URL: https://ruskline.ru/opp/2022/07/14/voennaya_analitika_ponyatie_znachenie_vidovoe_mnogoobrazie_neobhodimost_i_soderzhanie_podgotovki_v_voennoi_analitike (дата обращения: 07.01.2023).
2. Степанян А. И. Предиктивная аналитика в прогностической деятельности полиции современных государств // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2019. № 4 (84).
3. Талапина Э. В. Использование искусственного интеллекта в государственном управлении // Информационное общество. 2021. № 3.
4. Хархордин О. В. «Задача политики... выразить словами то, что в жизненном опыте ускользнуло от сконструированной реальности». Интервью с Люком Болтански // Социологическое обозрение. 2020. № 1.

УДК 342

Сергей Николаевич Бабурин,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки Российской Федерации,

главный научный сотрудник,

научный руководитель

Центра интеграционных

и цивилизационных исследований

Институт государства и права РАН;

профессор

Московский университета имени С. Ю. Витте

Государство и правопорядок в эпоху современного мировоззренческого кризиса человечества

Аннотация

В данной статье рассматривается проблема глубокого мировоззренческого и цивилизационного кризиса. Особое внимание автор уделяет социальным изменениям в странах Востока и Запада. Описывает характерные особенности мировоззренческого концептуального кризиса, который порождает сущностные деформации правосознания и правопонимания. В статье анализируется хаос в системах идей и ценностей народов, деформация смыслов многих ранее привычных явлений и институтов. Обосновывается мысль о том, что наступило время вернуться к системе народного контроля над деятельностью государственных органов. Автор приходит к выводу, что с позиций усиления роли гражданского общества в совершенствовании правопорядка следует развивать и институт уполномоченных по правам человека в Российской Федерации, выводя его из-под государственного регулирования. Дискуссионным продолжает оставаться вопрос о реализации идеи муниципальной милиции как способа дополнительной мобилизации населения на охрану общественного порядка.

Ключевые слова и словосочетания: государство; кризис; культурно-историческое развитие; мировоззрение; нравственность; правопорядок; природа; традиционные ценности; цивилизация.

Современный мир претерпевает столь глубинные перемены, что прогнозы О. Шпенглера о закате Европы блекнут перед более

страшной действительностью. Академик Н. Н. Моисеев на закате XX в. методом математического моделирования социальных процессов доказал, что «в результате человеческой деятельности нарушилось естественное равновесие природных циклов, восстановить которые известными нам методами невозможно. Деятельность человечества, вероятнее всего, ведет к деградации биосферы и неспособна гарантировать существование Человека в ее составе» [7]. Вывод о том, что ныне динамику права определяют «не идеологические различия прошлого века, давно уже не вопросы веры и даже не цивилизационные особенности, а вопросы науки, техники и технологии» [9, с. 13], оказался явно поспешным, способным обезоружить человечество перед основными вызовами современности [1].

Если юристов, философов и социологов давно беспокоят признаки глобального кризиса мироустройства, особенности социальных изменений в странах Востока и Запада [13, с. 21; 3], то ныне уже на высшем официальном уровне Президент Российской Федерации В. В. Путин отметил, что мир попал в глубокий мировоззренческий и цивилизационный кризис, поскольку люди впервые столкнулись «с одновременными системными изменениями по всем направлениям, от усложняющегося геофизического состояния нашей планеты, до все более парадоксальных толкований того, что есть сам человек, в чем смысл его существования»¹, выйти из которого можно только при опоре на духовно-нравственные ценности, через этическое преобразование действительности, потому что именно нравственность, т. е. нравы и следование им (как и многие традиции) относят к естественным ограничителям действия биосоциальных законов [6, с. 7].

Постмодерн, вырождение человеческого общества при роковой абсолютизации идей Просвещения, когда заменой Бога в центре системы нравственных координат на эгоистические интересы человека произошло отречение от Божественной сущности человека, прихоти и потребительские желания индивида сделаны основой нравственности. Безнравственность и индивидуализм стали основными принципами не только общества Запада, но основными принципами его политической и правовой систем. Почти чудом Россия только недавно остановилась у края пропасти небытия.

Важнейший шаг в сторону от пропасти к восстановлению нравственного каркаса российского (русского) общества сделан реформой Конституции Российской Федерации в 2020 г., но новые конституционные нормы и принципы еще только входят в правовое

¹ Путин В. В. Выступление на заседании клуба «Валдай». 21 октября 2021 г. // URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/66975> (дата обращения: 08.07.2022).

пространство российской жизни. Россия, как и все человечество, еще должна научиться жить «в согласии с Природой, с ее законами. Люди должны воспринимать себя не господами, а частью Природы. Новые моральные принципы должны войти в кровь и плоть Человека» [7]. Претерпевают изменения государство, право, правопорядок. Остановимся на оценке происходящих метаморфоз.

Мировоззренческий кризис человечества предполагает хаос в системах идей и ценностей народов, утрату или деформацию смыслов многих ранее привычных явлений и институтов. В первую очередь это относится к обществу и государству.

Возьмем государства Европы, которые характеризуют себя демократическими, правовыми, социальными. Часто таковыми формально и являются. Однако деградация общественных отношений в них, торжество двойных политических стандартов, уничтожение традиционных отношений к семье и браку, к семейному воспитанию и достоинству человека заставляют делать вывод, что привычная нам характеристика государства явно недостаточна.

Правовые социальные государства должны быть еще и нравственными, соответствовать в своей внутренней и внешней политике критериям добра и неизбирательной справедливости, ценностям духовно-нравственной культуры народов, создавших эти государства.

Пришло время отметить, что Запад как социальный феномен, отрицающий культурные, духовные, национальные, религиозные и иные особенности людей и народов, отрицающий нравственность как социальный принцип, посягнул на деформацию самой сущности человека, общества, государства и, соответственно, правопорядка.

Именно правопорядок имеет приоритетное значение в организации жизни современного общества. Только правовой порядок гарантирует реальность прав и свобод граждан, защищает законные интересы последних и гарантирует выполнение всеми субъектами возложенных на них обязанностей, реализации ответственности за свое поведение [8, с. 212]. Правопорядки государств индивидуальны, они складываются в ходе длительного культурно-исторического развития каждого общества. Но достаточно давно наметились и универсальные черты правопорядка, его закономерности. Как состояние фактической урегулированности правом социальных связей его традиционно рассматривают как состояние общественных отношений, при котором обеспечивается соблюдение закона и иных правовых норм. Как одна из составных частей общественного порядка именно правопорядок является качественным выражением законности [8, с. 212–240].

Подобно тому, как результаты Нюрнбергского процесса над главными нацистскими военными преступниками выступают конструктивным началом международного правопорядка [11], правопорядок как государственно-правовое явление характеризуется уровнем законности в государстве и степенью реализации прав и свобод человека и гражданина, а также исполнением населением и государственными органами возложенных законом обязанностей.

Основными признаками правопорядка принято считать его регламентацию правовыми нормами, реальное воплощение содержания данных норм в жизни, урегулированность на их основе общественных отношений, гарантированность государством. Под влиянием современного мировоззренческого хаоса и укрепления на Западе безнравственных общественных отношений главные принципы правопорядка (законность, конституционность, целостность, структурность, иерархичность, нормативность, гарантированность и другие), внешне сохраняясь, претерпевают внутренние изменения, превращаясь в систему механизмов защиты безнравственности и бездуховности.

Правопорядок как институционализм сам по себе является формой реализации права, смысл которого определяется конкретной правовой политикой, способной порождать серьезные споры о действительности правопорядка [5].

Противоположный процесс в понимании правопорядка происходит в обществах с доминированием традиционных ценностей. Так, из принципов законности и справедливости, например, уходит требование толерантности как терпимости к любому мировоззрению, образу жизни, поведению и обычаям, устанавливается критерий уважения и соответствия традиционным культурно-историческим и духовно-нравственным ценностям. На это нацеливает и государственная политика по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г.

Мировоззренческой деформации при современном глобальном кризисе подвергаются все четыре уровня сущности государства (отметим, что позитивистский подход предполагает существование только двух) [3, с. 26]. Новый смысл может быть придан самому пониманию государства как механизма (орудия) консолидации сил всех классов и слоев общества, модель соединения в единое целое элементов государства [12, с. 158] (первый уровень сущности государства), классовому характеру государства (сущность второго уровня), рассмотрению государства как широкого комплекса механизмов выработки и поддержанию в обществе социального компро-

мисса, а потом консенсуса и социальной солидарности (третий уровень понимания сущности). Вплоть до четвертого (высшего) уровня сущности государства, который предполагает видение человека как Венца Творения и понимание главной идеи государства как силы, способной, проведя людей через испытания, привести их к Спасению души. Как утверждал Гегель, «государство – это шествие Бога в мире; его основанием служит власть разума, осуществляющего себя как волю» [12, с. 162]. Отсюда и высшая цель государства, заключающаяся в осуществлении его идеи, развитии его сущности, когда сущность государства представляет собой сочетание разнообразных элементов общества в едином органичном союзе.

Итак, мировоззренческий концептуальный кризис порождает даже сущностные деформации правосознания и правопонимания. Однако даже в период социальных кризисов многоуровневое понимание сущности государства позволяет естественным образом формировать основания как для деградации государств и народов, так и для развития государства до его нравственного состояния. Разброс от анархии до гегелевского этатизма, забвения интересов личности, пренебрежения ценностями этическими и гуманитарными, когда сам индивид «обладает объективностью, истиной и нравственностью лишь постольку, поскольку он член государства» [12, с. 157]. Таким образом, важно, что именно нравственное государство предполагает объединение внутренних усилий человека и созданных им механизмов социального управления ради обуздания зла в человеческой природе, предполагает осуществление полиэтнического национального прогресса [2, с. 521].

В обстановке мировоззренческой деградации Запада произошла эрозия правопонимания, иным смыслом наполняющая даже ранее принятые правовые акты (например в связи с изменением понимания свободы или брака), что заставило Российскую Федерацию срочно включить в Конституцию Российской Федерации норму о том, что решения межгосударственных органов, принятые на основании положений международных договоров Российской Федерации в их истолковании, противоречащем Конституции Российской Федерации, не подлежат исполнению в Российской Федерации (ст. 79). Правопорядок на Западе стал рассматриваться как защита общественных отношений, оформляющих духовную вседозволенность и безнравственную толерантность. Для России это исключено.

Конституционная реформа 2020 г. задала правопорядку в Российской Федерации совершенно иные параметры, трансформируя его на духовно-нравственных принципах. Что означает наполнение

нравственным смыслом и признаков, и принципов правопорядка. При обновлении самих признаков правопорядка к ним добавляются соответствие культурно-историческим традициям общества и законность, опирающаяся на семейные ценности и брак как союз мужчины и женщины.

Стоит задача при реформировании современного государства на нравственных принципах изменить и органы правопорядка, усилив нравственные критерии укрепления профессиональных начал в работе органов правопорядка. Заслуживает внимания вопрос о реализации ныне идеи муниципальной милиции как способа дополнительной мобилизации населения на охрану общественного порядка. Важно переосмыслить в этом контексте и опыт советских народных дружин.

Пришло время на новом уровне вернуться к системе народного контроля над деятельностью государственных и муниципальных органов, всех субъектов хозяйствования независимо от форм собственности. Народный контроль должен стать формой участия гражданского общества в совершенствовании правопорядка. С позиций усиления роли гражданского общества в совершенствовании правопорядка следует развивать и институт уполномоченных по правам человека в Российской Федерации, выводя его из-под государственного регулирования.

Упрочение духовно-нравственных начал в обществе ставит вопрос о поиске оптимального, соответствующего культурно-историческим традициям народов России механизма полиции нравов. Забота о соблюдении норм нравственности не должна перерасти во вмешательство в частную жизнь, как и никакие стороны частной жизни не должны становиться предметом культа. Недопустимы как гей-парады, так и любые иные демонстрации безнравственности в качестве нарушений общественного порядка. Опыт других государств в этом вопросе должен быть критически переосмыслен. Правопорядок современного государства не может не включать в себя защиту нравственного здоровья общества.

Современный мировоззренческий цивилизационный кризис проходит на фоне нарастания в обществе цифровых технологий. И хотя, как справедливо напоминает Д. В. Пожарский, «цифра» и искусственный интеллект функционируют по законам физики, а государство и право метафизичны [4, с. 167], остается угроза, что новые технологические реальности способны влиять на ценностно-смысловое наполнение жизненного пространства, а потому важно, чтобы антиценностный технологический круг не оказался самодостаточной, независимой и воспроизводящейся машиной социально-

го круговорота неосмысленного технологического движения ради самого движения [10, с. 219, 233]. Предотвратить «революцию» машин и гибель человечества может только основанный на высоких духовно-нравственных принципах правопорядок.

Список литературы:

1. Бабурин С. Н. Предотвратить эвтаназию человечества: нравственность и интеграционный конституционализм как основа трансформации современного права // Государство и право. 2021. № 6. С. 73–86.
2. Бабурин С. Н. Нравственное государство. Русский взгляд на ценности конституционализма. М.: Норма, 2020. 536 с.
3. Глобальный кризис западной цивилизации и Россия / отв. ре. Г. В. Осипов. Изд. 2-е, доп. М.: Книжн. Дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 528 с.
4. Колотова Н. В., Пожарский Д. В. Российская государственность и вызовы XXI века // Государство и право. 2022. № 5. С. 167–168.
5. Кондуров В. Е. Основания действительности правопорядка и проблема юстициальности политического»: К. Шмитт о границах юстиции // Труды Института государства и права РАН / Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS. 2018. Т. 13. № 5. С. 63–91.
6. Моисеев Н. Н. Думая о будущем, или напоминание моим ученикам о необходимости единства действий, чтобы выжить // Никита Моисеев и современный мир. К 30-летию научной школы и МНЭПУ : сборник материалов научной конференции (10 ноября 2022 г.) / под общ. ред. акад. РАН М. Ч. Залиханова, проф. МНЭПУ С. А. Степанова, сост. Г. Р. Исакова. Научн. изд. М.: РАН, 2022. С. 5–14.
7. Академик Н. Н. Моисеев. Обращение, 28 февраля 2000 г. URL: http://www.ccas.ru/manbios/moistestam_r.html (дата обращения: 18.12.2022).
8. Общая теория государства и права. Академический курс в трех томах / отв. ред. М. Н. Марченко. 3-е изд., перераб. и доп. Т. 3. Государство, право, общество. М.: Норма, 2019. 712 с.
9. Право и общество в эпоху социально-экономических преобразований XXI века: опыт России, США и Китая : коллективная монография к 90-летию Университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА) / под общ. ред. В. В. Блажеева, М. А. Егоровой. М.: Проспект, 2021. 608 с.

10. Рыбаков О. Ю. Философия права : учебник для магистров. М.: Проспект, 2021. 240 с.
11. Савенков А. Н. Нюрнберг: приговор во имя Мира : монография. М.: Проспект, 2022. 760 с.
12. Философия права : курс лекций: в 2 т. Т. 1. / отв. ред. М. Н. Марченко. М.: РГ-Пресс, 2020. 552 с.
13. Яновский Р. Г. Глобальные изменения и социальная безопасность. М.: Academia, 1999. 358 с.

**В. Н. Бутылин о роли органов внутренних дел
в обеспечении конституционных основ государства****Аннотация**

В статье освещается научное наследие профессора В. Н. Бутылина по проблемам деятельности органов внутренних дел в аспекте обеспечения конституционных прав и свобод граждан, правопорядка в обществе и государстве. Особое внимание уделяется обеспечению законности в правоприменительной деятельности сотрудников органов внутренних дел, ее роли в укреплении конституционных основ государства.

Ключевые слова и словосочетания: органы внутренних дел; обеспечение прав человека; законность; конституционные основы государства.

Основные труды Валерия Николаевича Бутылина, его диссертация, его известные работы были связаны с вопросами обеспечения прав человека и гражданина. Однако Валерий Николаевич как любой профессионал высокого уровня не односложен. И при прочтении его работ, которые касаются обеспечения прав и свобод человека и гражданина, можно обнаружить дополнительные мотивы, которые позволяют сделать ряд очень интересных выводов. В частности, это мотив, связанный с обеспечением и укреплением конституционных основ государства и ролью органов внутренних дел в этом.

Нам известно, что душа Валерия Николаевича принадлежала органам внутренних дел, и он рассматривал деятельность органов внутренних дел именно в конституционном преломлении. Им было отмечено, что органы внутренних дел играют очень важную роль в реализации конституционных направлений, в частности, такого направления, как реализация обеспечения прав и свобод человека. Ученый отмечает, что органы внутренних дел это делают

по-другому, чем все остальные государственные органы. Во-первых, у органов внутренних дел много разных направлений деятельности: деятельность, связанная с административно-правовым обеспечением жизнедеятельности государства, уголовно-правовым направлением, направлением, связанным с предупреждением правонарушений различного рода. И вот такая объемная деятельность требует того, чтобы органы внутренних дел и правильно определяли свою позицию, и правильно выстраивали на ее основе осуществление своих полномочий. При этом все это должно происходить только в рамках, на основании и во исполнение закона. Во-вторых, Валерий Николаевич обращает внимание на ту часть административной деятельности, которую осуществляют органы внутренних дел и которая связана с уголовно-правовыми вопросами. Этот аспект законности прослеживается во всех его работах. Закон является неотъемлемым инструментом деятельности полиции. Но для того, чтобы его применять правильно, нужно его знать. Так, Садчиков в «Петровка, 38» сказал: «То, что вы действуете по закону, вы говорите, что действуете по закону, это хорошо. Но для того, чтобы действовать по закону, надо его правильно понимать». И Валерий Николаевич говорит о том, что сотрудники органов внутренних дел должны знать и правильно понимать закон, которым они руководствуются в своей деятельности, защищая права и свободы человека, обеспечивая административную деятельность. Валерий Николаевич об этом напрямую не писал, но, читая его работы, можно прийти к выводу, что, к сожалению, правоприменитель не всегда знает закон. Хуже того, не всегда знает о наличии этого закона, не всегда правильно понимает и довольно часто сомневается в правильности и назначении этого закона. То есть, мы имеем дело с тем, что называется правовым нигилизмом. Этот правовой нигилизм – это та ржа, которая постепенно размыкает, разъедает как основы правоприменительной деятельности, так и основы государственные в целом.

В. Н. Бутылин говорит о том, что обеспечение прав и свобод человека и гражданина – не самоцель. Человек, который чувствует себя защищенным в государстве, всегда живет и действует в интересах этого государства и укрепляет это государство. Следовательно, если мы хотим видеть правовое государство, конституционное государство, мы должны, конечно, заботиться об охране, об обеспечении прав и свобод человека и гражданина. Именно это способствует укреплению мощи, авторитета государства.

В. Н. Бутылин в своих трудах писал о том, что правильная деятельность правоприменителя формирует те условия, при которых государство развивается и человек себя чувствует в безопасности.

Этим условием является правопорядок. Обеспечение правопорядка, по его словам, – это самый большой участок, который поручается системе МВД России. И система МВД России располагает для этого целым арсеналом различных средств. Полномочия МВД очень велики, но они имеют законные основания. Из этого следует, что обозначенное законом не может обеспечиваться незаконными средствами. Это значит, что правоприменитель должен не только знать эти законные средства, но и правильно их применять.

Нельзя не отметить, что в наше время беспамятства мы мало кого вспоминаем среди нас профессионалов, сотрудников. И то, что кафедра государственно-правовых дисциплин сохраняет память о Валерии Николаевиче Бутылине, то что она обратилась к его имени, конечно делает ей честь.

Многие оказались причастны к той великой юридической школе, которая сложилась в свое время в Академии МВД СССР, Академии МВД России, Академии управления МВД России. И всякая школа, как мы знаем, существует не в архивах, школа существует в жизни, и поэтому новые силы, которые будут привлечены к изучению проблем, затрагиваемых Валерием Николаевичем, дадут новый импульс этой школе, создадут возможность ей развиваться и расцветать. Но также можно сказать о том, что подарок судьбы достался тем, кому пришлось работать с Валерием Николаевичем. Его идеи, прочитанные не только из книжек, но и услышанные (его личные соображения, взгляды, споры, которые возникали с ним) у нас рождали определенные научные соображения. Поэтому то, что Валерий Николаевич обозначил роль органов внутренних дел в укреплении конституционных основ государства, говорит о том, что он чувствовал во времени те проблемы, которые есть и которые появятся. Своими трудами Валерий Николаевич нам как бы открывал простор для нового взгляда и подхода к тем проблемам, которые рождает время.

Служение отечеству – традиционная ценность России

Аннотация

В статье служение Отечеству рассматривается как традиционная духовно-нравственная российская ценность. Описывается служение воинское, государственное, гражданское (общественное). Приведены исторические примеры служения Отечеству: воинский долг и подвиг, добровольчество, жертвенность, волонтерство.

Ключевые слова и словосочетания: служение Отечеству; традиционная ценность России; русский характер; воинство; добровольчество; нравственные требования; частные военные компании; «Дни воинской славы»; героизм.

Служение Отечеству неразрывно связано с духовной культурой народа, с той системой духовно-нравственных координат, которая сложилась в многовековой период развития государства. Фундамент в служении Отечеству – патриотизм – любовь к своей Родине, принадлежность к своему народу, готовность к любым жертвам и подвигам во имя интересов своей Родины. Н. Михалков как-то в своем выступлении красноречиво отметил, что русские не будут воевать за деньги, это против русского характера. Русский народ не выдерживает унижения и тогда поднимается и ничто его не остановит [3, с. 29–30]. Духовная основа и общность всегда объединяла русских и помогала им выстоять в самых тяжелых испытаниях.

Вера в Бога и понимание, что служба – святое дело, верность Присяге, честь, ответственность, достоинство и другие духовные качества были и остаются основой в системе духовных ценностей защитников Отечества. «Погибнуть на поле боя за Россию – это значит получить высшую награду от Господа» – так говорил выдающийся полководец М. Д. Скобелев, не знавший ни одного поражения на поле боя. По словам современников, он всегда был «в первых

рядах», на белом коне и в белом кителе, без страха перед вражеской пулей или саблей. Для него служение Отечеству означало готовность к любым испытаниям, выпавшим на долю Родины [3, с. 408].

Единство понимания и принятия духовных ценностей всем обществом создает тот фундамент, на котором происходит укрепление, стабилизация и развитие духовной безопасности личности, общества и государства.

Важнейшей составляющей Служения Отечеству является национальное, историческое самосознание – сопричастность с жизнью, достижениям Родины, отстаивание ее интересов и суверенитета. Это приоритет духовного над материальным в служении военном, гражданском, общественном. Правильно сформированное сознание является связующим звеном между поколениями, прошлым, настоящим и будущим страны и народа.

Служение Отечеству закреплено в статьях Конституции Российской Федерации. Статья 59: «Защита Отечества является долгом и обязанностью гражданина Российской Федерации», статья 67.1: «Российская Федерация чтит память защитников Отечества, обеспечивает защиту исторической правды. Умаление значения подвига народа при защите Отечества не допускается»¹.

Служение Отечеству и ответственность за его судьбу – традиционная российская духовно-нравственная ценность².

Россия – великая страна с многовековой историей, самобытная и самодостаточная. Россия, являлась участницей и определительницей итогов многих мировых событий, успешно защищает себя и выступает в роли миротворца и борца за независимость и свободу других народов. Особое место занимают подвиги нашего воинства, которые Указом Президента Российской Федерации определены как «Дни воинской славы»³.

Защита Отечества издавна считается долгом каждого русского человека. В период с 1699 по 1874 г., когда основу обороноспособности страны составляла рекрутская система, народное ополчение всегда готово было поддержать профессиональную армию. Извест-

¹ Конституция Российской Федерации : принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. : с изм., одобренными в ходе общерос. голосования 1 июля 2020 г. // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 05.04.2022).

² Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей : Указ Президента Рос. Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2022. № 46. Ст. 7977.

³ О днях воинской славы и памятных датах России : Федер. закон от 13 марта 1995 г. № 32-ФЗ // Официальный портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 29.12.2022).

но, что в 1812 г. на защиту Отечества встали около 300 тыс. ополченцев, а в Крымскую войну – 360 тыс.; в боевых действиях Великой Отечественной войны приняло участие 500 тыс. ополченцев, а их общая численность составляла около 4 миллионов [9, с. 28].

Характерными традиционными чертами русского воинства всегда были храбрость, верность долгу, а также великодушные к побежденным. Генералиссимус А. В. Суворов в назидание своим солдатам говорил: «В дома не забегать; неприятеля, просящего пощады, щадить; безоружных не убивать...» [8, с. 166].

Русские люди не только воевали за свою землю, но по зову сердца встали на защиту тех, кто в ней нуждался. Русское и российское добровольчество, ставшее уже традицией, – отдельная страница русской военной истории. В первой половине XIX в. добровольцы помогали Греции в борьбе против османского владычества, в середине века – сражались с Джузеппе Гарибальди в Италии против австрийцев. Добровольцы под руководством русского генерала Михаила Черняева помогали восставшим в 1875 г. в Боснии и Герцеговине. Общее количество русских добровольцев составляло от 4 до 7 тыс. человек, среди них не меньше 650 офицеров Русской императорской армии. Важно отметить, что добровольцами русские люди часто отправлялись даже во время своего отпуска. Наши добровольцы помогали в 1895 г. повстанцам в Эфиопии, бурам Республик Трансвааль и Оранжевая во время Англо-бурской войны 1899–1902 гг., в период гражданской войны в Испании 1936–1939 гг. (более 2 тыс. советских добровольцев, среди которых был и писатель Михаил Кольцов, автор «Испанского дневника»). Русские добровольцы встали на сторону сербских «братушек» после распада социалистической Югославии, действовали три отряда по 15–20 человек и около ста волонтеров. С 2014 г. наши добровольцы помогают Донбассу. По разным оценкам за восемь лет приняли участие от 15 до 25 тыс. российских добровольцев. Россиянам присущи от рождения тяга к справедливости и готовность отстаивать правду, помогать обездоленным [1, с. 26–27]. С момента объявления частичной мобилизации в России свыше 70 тыс. запросов на запись в добровольцы получил портал «Госуслуги» [7]. Более 15 тыс. россиян после начала СВО на Украине записались в добровольческие отряды [6].

В специальной военной операции, проводимой Россией на Украине, ореолом мужественной романтики окружена деятельность ЧВК «Вагнер». И название интригующее, и деятельность организованная, и результаты впечатляющие. «Музыканты Вагнера» действуют во взаимосвязи с подразделениями Министерства

обороны, а также по его поручениям. Вагнеровцы являют пример служения Отечеству, искупляют кровью и жизнью вину перед ним и его гражданами.

Отечественная военная история знает факты создания частных военных компаний еще в XIX в. во время Отечественной войны 1812 г.

В то время создавались военные части за счет средств некоторых состоятельных дворян. Наиболее известными были батальон княжны Екатерины Павловны и конный полк графа Мамонова [2, с. 30–31].

В ноябре 1941 г. Государственным Комитетом Обороны принимается решение об освобождении военнослужащих, на которых отсутствовали компрометирующие материалы за время пребывания в лагерях, и значительной части других осужденных за маловажные преступления, изъявивших добровольное желание пойти на фронт и отдать жизнь за Родину [5, с. 383].

Служение Отечеству понимается не только как участие в боевых действиях по его защите, служение проявляет себя и в государственной службе, и в общественных делах. Так, практически через месяц с начала Великой Отечественной войны был учрежден Фонд обороны. За все годы войны от рабочих, колхозников, интеллигенции, многих знаменитых писателей (А. Толстой, М. Шолохов, А. Фадеев, В. Лебедев-Кумач, А. Твардовский, С. Михалков, С. Маршак и др.), а также священнослужителей в него поступило более 17 миллиардов наличных денег, 13 килограммов платины, 131 килограмм золота, 9 519 килограммов серебра. На них было построено более 2 500 боевых самолетов, несколько тысяч танков, 8 подводных лодок, 16 быстроходных торпедных катеров. На пожертвования верующих была сооружена колонна танков имени Димитрия Донского. На средства Л. Утесова и его джаз-оркестра были приобретены два истребителя, на борту которых было написано «От джаз-оркестра Леонида Утесова» [8, с. 26–27].

Сегодняшнее время дает свои образцы служения Отечеству и ответственности за его судьбу. Огромную популярность и значимость приобрело волонтерское движение. Одним из его героев стал руководитель исполкома Народного фронта в ДНР В. Тараненко, который с товарищами эвакуировал из ДНР более 30 тыс. человек и организывает направление гуманитарной помощи в новые регионы России [4, с. 6].

Служение Отечеству – традиционная исконно русская ценность. В случаях агрессии и стремлении завладения территорией России или ее богатствами всегда поднимался весь русский народ,

поддерживая свою армию. Это русская ментальность, «русский дух», как часто говорят о России. В нашей национальной традиции сформировано особое отношение россиян к своим защитникам и к воинской службе. «Есть такая профессия – защищать свою Родину» – известная фраза из фильма «Офицеры» как нельзя лучше подчеркивает отношение россиян к военной службе. Трудная и опасная профессия защитника Родины считалась всегда почетной и уважаемой в обществе. Консолидируемая и передаваемая от поколения к поколению ценность выкристаллизовывала и черты характера, и качества русского воинства, которые подмечали как союзники России, так и ее враги. Это негибкая воля к победе, стойкость в обороне, мужество, храбрость, героизм, военное братство и взаимовыручка [7, с. 4].

Видео под заголовком «русский солдат непобедим» облетело весь мир, заставив даже недругов признать сверхъестественные возможности наших военных. Рустам Худайнуров, боец 127 батальона народной милиции ДНР, раненный в бою, «попал под удар вражеского беспилотника: дрон начал забрасывать укрывшегося в траншее бойца гранатами». Проявляя хладнокровие и мужество, он дважды отбросил летевшие прямо на него гранаты, а с третьей «не справился» и сам дрон: она взорвалась поодаль от бойца. Известно, что после выдергивания кольца из чеки запал срабатывает примерно через 3,2–4,2 секунды это время рассчитано на то, чтобы человек, который ее бросает, сам не подорвался. Мужественность и стойкость бойца вызвали восхищение даже у врагов [4, с. 6].

Высокие нравственные смыслы служения Отечеству: честь, долг, мужество, преданность и героизм передавались в России от поколения к поколению и стали священными в понимании и сознании людей. Преемственность в передаче ценностей, в богатой и славной истории страны, в воспитании и обучении подрастающих поколений как фундамент для единства и развития нашей страны.

Список литературы:

1. Воробьев П. «Добровольцы, шаг вперед». Уроки истории // Вечерняя Москва. 2022. № 21. С. 26–27. 2–9 июня.
2. Воробьев П. «Честная компания». Уроки истории // Вечерняя Москва. 2022. № 49. С. 30–31.
3. XV Всемирный Русский Народный Собор. Базисные ценности – основа единства народов. 25–26 мая 2011 г. М., «ВРНС», 2012. С. 29–30.

4. Крылов А. «Настоящие люди». Итоги. Люди // Вечерняя Москва. 2023. № 51. С. 6. 29 дек. – 5 янв.
5. Министерство внутренних дел. 1902–2002. Исторический очерк: Объединенная редакция МВД России. 2004. С. 383.
6. Москва24. Общество. Свыше 15 тыс. россиян записались в добровольческие отряды. URL: https://www.m24.ru/news/obshchestvo/04102022/507804?utm_source=CopyBuf (дата обращения: 15.12.2022).
7. На службе Отечеству: Об истории Российского государства и его Вооруженных Силах, традициях, правовых и морально-психологических основах военной службы: Книга для чтения по общественно-государственной подготовке солдат (матросов), сержантов (старшин) Вооруженных Сил РФ / В. О. Дайнес, В. А. Авдеев, Н. И. Бородин и др.; под ред. В. А. Золотарева, А. В. Черкасова и А. С. Дудкина. М., 1998. С. 4.
8. Окроков Г. «Купили танк и истребитель». Уроки истории // Вечерняя Москва. 2022. № 17. С. 26–27.
9. Ратная слава Отечества (1242–1945) / А. С. Малыгин. М., 2006. С. 166.

**Образование СССР и определение принципов советской
национальной политики (по материалам секретного совещания
в ЦК РКП(б) в июне 1923 г.)**

Аннотация

В статье проводится анализ идей построения советской национальной политики, ставших предметом обсуждения на специальном секретном совещании в ЦК РКП(б) в июне 1923 г. и их дальнейшее развитие в практике советского государственного строительства. Отдельное внимание уделяется проблеме «коренизации» УССР.

Ключевые слова и словосочетания: национальная политика; национальный вопрос; коренизация.

Основные принципы советской национальной политики после образования СССР были определены на XII съезде РКП(б) в январе 1923 г., на котором первый и последний раз в истории Коммунистической партии Советского Союза действовала секция по национальному вопросу и на специальном секретном совещании в ЦК РКП(б) в июне 1923 г.

В докладе, подготовленном к съезду, В. И. Ленин обратил внимание на угрозу национализма, выделив при этом два его вида – национализм «большой» и национализм «маленькой» нации. Последней, по его мнению, возникает как ответ, реакция на проявления «большого национализма».

В. И. Ленин считал, что «Интернационализм его стороны... так называемой "большой"» нации ... должен состоять не только в соблюдении формального равенства, но и в таком неравенстве, которое складывается в жизни фактически».

Глава советского правительства считал, что унаследованный им царский государственный аппарат «пронизан» великодержавным шовинизмом, что может сказаться на судьбе нового государства – Союза Советских Социалистических Республик.

В. И. Ленин был готов пересмотреть полномочия центральных органов государственного управления СССР, предложенно-

го им и утвержденные I Всесоюзным Съездом Советов 30 декабря 1922 г. и обсудить на следующем партийном съезде вопрос о передаче в ведение союзного правительства только организацию обороны и проведения внешней политики.

Делегат XII съезда, глава правительства Украинской Советской Социалистической Республики Х. Раковский назвал национальный вопрос важнейшим в деле социалистического строительства, а существующий центральный партийный и государственный аппарат объявил «агентами великодержавного шовинизма» и предложил наделить республиканское правительство существенно большими полномочиями.

Для рассмотрения вопросов национальной политики в июне 1923 г. было созвано специальное секретное совещание ЦК РКП(б) с ответственными работниками национальных республик и областей.

На этом совещании присутствовали и выступали все, кроме больного В. И. Ленина, лидеры партии большевиков: И. Сталин, Л. Троцкий, Г. Зиновьев, Л. Каменев и партийные советские руководители национальных республик и областей.

Центральное и местное партийно-государственное руководство в ходе острой дискуссии пришли к решению о необходимости активной поддержки и развития национальной культуры, языка и привилегий к общественно-политической жизни местной элиты, «более или менее лояльных элементов местной интеллигенции» [2, с. 182]. Впоследствии это получило название политики «коренизации», проводимой в национальных республиках и заключавшейся в том, что им и предлагал В. И. Ленин. Местному, коренному, титульному населению предоставлялись определенные по сравнению с другими национальностями преимущества для участия в общественно-политической, культурной жизни.

Такая политика должна была продемонстрировать народам СССР и народам других стран, в том числе и колониям, что светская власть обеспечивает не только формальное равенство, но и условия для равного развития всех национальностей, особенно тех, которые не имели возможности развивать свою культуру, язык.

Это позволяло записать в Конституции СССР 1924 г. «Только в лагере Советов, только в условиях диктатуры пролетариата, сплотившей вокруг себя большинство населения, оказалось возможным уничтожить в парке национальный гнет».

Представителям местной партийной элиты была предоставлена возможность перехода в центральный партийный аппарат, так как

на «Совещании ...» было решено привлечь на работу во все отделы ЦК РКП(б) «националов».

Особое внимание на совещании ... «уделялось политике «коренизации» в УССР как самой крупной советской республике.

Проблема «коренизации» существовала в ней до 1917 г. и называлась необходимостью «украинизации» культурной общественно-политической жизни Малороссии.

Термин «украинизации» еще в 1907 г. ввел и популяризировал известный российско-украинский историк М. С. Грушевский.

После свержения монархии в марте 1917 г. он возглавил созданную в Киеве Центральную Раду (Совет), которую в ноябре 1917 г. провозгласила создание Украинской народной Республики (далее – УНР) в составе Российского государства, а в январе 1918 г. объявила о ее суверенитете.

В УНР проводилась политика «украинизации».

Весной 1918 г. территория УНР была оккупирована войсками кайзеровской Германии. При их поддержке в апреле 1918 г. на Украине произошел государственный переворот. УНР была ликвидирована и вместо нее создавалась так называемая «Украинская держава» во главе с гетманом Скоропадским, который также объявил о необходимости «украинизации». Вводится обязательное изучение украинского языка в школе, открываются кафедры украинской истории, литературы и даже права. Объявляется о создании Украинской Академии наук во главе с В. И. Вернадским.

В ноябре 1918 г. диктатура гетмана Скоропадского была свергнута войсками Директории Украинской народной республики под командованием С. Петлюры. Восстановленная УНР продолжала политику «украинизации».

Политика «украинизации» дошла до того, что в Советскую Украину разрешили вернуться известному историку, бывшему Председателю Центральной Рады, противнику советской власти М. С. Грушевскому.

Вскоре он стал академиком Академии наук УССР, а в 1929 г. – академиком АН СССР (РСФСР своей академии не имела).

На Совещании в ЦК РКП(б) в июне 1923 г. руководители местных партийно-советских учреждений, ссылаясь на решения XII съезда РКП(б), настаивали на расширении прав республики, говорили о необходимости формирования местной национальной элиты, о повышении статуса местного языка, развития национальной культуры.

Глава правительства УССР Х. Раковский говорил даже о необходимости «украинизации» в республике правящей партии

– Российской коммунистической партии (большевиков), что было бы губительно для партии, провозглашавшей целью торжество интернационализма.

Попытки многих участников совещания, представлявших республике расширять компетенции республиканских правительств, были заблокированы представителями Союзного центра – И. Сталиным, Л. Троцким, Л. Каменевым, Н. Бухариным. Несмотря на острые разногласия и борьбу за власть между ними, они оказались едины в сохранении централизованной модели СССР.

Своеобразной компенсацией неудовлетворенных требований представителей республик стала политика «национализации местных политических элит».

Партийная советская номенклатура в национальных республиках стала формироваться в значительной мере из представителей титульной нации. Владение местным языком стало обязательным для местных руководителей. В школах, институтах преподавание должно было вестись на местном языке.

Провозглашалась «борьба с великодержавным шовинизмом», объявленным главным внутренним врагом национально-государственного социалистического строительства, которое вела Российская коммунистическая партия, переименованная во Всесоюзную коммунистическую партию большевиков.

Характерным для выступлений на «Совещании в ЦК РКП(б)...», как впрочем и для политико-культурной жизни страны второй половины 20-х – начала 30-х гг. было то, что редко использовалась аббревиатура «СССР», введенная для официального названия советского союзного государства. Вместо этого говорилось и писалось – «советская республика», «социалистическая республика» [1].

Но представления о том, как надо укреплять союз советских республик у И. Сталина и других лидеров партии, выступавших на специальном совещании в ЦК РКП(б) в июне 1923 г. и посвященном проблемам национально-государственного строительства, отличались от представлений В. И. Ленина. Он считал, что надо расширять права республик. Но другие лидеры партии, возглавляющие ее при умирающем вожде, трактовали его завещание «укреплять Союз Республик» как необходимость усиления централизации нового союзного государства.

Это противоречило ленинскому завещанию, но соответствовало традициям российской государственности, когда все вопросы жизни страны решались в столице.

Попытка «пойти ленинским путем», предпринятая генеральным секретарем ЦК КПСС М. С. Горбачевым в конце 80-х гг. в пери-

од «перестройки», когда расширялись права союзных и автономных республик, формировалась многопартийная политическая система, привела к разрушению СССР.

Список литературы:

1. Селинцев А. М. Язык революционной эпохи. Из наблюдений за русским языком 1917–1926 гг. М., 2016.
2. Стенографический отчет Секретного IV совещания ЦК РКП 1923 г. М., 1992.

Правовой нигилизм как социальное явление

Аннотация

В статье рассматривается понятие правового нигилизма как социального явления, негативно влияющего на урегулированность общественных отношений в современной России, анализируются первопричины появления и основные способы его преодоления.

Ключевые слова и словосочетания: правовой нигилизм; право; правовая культура; правосознание; общественные отношения.

Проблема правового нигилизма является наиболее острой проблемой современного общества. В полной мере это касается и Российской Федерации. Конечно, люди в разное время по-разному относились к праву и закону, но те, кто в большой или меньшей степени отрицал их, были всегда.

Как справедливо отмечает К. А. Костина, «правовой нигилизм как социальное явление характеризуется резко критическим, крайне негативным отношением к общепринятым, объективным ценностям; максималистским подходом и бескомпромиссностью отрицания, отсутствием позитивной программы, деструктивным, разрушительным началом» [3, с. 333].

В основе правового нигилизма, его причин и последствий, как представляется, лежит, прежде всего, соответствующий низкий уровень правовой культуры большинства членов общества, в свою очередь, зависящий от правосознания элементов этого общества, то есть граждан, объединений граждан, должностных лиц и т. д.

Что же понимается под правосознанием? В самом общем виде правосознание – это, прежде всего, знания, настроения, а также представления людей об их отношении к праву, другим правовым явлениям.

Как раз одной из форм правосознания и является правовой нигилизм. Но не просто формой правосознания, а одной из форм так называемого деформированного правосознания. А. Н. Голови-

стикова и Ю. А. Дмитриев под такой формой деформированного правового сознания понимают «элемент общественного сознания, проявляющийся в безразличном, недоверчивом, пренебрежительном отношении к праву, закону, законности, государству, его символам либо даже полном отрицании их социальной ценности» [1, с. 531]. Правовой нигилизм сам по себе как форма правосознания субъекта отрицает социальную ценность права, также в правовом нигилизме ученые выделяют несколько основных признаков данного явления, такие как пренебрежительное, даже надменное отношение к праву и системе права в целом; люди расценивают право как не важный, а даже второстепенный элемент в перечне человеческих ценностей; частое безразличие по отношению к праву. Все перечисленные признаки, а также определение правового нигилизма дают довольно ясное представление об этом правовом явлении.

При рассмотрении самого процесса правового нигилизма нельзя не упомянуть формы проявления данного социального явления. Выделяют следующие формы проявления нигилизма в праве:

- во-первых, это прямое нарушение запретов, действующих в стране и установленных правом;
- во-вторых, это несоблюдение или игнорирование правовых предписаний, которые считаются не важными для людей;
- в-третьих, это нарушение основных прав и свобод человека, которые зафиксированы в нормативных правовых актах, и защита которых осуществляется государством, правоохранительными органами, самостоятельными действиями личности.

Как можно увидеть, формы проявления правового нигилизма разнообразны и очень многочисленны. Выделим же некоторые из них, которые оказывают решающее влияние на соответствующее поведение отдельных членов общества.

Исторические традиции российского государства несомненно сыграли свою немаловажную роль в формировании этого социального явления. К сожалению, эти традиции очень часто были несовместимы с идеями свободы, демократии, правового государства. Большая часть нашей истории – это история недемократического государства, что напрямую влияло на отношение граждан нашего государства к исполнению законов и подзаконных правовых актов, зачастую носивших даже неправоовой характер.

Одной из причин существования этого явления является низкий уровень жизни людей в современной России, поскольку именно бедность, нищета, ощущение незащищенности граждан приводят к тому, что люди перестают верить в такую значимую роль права, которая устанавливается государством. Люди же, чувствуя эту неза-

щищенность, приходят к выводу, что право на самом деле не играет одну из значимых ролей в обществе и государстве. В результате право гражданами воспринимается преимущественного отрицательно и неуважительно [4, с. 24].

Правовой нигилизм может возникать вследствие неудовлетворенности субъектом своим положением в обществе, социальным положением. В данном случае люди считают, что проблемы, которые возникают у них вследствие действий права, это не их вина, а определенные изъяны и несовершенства в судебной практике, в самом праве, в деятельности правоохранительных органов и в деятельности прокуратуры. Из первой причины также можно выделить еще одну, также очень значимую причину правового нигилизма, а именно несовершенство самой системы права, действующей в стране, коллизийность многих правовых норм, пробелы в законодательстве и т. п. Соответственно, возникает ситуация, когда объективно существуют соответствующие отношения в обществе, которые являются социально-значимыми, но по определенным причинам люди в данных отношениях не находятся под защитой.

Имеется и сложность языка и формулировок норм права, для понимания которых необходимо прибегать к помощи юристов, определенных специалистов в правовой системе, но это не всем доступно. Также можно выделить и сложность для людей самой правовой системы в стране, поскольку существует множество институтов, отраслей права, которые регулируют определенные общественные отношения.

Это социальное явление порождает определенные последствия, которые отнюдь не будут положительными. Так, одним из последствий можно считать падение уровня правовой культуры в обществе, также и в целом в государстве. Еще одним последствием может стать девиантное поведение людей, нарушение ими норм права, зафиксированных в нормативных правовых актах. Сюда же можно отнести и рост числа правонарушений в стране. Все перечисленные причины, естественно, носят негативный характер. Они оказывают неблагоприятное воздействие на людей, на общество и на государство, и требуют соответствующей реакции государства.

Основными способами преодоления правового нигилизма и поддержания порядка и стабильности в обществе является:

- повышение уровня правовой культуры граждан, повышение уровня правосознания в обществе и в стране;
- совершенствование системы законодательства, всей правовой системы в целом;
- осуществление правового воспитания граждан;

– поднятие авторитета судебных, а также правоохранительных органов, которое можно осуществить путем совершенствования их деятельности.

Таким образом, можно сделать вывод, что правовой нигилизм – это форма деформированного правового сознания, которая заключается в пренебрежительном отношении к праву. Данная форма правового сознания имеет ряд негативных последствий, которые государство стремится преодолеть определенными способами. Поскольку корни этого социального явления зародились очень давно, его невозможно ликвидировать за короткий промежуток времени. Это очень трудоемкий, длительный процесс, требующий серьезных усилий всех субъектов правоотношений, предполагающий построение в России подлинно правового демократического государства, качественное повышение уровня общей и правовой культуры большинства членов общества. Ибо как справедливо говорит В. С. Нерсисянц, «даже самые совершенные законы с безукоризненной юридической техникой обречены на гибель, так как неминуемо разобьются о стену народного недоверия» [2, с. 87].

Список литературы:

1. Головистикова А. Н., Дмитриев Ю. А. Проблемы теории государства и права: учебник. М., 2019. С. 531.
2. Нерсисянц В. С. Общая теория государства и права: учебник. М., 1999. С. 552.
3. Костина К. А. Правовой нигилизм как черта российской правовой культуры // Вестник ТГУ им. Г. Р. Державина. Выпуск 110 (114) 2012. С. 333–339.
4. Утарбеков Ш. Г. Правовой нигилизм и его преодоление: аналитический обзор подходов к пониманию // Правопорядок: история, теория, практика. № 1 (20). 2019. С. 24–27.

Ответственность публичной власти за состояние законного порядка в общественной жизни

Аннотация

В данной статье рассматривается проблема ответственности публичной власти за состояние законного порядка в общественной жизни. Особое внимание автор уделяет распространению идей законности. Обосновывается мысль о том, что и государство, и народ, и отдельная личность – все несут ответственность за поддержание законного порядка в общественной жизни. Автор приходит к выводу, что сегодня устойчивость и качество жизни и порядка в обществе зависят от того, насколько сбалансированным и совместным является это участие всех.

Ключевые слова и словосочетания: власть; государство; гражданин; законность; публичная власть; народ; общество; право; справедливость.

Поддержание правопорядка в надлежащем состоянии традиционно связывается с деятельностью публичной власти. Ей атрибутируется реализация права в общественной жизни. За последние десятилетия сложилось своего рода представление о том, что издаваемые законы направлены не столько на поведение граждан, сколько на деятельность публичной власти. В XIX в. вместе с распространением идей законности (прежде всего во Франции) и правового государства (в первую очередь в Германии), для науки и практики эпохи возник закономерный вопрос о том, должны ли быть издаваемые властью нормы обязательными и для нее. В основном приходили к выводу, что разумная и не безразличная к нравственности публичная власть добровольно должна взять на себя обязательство подчиняться издаваемым ею же нормам. В конце XX в. и в начале

XXI в. распространились представления о том, что законность — это удел публичной власти, а гражданин определяет для себя правила чуть ли не в свободном дискурсе путем коммуникации с такими же как он гражданами. Главным признается принцип свободной разумной личности, а задача публичной власти заключается в том, чтобы ей прислуживать.

Представления о том, что право возникает в отчаянной борьбе за него, быстро сменились идеями о том, что оно рождается в общении. В этом читаются и объективные изменения в условиях жизни общества. Однако логика процедуры и дискурса является совершенно неэффективной для решения важнейших задач жизни общества. Зачастую культ формальной процедуры и игнорирование принципа эффективного решения поставленной задачи приводят к деградации и хаосу, инертности власти. Задача публичной власти в части поддержания законного порядка заключается, как писал Р. Иеринг, в осуществлении права и справедливости в общественной жизни до самых крайних пределов. Но задача эта не только государственная, но и социальная, и даже личная.

И государство, и народ, и отдельная личность — все несут ответственность за поддержание законного порядка в общественной жизни. Устойчивость и качество жизни и порядка в обществе зависят от того, насколько сбалансированным и совместным является это участие всех. Попытки отделить власть от народа в настоящее время часто используются в угоду различного рода негативным практикам свержения или дискредитации неугодных политических лидеров.

К вопросу об отдельных направлениях развития конституционной доктрины безопасности Российской Федерации

Аннотация

В статье предпринята попытка систематизировать и выделить отдельные направления правовой регламентации в законодательстве Российской Федерации вопросов обеспечения безопасности российской государственности, в том числе с учетом положений науки конституционного права, а также содержания отдельных документов стратегического планирования. На основании изложенного предложено ввести в научный оборот понятие «конституционная доктрина безопасности», а также указывается на перспективы ее развития.

Ключевые слова и словосочетания: безопасность; безопасность государства; конституционная доктрина; конституционная доктрина безопасности; стратегическое планирование.

Следует учитывать, что в теории конституционного права в настоящее время используются сходные, на первый взгляд, по формулировкам, но совершенно различные по своему содержанию такие термины, как «конституционная доктрина», «доктрина конституционного права», «доктрина конституционализма», «официальная конституционная доктрина», «конституционно-правовая доктрина» [9, с. 27].

В этой связи, соглашаясь с точкой зрения С. В. Бошно, отметим, что понятие «правовая доктрина» действительно, имея сходные в некоторых моментах с термином «правовая наука» черты, не является ее синонимом, поскольку в науке, как правило, помимо общепризнанных не только среди ученого сообщества, в том числе и на официальном уровне, представлены и другие точки зрения, на этапе своего формирования и концептуального обоснования, пока не получившие широкого общественного признания в экспер-

ном сообществе и (или) на уровне закрепления отдельных их положений в документах стратегического планирования. Как показывает практика проведения в последнее время целого ряда научных мероприятий, отдельные предположения современных ученых – конституционалистов – достаточно длительное время реализуются для того, чтобы стать «общепризнанными», а некоторые так и остаются «частным мнением автора», не имеющим ничего общего с официальной позицией, отраженной в соответствующих документах [5, с. 73].

Таким образом, термин «конституционная доктрина» является более узким по своему содержанию (где главным критерием, по мнению автора, является наличие официального признания, как правило, путем закрепления ее положений в тех или иных документах) в отличие от термина «конституционно-правовая доктрина», фактически являющегося синонимом понятия «наука конституционного права» [2, с. 65].

Вместе с тем полагаем необходимым согласиться с тезисом о том, что разграничение официальной и неофициальной частей конституционной доктрины достаточно условно, поскольку имеются такие достижения теории конституционализма (науки конституционного права), теоретическая, практическая значимость которых не вызывает сомнений, но при этом соответствующие выводы до настоящего времени по тем или иным причинам, безусловно, не зависящим от автора той или иной концепции и (или) общепризнанной в научном (экспертном) сообществе идеи, не нашли своего отражения в архитектуре документов стратегического планирования. При этом достаточно высока вероятность приобретения ими качества официальной конституционной доктрины при воспроизведении их положений в отдельных документах стратегического планирования, иных нормативных правовых актах, в правовых позициях органов конституционного контроля [3, с. 31].

Значимость науки конституционного права заключается в том, что «данная отрасль юридических знаний, теснейшим образом соприкасаясь с общей теорией права и философией права, выступает методологической основой для современной юриспруденции. При этом получающие обоснование в науке конституционного права понятия и категории имеют универсальное межотраслевое значение» [4, с. 6], а сформированные в теории конституционного права термины и определения при наличии общепризнанности впоследствии становятся понятиями, содержащимися в законе [6, с. 5].

Есть и более широкая точка зрения, согласно которой путем соответствующего правового регулирования общественных отно-

шений право приводит в действие все рычаги, весь механизм государства и обеспечивает его охрану, его безопасность [8, с. 5].

При этом Конституция Российской Федерации является тем самым документом, в котором на высшем юридическом уровне страны сформированы основные государственные подходы к организации абсолютно всех сфер жизни российского общества, в связи с чем именно в Основном законе, по нашему мнению, должна содержаться и содержится официальная правовая доктрина российского государства, по крайней меры, заложены ее базовые идеи, реализуемые в целом ряде иных документов, в своей совокупности формирующих более узкие («профильные») доктрины и официальные подходы [10, с. 212].

Именно Конституция Российской Федерации имеет «решающее значение в системе правовых средств сбалансированного обеспечения безопасности личности, общества и государства, а сама безопасность как определенный режим статусного состояния соответствующих субъектов приобретает конституционные характеристики, становится конституционной безопасностью» [9, с. 42–43].

По мнению С. А. Авакьяна, практически все институты конституционного права тесно связаны с вопросами обеспечения национальной безопасности, что подтверждается практически во всех функциях конституции (организаторской, идеологической, учредительной, внешнеполитической, юридической) [1, с. 139].

Сама же «Конституция России выдвигает перед юриспруденцией задачу глубокого исследования новых явлений конституционного строительства, свойственных данному этапу российской государственности»; по существу, «надо говорить о формировании конституционной доктрины России» [11, с. 5].

Таким образом, под конституционной доктриной безопасности Российской Федерации полагаем возможным понимать совокупность положений Конституции Российской Федерации, Федерального закона от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности», Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 (далее – Стратегия), Федерального закона от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации», указов Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года», от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года», от 8 ноября 2021 г. № 633 «Об утверждении Основ государственной политики в сфере стра-

тегического планирования в Российской Федерации», положений большинства документов стратегического планирования и федеральных конституционных законов, федеральных законов, принятых в соответствии с ними правовых актов Президента Российской Федерации, Правительства Российской Федерации, федеральных органов исполнительной власти, законов и других правовых актов субъектов Российской Федерации, муниципальных правовых актов, направленных на реализацию поименованных выше документов.

Также считаем, что до формирования на законодательном уровне и уровне подзаконных актов архитектуры документов стратегического планирования в Российской Федерации, содержание которых напрямую связано с обеспечением того или иного аспекта безопасности российской государственности, формирование понятийного аппарата «теории безопасности» происходило главным образом в правой доктрине, а в связи с принятием Федерального закона от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации», с изданием соответствующих вызовам времени документов стратегического планирования наступил новый этап в развитии положений конституционной доктрины безопасности Российской Федерации, среди отдельных направлений которого полагаем возможным выделить следующие.

1. Принятие новых и корректировка положений действующих документов с учетом опыта проведения специальной военной операции на территориях Украины и новых субъектов Российской Федерации, причин и условий ее начала, главным образом, в рамках осуществления обеспечения и защиты национальных интересов Российской Федерации.

В первую очередь, по мнению автора, это обеспечение военной безопасности, подготовка обновленной редакции Концепции внешней политики Российской Федерации, учет текущей нестабильной международной обстановки, растущей угрозы глобального экстремизма (терроризма) и его новых проявлений, в том числе радиационных, химических, биологических атак; это и издание соответствующих документов, отражающих реакцию России на санкционную политику и «экономические войны»; обеспечение информационной безопасности и защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти.

Переходя от общего к частному, далее обратим внимание на отдельные перспективы конституционной доктрины безопасности, непосредственно связанные с деятельностью как государственных органов власти, в том числе правоохранительных, так и органов внутренних дел Российской Федерации, в частности.

2. Совершенствование вопросов, связанных с обеспечением безопасности функционирования механизма государства, в первую очередь, его инструментов – органов государственной власти и их должностных лиц, а также с повышением эффективности их деятельности. При этом особого внимания потребует реализация указанных мер и формирование соответствующих подходов к вновь сформированным органам власти – к правоохранительным структурам, и их сотрудникам, действующим на территориях ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей, а в дальнейшей перспективе – на иных территориях России, граничащих или находящихся на линии боевого соприкосновения.

По мнению автора, указанное касается не только вопросов обеспечения безопасности их деятельности, но и вопросов нормативной правовой регламентации, желательно, на наш взгляд, *оперативного* укомплектования создаваемых и (или) созданных территориальных органов государственной власти вновь образованных субъектов Российской Федерации, обеспечения социальных гарантий их служащих, для правоохранителей – исчисления выслуги лет и присвоения специальных званий и т. п., а также вопросов осуществления эффективной борьбы с компрометацией (дискредитацией), диффамацией и иным организованным противодействием их деятельности.

3. Безусловно, это не только обеспечение безопасности государства и соответствующих его органов (на федеральном и (или) региональном уровнях), органов местного самоуправления, но и вопросы, связанные с обеспечением безопасности отдельных групп граждан и каждого индивида в отдельности, в связи с чем особого внимания потребует развитие в конституционной доктрине безопасности вопросов, связанных с обеспечением и последующей реализацией в нормативных правовых актах вопросов, регламентирующих право каждого на безопасность, пока отсутствующего на официальном уровне, но содержание которого активно формируется в настоящее время в конституционно-правовой доктрине – науке конституционного права.

4. Принятие новых и корректировка положений действующих документов, направленных как на определение содержания термина «государственная безопасность», так и на обеспечение единства терминологии с целью обеспечения четкого соотношения понятий «государственная безопасность», наиболее часто встречающегося в Конституции Российской Федерации термина «безопасность государства», а также термина «безопасность Российской Федерации», используемого в отдельных документах стратегического планиро-

вания и (или) термина «безопасность российской государственности» (ст. 210 Постановления Правительства Российской Федерации «О концепции государственной политики по отношению к казачеству» от 22 апреля 1994 г. № 355).

В качестве пояснения отметим, что государственная и общественная безопасность отнесены к стратегическим национальным приоритетам: в Стратегии указаны основные вызовы государственной и общественной безопасности (п. 43–45), а цели и задачи обеспечения государственной и общественной безопасности определены в ее п. 46 и 47, в связи с чем в условиях отсутствия в настоящее время Концепции государственной безопасности России, фактическом истечении периода реализации положений Концепции общественной безопасности в Российской Федерации, утвержденной Президентом Российской Федерации 14 ноября 2013 г. (№ Пр-2685, далее – Концепция), основные направления обеспечения государственной безопасности, по нашему мнению, возможно определить методом исключения путем сопоставления соответствующих положений Стратегии и Концепции.

С другой стороны, использование общественной и государственной безопасности в качестве единого стратегического национального приоритета подчеркивает их неразрывность, в связи с чем в ближайшей перспективе на государственном уровне также предстоит разрешить вопрос о целесообразности проведения указанного выше разграничения [7, с. 27–28], с учетом того факта, что периодом окончания второго и последнего этапа реализации Концепции является 2020 год, а значит уже давно возникли все предпосылки для корректировки концептуальных подходов к обеспечению общественной безопасности, представляющих собой один из составных элементов конституционной доктрины безопасности Российской Федерации.

5. С учетом закрепленного на уровне Основного закона страны и впоследствии отраженного в ст. 10 Федерального конституционного закона от 6 ноября 2020 г. № 4-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» обновленного порядка назначения на должности руководителей федеральных органов исполнительной власти (включая федеральных министров), ведающих вопросами обороны, безопасности государства, внутренних дел, юстиции, иностранных дел, предотвращения чрезвычайных ситуаций и ликвидации последствий стихийных бедствий, *общественной безопасности*, – это и дальнейшее развитие как в конституционно-правовой доктрине, так и в конституционной доктрине безопасности вопросов, связанных с нормативным правовым регулированием не только их статуса

и критериев классификации (в том числе с точки зрения особенностей процедуры назначения их руководителей), но и функционала как указанных органов власти, так и возможно (это предположение автора) планируемых к созданию в системе органов публичной власти иных правоохранительных и (или) государственных структур (например военно-гражданских администраций, каких-либо иных, призванных обеспечивать общественную безопасность наряду с органами внутренних дел Российской Федерации и упомянутыми подразделениями МЧС России органов).

Так, обратим внимание на отсутствие в данном перечне руководителя Федеральной таможенной службы, органы и отдельные структурные подразделения которой правомочны осуществлять оперативно-розыскную деятельность, но наличие органов МЧС России и, как отмечалось на некоторых научных конференциях, проведенных в конце 2022 г., – Росгвардии.

Однако с учетом положений нормативных правовых актов, определяющих статус Росгвардии и ее функционал, указанное предположение, по мнению автора, с точки зрения формально-юридического подхода представляется не вполне логичным.

Ведь согласно ст. 1 Федерального закона от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» войска национальной гвардии Российской Федерации являются государственной военной организацией, предназначенной для обеспечения *государственной и общественной безопасности*, защиты прав и свобод человека и гражданина, а в соответствии с п. 1 Положения о Федеральной службе войск национальной гвардии Российской Федерации, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 30 сентября 2016 г. № 510, Росгвардия является федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере деятельности войск национальной гвардии Российской Федерации, в сфере оборота оружия, в сфере частной охранной деятельности, в сфере частной детективной деятельности, в сфере вневедомственной охраны, *а также в сфере обеспечения общественной безопасности в пределах своих полномочий*.

При этом в отличие от указанных выше положений применительно к определению содержания термина «сфера внутренних дел» в Положении о Министерстве внутренних дел Российской Федерации, утвержденном Указом Президента Российской Федерации от 21 декабря 2016 г. № 699, избран иной подход, перечисляющий отдельные направления деятельности, в том числе ранее осуществ-

вляемые упраздненными ФМС и ФСКН России функции по разработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере контроля за оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров и в сфере миграции, которые формируют его состав путем наличия соответствующего сокращения (далее – сфера внутренних дел), впоследствии использованного в тексте обновленной редакции Конституции Российской Федерации.

Также отметим, что указанные обстоятельства вновь возвращают нас к дискуссии о необходимости и целесообразности разграничения содержания терминов «государственная безопасность» и «общественная безопасность» либо восприятия их как единого и неделимого стратегического национального приоритета, что, по мнению автора, исходя из проведенного в рамках настоящей статьи анализа представляется не вполне логичным.

6. На новый – конституционный уровень – в настоящее время также выведена правовая регламентация вопросов обеспечения безопасности личности, общества и государства при применении информационных технологий, обороте цифровых данных (отнесенных к ведению Российской Федерации в рамках новой редакции п. «м» ст. 71 Конституции Российской Федерации).

В этой связи применительно к деятельности федеральных органов исполнительной власти и правоохранительных структур с учетом современных вызовов в качестве отдельных направлений дальнейшего развития конституционной доктрины безопасности полагаю возможным выделить следующие:

6.1. Необходимость повышения защищенности российских информационных систем и сетей связи, укрепление обороны отечественного цифрового пространства, реализация в федеральных органах исполнительной власти и в правоохранительных структурах положений Доктрины информационной безопасности, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 5 декабря 2016 г. № 646, а также Указа Президента Российской Федерации от 1 мая 2022 г. № 250 «О дополнительных мерах по обеспечению информационной безопасности Российской Федерации», в том числе в целях противодействия деятельности специальных служб иностранных государств и обеспечения защищенности объектов критической информационной инфраструктуры Российской Федерации.

6.2. Необходимость бережного отношения к персональным данным государственных и муниципальных служащих, в связи с чем перспективной представляется реализация в развитие положений Федерального закона от 8 июня 2020 г. № 168-ФЗ «О едином

федеральном информационном регистре, содержащем сведения о населении Российской Федерации», заложенных в нем подходов об установлении особого порядка обработки (уточнения, извлечения, обезличивания, блокирования, удаления и уничтожения) персональных данных отдельных категорий государственных служащих, в частности – сотрудников правоохранительных органов, лиц, находящихся под государственной защитой, об установлении порядка взаимодействия самих правоохранителей как с операторами персональных данных, так и друг с другом (см. Проект Федерального закона № 28094-8 «О внесении изменений в статью 4 Федерального закона "О прокуратуре Российской Федерации" и статью 10 Федерального закона "О персональных данных"»).

6.3. Формирование и развитие культуры информационной безопасности каждого служащего (сотрудника, работника) органов государственной власти и местного самоуправления, реализация в деятельности правоохранительных структур положений Концепции формирования и развития культуры информационной безопасности граждан Российской Федерации, утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 22 декабря 2022 г. № 4088-р, а также фактически сформированных в настоящее время применительно к деятельности отдельных категорий государственных (муниципальных) служащих этических требований, например, призванных воздерживаться от публичного размещения, в том числе в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, на личных страницах, страницах в социальных сетях и других ресурсах не только информации, содержащей негативные высказывания, суждения и оценки в отношении государственных органов, должностных лиц, политических партий, других общественных объединений, религиозных и иных организаций, профессиональных или социальных групп, граждан, но и фотографий и видеозаписей, позволяющих определить его персональные данные и персональные данные других служащих, включая их принадлежность к конкретному федеральному органу исполнительной власти, сведений о служебной деятельности.

Также, по мнению автора, в рамках этого направления особого внимания в ближайшей перспективе потребует выработка системных подходов о деятельности служащих всех органов государственной (муниципальной) власти при исполнении ими служебных обязанностей в случае осуществления в отношении них провокационных действий.

Список литературы:

1. Авакьян С. А. Конституционное право России. Том 1. Второе издание : учебный курс. М., 2007.
2. Богданова Н. А. Конституционный Суд Российской Федерации в системе конституционного права // Вестник Конституционного суда Российской Федерации. 1997. № 3 С. 63–69.
3. Бондарь Н. С. Конституционная безопасность личности, общества, государства: постановка проблемы в свете конституционного правосудия // Правовая реформа, судебная реформа и конституционная экономика : сборник статей. М., 2004. С. 42–43.
4. Бондарь Н. С. Российское конституционное право в ценностном измерении: как правовой отрасли, юридической науки, учебной дисциплины // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 11. С. 6.
5. Бошно С. В. Доктрина как форма и источник права // Журнал российского права. 2003. № 12. С. 71–78.
6. Григорьев И. Б. «Конституционная безопасность как категория в конституционно-правовой доктрине» // Правозащитник. 2014. № 4.
7. Григорьев И. Б. Конституционно-правовые основы обеспечения государственной безопасности: к вопросу о терминологии // Закон и правопорядок в третьем тысячелетии : сборник материалов международной научно-практической конференции. Калининградский филиал Санкт-Петербургского университета МВД России. 2017. С. 26–29.
8. Мулукаев Р. С., Малыгин А. Я. Вопросы безопасности в дореволюционном российском законодательстве // Академическая мысль. 2018. № 1 (2).
9. Пряхина Т. М. Конституционная доктрина Российской Федерации : научное издание. М., 2006.
10. Румянцев О. Г. Основы конституционного строя России (понятие, содержание, вопросы становления). М., 1994.
11. Эбзеев Б. С. Конституция. Правовое государство. Конституционный суд : учебное пособие для вузов. М., 1997. С. 5.

Конституционно-правовое оформление области в составе РСФСР как субъекта федерации

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению основных особенностей образования области в составе РСФСР как административно-территориальной единицы и ее становления и конституционно-правового оформления как субъекта Российской Федерации. Делается вывод об изменении характера федерации в России, обусловленного отказом от национального принципа ее построения.

Ключевые слова и словосочетания: федеративное устройство; административно-территориальное образование; область в составе Российской Федерации; субъект федерации; равноправие субъектов федерации.

Становление и конституционно-правовое оформление области в качестве субъекта Российской Федерации является значимой частью реформирования федеративного устройства России в конце 80-х – начале 90-х гг. XX в. Среди современных субъектов Российской Федерации, отличающихся своим статусом, временем создания и принципами, на основе которых они созданы, области – самые многочисленные субъекты, процесс формирования которых в качестве субъектов начинался с нуля, и ранее они не рассматривались как члены федеративного государства.

Россия была провозглашена федеративным государством в самом начале 1918 г. в резолюции, принятой Учредительным Собранием России, формулировка которой позволяет говорить о том, что в составе России предполагалось существование как

национальных, так и территориальных субъектов федерации – областей, в определенной степени обладающих суверенитетом¹.

Интересно, что идеи об области как основной составляющей будущего федеративного государства активно развивались сибирскими областниками еще в начале XX в. Именно области виделись ими в качестве субъектов федерации, создание которой областники не рассматривали как средство решения национального вопроса. Основное внимание в рассматриваемой теории уделялось областям, расположенным в Сибири, однако предполагалось, что они не потеряют солидарности и с другими областями империи [6, с. 53]. Таким образом, представители сибирского областничества считали, что области располагают и экономическими, и политическими возможностями для признания их частями федеративного государства. К сожалению, идеи о формировании федерации, в составе которой были бы территориальные субъекты, не были реализованы в послереволюционной России.

В 1918 г. на III Всероссийском съезде Советов была установлена возможность существования субъектов, созданных исключительно на национальной основе. Ст. 11 Конституции РСФСР 1918 г. определила для областей, отличающихся особым бытом и национальным составом, возможность объединения в автономные областные союзы, которые будут входить на началах федерации в Российскую Социалистическую Федеративную Советскую Республику², однако реализации на практике предложенная модель не получила.

Статус области, как наиболее крупной административно-территориальной единицы, был оформлен в ходе административного районирования страны, проводимого на основе разработанного Госпланом проекта районирования, тесно связанного с планом ГОЭЛРО. В качестве основы административно-территориального устройства был определен экономический принцип, таким образом подчеркивалась теснейшая связь экономического районирования и административно-территориального устройства, обусловленного задачами социалистического строительства, проводимыми индустриализацией и коллективизацией.

В системе формируемых административно-территориальных единиц областям отводилось центральное место, так как область рассматривалась коммунистической партией в качестве опорного

¹ О государственном суверенитете Российской Советской Федеративной Социалистической Республики : декларация СНД РСФСР от 12 июня 1990 г. № 22-1 // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1990. № 2. Ст. 22.

² Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики 1918 г. // Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. Т. 1. М., 1968.

пункта Советской власти, воплощающего комплексный характер организации территории советского государства.

Российскими государствоведами неоднократно отмечалась особенность правовой природы федерации в России, состоящая в том, что территория государства включала не только территории субъектов федерации, но также и части государства, являющиеся административно-территориальными единицами и состоящими с Российской Федерацией в унитарных отношениях [8, с. 84; 10, с. 47–48 и др.].

Для области, как территориальной единицы, выступающей (наряду с краями) основой административно-территориального деления, были характерны: реализация ряда задач государственного, хозяйственного и социально-культурного строительства; концентрация партийных и советских органов; деятельность как единого территориально-хозяйственного комплекса, в основе развития которого лежал производственный принцип.

Несмотря на законодательное закрепление административно-территориального статуса областей, ряд авторов рассматривали их не только как географические единицы, но и как политические единства. Так, Г. С. Гурвич считал, что несмотря на различие областей и автономий, их политическая и даже государственная равноценность несомненна. Мнение о необходимости признания областей субъектами государственно-правовых отношений отстаивал В. С. Основин, полагавший, что административно-территориальные образования, будучи составными частями союзных республик, реализуют права и выполняют возложенные на них обязанности, выступая при этом участниками отношений, являющихся государственно-правовыми, так как они связаны с формированием и функционированием органов государственной власти [5, с. 43]. Аналогичных взглядов придерживался и А. И. Лепешкин, считавший, что признание административно-территориальных образований субъектами государственно-правовых отношений обусловлено тем, что их правоспособность реализуется в лице соответствующих органов государственной власти [3, с. 37].

Более того, ряд советских авторов, несмотря на официальную точку зрения, готовы были рассматривать области и края в качестве субъектов федерации. Русская нация, сконцентрированная в административно-территориальных образованиях, интересы которой представлены федеральными государственными органами, по мнению П. Г. Семенова, рассматривалась в Конституции 1918 г. в качестве субъекта федерации, наряду с национально-территориальными автономиями [7, с. 72]. Мнение о необходимости признания областей и краев субъектами РСФСР разделяли и иные авторы [1, с. 200; 8, с. 75].

Тем не менее и в союзном, и в российском законодательстве закреплялся статус области только как административно-территориальной единицы. В областях и краях, составляющих неавтономную часть России, проживало в основном русское население, признаваемое основой, вокруг которого объединены остальные нации и народности, проживающие в РСФСР, следовательно, проблема национальной автономии русского народа отсутствовала. Учитывая, что основой построения федерации в России выступал исключительно национальный принцип, территориальные образования, не имеющие национальной автономии, не могли быть признаны субъектами федерации. Иное решение вопроса противоречило бы юридической природе РСФСР как федерации, основанной на автономии [4, с. 209].

Некоторое повышение самостоятельности областей было связано с попыткой отойти от отраслевой системы управления и утвердить территориальный принцип управления экономикой, результатом которой стало создание в 1957 г. Советов народного хозяйства экономических районов (далее – СНХ)¹. Проведение данных преобразований предполагало создание СНХ в экономических районах на областном уровне. Сформированные советы обладали широким объемом прав и ответственности за предприятия, находившиеся в их подчинении. Однако в 1965 г. СНХ были ликвидированы и возвращен отраслевой принцип управления экономикой, а области лишились самостоятельных полномочий в сфере управления.

Таким образом, в советский период области были образованы в ходе проведения экономического районирования и выступали основным звеном административно-территориального деления РСФСР. Анализ статуса областей позволяет говорить о существенных ограничениях объема их прав и полномочий по сравнению с автономными образованиями, являвшимися субъектами федерации. В то же время существенный вклад областей в развитие благосостояния общества, их огромный экономический и промышленный потенциал обусловили необходимость радикальных изменений статуса административно-территориальных единиц, осуществление которых проводилось с середины 80-х гг.

Учитывая, что в начале 90-х гг. бывшие автономные республики и автономные области России (за исключением одной), провозгласили себя суверенными республиками в составе Россий-

¹ О дальнейшем совершенствовании организации управления промышленностью и строительством : Закон от 10 мая 1957 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1957. № 11.

ской Федерации, различия статусов новообразованных республик и административно-территориальных образований стали еще более существенными. Это обусловило настоячивые требования областей и краев придать им статус государственных образований и законодательно закрепить в качестве полноправных субъектов Российской Федерации.

Декларация о государственном суверенитете РСФСР¹, принятая 12 июня 1990 г., включала положения, согласно которым признавалось необходимым существенное расширение прав областей, наряду с другими образованиями, входящими в состав Федерации.

В ходе обсуждения моделей реформирования федеративных отношений в России компромиссным решением стала подготовка и подписание Федеративного договора. После рассмотрения более 20 вариантов проекта договора было достигнуто согласие в том, что основное содержание договора должно касаться разграничения предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти, с одной стороны, и органами власти субъектов в составе Российской Федерации – с другой. В Федеративном договоре, подписанном 31 марта 1992 г., впервые признан статус субъектов федерации, образованных на основе территориального принципа, в том числе краев, областей, городов федерального значения.

Статус области, согласно Федеративному договору, характеризовался отсутствием суверенитета, в отличие от республик в составе Российской Федерации, которые традиционно, так же как и республики в составе СССР, реализующие право на самоопределение, установили в конституциях свою суверенность.

Расширены права области, касающиеся изменения границ. Обеспечивая территориальную целостность, области вправе решать данный вопрос самостоятельно, необходимо лишь утверждение решения федеральными органами государственной власти Российской Федерации. Важным изменением, характеризующим область как субъект федерации, стало ее наделение учредительной властью. Области получили право определения собственной системы органов государственной власти при утверждении общих принципов ее организации органами власти федерального уровня, а также возможность представительства в федеральном законодательном (представительном) органе.

¹ О государственном суверенитете Российской Советской Федеративной Социалистической Республики : декларация СНД РСФСР от 12 июня 1990 г. № 22-1 // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1990. № 2. Ст. 22.

Законодательное закрепление получили и иные полномочия, характеризующее область как субъект федерации – право принимать указы¹, возможность осуществлять правовое регулирование по вопросам совместного ведения федерации и субъекта Российской Федерации, самостоятельно реализовывать внешнеэкономические связи, решать вопросы собственности и др.

Несмотря на то, что области, наряду с другими территориальными образованиями, получили статус полноправного субъекта Российской Федерации, существенные различия в положении национальных и территориальных субъектов Российской Федерации не позволили достичь желаемого равноправия. Практика реализации Федеративного договора оказалась довольно противоречивой. В этой связи одной из основных проблем дальнейшего реформирования федеративных отношений стал вопрос уравнивания российских субъектов в правах.

Принятие новой Конституции в декабре 1993 г. стало новым этапом на пути формирования Федерации. Восприняв основные положения Федеративного договора, Конституция изменила статус областей и иных территориальных образований, существенно его повысив, приблизив к статусу республик в составе Российской Федерации. Упоминаний о суверенитете республик Конституция Российской Федерации не содержит, и, как подавляющее большинство современных федераций, не рассматривает субъекты, входящие в состав федерации в качестве суверенных государств. Принцип равноправия субъектов федерации впервые был установлен на конституционном уровне (ст. 5, 72).

В то же время различия в государственно-правовой природе субъектов были сохранены, правовое равенство, провозглашенное Конституцией 1993 г., не тождественно равенству статусов субъектов федерации, что позволяет считать Россию асимметричной федерацией.

Основной закон установил единство государственного суверенитета Российской Федерации, закрепил принципы верховенства Конституции и федеральных законов, разграничения предметов ведения Федерации и ее субъектов, равноправия субъектов Российской Федерации. Таким образом, изменение статуса областей (наряду с краями и городами федерального значения) повлекло

¹ О краевом, областном Совете народных депутатов и краевой, областной администрации Закон Российской Федерации : Закон от 5 марта 1992 г. № 2449-1. // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1992. № 13. Ст. 663.

формирование в России новой модели федеративного устройства, основанной на национально-территориальном принципе, что и было отражено в Конституции Российской Федерации 1993 г.

Список литературы:

1. Гайдуков Д. А., Фарберов Н. П. Новый учебник по советскому государственному праву // Советское государство и право. 1960. № 7. С. 200.
2. Коркмасова К. Д. Национальная государственность в СССР. Ростов, 1970.
3. Лепешкин А. И. Курс советского государственного права: в 2 т. М., 1961. Т. 1. С. 37.
4. Лепешкин А. И. Советский федерализм (Теория и практика). М., 1977.
5. Основин В. С. Государственно-правовые отношения. М., 1965.
6. Потанин Г. Н. Областническая тенденция в Сибири. Томск, 1907.
7. Семенов П. Г. Конституция РСФСР 1918 г. – первая Советская Конституция многонационального федеративного государства // Труды научной сессии, посвященной сорокалетию Конституции РСФСР 1918 г. : сборник. М., 1959.
8. Халилов А. М. РСФСР – социалистическое федеративное государство. Казань, 1967.

УДК 342
Виктория Константиновна Грошевая,
кандидат юридических наук, доцент,
докторант
Академия управления МВД России

**Деятельность органов пожарного надзора по обеспечению
пожарной безопасности в составе НКВД–МВД СССР в 30-50-е
годы XX века**

Аннотация

В статье рассматриваются особенности деятельности органов государственного пожарного надзора в 30–50-х гг. XX в., в период нахождения в ведомственном подчинении НКВД (МВД) СССР. Автор на основе общесоюзных и ведомственных нормативно-правовых актов НКВД (МВД) СССР освещает важнейшие задачи и функции органов пожарного надзора по обеспечению пожарной безопасности. Также в хронологическом порядке приводятся знаковые события, связанные с обеспечением пожарной безопасности, которые повлияли на становление и развитие органов государственного пожарного надзора.

Ключевые слова и словосочетания: государственный пожарный надзор; НКВД–МВД; пожарная охрана; Украинская ССР; пожарная безопасность.

Обеспечение пожарной безопасности является функцией государства, которая заключается в создании и поддержании условий, при которых отсутствуют или исключаются причины пожаров, прекращается воздействие их поражающих факторов и причинение ущерба. Важнейшей исторической вехой в истории становления пожарной охраны и развития органов государственного пожарного надзора является период 30-50-х гг. XX в., когда данные функции были возложены на аппараты и подразделения НКВД (МВД) союзных республик. Органы внутренних дел, как специально уполномоченные органы государственной власти, деятельность которых непосредственно направлена на охрану и защиту жизни, здоровья, прав и свобод граждан, эффективно выполняли контрольно-надзорную функцию государства в сфере пожарной безопасности.

Рассмотрим некоторые особенности данной деятельности на территории УССР в 30-50-е годы XX в.

Еще в 1920 г. пожарное дело было отделено от страхового и передано в Главное Управление коммунального хозяйства НКВД РСФСР, при котором был создан Центральный пожарный отдел с подотделами на местах [1]. Однако единая система органов государственного пожарного надзора, объединяющая профессиональные городские и объектовые пожарные части, добровольных помощников, была сформирована лишь в 1927 г. Позднее были закреплены ее функции и полномочия [2, с. 452].

Отметим, что в 1918–1920 гг. законы в сфере пожарной охраны, принятые в РСФСР, распространялись на все территории, которые подчинялись советской власти. Органы власти УССР дублировали все законодательные и нормативные акты Российской республики в отрасли пожарной охраны, что обеспечивало централизованную и организованную борьбу с пожарами в УССР [3, с. 95].

Важнейшими функциями государственного пожарного надзора являлись разработка государственного плана противопожарных мероприятий и проверка его выполнения, а также руководство, контроль и надзор за состоянием пожарной охраны и деятельностью коммунальных, ведомственных и общественных пожарных организаций и координация их работы. Основным направлением деятельности пожарного надзора были пропаганда и обучение населения мерам пожарной безопасности [4, с. 5, 6].

Одной из важных задач, стоявших перед органами пожарного надзора, была задача организации противопожарной защиты в сельской местности. В начале 30-х гг. противопожарная защита сельских населенных пунктов, а также хозяйственных объектов представлялась весьма сложной задачей. С целью решения этой проблемы правительство советской Украины рассматривало два варианта формирования пожарной охраны на селе: объединить сельские пожарные подразделения под руководством Наркомата коммунального хозяйства, оставив за Народным комиссариатом земледелия только финансирование противопожарных мероприятий, или создать ведомственную пожарную охрану в системе НКЗ УССР. Был избран второй вариант, и в период с 1932 по 1934 гг. при Наркомате земледелия УССР была создана ведомственная пожарная охрана в составе пожарной инспекции областных и районных земельных управлений и добровольных пожарных дружин [5, с. 243, 246].

10 июля 1934 г. был создан НКВД СССР, в состав которого вошло новое подразделение – Главное управление пожарной охраны (далее – ГУПО), и с этого момента устанавливается централи-

зованная политика государства в области обеспечения пожарной безопасности.

На это управление и его органы на местах был возложен государственный пожарный надзор на всей территории страны, пожарная охрана объектов, которые имели особо важное государственное значение [6, с. 123].

Главное управление пожарной охраны НКВД СССР осуществляло свою деятельность в довоенный и военный периоды. Во время реорганизации НКВД в МВД в 1946 г. Главное пожарное управление оставалось в структуре МВД СССР.

Состоянию противопожарной охраны уделялось постоянное внимание и в союзных республиках СССР. Приведем примеры работы по обеспечению порядка в этом вопросе в Украинской ССР.

Так, Постановлением Совета министров УССР «О состоянии противопожарной охраны в Украинской ССР» № 728 от 6 июня 1955 г. отмечалось, что «многие министерства и ведомства республики за последнее время значительно ослабили свое внимание к важному делу – противопожарной охране, в результате чего работа по предупреждению пожаров находится на низком уровне. Количество пожаров в УССР почти не уменьшается, а убытки от них из года в год возрастают»¹. В частности, указывалось неудовлетворительное состояние противопожарной охраны в Винницкой, Киевской, Житомирской, Харьковской, Черкасской, Черниговской и Хмельницкой областях.

В связи с этим министерству внутренних дел УССР было дано указание усилить руководство областными управлениями МВД и органами пожарной охраны республики, направляя их работу на предупреждение пожаров, а также на усиление массовой профилактической работы среди широких масс населения города и деревни.

Позже, с объявлением вышеуказанного постановления, министром внутренних дел УССР был издан приказ № 217 от 14 июня 1955 г., в котором указывались результаты проверок работы управлений и отделов (далее – УПО-ОПО) областей, свидетельствующих о том, что органы пожарной охраны МВД УССР с поставленными перед ними задачами не справлялись. В приказе подчеркивалось, что внедрение предупредительных мероприятий на объектах

¹ О состоянии противопожарной охраны в Украинской ССР: Постановление Совета министров УССР № 728 от 6 июня 1955 г. Фонд 13, Опись 2, Ед. хр. 159. Управление МВД по Ворошиловградской области: Секретариат. Дело № 8. Несекретные приказы МВД УССР: начато январь 1955 года, окончено декабрь 1955 года, количество листов 177. Л. 77, 78. Архив МВД Луганской Народной Республики.

промышленности городов и сельского сектора проведено неудовлетворительно, контроль выполнения предлагаемых органами государственного пожарного надзора мероприятий также велся неудовлетворительно. Органы государственного пожарного надзора не требовали от руководителей учреждений, заводов, предприятий, совхозов, колхозов и т. п. организации использования всех средств пожарной безопасности и совсем слабо проводили массовую профилактическую работу среди населения городов и сел по предупреждению пожаров.

На основании этого заместителю министра внутренних дел УССР, начальнику УПО МВД УССР, всем начальникам УМВД и начальникам УПО-ОПО УМВД областей УССР приказывалось взять под контроль работу органов пожарной охраны МВД, направляя их усилия на качественный надзор за противопожарным состоянием народного хозяйства и умелое тушение возникающих пожаров, а также потребовать от органов государственного пожарного надзора полного использования предоставленных им прав по привлечению к ответственности нарушителей противопожарных норм и правил. Помимо этого необходимо было обеспечить повсеместное систематическое проведение предупредительных мероприятий по борьбе с пожарами и соблюдение требований безусловного выполнения действующих Постановлений Правительства по вопросам пожарной охраны¹.

Позже в приказе МВД УССР «О состоянии и мерах по улучшению административной практики органов Госпожарнадзора МВД Украинской ССР» № 86 от 16 апреля 1956 г. приведен анализ результатов производственной проверки органами МВД и прокуратуры УССР законности наложения административных взысканий органами Госпожарнадзора за нарушение противопожарных правил и невыполнение требований пожарной безопасности за 1955 г., в ходе которой был выявлен ряд серьезных нарушений.

Одно из выявленных нарушений – несвоевременное взыскание штрафов, что приводило к снижению эффективности борьбы с нарушителями противопожарных правил.

Так, например, в Ворошиловградской области во втором полугодии 1955 г. не были взысканы денежные штрафы с 89 человек или 23 % оштрафованных органами Государственного пожарного надзора за это время, в Хмельницкой области остались невзыскан-

¹ С объявлением Постановления Совета Министров Украинской ССР № 728 от 6 июня 1955 года «О состоянии противопожарной охраны в Украинской ССР» : приказ МВД УССР № 214 от 14 июня 1955 г.

ными штрафы со 101 человека на сумму 10 730 рублей, что составляло 25 % к сумме наложенных штрафов. Также несвоевременно взыскивались денежные штрафы органами Государственного пожарного надзора Запорожской, Тернопольской, Львовской и других областей.

Однако имели место случаи необоснованного, незаконного наложения на граждан штрафов, в результате чего поступало много жалоб оштрафованных, по которым вышестоящие инстанции Государственного пожарного надзора в большинстве случаев отменяли или снижали денежные штрафы.

Так, из 294 жалоб оштрафованных, поступивших в УПО МВД УССР в 1955 г., по 84 или 28,6 % к общему числу поступивших жалоб сумма денежных штрафов была снижена в силу того, что штрафы были наложены без учета материального положения и степени виновности оштрафованных.

Отмечалось, что отдельные руководители УМВД и УПО/ОПО УМВД областей не уделяли должного внимания вопросам административной практики органов Государственного пожарного надзора, не требовали соблюдения инструкции о порядке наложения денежных штрафов за нарушение правил и требований пожарной безопасности.

В результате начальников УМВД областей обязали не реже одного раза в полугодие обсуждать на совещании руководящего состава состояние и меры по улучшению административной работы по предотвращению пожаров и невыполнению правил пожарной безопасности и требований органов государственного пожарного надзора, а также по договоренности с областной прокуратурой практиковать проверки административно-следственной работы и заслушивание районных пожарных инспекторов, начальников районных инспекций государственного пожарного надзора и городских пожарных команд с участием городских и районных прокуроров¹.

Усиление борьбы за максимальное снижение числа пожаров и убытков от них в народном хозяйстве были одной из главных задач органов МВД. Значительную помощь в решении этой задачи в то время могли оказать пожарно-технические секции, входящие в состав научно-технического общества санитарной техники и городского хозяйства.

Приказом МВД УССР «Об участии МВД УССР и УМВД областей в работе научно-технического общества санитарной тех-

¹ О состоянии и мерах по улучшению административной практики органов Государственного пожарного надзора МВД Украинской ССР: приказ МВД УССР № 86 от 16 апреля 1956 г.

ники и городского хозяйства» № 190 от 21 сентября 1956 г. предписывалось начальнику УПО МВД УССР и начальнику финотдела МВД УССР оформить вступление МВД УССР юридическим членом Украинского республиканского научно-технического общества санитарной техники и городского хозяйства с ежегодным членским взносом в размере 500 рублей. Начальникам УМВД областей разрешалось вступить юридическими членами областных правлений научно-технического общества санитарной техники и городского хозяйства, а ежегодные членские взносы вносить за счет административно-хозяйственных расходов в размерах по согласованию с областными правлениями общества, но не более 200 рублей в год. Также оказывать содействие в организации пожарно-технических секций при управлениях и отделах пожарной охраны УМВД и создании необходимых условий для их работы.

Наряду с этим начальнику УПО МВД УССР и начальникам УМВД областей необходимо было привлекать секции противопожарной техники и профилактики Украинского республиканского правления научно-технического общества санитарной техники и городского хозяйства, а также его областных управлений к решению задач, стоящих перед пожарной охраной¹.

Пожалуй, наиболее важной деятельностью с точки зрения значимости органов пожарной охраны МВД стало обеспечение охраны урожая от пожаров. При подготовке к сбору урожая 1956 г. органами пожарной охраны МВД Украинской ССР была проведена значительная организационная и практическая работа по обеспечению охраны урожая от пожаров². Были разработаны мероприятия по охране урожая, изданы массовым тиражом и распространены среди населения плакаты, инструкции, противопожарные правила, лозунги и листовки по предупреждению пожаров. Все специалисты сельского хозяйства обучены пожарно-техническому минимуму. Колхозники и другие лица, занятые на уборке хлеба, были проинструктированы о мерах пожарной безопасности. Уборочные машины обеспечены защитными противопожарными устройствами и средствами пожаротушения.

В результате принятых мер количество пожаров хлебных полей в 1956 г., по сравнению с 1955 г., было снижено на 78,1 %, а потери зерна от них уменьшились на 84,1 %. Во многих областях не было

¹ Об участии МВД УССР и УМВД областей в работе научно-технического общества санитарной техники и городского хозяйства : приказ МВД УССР № 190 от 21 сентября 1956 г.

² Об итогах работы пожарной охраны Украинской ССР по обеспечению охраны урожая 1956 года от пожаров : приказ МВД УССР № 245 от 29 ноября 1956 г.

допущено ни одного пожара хлебного урожая. В соответствии с этим, руководством УВД областей были положительно отмечены наиболее отличившиеся в подготовке и проведении охраны урожая работники пожарной охраны и милиции, а оправдавшие себя формы и методы работы в подготовке и проведении мероприятий по охране урожая от пожаров закрепились. На основе анализа проделанной работы по обеспечению охраны урожая от пожаров разрабатывались мероприятия по охране урожая на будущий год.

Таким образом, органы пожарного надзора НКВД (МВД) СССР, выполняя важнейшие функции по обеспечению пожарной безопасности, среди которых: разработка планов противопожарных мероприятий, руководство, контроль и надзор за состоянием пожарной охраны и деятельностью коммунальных, ведомственных и общественных пожарных организаций и координация их работы, проведение профилактической работы и обучение населения мерам пожарной безопасности.

Основными задачами органов пожарного надзора НКВД (МВД) СССР являлись: совершенствование работы по предотвращению пожаров, обеспечению противопожарной защиты городов и других населенных пунктов, а также объектов народного хозяйства; повышение эффективности борьбы с огнем; осуществление контроля за выполнением профилактических мероприятий и установленных требований пожарной безопасности. Немаловажная роль принадлежит органам государственного пожарного надзора НКВД (МВД) СССР в мирном послевоенном строительстве. Для решения принципиально новых проблем, связанных с предупреждением пожаров и взрывов на важных стратегических предприятиях, привлекаются научные работники, используются достижения науки и техники, разрабатываются новые нормативные документы и регламенты, производится организационная перестройка работы пожарной охраны.

Список литературы:

1. Пожарное дело передано в Главное управление коммунального хозяйства НКВД // ВДПО РФ. URL: https://вдпо.рф/calendar/1920-7-12_pozharnoe-delo-peredano-v-glavnoe-upravlenie-kommunalnogo-khozyaystva-nkvd/ (дата обращения: 18.11.2022).
2. Машура С. В. История становления и развития советской пожарной охраны в XX веке // Образование и право. № 7. 2021. С. 451–454.

3. Харламов М. И. Система пожежної охорони в УСРР як складова державної політики цивільної безпеки громадян (1918–1934 рр.): спеціальність 07.00.01 «Історія України»: дис. ... д-ра ист. наук. Черкаси, 2021. 458 с.

4. Ильин В. В., Дебров С. В. Государственному пожарному надзору 85 лет 1927–2012 // Пожаровзрывобезопасность. 2012. Том 21. № 7. С. 5–9.

5. Томиленко А. Г. Реорганизация пожарного дела в системе народного комиссариата земледелия УССР в 1932–1934 гг. // Пожарная безопасность: проблемы и перспективы. 2013. № 1 (4). С. 243–247.

6. Смирнова А. А., Талашова А. А. Система советского законодательства о пожарной безопасности (по материалам боевых уставов пожарной охраны 1937, 1940, 1953, 1970 гг.) // Вестник Санкт-Петербургского университета государственной противопожарной службы МЧС России. 2016. С. 122–129.

Ольга Николаевна Жидконожкина,
старший преподаватель
кафедры административной
деятельности органов внутренних дел
Воронежский институт МВД России,

Анжелика Павловна Жукова,
инспектор отделения планирования
и контроля качества учебного процесса
и практики учебного отдела
Воронежский институт МВД России

Сущность общественного контроля как формы взаимодействия полиции и институтов гражданского общества

Аннотация

В статье проведен анализ сущности общественного контроля как формы взаимодействия органов внутренних дел (в частности, сотрудников полиции) и граждан и общественных объединений. Авторы практически согласны с отечественными учеными о том, что без учета общественного мнения в настоящий момент нельзя принимать нормативно-правовые акты, касающиеся общественно-государственного устройства в целом и отдельных сфер жизнедеятельности российских граждан. В такой форме сотрудничество общества и государства усиливает эффективность публичной власти, деятельность которой изначально нацелена на повышения общего уровня благосостояния и благополучия населения, в том числе в сфере обеспечения правопорядка и общественной безопасности. Особое значение приобретает общественный контроль за деятельностью полиции, которая в большей степени, нежели другие правоохранительные органы, контактирует с населением в различных вопросах жизнедеятельности.

Ключевые слова и словосочетания: общественный контроль; власть; органы внутренних дел; взаимодействие полиции и граждан; принципы деятельности.

В современном обществе средства массовой информации, в том числе центральное телевидение, радио и социальные сети, форми-

руют основу для так называемой активной гражданской позиции населения, которая во многом определяет правовую культуру и правосознание граждан, что, в свою очередь, безусловно способствует, с одной стороны, «прозрачности» работы органов внутренних дел (многие факты противоправных действий и пассивного бездействия фиксируются людьми и в дальнейшем в официальном порядке направляются в вышестоящие и надзирающие органы в качестве обращений пострадавших граждан или очевидцев происшествия), а с другой – стимулирует практических сотрудников к профессионально-служебному самосовершенствованию (например, в 2016–2021 гг. это утверждение стало очевидным в условиях повышенного внимания к выборам, обеспечению правопорядка и общественной безопасности при проведении митингов, когда в таких условиях от сотрудника ОВД требуется знать в полном объеме и неукоснительно соблюдать нормы действующего законодательства России, а потенциальные нарушители правопорядка и законности используют малейшие поводы для дискриминации государственной власти в лице правоохранительных органов).

Как известно, с концептуальной позиции изначально в любом демократическом правовом государстве население наделено широким спектром полномочий (например, на уровне представительства в органах муниципальной власти) и реальных возможностей влиять на внутриполитические и общественные процессы (речь идет о таком социологическом понятии, как гражданский контроль, именуемый «общественным контролем») [3].

В настоящее время на самом высоком государственном уровне отмечается тот факт, что развитие института общественного контроля является наиболее социально-значимым и перспективным «проектом» с позиции результативности (конечного результата) взаимодействия государства и общества, когда выстраивается действенный административно-правовой механизм такого контроля и данные процессы во многом регулируются самостоятельно. При этом практика свидетельствует о том, что общественный контроль как таковой получил достаточно широкое распространение и уже длительное время успешно используется в ряде развитых западных стран. Власть и общество выстраивают четкий порядок (механизм) такого взаимодействия на основе принятия соответствующих нормативных стандартов и принципов, которые в большей степени имеют административно-правовую природу.

Проведенное исследование показало, что исторически в нашей стране сложилось так, что на протяжении длительного времени одной из основных (массовых и успешных с позиции результатив-

ности) форм взаимодействия государства с институтами гражданского общества является добровольное осуществление населением (народа в широком смысле) контроля, в том числе в сфере охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности. Это не означает, что других форм взаимодействия нет или они не эффективны.

В нашей стране после изменения внутривластной формации и курса общественно-государственного развития существенно изменились принципы взаимодействия государственной власти и общества, появились предпосылки для более широкого охвата сфер такого взаимодействия и необходимость консолидации усилий в ряде специальных направлений, поскольку без подобной работы невозможно представить уже в современной России само существование государственного механизма и общественных институтов (гражданского общества в целом). Яркий пример – охрана прав, свобод и законных интересов личности, обеспечение законности в сфере охраны правопорядка и осуществления правосудия, а также борьбы с правонарушениями и преступлениями [2, с. 18]. В этих сферах от активной гражданской позиции (степени вовлеченности населения) зависит во многом успех и минимизация затрат с позиции использования тех или иных финансовых, экономических, технологических средств и административных ресурсов. Формула взаимодействия «государства и общества» вполне проста и логична с точки зрения теории государства и права, а также современных реалий человеческой цивилизации: «Чем активнее население той или иной страны, тем эффективнее работают различные институты гражданского общества и общественный контроль, а значит государственный аппарат успешнее выполняет взятые на себя обязательства перед этим населением в контексте достижения благополучия социума в целом.

В постсоветской России после начала активного реформирования с середины 90-х гг. XX в., поэтапно развивались и подходы к понятию, сущности и специфике административно-правового механизма, который необходимо создать для эффективного взаимодействия власти и общества, в том числе в сфере обеспечения общественной безопасности и охраны правопорядка в стране. В условиях «криминального взрыва» – «лихих 90-х», и далее в самом начале 2000-х гг., вопрос об общественном контроле не мог быть решен в условиях социально-экономической и политической нестабильности. Научные представления о возможности построения и практической реализации в Российской Федерации «идеальной модели общественного контроля», к сожалению, в тот период оставались лишь «на бумаге». Об этом свидетельствуют публикации из откры-

того доступа многих отечественных ученых-административистов, которые изучали дореволюционный, советский и зарубежный опыт правового регулирования рассматриваемого института.

Только 21 июля 2014 г. уже в новейшей истории России после длительных обсуждений и доработки был принят основополагающий нормативно-правовой акт в данной сфере общественно-государственной жизни нашей страны Федеральный закон № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации»¹, который стал фундаментом для новой эпохи и новых форм взаимодействия общества и власти в условиях, когда Российская Федерация достигла пика социально-экономического развития в период начала XXI в., когда население проявляет готовность и решительность к такой форме «сотрудничества» и «взаимодействия», поскольку уровень правовой грамотности, правосознания и правовой культуры, несомненно, постоянно растет, что в конечном счете сказывается и на общественно-государственном устройстве. По мнению ведущих ученых-правоведов, Конституция Российской Федерации 1993 г. смогла остановить Россию перед чертой гражданской войны, предотвратить развал России. Основной закон страны с того момента стал новым фундаментом для построения гражданского общества. Изменения 2020 г. развили и усовершенствовали идеи социального правового демократического государства, так или иначе расширив роль и значение институтов гражданского общества в жизни нашей страны, в том числе по отдельным вопросам прямо и косвенно отразились на организации и осуществлении общественного контроля в правоохранительной сфере.

Однако в современной российской действительности попытки широкого практического внедрения организационно-правовой модели построения механизма общественного контроля в некоторых случаях оказались безуспешными и малоэффективными. Ментальность, этническая и половозрастная специфика населения, особенности культурно-исторического и социально-демографического развития, а также происходящие в масштабе страны и отдельных регионов экономико-политические процессы и явления (в частности, продолжающийся мировой и внутрироссийский финансовый кризис в условиях ужесточения санкционной политики и эпидемии коронавируса COVID-19), во многом определили *de facto* провал ряда законодательных инициатив и решений в рамках реформ сфе-

¹ Об основах общественного контроля в Российской Федерации : Федер. закон от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ (ред. от 27.12.2018) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 30 (Ч. I). Ст. 4213.

ры общественно-государственного партнерства. В условиях снижения реального дохода населения говорить о внедрении в ближайшей перспективе новых инновационных инициатив в сфере модернизации общественного контроля вообще не приходится – население, с одной стороны, не одобряет любые ужесточения требований «применительно к себе» (например, расширения и активизацию надзорной деятельности государства в сфере рыболовства, охоты и лесозаготовительной деятельности, или же увеличения размеров штрафов за нарушения правил дорожного движения), а с другой – требует от государства открытости и внимания к вопросам, затрагивающим наиболее актуальные проблемы общества – коррупцию, миграционные процессы, правопорядок и безопасность, окружающую среду, пенсионную и налоговую реформы и т. д. Поэтому исследование вопросов организации такого взаимодействия власти и общества, особенно применительно к деятельности полиции, целесообразно начинать с анализа правовой природы и сущности такой категории, как «гражданское общество». Уяснение его социального предназначения позволило вместе с правовым содержанием понять цели и задачи, которые преследует государство во взаимодействии с общественными институтами, а также выявить приоритетные направления этой деятельности со стороны гражданского общества в краткосрочной и среднесрочной перспективе.

Добавим, что официально до сих пор законодательного определения категории «гражданское общество» не дано в контексте проблем общественно-политического устройства российского государства, поэтому используем доктринальное определение из отраслей юридических знаний, прежде всего, административного права. Отдельные исследователи неоднократно подчеркивали необходимость определения понятия, сущности и юридических критериев термина «гражданское общество» для развития тех или иных направлений научных знаний, рассмотрения и успешного внедрения на практике различных законодательных инициатив.

При этом проводя анализ научной литературы, мы определили, что термин «общественный контроль» является многогранным термином, которыми оперируют исследователи в следующих научных сферах (отраслях знаний) гуманитарного цикла: истории, социологии, политологии, философии, собственно юриспруденция (в том числе муниципальное право, служебное право, информационное право, административная деятельность органов внутренних дел и т. п.), в связи с чем выделили следующие ключевые принципы общественного контроля за деятельностью полиции:

1) приоритет прав, свобод и законных интересов человека и гражданина (защита таких ценностей является определяющей в общественной контроле);

2) добровольность осуществления общественного контроля (субъекты общественного контроля полностью независимы и инициативны в той или иной ситуации и проблеме, требующей активизации с позиции детального контроля и наблюдения для достижения конкретной социально-значимой позитивной цели общественно-государственного развития);

3) самостоятельность, структурно-функциональная и финансовая независимость субъектов от объектов общественного контроля (именно этим достигается объективность и всесторонность получаемых результатов при осуществлении общественного контроля, результативность последующих решений по оптимизации и совершенствованию государственного управления);

4) публичность и открытость осуществления общественного контроля и общественного обсуждения его результатов (на всех стадиях – от самых ранних стадий наблюдения и начала мониторинга ситуации до момента корректировки и принятия управленческих решений по изменению текущей ситуации в той или иной сфере с обязательной фиксацией результатов контроля в открытых источниках – средствах массовой информации, научных публикациях, докладах, аналитических обзорах, заключений экспертных групп и т. д., в том числе опубликование на официальных сайтах сети Интернет);

5) законность деятельности субъектов общественного контроля (деятельность субъектов общественного контроля строго регламентирована нормами действующего законодательства и не может им противоречить, иначе она является незаконной и не может быть использована в социально-позитивных целях государственного развития);

6) объективность и добросовестность субъектов общественного контроля, достоверность результатов общественного контроля (предполагает использование современных методик и технических средств анализа и обобщения получаемых субъектами общественного контроля данных, а также достижений различных отраслевых наук, в том числе административного права, информационного права, муниципального права, социологии, политологии, информатики, правовой статистики, криминологии, виктимологии и т. д.);

8) многообразие форм общественного контроля (логично с позиции действующего закона об общественном контроле, где как нами было отмечено ранее, говорить о том, что данным зако-

ном не ограничиваются сфера применения и существующие формы общественного контроля в России);

9) недопустимость злоупотребления правами субъекта общественного контроля (изначально контрольная деятельность не должна приводить к конфликту интересов между субъектом и объектом общественного контроля, быть средством «давления» и «решения проблем», в частности, на практике распространены случаи, когда формы общественного контроля используются в качестве мести за профессиональную деятельность сотрудников полиции, когда «коллективная общественность» подталкивается третьими заинтересованными лицами в собственных интересах для того, чтобы вынудить сотрудников отказаться от принятия тех или иных управленческих решений, не случайно в ст. 11 Федерального закона № 212-ФЗ указаны положения, раскрывающие понятие «конфликта интересов при осуществлении общественного контроля»);

10) юридическая ответственность за нарушение законодательства об общественном контроле (в зависимости от обстоятельств нарушений процедур и правил, прямо или косвенно связанных с организацией и осуществлением общественного контроля деятельности полиции, предусмотрены основания и пределы ответственности в рамках действующих КоАП РФ, УК РФ, ГК РФ).

При этом нельзя забывать и о наличии взаимосвязи и взаимообусловленности общественного контроля над деятельностью полиции и другими ведомствами «силового блока», поскольку человек, совершивший противоправные действия, как правило, проходит все этапы – от момента возбуждения административного производства (или уголовного дела) до вынесения решения суда по административному/уголовному делу, и в ряде случаев это связано с уголовно-процессуальными и уголовно-исполнительными правоотношениями (например при разрешении проблем осуществления общественного контроля для обеспечения законности при заключении под стражу либо в местах лишения свободы при назначении соответствующего уголовного наказания) [1, с. 304]. Общественный контроль осуществляется и на этапе ресоциализации бывшего осужденного лица (в том числе лиц, подвергнутых административному надзору).

Таким образом, подводя итоги рассмотрения сущности общественного контроля как формы взаимодействия полиции и институтов гражданского общества, можно сделать ряд ключевых выводов.

Во-первых, во все времена в нашем государстве гражданское общество (население в широком социологическом смысле) выступает важнейшей опорой действующей власти (как и сейчас, не только за счет активизации вовлечения населения к охране обществен-

ного порядка и профилактической деятельности, но и повышения качества и масштабов использования потенциала общественного контроля над административной деятельностью органов внутренних дел (полиции), создаются максимально-выгодные условия для эффективной профилактики административных правонарушений и преступлений, обеспечения общественного порядка и общественной безопасности, что является одним из ключевых факторов и юридическим базисом поступательного развития и стабильности государства). При этом демократизация российского общества, рыночные экономические реформы, формирование институтов гражданского общества привели к тому, что современная полиция в целях повышения обеспечения принципа приоритета прав и свобод личности, повсеместного обеспечения принципа законности и в целом повышения эффективности своей работы по предупреждению административных правонарушений и преступлений начали восстанавливать общественные связи и выстраивать новые формы взаимодействия с гражданами, общественными и иными объединениями (организациями), деятельность которых выступает в роли мощного мобилизующего фактора, существенно влияющего на качество выполняемых функций как отдельными сотрудниками различных подразделений органов внутренних дел на местах, так и в целом системой МВД России в связи с другими «силовыми» ведомствами и субъектами профилактики.

Во-вторых, общественный контроль за деятельностью полиции представляет собой деятельность субъектов общественного контроля за деятельностью полиции, осуществляемую в целях наблюдения, общественной проверки, анализа и оценки издаваемых ими актов и принимаемых решений.

В-третьих, активное вовлечение населения в сферу организации и осуществления общественного контроля за законностью административной деятельностью полиции в некотором смысле является своеобразной формой «самопрофилактики» противоправных действий самих граждан (причем значимость такой деятельности значительно вырастает с учетом интенсивной цифровизации современного российского общества, когда каждое управленческое решение органов государственной власти, в том числе должностных лиц правоохранительных органов, находится под пристальным вниманием общественности и может вызвать как позитивную, так и крайне негативную реакцию и соответствующие последствия в виде протестов и обращений граждан).

Список литературы:

1. Краева Н. В. Аспекты осуществления общественного контроля в отношении лиц, осужденных условно, с применением уголовно-правовых мер без изоляции от общества, в уголовно-исполнительных инспекциях УИС // Современный ученый. 2022. № 1.

2. Крицкая М. С. Общественный контроль административной деятельности полиции: правовые и организационные аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2017.

3. Хрипкова Д. В., Хрипков К. А. Общественный контроль в государственном и муниципальном управлении: учебно-методическое пособие для бакалавров направления подготовки 38.03.04 «Государственное и муниципальное управление» / сост. Д. В. Хрипкова, К. А. Хрипков. Белгород: Белгородский государственный национальный исследовательский университет, 2021. 116 с.

**К истокам революционно-марксистской теории права в России
(о юридическом наследии П. И. Стучки)****Аннотация**

После захвата большевиками власти в России осенью 1917 г. произошло уничтожение правовой системы, существовавшей в Российской империи. Создатели марксизма – К. Маркс и Ф. Энгельс предполагали, что в коммунистическом будущем государстве и праву уготовлена роль отмирающих институций. Однако революционная реальность России не подтвердила такие прогнозы, а создателям первого в мире государства «рабочих и крестьян» пришлось в авральном режиме создавать и осмысливать революционное право. Автор статьи делает попытку определить истоки революционно-марксистской теории права в России через оригинальные взгляды и творчество правоведа-практика – Петра Ивановича Стучки.

Ключевые слова и словосочетания: П. И. Стучка; революция; марксизм; революционно-марксистская теория права; политика; правопонимание; государство.

Концепция права как системы последовательных и логичных норм, которые в конечном итоге находят свое обоснование в норме фундаментального характера, продолжает относиться к числу доминирующих и в ХХI в.

Одной из центральных характеристик такого представления о праве, унаследованного нами от Ганса Кельзена, является стремление показать себя «очищенным» от всякой политической идеологии и всякого влияния социального мира, так как «юриспруденция совершенно некритично смешалась с психологией и социологией, этикой и политической теорией» [6, с. 10]. В связи с этим Г. Кельзен намеревался исключить из права все элементы, которые казались ему неприемлемыми, особенно политику и мораль.

Однако каждое общество на определенном этапе своего развития придерживается гегемонистских убеждений в отношении того, что такое право. При смене форм общественного устройства особенно активно выдвигаются альтернативные концепции, которые предлагают иной образ права, обсуждение его «новой» роли, которую оно должно играть в «новом» обществе.

Известный российский исследователь права Геннадий Васильевич Мальцев (1935–2013 гг.), характеризуя революционные преобразования, писал, что «в политико-правовом смысле революция есть одновременная смена формы правления, политического режима и правовой системы, достигаемая в относительно быстрые сроки, радикальными средствами, прежде всего путем революционного насилия» [8, с. 272].

Приход большевиков к власти в России осенью 1917 г., названный Антонио Грамши (1891–1937 гг.) «революцией против "Капитала"» [18], ознаменовал необходимость овладения революционной правовой реальностью.

Большевики объявляли себя наследниками и сторонниками теоретических взглядов на общество Карла Маркса (1818–1863 гг.) и Фридриха Энгельса (1820–1895 гг.).

Право не являлось главным объектом классического марксистского анализа. К. Маркс и Ф. Энгельс имели дело с правом лишь косвенно, и построить надежную правовую картину мира на основе того, что написали классики по этому вопросу невозможно. Конечно, это вполне объяснимо: К. Маркс определил в качестве базиса материальные обстоятельства жизни, производственные отношения, как ключ к пониманию общества.

Право, также государство и другие институты были лишь частью надстройки, содержание и форма которой вытекают из императивов и ограничений, налагаемых производственными отношениями данного времени и пространства. Право в классической марксистской теории, несомненно, является производным продуктом.

К. Маркс полагал, что правовой порядок, присущий капиталистической системе, – это закон неравенства, поскольку он применяет равную меру к тому, что является неравным. Иными словами, право является неравноправным, потому что абстрагируясь в идеальном плане от неравенства, проявляемого конкретными индивидами, оно в конечном итоге применяет один и тот же критерий для всех.

В соответствии с марксистской доктриной исторического материализма и классовой борьбы, коммунисты полностью отрицают беспристрастность закона. Любой закон для них, в первую оче-

редь, – закон правящего экономического класса; беспристрастное правосудие – всего лишь иллюзия, а закон на самом деле отражает классовую концепцию справедливости. «Ваш закон, – писал Карл Маркс, обращаясь к буржуазии, – это воля вашего класса, облеченная властью закона» (*Euer Recht nur zurn Gesetz erhobene Wille eurer Klasseist ...*) [9].

В. И. Ленин еще до октября 1917 г. в работе «Государство и революция» писал об отмирании государства в будущем, не определяя временных границ этого явления, и о буржуазном характере права переходного периода [7].

С 1917 по 1920 гг. «призрак коммунизма» еще бродил по Европе. В 1918 г. Н. И. Бухарин вслед за В. И. Лениным с уверенностью утверждал, что «в переходный момент между капитализмом и социализмом нужна классовая диктатура пролетариата, пролетарское государство, для того, чтобы додушить буржуазию, нужно орудие угнетения против буржуазии. Пролетарская диктатура – это ... государство-коммуна, без полиции, без постоянной армии, без чиновничества». Что же касается коммунизма, то при его наступлении должно произойти отмирание государства: «Никакого государства не будет в коммунистическом строе» [2, с. 19].

Однако в условиях откладывания вопроса всемирной революции на неопределенное время идея отмирания государства и права тускнела.

Молодое государство, возникшее в результате победоносного большевистского восстания, было вынуждено строить правовую жизнь на новых основах и, в соответствии с этим создавало новую теорию права и правовую систему.

В связи с тем, что К. Маркс и Ф. Энгельс не разработали в своих трудах стройной картины правопонимания, советским теоретикам пришлось предпринять напряженные усилия, чтобы нащупать марксистскую нить права и создать свою собственную прагматическую концепцию права в качестве руководства для практики судов и административных органов.

В силу этого полагаем, что раскрытие связи между правом и марксизмом – это хорошая возможность определить вклад, внесенный советскими юристами в область институционализированного марксизма.

Достаточно большой круг исследователей называют четвертого Народного комиссара юстиции РСФСР Петра Ивановича (Петериса Яновича) Стучку (1865–1932 гг.) в качестве создателя большевистской (революционно-марксистской) теории права [1, 4, 5, 10, 17, 19].

Так, В. В. Гзовский в статье «Советская концепция права» писал: «работы Стучки и Пашуканиса превзошли другие по значимости, потому что остальные признанные советские авторы в области философии права либо следовали за Стучкой, как Поволоцкий; или следовали за Пашуканисом, как Резунов и Разумовский; или же ограничивались простой критикой «буржуазных» теорий права, как Ильинский» [19, с. 19].

Восхождением к марксистской юридической теории П. И. Стучки можно считать статью, опубликованную в газете «Правда» в 1917 г. «На почве закона или на почве революции?» [13], в которой жесткой критике подвергается тезис Министра юстиции Временного правительства А. Ф. Керенского о тотальном соблюдении законности чинами вверенного ему министерства.

В своих ранних работах советского периода П. И. Стучка вслед за В. И. Лениным и Н. И. Бухариным заявляет: «О пролетарском же праве мы можем говорить только как о праве переходного периода, периода пролетарской диктатуры ... С устранением государства, как органа угнетения в руках того или иного класса взаимоотношения людей и социальный порядок будут регулироваться не принуждением, а сознательной доброй волей трудящихся, т. е. всего нового общества» [15, с. 210].

Таким образом, П. И. Стучка ссылается на отмирание закона, он не указывает на то, что с этим исчезнет всякий смысл регулирования. «Сознательная добрая воля трудящихся» заменяет феномен закона. П. И. Стучка намекает, что закон приобретает совершенно новое значение. Означает ли это, что он исчезает?

Что могло бы помочь нам ответить на этот вопрос, так это изучить анализ П. И. Стучки о доклассовом обществе, в частности первобытный коммунизм. Если форма права существовала в доклассовом обществе, то логически она может существовать и в постклассовом обществе. П. И. Стучка избегает этого вопроса. Закон, как и государство, его авторитет и справедливость, может иметь классовую природу только в классовом обществе. Спорный академический вопрос о том, существовало ли право в доклассовом обществе и будет ли оно существовать в постклассовом обществе П. И. Стучка оставляет нетронутым.

П. И. Стучкой было предложено первое советское определение права, как «системы или порядка общественных отношений, соответствующие интересам господствующего класса и охраняемые организованной силой» [14, с. 227].

Это определение практически дословно было включено в ранний советский законодательный акт «Руководящие начала по уголовному праву Р.С.Ф.С.Р.» [11].

Примечательно, что в этом определении акцент делался на социальной основе закона. Право понимается как система общественных отношений, а не как совокупность навязанных государством норм. «Естественному закону» общества, вытекающему из фактов человеческого социального общения, отдается социологический приоритет над «искусственным законом» правительственных декретов. Статутное право, названное П. И. Стучкой законом «волевых императивов», рассматривается им просто как тень или отражение реальной социальной и экономической деятельности людей.

Если бы определение П. И. Стучки остановилось на этом пункте, это было бы не более чем повторением хорошо известной социологической теории права австрийского правоведа Ойгена Эрлиха, изложенный в работе 1913 г. «Основоположение социологии права» [16].

Однако П. И. Стучка не был бы марксистом, если бы не сослался на центральный пункт теории К. Маркса – классовую борьбу. Система взаимных отношений людей, которую П. И. Стучка называет правом, «соответствует интересам господствующего класса и охраняется организованной силой этого класса». Это вводит государство, рассматриваемое как механизм, предназначенный для достижения целей правящего класса, в общую картину и делает организованное принуждение (которое О. Эрлих описал как просто второстепенный и подчиненный фактор в праве) существенным компонентом определения.

Таким образом, революционно-марксистская концепция права П. И. Стучки представляет в основном прозрачный и трезвый, тем не менее, довольно общий портрет регулирования общественных отношений с помощью права. Предельно ясно представлены перспективы развития права через прямое массовое участие в переходный период и посредством образования, направляемого партией/государством, до тех пор, пока сознание (культура) не будет развито до такой степени, что принуждение и закон окажутся ненужными.

Большая часть материала о праве переходного периода П. И. Стучки были взяты непосредственно из идей К. Маркса и затрагивают переходный период гораздо больше, чем регулирование при коммунизме. Его отличие заключается, прежде всего, в том, что он развил марксистскую классовую теорию в теорию права и сосредоточил свое внимание на праве как системе отношений.

Он действительно был первым, кто попытался создать последовательную революционно-марксистскую теорию права.

К сожалению, один из самых спорных вопросов в революционно-марксистской теории права касался проблемы отмирания права и государства как буржуазных институтов и стал камнем преткновения в доктрине И. В. Сталина о «социализме в одной стране» и его заявлением о том, что «социализм был достигнут в Советском Союзе, но аппарат должен быть укреплен, а не ослаблен» [12].

Теоретическая загадка советской юриспруденции решалась на политическом уровне.

В мае 1937 г. статьей Андрея Януарьевича Вышинского – прокурора СССР, государственного обвинителя на сталинских процессах в Москве «О ситуации на фронте теории права» [3] были идеологически обоснованы репрессии против советских юристов, положен конец творческой эволюции революционно-марксистской теории права и прекращен период «страстных юридических дебатов» [20] советской юриспруденции.

Несмотря на легкую похвалу А. Я. Вышинским заслуг Петра Ивановича Стучки в «пропаганду революционной роли советского права и разработку ряда правовых проблем в духе марксизма-ленинизма и в борьбе за утверждение марксистско-ленинского понимания советского права», он был подвергнут основательной критике за многочисленные ошибки, «антиленинские положения, дающие извращенное представление о существе и значении советского права в эпоху социализма» [3, с. 33].

А. Я. Вышинский, претендуя на роль единственного творца, толкователя и блюстителей советской теории права, жестко следовал курсу отстранения от общественной жизни создателей революционно-марксистской теории права (К. А. Архиппова, Л. Я. Гинцбурга, О. П. Дзениса, М. Н. Доценко, И. Д. Ильинского, Е. Б. Пашуканиса, И. П. Разумовского, Ф. И. Старовойтова).

Прямая связь этих теоретиков с политикой или, скорее, с концепцией политической власти их времени во многом объясняет их печальную судьбу.

С высокой долей вероятности смерть П. И. Стучки в январе 1932 г. спасла оригинального создателя революционно-марксистской теории права от печальной участи, которую Пьер Виктюрниен Верньо предсказывал революционерам: «революция, как бог Сатурн пожирает своих детей».

«Официальный теоретик права» А. Я. Вышинский воспользовался моментом для «уничтожения» наследия предыдущих теоретиков права, делая акцент на том, что это не так в чисто императи-

вистской и сталинской концепции права. Его определение права «как воли господствующего класса, выраженной в законах государства» было на долгие годы принято в советской юриспруденции, как единственное истинное определение.

Полагаю, что возрождение устойчивого научного интереса к творчеству П. И. Стучки и его оригинальной революционно-марксистской теории права сможет оказать положительное влияние на дальнейшее развитие российского теоретического правоведения и, возможно, задать новые векторы такого развития.

Список литературы:

1. Бреев А. В. О становлении политико-правовых взглядов П. И. Стучки // Управленческое консультирование. 2015. № 10. С. 206–212.
2. Бухарин Н. И. Рецензия на: В. Ильин (Н. Ленин). Государство и революция // Коммунист. 1918. № 1.
3. Вышинский А. Я. О ситуации на фронте теории права // Социалистическая законность. 1937. № 5. С. 30–37.
4. Дрибин Л. Г. Знаменосец ленинизма в Латвии: очерк жизни и деятельности П. И. Стучки. М.: Политиздат, 1981. 238 с.
5. Жуков Е. Н. Марксистская социология права первых лет советской власти: М. А. Рейснер, П. И. Стучка, Е. Б. Пашуканис // Право и государство: теория и практика. 2014. № 1 (109). С. 43–50.
6. Кельзен Г. Чистое учение о праве. 2-е изд. / пер. с нем. М. В. Антонова и С. В. Лёзова. СПб.: ООО Издательский Дом «Алеф-Пресс», 2015. 542 с.
7. Ленин В. И. Государство и революция // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. М.: Издательство политической литературы, 1969. Т. 33. С. 1–120.
8. Мальцев Г. В. Понимание права. Подходы и проблемы. М.: Прометей, 1999. 419 с.
9. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии. М.: Из-во политической литературы, 1974. 63 с.
10. Плотниек А. А. Петр Стучка и истоки советской правовой мысли. 1917–1925. Рига, 1970. 265 с.
11. Руководящие начала по уголовному праву Р.С.Ф.С.Р. : Постановление Наркомюста от 12 декабря 1919 г. // Собрание узаконений Р.С.Ф.С.Р. 1919. № 66. Ст. 590.
12. Сталин И. Вопросы ленинизма. М.: Издательство: Партиздат ЦК ВКП(б), 1935. 510 с.

13. Стучка П. И. На почве закона или на почве революции?» // Правда. 24 мая 1917.

14. Стучка П. И. Низвержение права // Стучка П. 13 лет борьбы за революционно-марксистскую теорию права : сборник статей. М.: Гос. юрид. изд-во, 1931. 336 с.

15. Стучка П. И. Пролетарское право // Октябрьский переворот и диктатура пролетариата : сборник статей. М.: Гос. изд-во, 1919. 324 с.

16. Эрлих О. Основоположение социологии права / пер. с нем. М. В. Антонова; под ред. В. Г. Графского, Ю. И. Гревцова. СПб.: ООО «Университетский издательский консорциум», 2011. 704 с.

17. Campbell J. M. Is there a case for socialist jurisprudence? University of Glasgow for the degree of PhD. 1997. 324 p.

18. Gramsci A. La rivoluzione contro il Capitale // Avanti. 24 novembre 1917.

19. Gsovski V. The Soviet Concept of Law // Fordham Law Review. 1938. Vol. 7. № 1. P. 1–44.

20. Head M. The Passionate Legal Debates of the Early Years of the Russian Revolution // Canadian Journal of Law and Jurisprudence. 2001. № 14. P. 3–27.

**Деидеологизация теории прав человека как условие обеспечения
стабильного правопорядка и суверенитета
Российской Федерации в современных условиях**

Аннотация

В данной статье рассматривается проблема обеспечения стабильного правопорядка и суверенитета Российской Федерации в современных реалиях. Особое внимание автор уделяет деидеологизации теории прав человека, описывает характерные особенности либеральной идеологии. В статье анализируются традиционные духовно-нравственные ценности. Обосновывается мысль о том, что права «второго поколения» (социальные, экономические и культурные) должны быть помещены в центр продвигаемой Россией концепции прав человека и стать основой правозащитной деятельности. Автор приходит к выводу, что сегодня необходимо не только деидеологизировать концепцию прав человека, но и развивать собственное видение прав человека, связанное с признанием социальных, экономических и культурных прав.

Ключевые слова и словосочетания: государство; деидеологизация; идеология; общество; права человека; права «второго поколения»; ценность прав человека; традиционные ценности.

Сегодня в основном в дискурсе о правах человека господствует либеральный вариант концепции прав человека, где ведущая роль отводится личным и политическим правам, тогда как социальные, экономические и культурные права в лучшем случае представлены как второстепенные и вторичные и находятся, с одной стороны, в «тени» прав «первого поколения», а с другой – в «тени» идеологически активно развиваемых в либеральном дискурсе представлений о так называемых «постсоматических правах».

Представленная концепция прав человека является одним из элементов либеральной идеологии. Именно эта идеология используется сегодня для обоснования гуманитарных интервенций,

различного рода рестрикций (подаваемых как санкционные меры) государствами «коллективного Запада». И именно либеральная идеология прав человека зачастую используется для нарушения баланса идеологической сферы российского общества. Это в свою очередь влечет угрозу стабильности правопорядка и суверенитету нашей страны.

Сегодня в условиях обострения информационно-идеологического противостояния в мире, а также сознательного и направленного формирования угроз России на идеологическом уровне, интерес к идеологическому компоненту политической системы оправданно возрастает. Так, ценностным основанием отечественной идеологии могут стать традиционные духовно-нравственные ценности, обозначенные в Указе Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». Не сложно заметить в этой связи, что права и свободы человека обозначены в ряду этих ценностей.

И, действительно, ценность прав человека сегодня в сфере правовой идеологии России весьма велика. Тем более важно уделять самое пристальное внимание пониманию этой ценности. Сегодня либеральная идеология прав человека, выступая с торчки зрения государств «ядра» капиталистической миросистемы (И. Валлерстайн) единственной идеологией прав человека, используется как основание дискредитации России и как антигосударственная (подрывная) применительно к российскому государству идеология. Соответственно чрезвычайно актуальной задачей является ее деидеологизация, заключающаяся в демонстрации простого факта: личные и политические права фиктивны, декларативны и мертвы без должного обеспечения социальных, экономических и культурных прав, а так называемые «соматические права» и защита прав «меньшинств» служит целям отвлечения от борьбы за права огромного большинства трудящихся граждан и оправдания вмешательства во внутренние дела развивающихся стран.

Нам сегодня необходимо не только деидеологизировать концепцию прав человека, основанную на приоритете личных и политических прав, вскрыв ее инструментальную природу, но и развивать собственное видение прав человека, связанное с признанием первостепенной значимости прав «второго поколения» – социальных, экономических и культурных прав. Именно гарантирование этих прав в условиях современного общества способно «вдохнуть жизнь» в права «первого поколения» – личные и политические права, сделать их осуществление реальным. Здесь можно взять

на вооружение и советский опыт. Теория прав человека, основанная на социальных, экономических и культурных правах, несомненно будет крайне привлекательной как внутри России, так и для многих ее зарубежных партнеров, а также для трудящихся во всех странах мира, так как именно она ставит на первое место их интересы, интересы простого народа.

Социальные, экономические и культурные права должны быть помещены в центр продвигаемой в России и Россией концепции прав человека и должны стать основой правозащитной деятельности, поддерживаемой нашим обществом и государством.

К вопросу о государственной идеологии Российской Федерации**Аннотация**

Статья посвящена изучению государственной идеологии современной России. Цель работы — определить, существует ли в настоящее время государственная идеология в России? Если не существует, то возможна ли она вообще? А если существует, то в чем причина утверждений об обратном. По результатам исследования был сделан вывод, что государственная идеология в Российской Федерации, если под ней понимать идеологию правящей элиты, распространяемую при помощи государственного аппарата, в настоящем имеется. Ее отрицание является следствием либо политической борьбы, либо социальной депривации определенных слоев населения.

Ключевые слова и словосочетания: идеология; государственное управление; государственная идеология; политическая ангажированность; социальная депривация.

В связи с изменением общественно-экономической формации в Российской Федерации 30-летней давности и конституционно-правовым закреплением запрета на государственную и обязательную идеологию, в настоящее время распространено мнение (и в научном сообществе тоже) об отсутствии или неполноценности существующей государственной (национальной) идеологии [3, 6, 25, 26]. Вследствие чего часто можно встретить призывы к разработке национальной идеологии, в том числе из уст высших должностных лиц государства [1, 24], а также прямо противоположное высказывания о том, что национальная идеология уже сформирована и ничего разрабатывать не надо (обнаруживаемые, к примеру, в посланиях Президента Российской Федерации [27, 28, 29]. Не вдаваясь в политические и социальные причины подобной амбивалентности, можно указать на тот факт, что это порождает крайне настороженное отношение к исследованиям данной темы, презумирование их идеологической и политической ангажированности

(в некоторых случаях это соответствует действительности) и научной несерьезности. Однако это не означает, что данная тема сейчас вовсе не изучается (об этом пойдет речь чуть ниже).

Такое положение дел обуславливает не только актуальность статьи, но и ее цель – определить, существует ли в настоящее время государственная идеология в России? Если не существует, то возможна ли она вообще? А если существует, то в чем причина утверждений об обратном?

В российской науке можно условно выделить два направления изучения идеологической сферы и идеологического механизма государства. Первое ставит целью разработку какого-либо функционально нагруженного идейного концепта, обозначаемого как национальная (или государственная) идеология, который должен быть способен решить многие социальные проблемы российской действительности вообще и государственного управления, в частности [2, 6, 4, 16].

В рамках этого направления стоит также рассматривать исследования ученых, критикующих современную российскую идеологию, которая используется в процессе государственного управления, упрекая ее в том, что она препятствует эффективному государственному управлению и обретению легитимности государственной власти [17].

В русле второго направления находятся работы тех ученых и публицистов, которые рассматривают идеологию как инструмент политической борьбы и государственного принуждения. Здесь усилия концентрируются на дезавуировании текстов политических субъектов (лидеров партий, групп и движений; лиц, замещающих государственные должности и т. п.), анализе суггестивных и конструктивных свойств идеологии, а также выявлении противоречий между идеологическими практиками государства и современным состоянием духовной сферы российского общества [5, 22, 23, 35].

Для начала необходимо сказать несколько слов о конституционном запрете на государственную идеологию. В части 2 статьи 13 Конституции Российской Федерации указано, что никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной. Вряд ли этот запрет следует рассматривать как буквальный. Ведь представление интересов социальных групп в рамках закрепленной конституционно многопартийной системы приводит к использованию идеологии при осуществлении государственного воздействия. В противном случае сложно представить победившую на выборах в государственные органы политическую партию, кото-

рая по какой-то причине отказалась от провозглашения и распространения своей идеологии [8].

С чем бесспорно можно согласиться, так это с тем, что использование принуждения (в том числе уголовного наказания) при распространении идеологии противоречило бы указанной выше статье Конституции Российской Федерации. Данные выводы согласуются с доктринальным толкованием некоторыми учеными основного российского закона [20].

В итоге можно утверждать, что существование идеологии, распространение которой не сопровождается государственным принуждением, не противоречит Конституции Российской Федерации и, более того, соответствует сложившейся практике государственного управления. В частности, идеологическими (или идеологизированными) актами являются сам основной закон Российской Федерации, послания Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации, а также некоторые правовые акты концептуального и стратегического характера (например, Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей») [9, 15, 19, 32, 33].

Из приведенных выше рассуждений можно сделать вывод о том, что государственная идеология в современной России так или иначе существует. Однако здесь следует сделать ряд оговорок касательно определения данного понятия. Следуя направлением, заданным Карлом Мангеймом, идеологию можно определить как совокупность мировоззренческих установок, идеалов, ценностей общественных групп, посредством которых рационально обосновываются их социальные позиции, ожидания и отражаются условия воспроизводства этих групп [10, 11, 21, 34]. Если под государственной идеологией понимать совокупность мировоззренческих установок, идеалов, ценностей, разделяемых всеми (или почти всеми) социальными группами, то ее нет, не было и никогда не будет в обозримом будущем. Идеология социально обусловлена и отражает те общественные условия, в которых группа воспроизводится. Ожидание мировоззренческого единства в социально неоднородном обществе было бы ошибкой. Даже в квазиоднородном Советском Союзе 20–30-х гг. прошлого века, когда гражданская война, индустриализация, коллективизация привели к невиданной ранее вертикальной и горизонтальной социальной мобильности и своего рода общественному миксу, не появилось подобной идеологии. Возникновение внутрипартийных групп с различными «идеологи-

ческими» уклонами и преследование «классово чуждых» элементов являются этому иллюстрацией. Признание населением официально распространяемого марксизма-ленинизма является, скорее, демонстрацией лояльности правящей элите, а не его принятием.

Если же под государственной идеологией понимать то, что так или иначе навязывается правящей элитой всему остальному населению, – она была, есть и будет в обозримом будущем. Как было сказано выше, подтверждением существования государственной идеологии в описываемом смысле являются государственные правовые акты (Конституция Российской Федерации, послания Президента Российской Федерации, его Указы), публикации лиц, замещающих государственные должности и т. п. [7, 13] Все эти документы насыщены идеологемами. Бесспорно, это совсем не похоже на советскую идеологию, но это не значит, что ее нет вовсе.

Однако по какой причине с завидной периодичностью звучат заявления ученых, политиков, публицистов о необходимости разработки государственной (или национальной) идеологии?

На этот счет следует выдвинуть три гипотезы, объясняющие подобные чаяния.

Во-первых, призывы разработать и принять государственную идеологию (или ее скорректировать) являются инструментом политической борьбы между элитарными и контрэлитарными группами. В частности, последние, как правило, не обладают большими объемами экономического (с бизнес-элитой не связана) и властного ресурса и могут рассчитывать только на поддержку избирателей (политический ресурс), которая в результате выборов конвертируется во властный ресурс. Соответственно, данная ситуация заставляет контрэлитарные группы акцентировать внимание на идеологическом конструировании, что порождает стремление монополизировать право на разработку государственной идеологии [14].

Также возможны иные политические мотивы: увеличение политического капитала за счет громких заявлений о жизненной необходимости идеологии для Российской Федерации или реакция на конъюнктурный социальный заказ.

Во-вторых, некоторые социальные группы не устраивает существующая в России официальная идеология. Чаще всего это группы, обладающие высоким квалификационным ресурсом (высшее образование, ученая степень и т. п.). Здесь угадывается недовольство своим текущим социальным положением, возможное изменение которого связывается с участием в разработке и распространении идеологических конструкций. Механизм появления фрустраций такой же, как и в первом случае: игра переводится на свое поле,

где имеются наибольшие преимущества. Так как похвастать большими объемами экономического и властного ресурсов они не могут, то остается только добиваться своего посредством того, чем они занимались всю жизнь – с помощью интеллектуальной деятельности.

Масло в огонь подливает прекаризация населения России [18, 31]. Нестабильное социальное положение приводит к невозможности устойчивой ассоциации с какой-либо социальной группой. В этом случае идеологии политических партий (как правящей, так и оппозиционных), которые сформулированы профессиональными политиками, остаются невостребованными, так как не отражают условия жизни прекариата.

В-третьих, нельзя исключить влияние постмодерна с его размытием прежних ценностных ориентиров и смыслов. А идеология, как известно, эти смыслы способна задать [12, 30]. Других социальных инструментов и институтов с экзистенциальными функциями, за исключением религии, в настоящий момент не существует.

Государственная идеология в Российской Федерации, если под ней понимать идеологию правящей элиты, распространяемую при помощи государственного аппарата, ныне здравствует и чувствует себя хорошо. Научно непредвзятых причин отказывать ей в существовании нет, и сложно представить то, что такие могут появиться вообще в будущем. Утверждение обратного ангажировано и является следствием либо политической борьбы, либо социальной депривации определенных слоев населения.

Список литературы:

1. Бастрыкин призвал сформулировать национальную идею. URL: https://lenta.ru/news/2016/05/26/bastrykin_ideology/ (дата обращения: 22.10.2022).
2. Волков Ю. Г. Манифест гуманизма (Идеология и гуманистическое будущее России). М.: АНО РЖ «Соц.-гуманит. знания», 2000. 138 с.
3. Гурова Т. Нуждается ли современная Россия в идеологии. Российская газета. 27.02.2020. URL: <https://rg.ru/2020/02/27/nuzhnali-sovremennoj-rossii-ideologii.html?ysclid=lace1p17q7766154102> (дата обращения: 22.10.22).
4. Зиновьев А. А. Идеология партии будущего. М.: Алгоритм, 2003. 238 с.
5. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. М.: Эксмо, 2007. 832 с.

6. Касьянов В. В. Государственная идеология современной России // Общество: философия, история, культура. 2011. № 3–4. С. 11–14.
7. Козырев М. С. Дихотомия «элита-массы» в публикациях представителей политической партии «Единая Россия» // Евразийский юридический журнал. № 4 (107). 2017. С. 407–412.
8. Козырев М. С. Идеология в современном государственном регулировании социальных процессов в России // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. 2013. Т. 19. № 1. С. 39–43.
9. Козырев М. С. Идеология и ее роль в российском государственном управлении : монография. М.: НУ ОАОУ, 2013. 98с.
10. Козырев М. С. Исследование влияния социально-классовой структуры на идеологию в работах Карла Маннгейма // Социальная политика и социология. 2014. Т. 2. № 4 (105). С. 150–162.
11. Козырев М. С. Понятие «Идеологии» в общественных науках: теоретический анализ // Социальная политика и социология. 2013. Т. 1. № 2. С. 130–143.
12. Козырев М. С. Свойства и функции идеологии // Социальная политика и социология. 2013. Т. 2. № 4. С. 102–114.
13. Козырев М. С. Социальное окружение современной российской правящей элиты (по материалам публикаций представителей политической партии «Единая Россия») // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2017. № 4. С. 622–631.
14. Козырев М. С. Социальное положение «левой» контрэлиты в РФ (на материале публикаций представителей КПРФ) // Социальная политика и социология. 2019. Т. 18. № 1 (130). С. 157–166.
15. Козырев М. С. Идеология в социальной структуре современной России (социально-философский анализ). М.; Берлин: Директ-Медиа, 2020. 471 с.
16. Кузнецов В. Н. Идеология: социологический аспект. М.: Книга и бизнес, 2005. 816 с.
17. Кулакова Т. А., Кузнецов Н. В. Управляемость: механизмы идеологической координации современного российского государства // Конфликтология. 2014. № 4. С. 160–177.
18. Кученкова А. В. Прекаризация занятости как фактор дифференциации заработной платы и социального самочувствия работников // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2021. Т. 21. № 1. С. 84–96.

19. Лашенков М. С. Социальное партнерство в правоохранительной сфере // Социально-гуманитарные знания. 2015. № 2. С. 346–352.

20. Лебедев В. А. Идеологическое многообразие и российская многопартийность: размышление о судьбе статьи 13 Конституции Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2010. № 11. С. 2–5.

21. Манхейм К. Диагноз нашего времени. М.: Юрист, 1994. 700с.

22. Мартыанов В. С. Идеология В. В. Путина: концептуализация посланий Президента Российской Федерации. Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2007. Т. 3. № 1. С. 147–175.

23. Мартыанов В. С. и др. Россия в поисках идеологий: трансформация ценностных регуляторов современных обществ. М.: Политическая энциклопедия, 2016. 334с.

24. Минин Станислав Россия без идентичности. Президент Путин призвал срочно заняться поиском национальной идеи // Независимая газета. 20.09.2013. URL: http://www.ng.ru/politics/2013-09-20/1_identity.html (дата обращения: 22.10.2022).

25. Миронов С. М. Социальная стратегия партии: проверено жизнью: избранные статьи, выступления, интервью Председателя Политической партии Справедливая Россия. М.: Ключ-С, 2017. URL: <http://31.44.80.183/files/pf60/081717.pdf> (дата обращения: 28.10.2022).

26. Мусаелян Л. А. К вопросу об отсутствии в России государственной идеологии // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2022. № 55. С. 6–21.

27. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 08.07.2000 «Какую Россию мы строим». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=27823&rnd=235642.189994324#0> (дата обращения: 28.10.2022).

28. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 12.12.2013 «Послание Президента Российской Федерации Владимира Путина Федеральному Собранию». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 28.10.2022).

29. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 30.03.1999 «Россия на рубеже эпох (о положении в стране и основных направлениях политики Российской Федерации)». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 28.10.2022).

30. Савёлов В. П. Психологическая безопасность личности в современном информационном пространстве // Образование, экономика, право в современном информационном обществе : сбор-

ник материалов VIII Международной научной конференции / отв. ред. А. В. Семенов, Ю. С. Руденко. 2012. С. 430–436.

31. Тощенко Ж. Т. Прекариат — новый социальный класс. Социологические исследования. 2015. № 6. С. 3–15.

32. Фадеев И. А. Структура органов внутренних дел в контексте теории разделения властей // Российский следователь. 2014. № 6. С. 48–51.

33. Kozyrev M. S., Pankratov E. P., Bondaletova N. F, Chizhankova I. V. Serbskaya, O. V. Features of the ideological mechanism of the modern Russian state. Amazonia investiga. 2019. Vol. 8. № 23. P. 318–327.

34. Mannheim K. Ideologie und Utopie. Bonn: Verlag von Friedrich Cochen in Bonn, 1929. 252 p.

35. Martyanov V. S. 2005. The evolutions of Russian Political Discourse: from «Western Democracy» to «the Quality of Democracy» // Perspectives on European Politics and Society (PEPS). № 6 (2). P. 175–191.

Юлия Леонидовна Корабельникова,
кандидат юридических наук, доцент,
заместитель начальника кафедры
государственно-правовых дисциплин
Академия управления МВД России

Обеспечение права на безопасность как основа правопорядка в городе

Аннотация

Обеспечение безопасности человека и гражданина является сферой компетенции не только государственных органов. Это система, в которую входят и иные субъекты общественных отношений. Они несут соответствующие обязанности по обеспечению права на безопасность во всех сферах жизнедеятельности человека в городской среде. Сердцевиной правопорядка является человек, его права, законные интересы, обязанности и ответственность, в связи с чем можно утверждать, что обеспечение права на безопасность в широком смысле является одной из важных составляющих такого состояния общественной жизни в городе, которая основана на праве и законности.

Ключевые слова и словосочетания: право на безопасность; права и свободы человека и гражданина; военная, личная, экономическая, информационная, экологическая, социальная безопасность.

Право на безопасность остается одним из важнейших прав человека, которое нуждается в обеспечении. Несмотря на постоянное совершенствование систем безопасности как на государственном, так и на местном уровне, возникают все новые угрозы, с которыми необходимо учиться бороться. Например, в январе – ноябре 2022 г. зарегистрировано 470,1 тыс. преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий и в сфере компьютерной информации [5]. При этом ИТ-технологии постоянно развиваются, меняются, совершенствуются методы совершения преступлений, что заставляет правоохранительные органы постоянно искать новые средства для борьбы с ними.

Что касается географии совершения преступлений, более 80 % всех зарегистрированных в России преступлений приходится

именно на города¹. В результате право на безопасность становится ключевым, когда мы говорим о стратегическом развитии города, поскольку его обеспечение является одной из важных составляющих правопорядка в городской среде.

Следует отметить, что данное право может рассматриваться в широком и узком смысле. Рассматривая его в широком смысле, стоит отметить, что обеспечение права на безопасность является составляющей практически любой сферы, в связи с чем правовое регулирование осуществляется многими законодательными актами, а перспективы отражаются в большинстве документов стратегического планирования. Так, традиционными являются такие виды безопасности, как личная, общественная, экономическая, экологическая, информационная, культурная и духовная.

В узком значении традиционно обеспечение права на безопасность включает общественную безопасность и охрану правопорядка. К этой же категории можно отнести деятельность по предупреждению чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера [6, с. 59–60].

Такое разделение подтверждается нормативно-правовым регулированием права на безопасность. Так, согласно конституционным положениям² вопросы безопасности отнесены к исключительному ведению России. В данном контексте эта категория понимается достаточно узко, будучи закрепленной вместе с обороноспособностью, и обеспечивается посредством защиты государственного суверенитета и территориальной целостности. Бесспорно, следует признать этот аспект одним из важных в праве на безопасность граждан, тем более в сложившихся в настоящее время условиях, когда в четырех субъектах Российской Федерации введено военное положение.

Но это не единственная норма. Конституция Российской Федерации содержит положения, направленные на обеспечение различных видов безопасности: экологической, информационной, транспортной и других. Но в большей степени в конституционных нормах содержатся положения, направленные на обеспечение безопасности в различных сферах: личной и экономической, социальной и духовной и др. Так, право на личную безопасность обеспечивается защитой жизни и здоровья, неприкосновенности частной жизни и личной неприкосновенности. Социальная сфера всегда

¹ За январь – ноябрь 2022 г. зарегистрировано 1 487 244 преступлений // Состояние преступности в России за январь – ноябрь 2022 г. Официальный сайт МВД России. URL: <https://мвд.рф/reports/item/34307225/> (дата обращения: 06.02.2023).

² Конституция Российской Федерации : принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. : с изм., одобренными в ходе общерос. голосования 1 июля 2020 г. // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 06.02.2023).

являлась и продолжает оставаться одной из важнейших для каждого человека, в связи с чем обеспечение безопасности в этой области изначально закреплялось в конституционных гарантиях социального обеспечения, нормах об охране материнства и детства, обязательного образования и т. д. [4, с. 580]. В результате конституционных поправок получили развитие принципы уважения человека труда, защиты достоинства, семьи, института брака и др.

Право на духовную безопасность обеспечено свободой совести и вероисповедания. Как известно, Россия является не только светским, но и многоконфессиональным государством, где никто не может быть принужден к исповедованию какой-либо религии. В результате внесения поправок в Конституции Российской Федерации закреплены положения, направленные на защиту данного права, о сохранении памяти предков и защите исторической правды. Право на культурную безопасность находит отражение в конституционных нормах, которые направлены на поддержку и охрану культурных ценностей, сохранение общероссийской культурной идентичности, самобытности коренных и малочисленных народов. Право на информационную безопасность приобретает все большую значимость и актуальность в современном постиндустриальном обществе, в связи с чем совершенно закономерным видится закрепление в конституционных нормах право на безопасность личности, общества и государства в цифровой среде.

Следует отметить, что в Конституции закрепляются фундаментальные положения, которые в полной мере распространяются на города. Однако механизм их реализации должен предусматриваться действующим законодательством. В рассматриваемой сфере действует как базовый Федеральный закон «О безопасности», так и отраслевые законы, регулирующие различные виды безопасности. Следует отметить, что в качестве одного из основных принципов обеспечения безопасности вышеуказанный закон о безопасности признает соблюдение и защиту прав и свобод человека и гражданина, что свидетельствует о его взаимообусловленности с правопорядком.

Непосредственно право на безопасность и обязанность его обеспечения органами государственной власти закрепляются в различных законах¹. Органы муниципального управления также наделены полномочиями в данной сфере, например, обеспечение первичных

¹ О радиационной безопасности : Федер. закон от 9 января 1996 г. № 3 (ст. 22); О защите прав потребителей : закон Рос. Федерации от 7 февраля 1992 г. № 2300- I (ст. 7); О полиции : Федер. закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ; О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений : Федер. закон от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации.URL: <http://pravo.gov.ru> и др.

мер пожарной безопасности, участие в профилактике терроризма и экстремизма, предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций, организация охраны общественного порядка¹. И это лишь полномочия, направленные на обеспечение права на безопасность в узком смысле. При этом законом предусмотрены многие другие положения, которые направлены на защиту данного права в широком смысле, например, в сфере ЖКХ, обеспечение малоимущих граждан жилыми помещениями, организация электро-, тепло-, газо- и водоснабжения населения, водоотведения, своевременный ремонт коммунальных сетей и т. д.

Помимо законодательных норм обеспечение данного права предусматривается и документами стратегического планирования. Так, например, одним из направлений деятельности администрации городского округа Красногорск является обеспечение устойчивого развития территории муниципального образования, предусматривающее обеспечение безопасности жизнедеятельности населения и создание безопасных условий для проживания граждан в многоквартирных домах².

Таким образом, обеспечение права на безопасность на муниципальном уровне в широком смысле обусловлено комплексным характером местного самоуправления, которое осуществляется во многих сферах жизнедеятельности города. Несомненно, что не только органы местного самоуправления, но и население муниципального образования должны быть вовлечены в решение вопросов местного значения, что позволит обеспечить право на безопасность каждого жителя города [2, с. 4].

С целью обеспечения права на безопасность населения муниципальных образований целесообразно внести дополнения в Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», и наделить главы муниципального образования координирующими полномочиями по обеспечению безопасности в сферах, отнесенных к вопросам местного значения [3, с. 13]. Такой подход является перспективным, поскольку, во-первых, сферы деятельности местного само-

¹ Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации : Федер. закон № 131-ФЗ от 6 октября 2003 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 06.12.2022).

² Об утверждении муниципальной программы городского округа Красногорск «Формирование современной комфортной городской среды» : постановление администрации городского округа Красногорск от 14 октября 2019 г. № 2504/10 // Официальный сайт администрации городского округа Красногорск. URL: https://krasnogorsk-adm.ru/doc/doc_5228.html (дата обращения: 06.12.2022).

управления, как уже отмечалось выше, достаточно многообразны, а во-вторых, он позволяет учитывать фундаментальный характер права на безопасность, которое должно найти отражение на всех уровнях правового регулирования и входить в обязанности всей системы органов публичного управления.

Таким образом, обеспечение права на безопасность можно рассматривать как фундамент развития местного сообщества. Однако это не означает, что только лишь обеспечение данного права позволит достичь в полной мере стратегических целей развития города. Конечно, повышение внимания к вопросам обеспечения безопасности становится необходимым при осложнении обстановки в какой-либо сфере жизнедеятельности города, например, в сфере личной (эпидемия, пандемия), общественной (рост преступности), экономической (проблемы с продовольственным обеспечением), социальной безопасности (массовый выезд населения из города в связи с безработицей или опасной криминогенной обстановкой) [7, с. 252]. В результате высокий уровень обеспечения права на безопасность можно рассматривать как одну из составляющих развития города: экономики, образования, культуры и т. д.

В результате следует признать, что право на безопасность в широком смысле является одной из важных составляющих правопорядка в городе. Его реализация предполагает защищенность человека от различного рода угроз в городской среде. Совершенно очевидно, что достичь абсолютной безопасности невозможно. В настоящее время ученые и практики отказались от теории абсолютной безопасности в пользу риск-ориентированного подхода [1, с. 29], который позволяет выявить потенциальные и существующие опасности и угрозы с целью их предотвращения или нивелирования последствий. Однако в большей степени обеспечить право на безопасность возможно только при учете разных его аспектов: военного, экономического, социального, духовного и многих других, что в свою очередь станет основой обеспечения правопорядка в городе.

Список литературы:

1. Грищенко Л. Л. Градостроительная безопасность // Градостроительное право. 2019. № 2. С. 27–30.
2. Дроботенко И. И. Реформа местного самоуправления в современной России: содержание, проблемы, перспективы (на примере г. Омска): автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2010. 25 с.
3. Карасев А. Т., Елькина А. В., Мещеряков А. Н. Конституционно-правовые аспекты безопасности в Российской Федера-

ции // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2020. № 1 (51). С. 6–14.

4. Обеспечение прав человека: учебник / под общ. ред. Ю. В. Анохина. 2-е изд., испр. и доп. Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2020. 756 с.

5. Состояние преступности в России за январь – ноябрь 2022 г. Официальный сайт МВД России. URL: <https://мвд.рф/reports/item/34307225> (дата обращения: 15.02.2023).

6. Харченко К. В. Отражение вопросов безопасности в стратегии развития города // Управление городом: теория и практика. 2015. № 1 (16). С. 59–64.

7. Юридическая урбанологика. Урбанологическая теория : монография: в 2 т. / коллектив авторов; под общ. ред. В. В. Таболина, 2021. 824 с.

О перспективах формирования национальной концепции прав человека

Аннотация

Рассуждая о цивилизационных метаморфозах развития западных стран и России, а также отмечая идеологизированность проблемы прав человека, автор приходит к выводу о необходимости формирования не универсальной, а национальной концепции прав человека.

Ключевые слова и словосочетания: права человека; традиционные ценности; национальная концепция прав человека.

В западной литературе, а до недавнего времени и в отечественной традиционно было принято исключительно в негативном ключе оценивать политику российского государства безотносительно к историческому периоду в области прав человека. Объективно сложилось так, что эта в высшей степени чувствительная тема оказалась предельно идеологизированной. Вольно или невольно, но права человека выступили некоторым камертоном, с помощью которого стали оценивать степень «демократичности» и даже «цивилизованности» той или иной страны. Причем в последние годы это принимает, по сути, комичный характер. Невольно возникает вопрос «А судьи кто?».

По мнению крупнейшего западного историка и культуролога А. Дж. Тойнби западная цивилизация, которая в агрессивной форме всегда навязывала свои модели другим, в действительности представляет из себя «синтез национализма и технологий». Многие западные ученые настаивают на том, что антисемитизм, фашизм, расизм, апартеид и даже коммунизм являются не порождениями западной цивилизации, а некими «отклонениями от нее». По мнению Тойнби, за этим кроется «...всего лишь нежелание признать болезненные, но очевидные факты... Более того, современные идеологии, несомненно, несут на себе штамп современного Запада в некоторых его самых омерзительных чертах: примером могут слу-

жить западное хладнокровие и предельная концентрация власти» [1, с. 215].

Во многом благодаря СССР в XX в. рухнула мировая колониальная система. Для западной цивилизации это стало крупнейшей потерей. Однако она скоро оправилась и явила миру новую форму – неокOLONиализм под видом вполне себе нейтральной доктрины глобализации. Обыватели в своей массе на всех материках и континентах не сразу поняли суть процессов, которые составляют стержень этого явления. В основе глобализации лежит стремление предельно стандартизировать действительность на периферии, лежащей за культурными границами западного мира. На этом фоне демократию все чаще стали квалифицировать как «дисциплину и порядок».

В коллективном противостоянии СССР и Запада страны «третьего мира», как тогда их называли, видели борьбу двух социокультурных парадигм, а именно: социальной справедливости, с одной стороны, демократии и прав человека – с другой. Без особых усилий западная цивилизация смогла навязать нашей стране свои ценностные ориентиры. И вполне обоснованно стала праздновать победу. Это дало повод считать, что история закончилась (Ф. Фукуяма). За этой самоуверенностью стоит более чем пятисотлетний период управления западной цивилизацией всем остальным человечеством.

Однако история, к счастью, не закончилась. В некотором роде она только начинается. Особенность момента состоит в том, что никаких иллюзий больше нет. Россия не стала частью западной цивилизации, и не могла ею стать. О бесперспективности таких намерений в свое время убедительно писали А. С. Пушкин, Н. Я. Данилевский, Ф. М. Достоевский, К. Н. Леонтьев, Ф. И. Тютчев, И. Л. Солоневич. Та же мысль прослеживается и в трудах наших современников: А. Г. Дугина, А. А. Зиновьева, А. С. Панарина и многих других. И дело даже не в том, что Россия якобы последовательно проводит политику изоляционизма, сознательно замыкаясь в своем культурно-географическом пространстве. Запад видел в России враждебный ей конкурирующий проект культурного, социально-экономического, политического, религиозного и военного характера. И это при том, что именно Россия по меньшей мере дважды спасала Европу и запад в целом от ею же созданных одиозных моделей – бонапартизма и фашизма. Когда-то Наполеон считался исчадием ада. Именно так он и воспринимался в сознании европейцев. Со временем же Наполеон приобрел облик великого реформатора и полководца. Нечто подобное мы наблюдаем в отношении Гитлера и национал-социализма, который он олицетворяет. В настоящее время наиболее активную антироссийскую позицию занимают как

раз те страны и народы, которые были союзниками фашистской Германии. Они отправляли на восточный фронт дивизии и батальоны. Сотни тысяч европейцев добровольно трудились на заводах Германии или на оккупированных территориях и за хорошие деньги производили оружие. «Нейтральная» Швеция в феврале-марте 1945 г. еще поставляла Германии столь необходимую ей железную руду. Если у кого-то оказалась короткая память, то мы, россияне, никогда не должны этого забывать. Нам не простят миллионы погибших за наше будущее советских людей.

Таким образом, стоит крайне осторожно относиться к загадочному эвфемизму «европейские ценности». Тем более, слепо копировать их. Россия находится на стыке двух цивилизаций – западной и восточной. Наша страна, конечно, же европейская, если рассматривать ее через призму культуры. В этом смысле рвать всякие контакты с западом не стоит. Как знать, может быть сегодня именно Россия, как некогда Византия, когда Европа пребывала в состоянии дикости и варварства, сохранила ее античное наследие, своей здоровой консервативной политикой сможет сберечь европейский культурный код. Кстати, некоторые западные интеллектуалы, сильно рискуя, высказывают подобные точки зрения.

Права человека слишком серьезная тема, чтобы говорить о ней вскользь, мимоходом. Мы должны понимать, *что не сами права человека как таковые, а то, что мы подразумеваем под ними, являются стержнем любого политико-правового проекта.*

Та модель прав человека, которая в самой агрессивной форме навязывается западом иным культурам и цивилизациям, не может быть принята ими потому, что это противоречит духу, первоосновам, тем поистине метафизическим началам, на которых они стоят. Принять западные условия – значит потерять национальную культуру. И, что самое важное, свою политическую субъектность. Превратить Россию в объект политики есть давняя мечта тех, кто определяет западную политическую доктрину.

Указом Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 утверждены Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей. К числу таковых отнесены жизнь, достоинство, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, крепкая семья, справедливость, гуманизм, права человека и проч.

Совершенно очевидно, что права человека в сочетании с другими традиционными ценностями, не могут иметь универсальный, и если угодно, общечеловеческий характер. Понимание прав человека и их содержание должны быть сугубо нашими, российскими.

Это реальность, которую мы обязаны осознать. Не могут существовать нормативные правовые принципы, которые в одинаковой степени были бы присущи международному праву и национальным системам права [2, с. 227].

Таким образом, назрела необходимость разработки отечественной, российской Концепции прав человека. Конституция Российской Федерации содержит главу «Права и свободы человека и гражданина». Тем не менее, фактически любой нормативно-правовой акт в той или иной степени касается прав человека. Российская Концепция прав человека должна стать документом стратегического планирования и основой текущего законодательства.

Список литературы:

1. Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории. М.: Айрис-пресс, 2003.
2. Тункин Г. И. Теория международного права. М., 1970.

Функции судебной власти как основа обеспечения правопорядка

Аннотация

В статье рассматриваются основные функции, реализуемые судебными органами на современном этапе. Автором выявлены функции: осуществления правосудия, правозащитная, правовосстановительная, обеспечения публичного правопорядка, контрольно-надзорная, правового воспитания.

Ключевые слова и словосочетания: суд; судебная власть; функция; функция судебной власти.

Абсолютно все современные конституции содержат положения (статьи, разделы, главы), посвященные судебной власти. Так, Конституция Франции содержит раздел VII «О судебной власти»; Конституция Германии включает раздел IX «Правосудие»; Конституция Бразилии устанавливает судебную власть в качестве одной из ветвей власти, которые являются независимыми, она находится с другими ветвями власти «в состоянии гармонии»; Конституция Китая содержит раздел 7 «Народный суд и народная прокуратура»; в Конституции (Основном низаме) Саудовской Аравии, по форме правления являющейся абсолютной, во многом теократической монархией, закреплено, что сам король заинтересован в исполнении судебных решений.

Конституционно-правовое положение судебной власти в системе публичной власти Российской Федерации определяется ст. 10 и 11 Конституции Российской Федерации, а также гл. 7 «Судебная власть и прокуратура», в которых судебная власть признается одной из ветвей власти. Судебная власть наряду с законодательной и исполнительной обладает самостоятельностью. Принцип самостоятельности выражается в независимости судей, которые осуществляют свою профессиональную деятельность независимо от кого бы то ни было и подчиняются только закону. Судебная власть в известной степени выделяется в системе государственной власти и определенным образом обособляется в ней [2]. Вместе с тем, само-

стоятельность и независимость судебной власти вовсе не предполагает ее нахождение в состоянии «изоляции» от других ветвей власти. Судебная власть взаимосвязана и с законодательной и с исполнительной ветвями власти, поскольку:

- во-первых, обязана применять законы, принятые законодательной властью;

- во-вторых, наделена правом отменять действие законов, нормативных актов Президента Российской Федерации, Правительства Российской Федерации в случае их противоречия нормам Конституции Российской Федерации;

- в-третьих, в механизме формирования органов судебной власти задействованы органы других ветвей власти – Государственная Дума, Совет Федерации, Президент Российской Федерации, законодательные органы государственной власти субъектов Российской Федерации.

Судебная власть – это система государственно-властных отношений, возникающих между судом и иными субъектами права, реализуемых в форме судопроизводства с целью разрешения конфликтов или выполнения иных законодательно закрепленных функций. Вместе с тем достижение указанной цели возможно не только при помощи правосудия, но и в ходе исполнения иных функций, которые реализуются судебными органами.

1. *Функция осуществления правосудия.* Правосудие зачастую отождествляют с правоохранительной, правозащитной или правовосстановительной функцией, что не совсем правильно. Здесь следует вспомнить аксиоматическое положение о том, что судебная власть и только судебная власть наделена полномочиями решения всех существующих и потенциально возможных споров о праве, определения меры справедливости в каждом отдельно взятом случае, установления условий благоприобретения и видов наказания в соответствии с закрепленной в законе правовой нормой. Нельзя относиться к правосудию и с позиции юридической аналитики: правосудие – это всегда интеллектуально-творческий, созидательный процесс, направленный на применение выраженного в правовой норме правила для каждого конкретного случая; учитывающий все многообразие факторов политического, экономического, социального и идеологического характера; направленный на правильное использование контекста правовой нормы, соотнесение «буквы» и «духа» закона; воплощающий в своих решениях свободу внутреннего убеждения, сформированного на основе правовых норм и норм неправового характера: традициях, религиозных нормах, нормах морали. Именно правосудие как функция судебной власти высту-

пает важной гарантией конституционализма, его интеграции во все сферы жизнедеятельности общества.

2. *Правозащитная функция.* В соответствии со ст. 2 Конституции Российской Федерации, государство приняло на себя обязанность по соблюдению и защите прав и свобод человека и гражданина. Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно указывал на основополагающий характер данной нормы («основополагающая обязанность государства»¹), реализация которой осуществляется при помощи законодательного закрепления видов юридической ответственности, установления запретов и обязанностей. Более того, Конституция Российской Федерации гарантирует каждому право на судебную защиту, а также возможность обжаловать в судебном порядке решения и действия (или бездействия) органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и должностных лиц (ст. 46 Конституции Российской Федерации). Правозащитную функцию рассматривают как подфункцию в структуре правоохранительной функции. Вместе с тем отождествление указанных функций считаем необоснованным по ряду оснований: содержание функции («правоохрана» видится более широким, чем «правозащита»), момент возникновения и отдельные элементы механизма реализации каждой из функций.

3. *Правовосстановительная функция.* Правовосстановительная функция диалектически взаимосвязана с правозащитной функцией. Ее можно назвать разновидностью правозащитной функции судебной власти, поскольку любое восстановление в нарушенных правах – это всегда правовая защита, но не всегда следствием защиты прав и свобод будет выступать их восстановление. Анализ ст. 46 Конституции Российской Федерации во взаимосвязи с ч. 1 ст. 19 Конституции Российской Федерации и ч. 3 ст. 123 Конституции Российской Федерации показывает, что право на судебную защиту – это не только право на обращение в суд, но и возможность восстановления нарушенных прав и свобод, которая должна быть обеспечена государством (постановления Конституционного Суда от 28 мая 1999 г. № 9-П, от 8 июня 2015 г. № 14-П).

Правовосстановительные механизмы предусмотрены рядом нормативных правовых актов. Так, нормами Гражданского кодекса

¹ См., например: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 13 декабря 2022 г. № 54-П «По делу о проверке конституционности части 2 статьи 2.61 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с запросом Октябрьского районного суда города Екатеринбурга» // Рос. газета. 2022. № 291. 23 дек.

Российской Федерации закреплено, что в случае признания судом акта государственного органа или органа местного самоуправления недействительным нарушенное право подлежит восстановлению либо защите иными способами, к одному из которых относится компенсация морального вреда (ст. 12, ч. 2 ст. 13 ГК РФ). Гарантии обеспечения восстановления нарушенных прав потерпевших закреплены также в ст. 15, 1064, 1072 ГК РФ. Главой 12 Налогового кодекса Российской Федерации предусмотрен публично-правовой механизм восстановления имущественного положения налогоплательщика при излишней уплате или излишнем взыскании публичных платежей.

При этом не следует забывать, что правовосстановительные (компенсаторные) механизмы не должны посягать на права и свободы других лиц. В своем Определении от 21 июля 2021 г. № 41-КГ20-7-К4 Верховный Суд Российской Федерации напомнил, что восстановление материального права не должно нарушать права других лиц. Не менее важной гарантией в вопросе восстановления нарушенных прав выступает норма, закрепленная ст. 100 ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации», которая устанавливает полномочие Конституционного Суда в определенных случаях указывать на необходимость применения к заявителю компенсаторных механизмов.

4. *Функция обеспечения публичного правопорядка.* Публичный правопорядок следует рассматривать как состояние упорядоченности общественных отношений, основанное на точном и неукоснительном соблюдении правовых предписаний всеми участниками общественных отношений. Данная функция реализуется всеми органами, наделенными правом осуществлять правосудие и составляющими единую судебную систему. «Судебные органы объективно, независимо и компетентно разрешая правовые споры и обеспечивая судебную защиту конституционных прав граждан, непосредственно влияют на степень эффективности укрепления правопорядка и конституционной законности» [1]. Особая роль в обеспечении публичного правопорядка отводится Конституционному Суду Российской Федерации, который наделен полномочиями казуального и нормативного толкования Конституции Российской Федерации, а также осуществляющий функции конституционного контроля.

5. *Контрольно-надзорная функция.* Под контрольно-надзорной функцией судебной власти следует понимать деятельность судебных органов, осуществляемую в форме проверки за исполнением органами публичной власти, их должностными лицами, юридическими лицами и гражданами установленных Конституцией Россий-

ской Федерации, федеральными законами и иными нормативными правовыми актами общеобязательных правил поведения [3]. В соответствии с Федеральным конституционным законом от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд является высшим судебным органом конституционного контроля в Российской Федерации. В круг контрольных полномочий Конституционного Суда входит проверка на соответствие Конституции Российской Федерации иных нормативных правовых актов; разрешение споров о компетенции между органами публичной власти (между федеральными органами, между федеральными органами и органами государственной власти субъектов Российской Федерации, между высшими органами государственной власти субъектов Российской Федерации); разрешение вопросов о возможности исполнения межгосударственных органов, в том числе международных судов; осуществление толкования Конституции Российской Федерации; проверка конституционности вопроса, выносимого на референдум.

Если говорить о контрольно-надзорных полномочиях судов общей юрисдикции, то их можно условно разделить на два вида: непосредственный контроль (деятельность судебных органов по рассмотрению жалоб участников процесса) и контрольно-разрешительная деятельность (деятельность по рассмотрению ходатайств органов предварительного расследования, оперативно-розыскных органов по проведению следственных и оперативно-розыскных мероприятий).

6. *Функция правового воспитания.* Доступность правосудия, судебная защита нарушенных прав, безупречность и эффективность деятельности судов и органов, исполняющих судебные решения, выступает основополагающим фактором, влияющим на формирование правовой культуры и позитивного типа правосознания и поведения граждан¹. Функция правового воспитания сформировалась исторически. Еще в утвержденных Законом СССР от 25 декабря 1958 г. Основах уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик в качестве одной из задач уголовного судопроизводства было закреплено «воспитание граждан в духе неуклонного исполнения советских законов и уважения правил социалистического общежития»².

¹ Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан : утверждена Президентом Рос. Федерации 28 апреля 2011 г. № Пр-1168 // Российская газета. 2011. № 151. 14.июл.

² Об утверждении Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик : Закон СССР от 25 декабря 1958 г. // Ведомости ВС СССР. 1959. № 1. Ст. 15.

Уровень доверия к органам правосудия выступает одним из ключевых показателей эффективности судебной власти в государстве и, как следствие, развитого правосознания и правовой культуры общества. Открытость проводимых своевременных и справедливых судебных разбирательств выступает важным элементом в выстраивании конструктивных взаимоотношений государства с гражданским обществом. На современном этапе отношения, складывающиеся между органами правосудия и российским обществом, сложно назвать доверительными. По результатам различных социологических исследований, причинами тому выступают: коррупция, недоверие органам власти в целом, волокита и бюрократизм, зависимость от органов исполнительной власти, безнаказанность судей за вынесение ошибочных решений, отсутствие возможности добиться справедливого решения [4]. В числе приоритетных направлений возможного участия судей в правовом просвещении общества следует назвать: активное привлечение СМИ к освещению наиболее «острых» и резонансных дел, проведение выездных судебных заседаний, привлечение судей к проведению занятий в образовательных организациях, выступление с отчетами перед населением, транслирование судебных заседаний в средствах массовой информации и т. д.

Список литературы:

1. Безруков А. В. Обеспечение правопорядка органами публичной власти в Российской Федерации // Труды Академии управления МВД России. 2015. № 4. С. 22–26.
2. Котляревский С. А. Конституционное государство. Опыт политико-морфологического обзора. СПб., 1907. 250 с.
3. Кузнецов М. Ю. Реализация контрольной функции судебной власти в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 167 с.
4. Отношение россиян к судебной системе (по материалам всероссийского опроса 2020). URL: <http://исследовательский-центр.пф/otnoshenie-rossiyan-k-sudebnoj-sisteme-po-materialam-vserossijskogo-oprosa/?ckattempt=1> (дата обращения: 11.08.2022).

Публичное управление и делиберативные процедуры в контексте ограниченной рациональности

Аннотация

В статье рассматриваются проблемы публичного управления общественными процессами, осуществляемого рациональными агентами через делиберативные процедуры, реализуемые в условиях ограниченной рациональности. Целью исследования является выявление взаимосвязи делиберации и релевантности как способов удержания социальной коммуникации в границах рациональности. Обоснована роль релевантной логики как инструмента выстраивания коммуникативных стратегий рациональных агентов, действующих в условиях неполной рациональности.

Ключевые слова и словосочетания: делиберация; публичное управление; релевантная логика; ограниченная рациональность.

Проблема публичного управления общественными процессами является ключевой в условиях демократического общества. Обеспечение реального общественного контроля над реализацией решений, принимаемых органами власти, важно как с точки зрения осуществления рациональной политики, так и в плане социальной эффективности аппарата государственного управления. Вместе с тем социальные процессы в странах развитой демократии во второй половине XX в. обнаружили ряд проблемных аспектов представительной модели демократического устройства общества. Несмотря на то, что демократические традиции Запада уходят корнями в далекое прошлое, они не гарантируют отсутствия существенных изъянов в западной модели демократии, среди которых важнейшим следует признать возможность принятия нерациональных решений субъектами, действующими по вполне рациональным правилам социальной коммуникации.

С середины 50-х гг. прошлого века все чаще стала подниматься тема ограниченной рациональности (*bounded rationality, limited rationality*) как новой коммуникативной среды в разных областях

общественной жизни – в экономике, политике, образовании, науке и т. д. Г. Саймон, стоявший у истоков теории принятия решений в условиях ограниченной рациональности, сформулировал ключевые идеи, которые легли в основу дальнейших исследований в этой области [1, с. 99]. Для классической рациональности характерны представления о механизмах принятия решений человеком, опирающиеся на ряд допущений, главными из которых являются следующие: а) рациональные субъекты и в мышлении, и в практическом действии всегда стремятся к достижению максимально полезного результата с минимально необходимыми для этого затратами ресурсов; б) каждый рациональный субъект полагает других субъектов коммуникации подобными себе в своей приверженности принципам рациональности; в) рациональный субъект безусловно транспарентен в своих мыслях и действиях для других субъектов на любом возможном уровне аргументации/контраргументации; г) все интеллектуальные и практические действия, совершаемые рациональными субъектами, целесообразны и релевантны заявленным ими целям; д) рациональные субъекты действуют в условиях отсутствия временных, интеллектуальных, материальных и иных ресурсных ограничений.

В концепции ограниченной рациональности эти классические принципы подвергаются существенному пересмотру. Так, например, в иерархически организованных системах коммуникации рациональных агентов их аргументативная транспарентность часто оказывается проблематичной, учитывая не только неравные властные полномочия агентов рациональности, находящихся в различных коммуникативных стратах, но и в силу различий в их доступе к ресурсам (материальным, информационным, временным и пр.).

В теории ограниченной рациональности действительно рациональным поведением субъекта в условиях, когда базовые принципы классической рациональности действуют с существенными ограничениями (или не действуют вообще), считается лишь то поведение, стратегия которого изначально выстраивается с учетом этих ограничений. Основные положения теории ограниченной рациональности заключаются в следующем:

1) рациональными являются лишь те решения, которые существенным образом учитывают возможности их реализации в контексте всех ограничений, наложенных рамками системы на активность субъектов коммуникации. Отсутствие изначальной ориентации на ограничения рациональности коммуникативной системы обрекает любое, даже самое рафинированное рациональное реше-

ние, на псевдо-рациональность, на его нерелевантность поставленной задаче;

2) во всякой сложной системе коммуникации регулярно возникают такие задачи, которые не могут быть точно и полно решены при любом количестве сил и ресурсов, затраченных на их решение. Такие ресурсные ловушки возникают объективно, в силу логической организации самих принципов взаимодействия субъектов в рамках системы;

3) непрерывно возрастающие потоки информации существенно затрудняют обеспечение релевантности информации принимаемым субъектами решениям. Ограничения рациональности имеют здесь двоякий аспект: а) организация процедур отбора информации может быть устроена таким образом, что входящая информация будет становиться хронически нерелевантной либо в силу нехватки вычислительных ресурсов (аппаратных и человеческих) для ее принятия, распределения, обработки, хранения и передачи, либо же на достаточные для решаемых задач вычислительные средства и комплексы будут наложены разного рода ограничения управленческого или политического характера, в силу которых даже самые целесообразные способы работы с информацией сделают ее неактуальной; б) способы проверки и контроля над рациональными процессами могут фактически не поспевать за ними в силу технических или политических причин, превращая проверочные и контролирующие процедуры в обычный формализм, не имеющий никакого сущностного отношения к процессам, реально происходящим в системе рациональной коммуникации;

4) в тех ситуациях, когда ограничения системы не позволяют рациональным субъектам принимать рациональные решения, они вынуждены принимать решения компромиссные, с поправкой на условия места и времени [2, с. 87].

Совокупность всех вышеуказанных обстоятельств превращает рациональную деятельность мыслящих субъектов коммуникации в ограниченно-рациональную деятельность, главной чертой которой становится объективно возможная утрата этой коммуникацией свойства релевантности – уместности ее самой как способа решения поставленных задач, адекватности ее структурно-функциональных характеристик тем проблемам, которые призвана решать данная коммуникация [3, с. 21]. Утрата релевантности означает то, что фактически реализуемые субъектами действия всегда имеют не тот смысл, который явно декларируется субъектами [4, с. 261].

Исследование логической релевантности, начатое В. Аккерманом [5, с. 113] и продолженное в фундаментальных трудах А. Андер-

сона, Н. Белнапа и Ж. М. Данна, а также в трудах их оппонентов Р. Мейера и Р. Брэди, получило название «релевантной логики». Возникнув поначалу как локальный логический проект, направленный на устранение парадоксов материальной импликации, релевантная логика постепенно превратилась в самостоятельный раздел современной логики, имеющий одновременно и философский, и логико-математический смыслы. Важной особенностью этой международной логической программы является возможность прикладного использования результатов, полученных в релевантной логике, для изучения логических аспектов ограниченной рациональности [6, с. 511].

Рассмотрим модель релевантности действий рациональных субъектов $S1 - S5$ на примере доказательства ими формулы $p \rightarrow p$ в исчислении натурального вывода, где состав инференциальных и дедуктивных правил задан стандартным образом [7, с. 10]. Данную формулу можно доказать через правило удаления дизъюнкции и с использованием ранее доказанных импликативных формул (доказательство $S1$). Такое доказательство будет формально правильным (построенным в соответствии с формальными правилами системы натурального вывода), однако доказательство будет нерелевантным поставленной задаче, нерациональным именно в силу своей избыточности.

Более компактным является Доказательство $S2$, в котором используется правило удаления импликации и всего одна ранее доказанная формула («позитивный парадокс»). Новое доказательство не только короче, но и структурно проще, поскольку не использует большого количества ранее доказанных формул. Однако и оно является нерелевантным исходной задаче, поскольку не ведет к цели кратчайшим путем.

Доказательства $S3$, в котором вместо прямого допущения формулы p используется две ранее доказанные формулы, – принцип эксплозии и закон исключенного третьего термина, – дает альтернативное компактное доказательство. Это доказательство короче на один пункт, оно не использует прямое допущение, хотя и содержит две ранее доказанные формулы.

Можно предложить еще один альтернативный вариант оптимизации, Доказательство $S4$, без использования ранее доказанных формул, но с вырожденным случаем применения правила введения конъюнкции, результат которого далее сокращается до исходного прямого допущения путем применения правила удаления конъюнкции.

И все же приходится признать, что Доказательство S4 тоже избыточно, поскольку стандартное правило построения прямого доказательства позволяет строить Доказательство S5 длиной всего в одну строку – прямое допущение формулы p . Поскольку первый пункт этого доказательства содержит искомую формулу, совпадающую с консеквентом доказываемой импликации, доказательство является построенным в полном соответствии с дедуктивными правилами системы натурального вывода.

Какое из доказательств является более рациональным и релевантным поставленной задаче? С точки зрения полностью рационального субъекта S5 релевантным и рациональным будет лишь последнее Доказательство S5, поскольку в нем нет: а) никаких ограничений на использование дедуктивных ресурсов системы, и при этом б) доказательство построено с минимальным использованием этих ресурсов.

Доказательство S4 релевантно и рационально для субъекта S4, действующего в условиях ограничений на использование ранее доказанных формул. Но оно нерелевантно полностью рациональному требованию минимизации использования дедуктивных ресурсов системы вывода.

Доказательство S3 релевантно поставленной задаче и рационально для субъекта S3, действующего в условиях ограничений на использование прямых допущений. Однако в нем использована в качестве ранее доказанной формула эксплозии, которая не является валидной с точки зрения большинства систем релевантной логики, поскольку эта формула не проходит фильтр релевантности, требующий наличия в антецеденте и консеквенте доказываемой формулы хотя бы одной общей пропозициональной переменной.

Доказательство S2 не нарушает требования вышеуказанного фильтра релевантности, однако включает в себя невалидную в релевантной логике формулу «позитивного парадокса». Такие формулы отбрасываются в большинстве систем релевантной логики как невалидные именно потому, что не гарантируют содержательной и смысловой связи между ее антецедентами и консеквентом.

Доказательство S1 на этом фоне выглядит полностью нерациональным и нерелевантным поставленной задаче, поскольку содержит значительное количество избыточных дедуктивных шагов. Предположим, однако, что это доказательство моделирует активность субъекта S1, действующего в рамках системы ограниченной рациональности, в которой единственным критерием правильности доказательства является его формальное соответствие правилу построения доказательства, а эффективность действий самого субъекта

екта S1 измеряется лишь его активностью по производству формул. Собственный интерес такого субъекта напрямую зависит от количества произведенных им в выводе формально правильных действий, желательно ресурсоемких, использующих ранее доказанные формулы как аккумулированный коллективный опыт доказательств в системе. Очевидно, что в таком нерационально организованном контексте рациональными станут как раз те действия субъекта S1, которые искусственно создают дедуктивную избыточность, нерелевантную поставленной цели.

Единственным средством придания избыточным доказательствам вида, релевантного поставленной задаче, является возможность независимой и перекрестной оценки всех их шагов сторонними рациональными субъектами. В случае, если сторонний наблюдатель видит лишь входные и выходные параметры доказательства, построенного в условиях ограниченной рациональности, у него нет никаких объективных способов проверки этого доказательства на предмет его релевантности поставленной задаче, даже если он имеет полный доступ к сведениям о дедуктивном потенциале системы. Делиберация как принципиальная открытость способов принятия решений о распоряжении дедуктивными ресурсами системы, доступность их для сравнения и критики со стороны любого рационального субъекта – это не просто дань транспарентности дискурса и возникающей на основе него системы коммуникации. Напротив, делиберация есть само условие возможности удержания коммуникации в дискурсе рациональности [8, с. 29]. Делиберативные процедуры анализа коммуникативных процессов и соответствующих им интеллектуальных решений позволяют сохранить рациональную коммуникацию в локусе релевантности поставленным задачам, не позволяют ей превратиться в бессмысленную трату ресурсов системы и/или подменять поставленную задачу внешней по отношению к ней активностью, направленной на удовлетворение субъективных интересов, связанных с процессом, не релевантным относительно искомого результата.

Список литературы:

1. Simon H. A. A Behavioral Model of Rational Choice. // The Quarterly Journal of Economics, vol. 69, No. 1, p. 99–118, The MIT Press, Massachusetts, 1956.
2. Mallard G. Bounded Rationality and Behavioural Economics. Routledge, New York, 2016.

3. Sperber D., Wilson D. *Relevance: Communication and Cognition*. Blackwell Publishers Inc. Cambridge, Massachusetts, 1995.
4. Wilson D., Sperber D. *Meaning and Relevance*. Cambridge University Press, UK, 2012.
5. Ackermann W. Begründung einer strengen Implikation // *The Journal of Symbolic Logic*, vol. 21, p. 113–128, 1956.
6. Anderson A. R., Belnap N. D., Dunn J. M. *Entailment. Logic of Relevance and Necessity*. vol. 2, Princeton University Press, Princeton, NJ, 1992.
7. Routley R., Meyer R., Plumwood V., Brady R. *Relevant Logics and their Rivals*. vol. 1. Atascadero. CA: Ritgeview, 1982.
8. *Deliberative Acts. Democracy, Rhetoric, and Rights*. Edited by Cheryl Glenn and J. Michael Hogan. Arabella Lion, The Pennsylvania State University Press, Pennsylvania, 2013.

Границы правомерного и противоправного поведения с позиции нормативистского подхода

Аннотация

В статье дается характеристика правомерного и противоправного поведения с позиции степени их соответствия управомочивающим, обязывающим и запрещающим правовым нормам. В качестве недостатка нормативистского подхода отмечается то, что он не учитывает всего многообразия нормативных правовых предписаний, степень их детализации в букве закона, возможных дефектов и результатов толкования и применения норм права. В конечном итоге попытки «окрашивания» с нормативных позиций всего многообразия правового поведения в «черно-белые тона» существенно обедняет его палитру и лишает гибкости правовой инструментарий реагирования на его проявления.

Ключевые слова и словосочетания: правомерное поведение; противоправность; норма права; нормативистский подход.

Изучение разнообразных видов правового поведения представляет интерес не только с теоретической, но и с практической точки зрения. Сегодня наблюдается тенденция интенсификации правового регулирования общественных отношений. В правовую сферу вовлекаются все больше новых общественных отношений, и сопровождающие их действия нуждаются в правовой оценке. Но человеческое мышление (включая и правовое мышление) зачастую склонно к схематизации, к упрощению. Многие явления окружающей действительности мы рассматриваем сквозь призму «дуальности»: «ночь-день», «добро-зло», «черное-белое». Исключением не является и правовая интерпретация совершаемых людьми поступков. В общей теории права в качестве общепризнанного факта принято подразделять правовое поведение на две основные разновидности – правомерное поведение и правонарушение. Грани между двумя типами правового поведения проходят, главным образом, в аспекте их юридической и социальной характеристики. Оставляя за рамка-

ми настоящего небольшого очерка социальную сторону правового поведения (которая, безусловно, заслуживает пристального внимания и самостоятельного изучения ввиду ее влияния и на характеристику юридическую) обратим внимание на собственно юридическую сторону.

Интерес в связи с этим представляет позиция Д. Д. Гримма, который обращаясь к изучению римской правовой традиции. Все юридически значимые действия подразделяются на дозволенные и недозволенные [2]. Такое словоупотребление в данном контексте имеет важное значение, поскольку позволяет поставить два принципиальных вопроса: кем и чем должно быть дозволено (либо не дозволено) поведение?

В интерпретации естественно-правовой школы истоки права в целом и юридической оценки поступков людей кроются в законах самой природы и социальной жизни. А раз так, деление правового поведения на дозволенное и недозволенное имеет, по сути, метафизический характер, представляет собой незыблемую константу. Однако ознакомление с историей правового развития наглядно демонстрирует подвижность границ между дозволенным и недозволенным в зависимости от различных политических, идеологических, экономических, иных социокультурных факторов. Отсутствие в естественно-правовой концепции конкретного ответа на вопрос, чем определяется дозволенное, фактически также лишает дифференциацию правового поведения четкой определенности. Именно этот аргумент о невозможности четкого отграничения правомерного поведения от неправомерного нередко приводится противниками теории естественного права.

В этой связи позитивистский (нормативистский) подход к пониманию права на поставленные выше вопросы отвечает однозначно. Отнесение того или иного поступка к дозволенному (правомерному) или недозволенному (правонарушению) является результатом выраженной на то воли государства. А если уточнить эту позицию, опираясь на современную интерпретацию механизма государственной власти, можно отметить, что воля эта выражается высшими органами государственной власти, обладающими нормотворческими полномочиями.

Не случайно в этой связи мерилом поступков являются нормы права – идеальные (желаемые, требуемые государством) модели поведения, закрепленные в законах и иных нормативных правовых актах.

Теория права исходя из способов правового регулирования нормы подразделяет на разрешающие (управомочивающие), обязывающие и запрещающие. Исходя из этого, правомерное поведение

ние рассматривается в следующих его проявлениях: использование предоставленных нормами возможностей (осуществление права), исполнение требуемых нормами обязанностей, соблюдение правовых запретов (воздержание от нежелательного поведения). Следуя тому, что правомерное поведение и правонарушение – противоположные друг другу понятия, а также исходя из требований формальной логики, мы должны прийти к выводу, что юридические проявления правонарушения должны быть рассмотрены с тех же позиций, что и проявления правомерного поведения. В юридической литературе чаще всего отмечается, что противоправность, будучи перманентным признаком правонарушения, означает несоответствие (противоречие) поведения правовым нормам. Далее возникает вопрос – каким именно? Ответ на него не является однозначным. Дореволюционный ученый-юрист В. М. Хвостов правонарушение считал поведением, противоречащим велениям права и несогласным с налагаемыми им обязанностями [6, с. 136]. Иными словами, основной акцент был сделан на неисполнении обязанностей. Несколько шире рассматривает противоправность Г. Ф. Шершеневич, который в качестве форм ее проявления называет «упущение» (неисполнение требований норм права) или «совершение» (нарушение запретов) [7, с. 630]. Аналогичная позиция в советской и современной юридической науке высказана О. Э. Лейстом. По мнению ученого, противоправность означает нарушение запретов, которые должны четко и недвусмысленно закрепляться в нормативных правовых актах, либо невыполнение обязанностей, вытекающих из требований нормативных, правоприменительных и индивидуальных правовых актов [5, с. 305].

Из представленных позиций следует, что противоправность означает нарушение норм запрещающих и обязывающих. О нарушении управомочивающих норм речи не идет. При первом приближении такое заключение представляется достаточно логичным, поскольку сама природа субъективного права как меры возможного поведения предполагает свободу в обращении с правовой нормой, устанавливающей это субъективное право. Но этот вывод справедлив только в отношении непосредственного адресата правовой нормы – управомоченного лица. Будет ли нарушение субъективного права, предоставленного соответствующей правовой нормой, со стороны третьего лица означать противоправность его действия?

Для ответа на данный вопрос необходимо учитывать, что системность права обеспечивается согласованным действием различных правовых предписаний. Управомочивающие правовые нормы обеспечиваются действием норм обязывающих и запрещающих.

Такой механизм наиболее ярко проявляется в сфере публичного права. Например, закрепленное в Конституции Российской Федерации право граждан на обращение, конкретизируется в отдельном федеральном законе, который возлагает на органы публичной власти обязанность рассмотрения обращения, сроки ее исполнения и ответа гражданину. В таких случаях правонарушение, посягая на субъективные права, одновременно нарушает установленные запреты или обязанности.

Однако следует иметь в виду, что в области частного права далеко не всегда нормативные предписания, имеющие управомочивающий характер, текстуально обеспечены встречными обязанностями, указанными в законе. В таком случае обязанность контрагента (в отсутствие ее конкретизации в договоре) вытекает из смысла управомочивающей правовой нормы. В таком контексте в отсутствие в законодательстве непосредственных обязывающих норм можно говорить о том, что правонарушение посягает на нормы управомочивающие. Но означает ли это, что нарушение субъективного права другого лица всегда будет противоправным? Еще римские юристы отмечали, что само по себе стеснение в правах другого лица не означает предосудительность действий обидчика, если он пользуется при этом своими правами (принцип *qui jure suo utitur, neminem laedit* – «никого не обижает тот, кто пользуется своим правом» [3, с. 1]). Немецкий цивилист Л. Эннексерус в связи с этим справедливо отмечал, что в ряде случаев пользование своими правами неизбежно связано с ущемлением прав других людей [8, с. 437]. Г. Ф. Шершеневич к случаям отсутствия противоправности, помимо осуществления права, относит также исполнение служебной обязанности, необходимую оборону, крайнюю необходимость, согласие потерпевшего на причинение вреда. Во всех подобных случаях стеснения в правах, по мнению автора, имеет место не правонарушение, а нарушение интересов [7, с. 633].

С учетом данных замечаний можно отметить, что нарушение субъективного права и, соответственно, управомочивающей правовой нормы, можно оценивать как противоправное поведение только при условии, если это поведение не опирается, в свою очередь, на иную управомочивающую правовую норму.

Нормативизм при всей своей простоте и точности определения границ правомерного и противоправного уязвим с тех позиций, что не учитывает всего многообразия нормативных правовых предписаний, степень их детализации в букве закона, возможных дефектов и результатов толкования и применения норм права. Например, где будет проходить граница правомерного и противоправно-

го поведения при реализации оценочных правовых норм, которые в силу своей изначальной содержательной неопределенности могут наполняться различным смыслом в результате правоприменительного усмотрения. Последнее одним лишь нормативистским подходом удовлетвориться не может и будет апеллировать к социальным истокам права, поиску баланса интересов и пр.

В. Н. Кудрявцев отмечает, что границы правомерного поведения гораздо шире, чем противоправного [4, с. 196–197]. Если в отношении первого действует принцип «разрешено все, кроме прямо запрещенного», то второе неизбежно требует четкой правовой регламентации. Но в этом случае границы правомерного выходят за рамки, очерченные конкретными правовыми нормами, нарушается принцип формальной определенности, на котором зиждется нормативистский подход. Если следовать этому подходу в полной мере, то границы дозволенного, равно как и границы недозволенного должны быть определены исключительно нормативными рамками. Но такое положение не соотнобразуется с представлениями о свободе как одном из свойств, присущих праву.

В последнее время в литературе была высказана идея, что нормы права (объективное право) фиксируют лишь типичное юридически значимое поведение (правомерное и противоправное), тогда как нетипичное поведение находит свое отражение в сфере право-реализации [1, с. 4–5]. Оно относимо к правовой системе в целом, но не находит непосредственного отражения в объективном праве. Данный тезис заслуживает своего самостоятельного осмысления. Но он свидетельствует о том, что узкий нормативистский подход не позволяет в полной мере адекватно оценить все многообразие поведения людей в правовой сфере. Его познавательная ценность ограничивается лишь формально-юридическими признаками правомерности (противоправности), соотносенными с видами и особенностями содержания правовых норм.

Список литературы:

1. Валиев Р. Г. Нетипичное юридически значимое поведение: к вопросу идентичности и соотношении со смежными категориями // Юридическая наука. 2018. № 5. С. 3–8.
2. Grimm D. D. Лекции по догме римского права / под ред. В. А. Томсинова. М.: Зерцало, 2003. 496 с.
3. Доманжо В. П. Ответственность за вред, причиненный путем злоупотребления правом // Ученые записки Имперского Казанского университета. Книга пятая. Казань, 1913.

4. Кудрявцев В. Н. Правовое поведение: норма и патология. М.: Наука, 1982. 287 с.
5. Общая теория права: учебник для юридических вузов / Ю. А. Дмитриев, И. Ф. Казьмин, В.В. Лазарев и др.; под общ. ред. А. С. Пиголкина. 2-е изд., испр. и доп. М.: Изд-во МГТУ им. Н. Э. Баумана, 1996. 384 с.
6. Хвостов В. М. Общая теория права: Элементарный очерк. 6-е изд., испр. и доп. СПб.: Н. П. Карбасников, 1914. 160 с.
7. Шершеневич Г. Ф. Общая теория права. Вып. 1. М.: Изд. Бр. Башмаковых, 1910. 805 с.
8. Эннексерус Л. Курс германского гражданского права: в 2-х т. / пер. с нем. И. Б. Новицкого, Г. Н. Полянской, В. А. Альтшугера ; под ред. Д.М. Генкина и И.Б. Новицкого. М.: Изд-во иностранной литературы, 1950. 483 с. Т. 1. Полутом 2.

Противодействие деструктивному влиянию неправительственных, некоммерческих организаций посредством международного сотрудничества в правоохранительной сфере

Аннотация

В статье рассматриваются проблемы противодействия деструктивному влиянию, которое оказывают США и их союзники на политическую обстановку в государствах – участниках СНГ с помощью подконтрольных неправительственных, некоммерческих организаций.

Ключевые слова и словосочетания: США; влияние; органы внутренних дел; НПО/НКО; сотрудничество.

Январские события 2022 г. в Казахстане в значительной мере подтвердили курс коллективного Запада во главе с США на формирование вокруг Российской Федерации «дуги нестабильности» путем последовательного расшатывания и взятия под контроль государств постсоветского пространства с последующей антироссийской переориентацией их внутренней и внешней политики.

Особую опасность представляют протестные движения, назревающие на фоне социально-экономических, политических и иных причин, целью которых является смена власти и государственного строя.

Подобные сюжеты можно было наблюдать в 2014 г. Украине, в 2021 г. в Белоруссии, а также начавшиеся в июле события в Каракалпакстане на территории Узбекистана, где посредством управляемых и финансируемых западными странами через подконтрольные неправительственные организации, «активистов» митингов и демонстраций ситуация переросла в ультиматумы действующей власти, а события развивались по сценарию «цветных революций».

Среди исполнителей задач, связанных с распространением и внедрением в общественное сознание новых «революционных» идей, существенная роль принадлежит неправительственным,

некоммерческим организациям (далее – НПО, НКО). К ним относятся организации, официально якобы преследующие разнообразные гуманитарные, образовательные, исследовательские, экологические, научные и иные цели¹.

В своей деятельности НПО и НКО руководствуются точными инструкциями (методичками), в которых подробно расписаны правила их работы, алгоритм создания эффективной и рациональной модели устройства организации, рекомендации по управлению, советы, как реализовать на практике программы, с кем необходимо поддерживать связь для успешного ведения деятельности [6] – с сообществом, партнерами, спонсорами, правительствами и другими заинтересованными лицами, как предотвращать и устранять распространенные проблемы, с которыми может столкнуться организация, а также планы по финансированию и поэтапному осуществлению такой деятельности, по реализации системы грантов.

Основным организатором и координатором деятельности западных НПО/НКО в бывших советских республиках является региональное представительство Агентства международного развития США (USAID) [9], которое активно сотрудничает с государственными органами в области экономики, энергетики, здравоохранения и образования. Агентство является крупным государственным ведомством по оказанию иностранной помощи развивающимся государствам и прикрытием для деятельности центрального разведывательного управления (далее – ЦРУ) США [7]. Управляется госдепартаментом США с бюджетом, утверждаемым конгрессом.

Крупные средства агентству представляются из множества частных фондов, наиболее влиятельные из них: «Фонд Рокфеллера» (Rockefeller Foundation), «Фонд Сороса» (Open Society Foundation), «Фонд Гейтса» (Bill & Melinda Gates Foundation), «Сеть Омидыра» (Omidyar Network).

Все вышеуказанные фонды неоднократно были замечены в связи с ЦРУ США.

Основными партнерами «USAID» для реализации проектов в различных областях являются Международный республиканский институт (International Republic Institute, IRI), Национальный фонд в поддержку демократии (National Endowment for Democracy, NED), Национальный демократический институт (National Democratic Institute, NDI), Фонд «Евразия Центральной Азии» (ФЕЦА), Совет

¹ О некоммерческих организациях : Федер. закон от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 25.09.2022).

международных исследований и обменов (International Research & Exchanges Board, IREX) [8].

Данные организации имеют разветвленную сеть НПО и агентства. Обладая большими финансовыми ресурсами и мобильностью при активном содействии властей данные НПО пытаются навязывать свою антироссийскую и русофобскую политическую повестку всему обществу.

В культивировании антироссийских настроений особую роль играет Фонда Сороса. По его деятельности можно отследить общие для Запада направления работы со стороны различных фондов НПО по установлению контроля как над Украиной, так и над другими странами.

Рассматривая опыт деятельности структур Дж. Сороса на территории Украины, можно отметить, что работа с украинским обществом проводилась системно в соответствии с принципами ведения сетевых войн, когда захват одним государством другого государства осуществляется не иностранными войсками, а частью собственного населения с целенаправленно скорректированным сознанием и измененным восприятием действительности и исторического прошлого.

В связи с проведением Российской Федерацией специальной военной операцией на Украине фонд определил три цели: *«Поддержка украинского гражданского общества»*, *«Международная солидарность с Украиной»*, *«Защита человеческого достоинства»* [2].

Обращает на себя внимание проблема наращивания активности США и их сателлитов в Центрально-Азиатском регионе в сферах обеспечения безопасности и правопорядка, где Соединенные Штаты прилагают масштабные усилия, используют созданную сеть фондов и неправительственных организаций, которая получила широкое распространение в регионе за последние 30 лет [3].

Под предлогом декларирования общечеловеческих ценностей, формирования гражданского общества, обеспечения свободы слова и развития независимых СМИ, НПО являются очередным основным инструментом в продвижении конкретных интересов Соединенных Штатов и западных стран.

Истинные цели скрыты и направлены на принижение роли Российской Федерации в Центральной Азии, в конечном счете на ее дискредитацию.

Анализ реализуемых американцами и ЕС инициатив показывает их солидную финансовую помощь, получение ими доступа

к существенным сведениям о местных правоохранительных органах, к национальной силовой структуре.

В Казахстане важное место занимает развитие неправительственных организаций социальной и общественно-политической направленности, а также правозащитная тематика. В Киргизии акцент делается на развитии сферы здравоохранения, социального обслуживания населения и содействия политическим процессам и реформам, происходят попытки осуществления контроля за процессом реформирования правоохранительного сектора. В Таджикистане основное внимание уделяется сфере образования и расширению доступа к информации. В Туркменистане и Узбекистане американские фонды концентрируются на защите прав человека и информационных проектах.

США также стремятся нарастить военное присутствие в регионе и воспрепятствовать укреплению позиций Российской Федерации. Пентагон настойчиво продвигает различные механизмы сотрудничества со странами Центральной Азии.

На основе программы НАТО «Партнерство ради мира» реализуются индивидуальные программы в сферах обороны, военного образования, антитеррористической направленности [1].

На фоне ситуации на Украине отмечается, что значительные ресурсы США направляются в целях модернизации средств массовой информации региона и использования информационных ресурсов для давления на местные власти, а также на поддержание антироссийской и русофобской активности общественных организаций (присутствие «мягкой силы» и «продемократической» деятельности США).

В этой связи активизировалось значительное количество НПО, либералов, национал-патриотов и неонацистов в Республике Казахстан и Киргизской Республике, консолидировавшись и начав кампанию травли несогласных.

Пример январских событий Казахстана показывает, что западниками подготовка активистов и исполнителей силовых акций (боевиков-террористов) ведется заранее. Этому способствуют агенты влияния противника в органах государственной власти и управления, а также силовых структурах.

Антироссийские настроения явно проявились во время разрешенного митинга в поддержку Украины, организованного НПО Киргизской Республики в Бишкеке 26 марта.

По мнению экспертов [4], такая акция является заготовкой, брошенной из посольства США, с целью повлиять на парламентариев, многие из которых сами сторонники либеральных и национа-

листических взглядов, для принятия мер по ограничению информационного присутствия России в Киргизской Республике.

Примечательно, что точно такое же требование выдвигали и их коллеги из Республики Казахстан, что показывает скоординированность всех этих действий по воздействию на местные власти (аналогичная линия прослеживается в июльских событиях в Каракалпакстане на территории Узбекистана).

Во всех случаях в массовые акции протеста и уличные беспорядки активно вовлекалась молодежь, включая школьников. Для этого агентами влияния противника проводится большая подготовительная работа в сети Интернет.

Стоит обратить внимание на высокий уровень сокрытия данных о деятельности американских фондов и неправительственных организаций в Центральной Азии по сравнению с другими регионами постсоветского пространства.

Исходя из имеющихся данных о структуре расходов американских фондов в регионе [5], приоритетными сферами их деятельности являются Киргизия и Казахстан, на долю которых приходится 34 и 33 % их затрат. Финансовые трудности Таджикистана также активно используются в интересах США.

Стремление взять под контроль ресурсы обширного региона «от Кабула до Бейрута» является достаточно серьезным основанием для развертывания многоуровневого американского присутствия в регионе, идеологически упакованного в концепции наподобие «борьбы с международным терроризмом» или «большого Ближнего Востока».

С началом февральских событий на Украине отмечается нарастание финансовой и организационной поддержки российской либеральной оппозиции и прозападно настроенных НКО и НПО в странах Европы (Германия, Латвия, Литва, Польша, Сербия, Швеция, Финляндия, Чехия, Эстония и др.), а также расширение практики обучения на территории третьих стран так называемых представителей гражданского общества тактике и методам ненасильственного свержения действующей власти.

В свою очередь, при пресечении несогласованных публичных акций блоггерами и журналистами оппозиционных изданий и каналов освещаются «жесткие» и неправомерные действия силовиков с целью их «демонизации», последующей критики и формирования неблагоприятного и негативного облика действующей власти.

В данном контексте основными действенными инструментами подавления протестов остаются правоохранительные органы, способные нормализовать ситуацию посредством недопущения несанк-

ционируемых собраний и пресечения противоправных действий имеющимися средствами, а также превентивные меры по заблаговременной профилактике протестных акций и работе с неправительственными организациями.

Органы внутренних дел, являясь основным субъектом обеспечения общественного порядка и безопасности, как правило, выступают не только исполнителями, но и инициаторами ряда организационных мероприятий, основное содержание которых состоит в создании наиболее благоприятных условий для их проведения.

Борьба с указанной незаконной деятельностью может быть эффективна при согласованности действий государств-объектов, а также сочетании внутригосударственных и международных усилий.

Курс Запада во главе с США сегодня направлен в первую очередь на оказание давления на страны, которые не разделяют антироссийскую риторику и продолжают проводить независимую политику. В этой связи особое значение в противодействие обозначенным угрозам имеет развитие международного сотрудничества в правоохранительной сфере.

Задачи, стоящие перед органами внутренних дел Российской Федерации в сфере международного сотрудничества, разнообразны. В их основе лежат Концепция внешней политики Российской Федерации¹ и Стратегия национальной безопасности Российской Федерации². Также они развиваются и детализируются в поручениях Президента Российской Федерации, Правительства Российской Федерации, решениях Совета Безопасности Российской Федерации, руководства Министерства внутренних дел Российской Федерации.

В рамках межгосударственного сотрудничества в борьбе деструктивным влиянием НКО действенными остаются традиционные направления, применяемые в рамках борьбы с преступностью: обмен информацией, в том числе оперативной, криминалистической, правовой; исполнение запросов о проведении оперативно-розыскных мероприятий; оказание правовой помощи по уголовным делам; заключение и реализация международных договоров в борьбе с преступлениями, представляющими международную опас-

¹ Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации : Указ Президента Рос. Федерации от 30 ноября 2016 г. № 640 // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 25.09.2022).

² О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : Указ Президента Рос. Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 25.09.2022).

ность; разработка международных норм обязательного или рекомендательного характера в сфере охраны правопорядка и уголовного правосудия.

Отдельно, с учетом специфики рассматриваемого вида преступной деятельности, представляется целесообразным отметить проведение совместных научных исследований, обмен опытом по указанной тематике. Следует принимать меры по совершенствованию тактики действий сотрудников правоохранительных органов. Вносить корректировки в программы обучения. Оказывать материальную, техническую и экспертную помощь (подготовка и повышение квалификации кадров, предоставление экспертных услуг, поставка специальных средств и техники и т. п.).

Следует принимать во внимание фактор материальной заинтересованности для привлечения участников на мероприятия, включая схемы финансирования протестной активности по международным каналам, а также подготовки «профессиональных революционеров», проведения за рубежом тренингов по влиянию на избирательные кампании, организации и проведению массовых беспорядков, политических акций, обучения способам тактического противоборства с полицией и т. д.

В этой связи целесообразным представляется проведение активной работы по перекрытию каналов финансирования объединений различного профиля, в том числе некоммерческих организаций, иностранных агентов, осуществляющих противоправную деятельность по дестабилизации общественно-политической обстановки, с проведением комплекса соответствующих оперативно-розыскных мероприятий.

Как отмечалось ранее, отличительной чертой деструктивной деятельности НПО и НКО является использование самых различных и современных информационно-телекоммуникационных технологий. В этой связи особую актуальность приобретает определение перспектив совершенствования деятельности правоохранительных органов Российской Федерации в указанной сфере.

Особенности преступлений в сфере информационных технологий (далее – ИТ) напрямую взаимосвязаны с ростом уровня технических средств, используемых в преступных целях, с изменением характера подготовки и способов совершения противоправных действий, а также маскировки и ликвидации следов преступления.

Необходимо отметить, что МВД России провело большую работу по присоединению к Соглашению о сотрудничестве государств – участников Содружества Независимых Государств в борьбе с преступлениями в сфере информационных технологий, правовой

инструментарий которого позволяет обеспечить правоохрательным органам стран Содружества эффективную борьбу с «компьютерными преступлениями»¹.

Соглашением закреплены как различные формы межгосударственного взаимодействия. Например, создание информационных систем и программных продуктов, обеспечивающих выполнение задач по предупреждению, выявлению, пресечению, раскрытию и расследованию уголовно наказуемых деяний в сфере информационных технологий, обмен программными продуктами и решениями, а также исполнение запросов о неотложном обеспечении сохранности данных, хранящихся в компьютерных системах.

Не допустить реализацию планов деструктивных сил по обострению ситуации и эскалации протестных настроений в обществе можно только общими скоординированными усилиями правоохрательных структур, иных органов государственной власти и общественных институтов.

Список литературы:

1. Басов Ф. А. Трансформация австрийского нейтралитета // Свободная мысль. 2019. № 4 (1676). С. 139–146.
2. Джордж Сорос: «Происходящее на Украине – мой лучший проект». РУССТРАТ 20.04.2022. URL: <https://russtrat.ru/comments/20-aprelya-2022-0007-9994> (дата обращения: 06.12.2022).
3. Мухаметов Р. С. Место и роль неправительственных организаций в урегулировании международных конфликтов // Дискурс-Пи. 2018. № 1 (30). С. 24.
4. Наумов А. О. Роль неправительственных организаций в «цветных революциях» // Государственное управление. Электронный вестник. 2018. № 71. С. 207–225.
5. Темирбекова А. Кыргызская Республика в стратегических планах США // Постсоветские исследования. 2019. № 3. С. 1130–1140.
6. Устинкин С. В., Горюнова А. А. Основные направления деятельности современных НПО – иностранных агентов в России. // Международный научно-исследовательский журнал. 2021. № 7–2 (109). С. 171–174.

¹ О ратификации Соглашения о сотрудничестве государств - участников Содружества Независимых Государств в борьбе с преступлениями в сфере информационных технологий : Федер. закон от 1 июля 2021 г. № 237-ФЗ // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 25.09.2022).

7. Черевичко Т. В., Цыплин В. Г. Политические аспекты американской помощи Украине накануне парламентских выборов в 2002 году // Изв. Саратов. ун-та Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2020. № 4. С. 489–494.

8. Eurasia Foundation of Central Asia (EFCA) URL:http://ef-ca.kz/news/fond/QOLDA_20 (дата обращения: 05.12.2022).

9. «USAID» – United States Agency for International Development. URL: <https://www.usaid.gov> (дата обращения: 05.12.2022).

Отдельные проблемные аспекты функционирования гражданского общества в современной России

Аннотация

Статья посвящена краткой характеристике сформировавшихся в российском государстве проблем, связанных с функционированием гражданского общества как наиболее универсального и крайне необходимого средства взаимодействия наиболее активных и неравнодушных граждан с представителями власти. Заявленные проблемные аспекты наиболее обобщенно отражают специфику формирования гражданского общества в России с учетом особенностей исторического развития российского государства.

Ключевые слова и словосочетания: гражданское общество; российское государство; проблемы формирования; инициативность и неравнодушие граждан России по участию в управленческих процессах; свобода создания и деятельности институтов гражданского общества.

Построение гражданского общества для любого демократического правового государства является крайне актуальным и востребованным процессом. Это связано с тем, что данный институт позволяет выстроить необходимые, конструктивные связи между обществом и органами управления, с помощью которых возможно решение формирующихся в социуме проблем.

Концептуальные идеи о сущности и содержательном наполнении такой категории, как гражданское общество прошли длительный путь своего развития.

Первые упоминания можно найти еще в трудах древнегреческих философов Платона («Политика»), Аристотеля («Государство») и др., дальнейшее продолжение теория гражданского общества получила в эпоху Возрождения и Нового времени в трудах Г. Гроция, Т. Гоббса, Дж. Локка, Ш. Монтескье, Ж.-Ж. Руссо, однако сам термин «гражданское общество» стал употребляться лишь в XVIII в. Связано это с тем, что до указанного периода государ-

ство и общество понимались как единое целое. Разграничивать эти явления начали немецкие философы И. Кант, Г. Гегель, М. Вебер, К. Маркс, Ф. Энгельс.

Под гражданским обществом стали понимать особую сферу общественных отношений, главным образом имущественных, семейных, нравственных, которые должны были находиться в известной самостоятельности (независимости) от государства. То есть гражданское общество характеризовалось как частное общество, в котором кроме официальных (государственных) институтов существует независимый (неподконтрольный) последним уклад жизни – сфера реализации интересов конкретных индивидов и их объединений [1, с. 85].

Таким образом, главными идейными началами гражданского общества были невмешательство власти в «гражданские дела» личности, частную жизнь людей и наличие обособленной социальной среды свободной инициативы, предприимчивости, где государство должно выполнять лишь роль «арбитра», «ночного сторожа».

В самом общем виде гражданское общество следует понимать как систему самостоятельных и независимых от государства общественных институтов и отношений, которые обеспечивают условия для реализации частных интересов и потребностей индивидов и их объединений, для нормального функционирования экономических, социальных, духовных сфер жизнедеятельности общества, а также воспроизводства и передачи духовных и материальных ценностей от поколения к поколению. Предложенное содержательное наполнение данной категории обуславливает ее предназначение в современных демократических, цивилизованных государствах, где человек с его интересами, правами и свободами является высшей ценностью. В сформировавшейся идеальной теоретической модели такого типа государства неотъемлемым элементом является наличие гражданского общества.

Согласно Конституции Российской Федерации «Российская Федерация – Россия есть демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления»¹. Следует сказать, что данному институту в нашей стране уделяется особое внимание как со стороны власти, так и со стороны населения. Связано это с социально-политическими процессами, происходящими как внутри государства, так и на международной арене, а также с соци-

¹ Конституция Российской Федерации : принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. : с изм., одобренными в ходе общерос. голосования 1 июля 2020 г. // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 25.09.2022).

ально-экономическими, духовными и иными проблемами современного российского общества.

Учитывая историческое развитие российского государства, степень участия представителей народа в решении формирующихся насущных проблем была крайне незначительной, а современный период в данном контексте характеризуется достаточно существенными изменениями и в правовом и в политическом плане. С начала XXI в. было создано большое количество гражданских объединений в самых различных сферах жизни общества (политика, экономика, спорт, культура и т. д.), а также с учетом специфических особенностей (демографических, территориальных и иных) различных социальных групп.

Так, в экономической сфере функционирует широкая сеть объединений гражданского общества, образованных промышленными, торговыми, финансовыми и другими организациями и предприятиями. К ним относятся: коммерческие банки, акционерные общества, концерны, корпорации, холдинги и др. В социально-политической сфере гражданское общество представляют: общественно-политические объединения – профессиональные союзы, политические партии, не являющиеся правящими; разнообразные формы социальной активности граждан – митинги, собрания, демонстрации, забастовки; органы местного самоуправления; негосударственные средства массовой информации и др. В свою очередь, в духовной сфере гражданское общество формируется объединениями актеров, научных работников, литераторов, художников и др., а также организациями, выполняющими национальный и человеческий долг, в частности, по охране памяти о погибших защитниках Отечества и т. п. [3, с. 74].

Деятельность данных организаций начинает находить свой отклик у органов государственной власти, которые искренне прислушиваются к просьбам общественных организаций либо вынужденно реагируют на требования равнодушных и активных граждан, составляющих основное звено вышеуказанных объединений. При этом необходимо отметить, что просьбы и требования граждан – это не всегда огульные, беспредметные и популистские высказывания и лозунги, а зачастую, хоть и фрагментарные, но предметные и конструктивные варианты решения конкретных проблем, накопившихся в обществе либо справедливые претензии к некачественному и невнимательному отношению должностных лиц к своим функциональным обязанностям.

Однако наряду с положительными тенденциями в развитии гражданского общества в современной России продолжает суще-

ствовать и ряд проблем, которые имеют к тому же взаимосвязанный комплексный характер.

1. Недостаточно высокая социальная активность населения. Российское общество в ряде актуальных общественных и государственных вопросов продолжает быть инертным и безынициативным. Так, граждане хоть и в меньшей степени, но продолжают оставаться безучастными ко многим социальным проблемам (чистота мест общего пользования в подъездах, улиц, городов, проблема бродячих животных, проблема организации и участия в самоуправляемых общественных организациях, публичных слушаниях, участие в выборах и др.). Все это в конечном счете приводит к снижению контроля за деятельностью органов и представителей власти со стороны общества.

Длительный период реализации советской власти, сопряженный с вовлечением народа в осуществление ее функционирования, не решил проблему активности граждан в инициативном и конструктивном «вмешательстве» в дела управления государством. Во многом это обусловлено течением предшествующего огромного по протяженности периода зависимости внушительной части населения, отсутствия каких-либо инициатив со стороны крепостного населения, сформировавшегося инертного сознания, не способного даже допустить предположение о влиянии на происходящие процессы в осуществлении власти.

2. Невысокий уровень правосознания и политической культуры граждан. Тесно сопряженная с предыдущей заявленная позиция включает в себя уже сформировавшуюся в сознании граждан совокупность знаний, представлений чувств, эмоций, выражающих отношение человека к праву и осуществлению управленческих процессов. Это своего рода результат невысокой активности граждан в правовой жизни общества и государства, выраженный в определенных установках поведения.

Правосознание, включающее в свою структуру правовую психологию и правовую идеологию, в данном контексте в большей мере тяготеет к проявлению первого компонента, состоящего из эмоционально-психологических элементов – чувств, эмоций, переживаний, настроений, привычек, стереотипов и т. п., возникающих в связи с действующими правовыми нормами, практикой их реализации, и выражающих отношение личности, социальной группы, всего общества к праву, действующему законодательству, юридической практике и т. д.

При этом необходимо заметить, что наиболее выраженными являются чувства и ценностно-оценочные отношения, которые

человек непосредственно и наиболее ярко демонстрирует по отношению к праву.

Проявлением чувств могут быть протесты против произвола должностных лиц, невыполнение инициированных или принятых нормативных актов, отторжение исполнения этих актов правоприменительными органами, противодействие правоохранительным органам, нетерпимое либо равнодушное отношение к нарушениям юридических запретов и т. д.

В свою очередь ценностно-оценочные отношения представляют собой систему оценок, мнений, суждений и представлений, которые выражают отношение субъекта к различным правовым явлениям, всей правовой действительности, с позиций целей, мотивов, потребностей и интересов в ходе осуществления правовой деятельности.

Ценностно-оценочные отношения в ходе правовой деятельности образуют специфические элементы правосознания различного уровня – правовые стереотипы, правовые привычки, правовые убеждения. Ведущая роль здесь принадлежит правовым убеждениям, которые выступают как правовые ценности, воспринятые и усвоенные личностью на внутриличностном уровне и вызывающие ее устойчивую готовность к правовой деятельности. В свою очередь правовые убеждения образуют правовые ориентации и правовые установки, предопределяющие в значительной мере психологическое состояние готовности субъекта к правовой деятельности, то есть к реализации правовых знаний, убеждений и т. д., к правовой активности в целом [4, 7].

Такой акцент в пользу правовой психологии обусловлен тем, что правовая идеология как совокупность правовых идей, взглядов, концепций, теорий, юридических понятий, норм и принципов, отражающих осознанное, разумное отношение субъектов к праву в целом, в значительно меньшем объеме представлена в правовом сознании большинства российских граждан. Поскольку ключевым элементом правовой идеологии являются знания человека о праве, правовых явлениях и процессах, российские граждане не стремятся обременять себя процессом разумного, глубокого, вдумчивого восприятия права, им куда легче и быстрее руководствоваться более поверхностными, стихийными и массовыми по охвату настроениями.

Зачастую это выражается в том, что люди не знают своих прав, неспособны к их реализации и отстаиванию. Кроме того, не снижается уровень нарушения законности, а по некоторым составам уголовных преступлений и административных правонарушений он лишь возрастает. Все это безусловно негативно сказывается на правопорядке в государстве и стабильности во многих сферах

общественных отношений. Кроме того, сравнительно короткий срок существования общества в условиях демократии породил такую проблему, как низкий уровень его политической культуры. Последнее нашло выражение как в непонимании важности участия в политической жизни страны, так и неосознанном голосовании за тех или иных представителей – по принципу «лишь бы проголосовать». Указанные ошибки способны привести к довольно серьезным проблемам во всех сферах жизни общества.

3. Немногочисленность в российском обществе среднего класса. Преимущественно для российского общества, которое представлено жителями всех населенных пунктов, характерно преобладание двух социальных классов – людей, получающих большие доходы, и лиц, экономически зависимых и слабых (бедное население, малоимущие). Квалифицированный, экономически независимый и состоятельный слой населения граждан, имеющий высокий уровень дохода, способный приобретать и нести бремя содержания кредитных и иных обязательств без ущерба своего финансового состояния, представлен в российском социуме небольшим процентным значением.

Указанное обстоятельство непосредственно и существенно препятствует формированию стабильного и эффективного гражданского общества, в котором социально-экономическую основу составляет средний класс. Осознанное, активное отношение к происходящим в обществе процессам и проблемам, конструктивные предложения в адрес должностных лиц, принимающих решения по вопросам государственно-правового строительства, чаще всего доступны гражданам, имеющим финансовую стабильность и обусловленную ей психологическую, социальную уверенность в завтрашнем дне. Напротив же, экономическая несостоятельность, хроническая нехватка необходимых ресурсов по обеспечению минимальных жизненных и бытовых потребностей не способствуют конструктивному взаимодействию с представителями властвующих органов, а компенсируется критикой, претензиями и выражением постоянного недовольства.

Данный расклад сил касается не только активности или пассивности граждан в российском обществе, но и непосредственного отношения к ним и желание взаимодействовать с ними со стороны органов власти. Этот тезис связан с тем, что сознательность, принципиальность, адекватная сложившейся политико-правовой конъюнктуре зрелость общества самым непосредственным образом влияют на представителей власти – дисциплинируют их, формируют повышенные требования к своему должностному поведению,

стимулируют не только реагировать на накопившиеся проблемы, но и решать их.

Вместе с этим, упомянутая ранее безынициативность большей части населения страны, характерная для части граждан, не относящих себя к среднему слою, расхолаживает отдельных лиц государственного и муниципального аппарата, ведет к затяжному либо формальному реагированию на существующие трудности. Названный фактор негативно влияет на социальную стабильность и защищенность членов общества, что нередко провоцирует возникновение социальных конфликтов и экономические проблемы.

4. Приоритетное доминирование государства в экономической жизни страны. Преимущественно гражданское общество гармонично существует лишь в условиях рыночной экономики, поэтому вмешательство государства в экономическую сферу препятствует развитию в нем конкуренции и в конечном счете приводит к социальной и экономической стагнации. Сегодня же в экономике страны отчетливо просматривается преобладание государственных компаний и компаний с большей долей участия государственного капитала над частными, также не наблюдается должной стабильности в экономической сфере государства.

Учитывая особенности исторического развития российского государства, его желание влиять на процессы в экономической и политической сферах остается и на современном этапе. Рассуждать лишь о негативных проявлениях данной заботы было бы несправедливым, поскольку этапы развития российской действительности требуют разной степени заботы, особенно это касается кризисных состояний, обусловленных закономерностями глобальных экономических процессов, либо же целенаправленной санкционной политики недружественных стран.

Вместе с этим необходимо заметить, что забота государства в отношении малого и среднего бизнеса, сопряженная с различного рода проверочными мероприятиями, снижает степень их мотивации к ведению деятельности и повышает желание уйти с рынка.

5. Формирование институтов гражданского общества государством. Стремление государства создать гражданское общество порождает такую проблему, как неспособность некоторых институтов гражданского общества выполнять возложенные на них социальные функции. Причинами этого могут быть некомпетентность, низкая активность, да и просто нежелание. Поэтому созданные по воли государства гражданские институты зачастую носят формальный характер и не приносят никакой социальной пользы. Создание иллюзорной видимости взаимодействия власти и общества

может решать лишь сиюминутные задачи по демонстрации диалога при решении назревших проблем. Но это одностороннее и востребованное исключительно органами власти мероприятие не может заменить конструктивного взаимодействия между данными субъектами в истинном его понимании. При этом важно отметить, что критиковать власть в данном контексте не совсем правильно, поскольку государство прекрасно видит и понимает низкую социальную активность граждан и своими усилиями по созданию институтов взаимодействия невольно демонстрирует руководство к действию тем лицам, кто действительно неравнодушен к решению накопившихся проблем.

Безусловно, приведенный перечень проблем развития гражданского общества в современной России не является исчерпывающим. До сих пор остро стоят проблемы взаимодействия общественных институтов внутри самого гражданского общества. Существуют противоречия и во взаимосвязи гражданского общества и правового государства.

В заключении следует сказать, что эффективное взаимодействие гражданского общества и государства возможно только в условиях демократического, цивилизованного правового государства и зрелого общества. Говоря о современной России, следует отметить, что, несмотря на существующие проблемы в формировании гражданского общества и в его взаимосвязи с государством, отчетливо прослеживается положительная динамика в его развитии (учитывая всю историю российского государства). Гражданское общество имеет все возможности для своего существования в нашей стране, и оно будет дальше развиваться и совершенствоваться при условии постепенного и планомерного решения вышеуказанных проблем.

Список литературы:

1. Матузов, Н. И. Гражданское общество: Сущность и основные принципы // Правоведение. 1995. № 3. С. 83–93.
2. Корсун К.И. Гражданское общество в Российской Федерации: проблемы становления // Актуальные проблемы государства и общества в области обеспечения прав и свобод человека и гражданина. 2021. № 1. С. 73–78.
3. Шабуров А. С., Пересадына О. В. Место и роль профессионального правосознания в правовом регулировании: структурно-функциональный анализ // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2016. № 4. С. 5–10.

Конституция победившего социализма: образование массовой политической культуры сталинизма

Аннотация

В статье рассматривается история разработки Основного закона СССР 1936 г. Появление новой Конституции СССР было обусловлено качественно иными объективными политико-идеологическими предпосылками. В период, предшествовавший принятию Основного закона, существовали определенные пробелы в регламентации ряда правовых процедур, назрела необходимость формирования и закрепления правового статуса органов государственной власти и управления. Разработчикам Конституции СССР 1936 г. удалось внедрить выявленный положительный опыт в части построения структуры высших органов государственной власти.

Ключевые слова и словосочетания: государство; государственное строительство; Конституция; СССР; суверенитет.

Внутренняя переписка партийных чиновников открывает перед нами сведения об авторстве Основного закона СССР 1936 г., механизме выработки и первоначальных целях конституционной реформы. Историки единодушны во мнении, что эта инициатива принадлежала И. В. Сталину [3, с. 44]. Советский Союз являлся социалистическим федеративным государством, объединенный общей экономикой, культурой и духовной жизнью. Однако при этом союзные республики могли самостоятельно и независимо развиваться в составе СССР. Развитие советской государственности, социально-культурное строительство требовали учета интересов не только Союза, но и входящих в него союзных республик. Законодатель постарался учесть и закрепить интересы, особенности развития многонационального народа Советского Союза. Однако определенные вопросы вызывало как закрепление, так и реальное осуществление интересов союзных республик, отражение приоритета общих интересов развития федеративного государства. Интенсивное политическое, социально-экономическое развитие каждой республики

способствовало развитию всего государства, что неминуемо привело бы к сближению народов и национальностей, входящих в состав СССР.

Есть основания полагать, что положительный опыт, который был наработан в период действия Основного закона Советского Союза 1924 г., в части закрепления правового статуса органов государственной власти, политических, социальных, экономических и культурных основ функционирования государства, был заимствован и изложен в содержании Конституции СССР 1936 г. [5, с. 121–130].

Вместе с тем определенные изменения требовалось внести в ряд норм Конституции 1924 г., в том числе в части ограничения определенных прав отдельных категорий граждан Советского государства. Данные изменения обуславливались спецификой социальной структуры советского сообщества. Кроме того, к середине 30-х гг. прошлого столетия назрела объективная необходимость в уточнении полномочий органов государственной власти и управления.

Усовершенствование и конкретизация функционала органов государственной власти и управления СССР, структурного построения, прав, обязанностей, возникающих ограничений и ответственности требовали законодательного оформления в содержании новой Конституции. Также в этот исторический период в нормах нового Основного закона государства следовало закрепить объективно сформировавшуюся систему социалистического хозяйства.

Возникла необходимость закрепить в системе Конституции сложившиеся в СССР общественные отношения в части регламентации института собственности. Назрела реальная необходимость закрепить такие важные вопросы, как соотношение между собой форм собственности, определить права и обязанности советских граждан применительно к институту собственности.

Исходя из содержания главы «Общественное устройство» Основного закона 1936 г. – Союз Советских Социалистических Республик был социалистическим государством рабочих и крестьян. В соответствии со ст. 2 политическую основу Советского государства составляли Советы депутатов трудящихся, выросшие и окрепшие в результате свержения власти помещиков и капиталистов и завоевания диктатуры пролетариата. Статья 3 устанавливала, что вся власть в СССР принадлежала трудящимся города и деревни в лице Советов депутатов трудящихся. В соответствии со ст. 97 Основного закона было установлено, что Советы депутатов трудящихся руководят подчиненными им органами управления.

Следует отметить, что ст. 12 Конституции Советского государства 1936 г. закрепляла труд в СССР как обязанность и дело чести

каждого способного к труду гражданина по принципу: «кто не работает, тот не ест». Кроме того, в Советском Союзе осуществляется принцип социализма: «от каждого по его способности, каждому – по его труду» [4].

В отличие от капиталистических типов правовой системы система социалистического права в своей основе руководствовалась новыми подходами, а именно системой социалистического хозяйства, социалистической (общественной) собственности на средства и орудия производства. Данные подходы способствовали исключению капиталистических подходов по эксплуатации одного человека другим. Советская правовая система исходила из того, что каждый гражданин обладал полной правоспособностью и имел возможность фактически реализовывать свой правовой статус (права и обязанности), что является выражением правоспособности физического лица [2, с. 145–181].

Необходимо отметить, что в 30-е гг. XX в. усилия государства в складывающейся непростой международной обстановке были направлены в первую очередь на усиленное развитие тяжелой промышленности, которая обеспечивала обороноспособность Советского Союза, находящегося в капиталистическом окружении [6, с. 32], но благодаря самоотдаче советских граждан удалось обеспечить значительные темпы роста производительности труда, промышленность достигла значительных успехов, и отставание от западных государств было значительно сокращено.

В это же время был сформирован отраслевой принцип управления экономикой. Возросла роль планирования в народном хозяйстве. Произошло становление новых органов государственной власти и общественного устройства, на основе новых принципов, кардинальным образом отличавшихся от имеющихся. Формирование нового общественно-политического устройства было вызвано объективной необходимостью, связанной с созданием системы управления и определения взаимодействия между союзными республиками и центральными органами власти.

Основной закон СССР 1936 г. стал важным элементом в развитии отечественного конституционного законодательства. Он представлял собой нормативный правовой акт, который регламентировал своими положениями основные сферы функционирования государства и общества. Однако в ряде случаев нормы, изложенные в Основном законе СССР 1936 г., носили декларативный характер и фактически не реализовывались и не соблюдались на практике. Более того, по своему содержанию он являлся декларативным документом, носящим программный, рамочный характер. В его содержа-

нии устанавливались общие правовые начала, а также были отражены основные векторы развития Советского государства. В содержании Конституции СССР 1936 г. были закреплены цели и задачи, которые стояли перед высшими органами государственной власти. Обозначенные цели и задачи, а также установленные правовые основы более детально раскрыты в содержании иных законодательных и подзаконных нормативных правовых актах.

Вместе с тем, следует отметить, что положения, изложенные в Конституции СССР 1936 г., не в полной мере соответствовали реальной действительности. Провозглашенные в Основном законе цели и задачи напрямую зависели от сложившихся в определенный период развития государства политических, экономических, социальных, а также культурных реалий. Конституцией СССР 1936 г. было установлено, что в молодом советском государстве на новых принципах образуется и функционирует государственное устройство, формируются новые органы государственной власти, а также формы взаимодействия между ними, на законодательном уровне определяются полномочия органов государственной власти, направленные на создание эффективных элементов взаимодействия органов союза и республик. На тот момент аналогов подобных органов в мир не существовало.

История знает большое количество примеров, когда конституция по своему содержанию является декларативным документом, носящим программный характер. Иначе говоря, конституция – политический документ. Главные вопросы ее содержания – о власти, формах собственности, положении личности, устройстве государства. Конституционные нормы являются основополагающими для деятельности государственных органов, политических партий и иных общественных объединений, должностных лиц, граждан данной страны и пребывающих на ее территории иностранцев [1, с. 87].

Список литературы:

1. Авакьян С. А. Конституция России: природа, эволюция, современность. М., 2000. 528 с.
2. Агарков М. М. Правоотношение (гл. XII макета учебника по теории государства и права 1948 г.) // Вестник гражданского права. 2022. № 3. Т. 22. С. 145–181.
3. Великанова О. Конституция 1936 года и массовая политическая культура сталинизма. М., 2021. 360 с.
4. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик утверждена Чрезвычайным VIII съез-

дом Советов Союза ССР 5 декабря 1936 г. (с последующими изм. и доп.). URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Text/cnst1936.htm> (дата обращения: 12.12.2022).

5. Осавелюк А. М. Проблема определения правового статуса высших органов государственной власти в СССР и России // *Lex Russica*. 2016. № 3. С. 121–130.

6. Толстая А. И. История государства и права России. М., 2010. 422 с.

Анатолий Семенович Прудников,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации,
профессор кафедры конституционного
и муниципального права
Московский университет
МВД России им. В. Я. Кикотя

**Институты гражданского общества и органы внутренних дел:
взаимоотношения и партнерство. К 70-летию со дня рождения
и памяти профессора В. Н. Бутылина**

Аннотация

В данной статье раскрываются взгляды и мнения на преподавание учебных дисциплин и научной деятельности по взаимодействию и партнерству органов внутренних дел в трудах В. Н. Бутылина.

Ключевые слова и словосочетания: институт; общество; органы; взаимодействие; партнерство; сотрудничество; деятельность.

Данная публикация посвящена совместной научной, учебной, иной творческой деятельности с профессором В. Н. Бутылиным и тем некоторым результатам, достигнутым во время общения или участия в ряде мероприятий и проектов.

В. Н. Бутылин, как творческий ученый, имел разносторонний характер и направления деятельности, где проявлялось его умение не только анализировать общественные процессы, но их прогнозировать, что вызвало у обучающихся интерес и внимание.

Во-первых, В. Н. Бутылин при преподавании курсов учебной дисциплины предполагал значительно большую свободу преподавания, усиленную проблематичностью материала и практической направленностью. По его мнению, становление профессионального мышления будущего практического работника в сфере органов внутренних дел немыслимо без знания конкретных форм, методов, приемов и средств, необходимых для выполнения поставленных задач и функций, особенно при осложнении оперативной обстановки, а также без понимания трудностей реализации в постоянно меняющемся правовом пространстве.

В. Н. Бутылин считал, что изложение материала в сфере деятельности органов внутренних дел – не цель, а средство развития профессиональных качеств сотрудника полиции и элемент существующей системы образования.

По мнению В. Н. Бутылина профессиональная подготовка сотрудников органов внутренних дел невозможна без усвоения судебной практики и приобретения навыков и умений правильного применения юридической техники, и, что очень важно, без выработки мер по совершенствованию практической и правовой направленности.

Во-вторых, В. Н. Бутылин подчеркивал, и с ним нельзя не согласиться, что без должного взаимодействия и партнерства с институтами гражданского общества невозможно на высоком профессиональном уровне осуществить свои полномочия, при этом подчеркивал, что необходимо внедрять в профессиональное сознание сотрудников органов внутренних дел управленческий аспект.

Любой сотрудник органов внутренних дел должен быть не только представителем государства, но и уметь защищать его, особенно в настоящее время.

И в заключении следует отметить, что, по нашему общему мнению, в рамках взаимодействия и партнерства модели институтов гражданского общества и органов внутренних дел меняется облик МВД России и отношения к нему, повышается его социальное значение в системе органов публичной власти.

**«Опыт» как экспертно-методологический прием
государственно-правовых преобразований****Аннотация**

Автором выдвигается и аргументируется гипотеза о перспективности опытного подхода в рамках правообразовательного и правореализационного процессов. Осуществлено сущностное и содержательное рассмотрение феномена «опыт» как с позиции доктрины права, так и современной правоприменительной практики и законодательства. В качестве вывода аргументируется положение, что в юридической доктрине, правоприменительной практике, а также системе законодательства необходимо четко разграничить понимание и реализацию правовых экспериментов и применение опыта в правотворчестве.

Ключевые слова и словосочетания: опыт; законодательство; модель; правовое регулирование; норма права; эксперимент.

Злободневность тематики использования в юридической деятельности опытной методики хотя и не нова, однако и сегодня не потеряла своей актуальности. Несмотря на то, что по меньшей мере с середины прошлого века использование правотворческого и правореализационного опыта начало фрагментарно подвергаться изучению юристами [1, 2], до настоящего времени отсутствуют комплексные, фундаментальные разработки по данному вопросу. Это обусловлено происходящими сегодня политико-правовыми процессами. Вызовы российской государственности, детерминированные происходящими в глобальной политике и экономике явлениями, «подогретые» последствиями мировой пандемии, актуализируют обращение к вопросам формирования эффективного права, способного реагировать на нестандартные жизненные казусы.

В этой связи совершенствование законодательства должно стать перманентным процессом, связанным с ревизией устаревших нормативных положений, отменой актов, противоречащих трансформируемому курсу по упрочению независимости Российской Федерации. Игнорировать этот компонент – значит обеспечить

замедление развития многих ключевых секторов страны, осуществить запуск механизма торможения социального, экономического блоков. Для того чтобы избежать просчетов при последующей реализации нормативных положений, минимизировать социальные и экономические издержки, требуется усиление научной составляющей процесса правотворчества, внедрение в качестве обязательного компонента ранее апробированных методик, подтвердивших свои потенции относительно качества правового регулирования и обеспечения высокой устойчивости, стабильности законодательного акта. Иными словами, от аппарата власти требуется учитывать правотворческий опыт.

Термин «опыт» имеет несколько толкований в справочной литературе. Он может пониматься как «отражение в человеческом сознании законов объективного мира и общественной практики, полученное в результате активного практического познания», или в качестве «совокупности практически усвоенных знаний, навыков, основанных на пережитом» [3, с. 474]. Применительно к процессу правотворчества позволим себе предположить, что опыт напрямую связан с наблюдением за правоотношениями и процессами их регулирования нормами права (именно в рамках наблюдения аккумулируются необходимые сведения), затем – сравнением полученных данных, а после – имитационным моделированием.

Правотворческий опыт по своему содержанию предполагает применение новых (для конкретной юридической области) законодательных механизмов (отдельных норм права, методов правового регулирования и пр.), но ранее проверенных на ином уровне правотворчества и успешно себя оправдавших. Одним из наиболее распространенных приемов является использование регионального опыта в рамках федерального законотворчества. Так, проект нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях содержит в конструкции состава правонарушения «мелкое хулиганство» в качестве отдельного признака «нарушение тишины и покоя граждан, в том числе в жилых помещениях, с 23 часов до 7 часов»¹. Ряд действующих на сегодняшний день законов субъектов Российской Федерации, устанавливающих административную ответственность, предусматривает ответственность за данные действия², и норма

¹ Проект Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (подготовлен Минюстом России, ID проекта 02/04/05-20/00102447) (не внесен в Государственную дума Российской Федерации, текст по состоянию на 29.05.2020), ч. 6 ст. 14.1 // СПС Консультант Плюс (дата обращения: 08.04.2022).

² См., например: Об административной ответственности за нарушение тишины и покоя граждан : закон Пензенской области от 24 апреля 2007 г. № 1267-ЗПО.

крайне актуальна. Однако ввиду отсутствия переданных полномочий сотрудникам полиции по пресечению данного вида деяния, а также ограниченного перечня мер наказания, применяемого в рамках закона на субъектов (лишь предупреждение и административный штраф)¹, принято решение учесть региональный опыт и задействовать потенциал федерального законодательства. Это позволит сотрудникам полиции применять весь имеющийся спектр превентивных и обеспечительных мер (доставление, административное задержание и пр.).

Полагаем, *правотворческий опыт* – это *специальная модель правового регулирования, реализуемая посредством закрепления на постоянной основе правовой нормы, ранее успешно апробированной (на ином уровне законодательства, в другой области общественных отношений и т. д.) и направленная на повышение его эффективности.*

Правотворческий опыт как специальная модель правового регулирования характеризуется следующими признаками, которые также вполне уместно позиционировать как элементы, характеризующие его юридическую конструкцию:

а) устойчива во временном отрезке, носит продолжительный характер, следовательно, позволяет не только наблюдать и оценивать эффективность внедрения, но и применять планирование²;

б) подтверждена компетентной оценкой соответствующих специалистов, и, как правило, признана положительной (а в ряде случаев и передовой), свидетельствующей о возможности и допустимости распространения на иные области отношений. К примеру, подразделения органов внутренних дел, оценивая эффективность различных нормативных установлений применительно к оперативно-служебной деятельности в рамках компетенции, направляют предложения в виде информации о выявлении, применении и распространении положительного опыта в Совет МВД России по науке для принятия решения об их распространении³;

Официальный сайт Законодательного Собрания Пензенской области. URL: <https://www.zspo.ru/legislative/acts/4023> (дата обращения: 08.04.2022).

¹ См.: Кодекс Пензенской области об административных правонарушениях : закон Пензенской области от 2 апреля 2008 г. № 1506-ЗПО // Ведомости Законодательного Собрания Пензенской области. 2008. 25 апр.

² См., например: Межрегиональный план изучения и распространения положительного и передового опыта Федеральной службы исполнения наказаний, утв. приказом ФСИН России от 2 сентября 2020 г. № 606 // СПС Консультант Плюс (дата обращения: 08.04.2022).

³ См.: Об организации научного обеспечения и применения положительного опыта в органах внутренних дел Российской Федерации : приказ МВД России от 18 марта 2013 г. № 150 // СПС Консультант Плюс (дата обращения: 08.04.2022).

в) основывается на имитации и прогнозировании результата действия предполагаемых правовых установлений, используя модель, ранее апробированную в рамках иной юридической плоскости.

Противоречия между правотворческим опытом и целями государственно-правовых преобразований заключаются в их соперничестве с точки зрения достижения лучших результатов правового воздействия. Казалось бы, если опыт регулирования общественных отношений в конкретной области признается положительным, очевидным выглядит (но лишь на первый взгляд) принятие решения о его распространении на иные территории, сходные правоотношения и пр. Однако на практике ситуация складывается иначе.

К примеру, в ряде государств апробированным способом борьбы с управлением автомобилем водителями, находящимися в состоянии опьянения, является обязательная установка на транспортные средства, перевозящие пассажиров, опасные грузы, машины каршеринга, так называемых «алкозамков» (Швеция, Новая Зеландия и др.). Однако в Российской Федерации, где ситуация с аварийностью на дорогах, в том числе вызванной управлением транспортными средствами в состоянии опьянения, далека от идеальной, не спешат внедрять положительный опыт, склоняясь к экспериментированию. По итогам 2021 г. на территории Российской Федерации зафиксировано 677 дорожно-транспортных происшествий с участием водителей, находившихся в состоянии опьянения, в результате которых 172 человека погибло, 925 – получили ранения¹. По заданию Минпромторга России ГНЦ РФ ФГУП «НАМИ» разработали стандарт применения данной технологии, однако вопрос ее повсеместного внедрения положительно не решен². Остается надеяться, что применительно к данной ситуации не сбудется поговорка «поиск лучшего – враг хорошего».

Предпринятая попытка изучения понятия и содержания правотворческого опыта, с одной стороны, показала перспективность данной специальной модели правового регулирования, но с другой – обнажила ряд проблемных моментов. Первый аспект заключается в том, что в условиях каждодневного изменения политической ситуации в мире, колоссального нажима на экономическую сферу нашего государства, законодательство обязано избежать как омертвления с точки зрения неспособности воздействовать на общественные

¹ См.: Официальный сайт ГИБДД РФ. Показатели состояния безопасности дорожного движения. URL: <http://stat.gibdd.ru/> (дата обращения: 05.12.2022).

² См.: Разработан стандарт на автомобильные алкозамки // Российская газета. 2022. 4 мая.

отношения, так и эрозии, в понимании разрушения, обесценивания как основного социального регулятора. Изучение и внедрение правотворческого опыта – эффективная модель правового регулирования, обеспечивающая экономию ресурсов, позволяющая с большой долей вероятности прогнозировать последствия принятия правотворческих шагов, минимизировать риски и дефекты правореализации.

В то же время до сегодняшнего дня отсутствуют какие-либо нормативные акты (хотя бы подзаконные, ведомственные или иные), определяющие методику организации и проведения опытно-правового экспериментирования, конструкцию механизма реализации опыта, пути прогнозирования результатов пробного предписания. Вследствие этого ряд социально-значимых сфер общественных отношений регулируются методом «кавалерийского наскока». В результате выбранные способы и средства правового воздействия допускают сбои уже на первоначальных этапах проведения, а сам эксперимент не доводится до логического завершения и оканчивается неудачей.

В рамках предпринятой нами попытки исследования феномена «опыт» через призму государственно-правовых преобразований вряд ли уместно предлагать фундаментальные шаги по устранению дефицита научно-обоснованных механизмов и внедрения правотворческого опыта. Однако мы убеждены, что они нуждаются в дальнейшем осмыслении, сопоставлении с экспериментированием, моделированием и прогнозированием в праве и государстве. Предпосылки и основа для этого заложены в рамках настоящей работы.

Список литературы:

1. Лазарев В. В. К вопросу о понятии и пределах эксперимента в области государства и права // Правоведение. 1966. № 1. С. 17–23.
2. Никитинский В. И. Значение эксперимента в нормотворческой деятельности // Советское государство и право. 1967. № 6. С. 26–34.
3. Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка: в 3 т.: ок. 160 000 слов. М.: АСТ: Астрель, 2006. Т. 2: М-П. 1160 с.

Наталья Сергеевна Рыболовлева,
старший преподаватель кафедры организации
деятельности органов внутренних дел
центра командно-штабных учений
Академия управления МВД России

Генезис гражданского общества и его институтов

Аннотация

В статье рассматривается и анализируется процесс становления и развития гражданского общества, его институтов, также отмечается особая роль институтов гражданского общества в контексте укрепления демократии.

Ключевые слова и словосочетания: гражданское общество; институты гражданского общества; гражданин; правовое государство; демократия.

«Гражданское общество» – понятие, имеющее долгую и сложную историю. Положили начало научным исследованиям проблем гражданского общества труды древних философов – Платона, Аристотеля и Цицерона. В научных трудах этих мыслителей обозначаются сложившиеся в Древней Греции и Древнем Риме общественные системы, именно в них впервые появляется понятие, приблизительно переводимое, как «гражданское общество» [2, с. 5].

В эпоху Средневековья в существовавшее понятие «гражданского общества» существенных изменений внесено не было, поскольку в этот период человек не был носителем гражданско-политических прав и свобод.

Большой интерес к гражданскому обществу возникает у мыслителей Нового времени. Именно ими разработано понимание гражданского общества, приближенное к современным концепциям. Так, значительное место изучению идей «гражданина» и «гражданского общества» отводится в трудах мыслителей Т. Гоббса, Дж. Локка, Ж. Ж. Руссо, Ш. Л. Монтескье, Г. В. Ф. Гегеля и др. [6, 7, 9, 10–13].

В более поздний период в сочинениях А. де Токвиля гражданское общество имеет демократическое устройство и рассматривается как необходимое условие дееспособности демократической политической системы [14].

Особый вклад внесен в толкование смысла гражданского общества немецким философом Г. В. Ф. Гегелем. «Гражданское общество есть дифференциация, которая выступает между семьей и государством, хотя развитие гражданского общества наступает позднее, чем развитие государства» [5, с. 305], – отмечал он. «Это такая связь людей, которая основана на их равенстве как субъектов права, индивидуальной частной собственности, юридической, в том числе договорной, свободе, охране прав и упорядоченном законодательстве» [5, с. 227–228]. Г. В. Ф. Гегель полагал, что гражданское общество является переходной стадией от семьи к государству. Вместе с тем он отдавал преимущество государству, так как видел в нем реализацию саморазвивающейся идеи, полного материального и духовного начала.

К. Маркс был не согласен с Г. В. Ф. Гегелем в приоритете государства над гражданским обществом. Он полагал, что гражданское общество состоит из институтов семьи, сословий и классов, которые определяются уровнем развития материального производства. К. Маркс рассматривал гражданское общество через такие категории, как «потребность», «труд», «частный интерес» и др. К. Маркс определил гражданское общество как буржуазное общество, которое основано на частной собственности. В таком обществе «ни одно из так называемых прав человека не выходит за пределы эгоистического человека, человека как члена гражданского общества, т. е. как индивида, замкнувшегося в себе, в свой частный интерес и частный произвол и обособившегося от общественного целого» [8, с. 402].

Со времен античности и до конца XIX в. понимание гражданского общества основывалось на системе естественного права и общественного договора. Одним из первых русских мыслителей, который развивая эту концепцию, провел глубокий анализ ценностей общества и государства, стал отечественный правовед и известный философ конца XIX – начала XX вв. П. Новгородцев. Он отмечал: «Правовое государство имеет достаточно средств, чтобы обеспечить в обществе свободу, равенство и братство, водворить в нем внутреннее согласие и единство, создать среди людей совершенные нравственные отношения» [13, с. 329–339]. Результаты этого анализа им были отражены в научном труде «Введение в философию права».

В. И. Ленин совсем не применял понятие «гражданское общество», равно как и понятие «правовое государство», ни применительно к социализму, ни к капитализму.

В СССР дефиниция «гражданское общество» ни в преподавании юридических дисциплин, а также в научных исследованиях

этой направленности не применялось. О. Е. Кутафин придерживается мнения, что такое понятие, как «гражданское общество» в нашем государстве в советское время не использовалось в связи с тем, что «...освобождение человечества связывалось с уничтожением классовых различий и последующей ликвидацией различия между гражданским обществом и государством путем отмирания государства и, соответственно, права. Кроме того, в процессе строительства социализма государство, которое рассматривалось как выразитель и гарант всеобщего интереса, практически полностью подчинило и поглотило все общество» [7, с. 145].

В связи с произошедшими существенными изменениями в области социально-экономических и политических отношений в начале 90-х гг. XX в. в России в российском правоведении предметом исследований становится гражданское общество.

Проведя исследование понятия «гражданское общество», следует отметить многообразие имеющихся определений, предлагаемых современными учеными. Так, О. Е. Кутафин под гражданским обществом понимал «систему самостоятельных и независимых от государства общественных институтов и отношений, которые обеспечивают условия для реализации частных интересов и потребностей индивидов и коллективов, для жизнедеятельности социальной, культурной и духовной сфер, их воспроизводства и передачи от поколения к поколению», согласно мнению С. А. Авакьяна гражданское общество – «общество сознательных граждан и активных участников общественных процессов; в нем существует внутреннее единство во имя стратегических социальных и политических целей, когда нет условий непримиримой конфликтности различных общественных слоев, групп, сил; предполагается наличие общественных дел и самостоятельных общественных механизмов управления ими; общество не противопоставляется государству, а исходит из потребности в конструктивном взаимодействии с ним; общество проявляет максимальное внимание к человеку, его личным заботам и проблемам, воспитывает граждан в духе сочетания индивидуальных и общественных интересов» [1, с. 438–444]. Многие исследователи выделяют преимущественно негосударственный характер отношений в гражданском обществе.

Однако в результате проведенных исследований так и не было найдено единого подхода к пониманию сути гражданского общества. В последнее время на этапе развития и становления российской государственности проблемы становления гражданского общества принимают большую актуальность и продолжают обсуждаться

ся; направления исследований гражданского общества достаточно широки.

По мнению автора, гражданское общество – это существующая независимо от государства сфера взаимодействия субъектов, в которой создаются определенные оптимальные условия для их взаимоотношений, способствующие их развитию, становлению и направленные на реализацию и защиту принадлежащих им прав.

В настоящее время способность развивающегося гражданского общества контролировать деятельность органов государственной власти оказывает значимое влияние на эффективный прогресс демократического государства.

В Конституции Российской Федерации отсутствуют главы, посвященные гражданскому обществу. Однако, как отмечает В. И. Гавриленко, в проекте Конституции Российской Федерации 1993 г. «эта ценная находка авторов проекта российской Конституции, имеющая большое научное, теоретическое и практическое значение» [4, с. 15], имела место, но, несмотря на все полностью доказанные доводы экспертов и членов конституционной комиссии, так и не была закреплена в положениях Конституции.

В Основном законе государства содержится ряд положений, которые касаются гражданского общества в России и создают благоприятные условия для его развития (ст. 1, 2, 12, 13, 30, 75.1 Конституции Российской Федерации). Также следует отметить, что в 2020 г. в ст. 114 была внесена важная поправка, согласно которой Правительство Российской Федерации осуществляет меры по поддержке институтов гражданского общества, а также обеспечивает их участие в выработке и принятии государственной политики, что свидетельствует о том, что принятие значимых государственных решений вряд ли будет возможным без учета мнения гражданского общества и его институтов. Можно констатировать, что эта поправка является важным шагом к институционализации гражданского общества. Законодательное закрепление положений об участии институтов гражданского общества в выработке государственной политики в Основном законе государства способствует организации действенного взаимодействия гражданского общества и его институтов с государством для реализации своих флагманских идей и проектов в целях интересов общества, а также для осуществления результативного контроля за деятельностью органов государственной власти.

Рассуждая об институтах гражданского общества, следует отметить, что этот термин широко используется, однако точное его определение отсутствует.

По мнению автора, происходит постоянное видоизменение структуры институтов гражданского общества, находящейся в прямой зависимости от степени его развития и от отношений, которые складываются внутри самого общества, а также от стоящих перед ним целей и задач. К институтам гражданского общества можно отнести различные союзы, ассоциации, объединения, организации очень обширного спектра деятельности, которым государство дает возможность принимать участие в обсуждении и решении вопросов на государственном уровне и вопросов муниципального значения.

В развитых демократических странах развитие различных механизмов общественного участия в деятельности государственных органов власти является непосредственной обязанностью государства. В течение последнего столетия во многих государствах создано большое число институтов непосредственной демократии, которые обеспечивают различные формы гражданского участия. Указанным институтам придается особая роль, направленная на развитие традиций делиберативной демократии (от англ. *deliberation* в значении «обсуждение», «дискуссия»). Предпосылкой функционирования данных институтов является то, что все граждане, которых будет касаться предполагаемое решение, должны иметь одинаковые права на принятие участия в их обсуждении [3, с. 51].

Именно эффективное участие в управлении делами государства обеспечивается формированием, становлением и развитием демократической культуры должностных лиц органов государственной власти и граждан, а также надлежаще организованным взаимодействием между ними.

В конце XX – начале XXI вв. взаимоотношения общества и государства претерпели существенные изменения; при решении наиболее важных социальных проблем наблюдается переход к модели партнерства, а также активное привлечение государством институтов гражданского общества к выработке и согласованию государственных решений. Гражданское общество принимает активное участие в формировании государственной власти. Новая модель общественно-государственного диалога должна способствовать борьбе с негативными проявлениями, складывающимися в сфере их взаимоотношений.

Оптимизация сотрудничества и взаимодействия органов государства с институтами гражданского общества, укрепление доверия граждан к институтам государственной власти позволит повысить результаты деятельности органов государственной власти.

В заключение необходимо отметить, что в последние десятилетия гражданское общество в Российской Федерации может актив-

но участвовать в формировании и функционировании государственной власти. Государство заинтересовано в участии общества, о чем свидетельствует закрепление конституционных гарантий поддержки государством институтов гражданского общества, а также возможности участия общественных организаций и объединений в формировании и проведении политики государства. В настоящее время создаются проекты, позволяющие обычным гражданам оказывать влияние на принимаемые решения. Так, новые возможности, появившиеся в условиях цифровой реальности, оказали существенное влияние на механизмы участия граждан, институтов гражданского общества в государственном управлении, сделали деятельность государства более открытой.

Список литературы:

1. Авакьян С. А. Конституционное право России. Т. 1. М., 2005.
2. Аристотель. Политика. М.: АСТ, 2016.
3. Бусова С. Н. Делиберативная модель демократии и политика интересов // Вопросы философии. 2002. № 4.
4. Гавриленко В. И. Гражданское общество: понятие и конституционные основы // Конституционное развитие России: межвуз. научн. сб. Саратов: Абрис, 1993.
5. Гегель Г. В. Ф. Философия права. М.: Юрид. литература, 1990.
6. Гоббс Т. Избранные произведения. Т. 1. М.: Мысль, 1964.
7. Государственное право Российской Федерации : курс лекций для юридических институтов и факультетов / под общ. ред. О. Е. Кутафина. Т. 1. М., 1993.
8. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 27. М.: Политиздат, 1962.
9. Монтескье Ш. Л. Избранные произведения. М.: Госполитиздат, 1955.
10. Монтескье Ш. Л. О духе законов // Избр. произв. М.: Мысль, 1999.
11. Нарский И. С. Философия Джона Локка. М.: Изд-во Моск. Ун-та, 1960.
12. Нерсесянц В. С. Общая теория права и государства. М.: Норма-Инфра-М, 1999.
13. Новгородцев П. И. Кризис современного правосознания. Введение // Сочинения. М.: Раритет, 1995.
14. Токвиль А. Демократия в Америке. М.: Прогресс, 1992.

**Влияние регионального фактора на внутреннюю безопасность
российской империи в начале XX века****Аннотация**

В статье рассматривается влияние регионального фактора на внутреннюю безопасность Российской империи в начале XX в. На примере Кавказа показано, что региональный фактор оказывал значительное влияние не только на внутреннюю безопасность государства, но и на внешнюю в начале XX столетия.

Ключевые слова и словосочетания: внутренняя безопасность; Кавказский регион; Российская империя; самодержавие.

Региональный фактор внутригосударственной направленности – явление, которое характерно для государств, которые обладают выраженными самостоятельными административно-территориальными и иными региональными субъектами [1]. На протяжении XIX – начала XX вв. обращение царского самодержавия к территориям вошедших в состав Российского государства стало необходимым с точки зрения обеспечения не только внутренней, но и внешней безопасности государства.

В 80-х – 90-х гг. XIX в. произошло изменение имперских подходов к управлению в национальных окраинах. В основе территориального расширения лежали, прежде всего, военно-стратегические и экономические интересы, при этом фактически стирались различия между завоевателями и завоеванными. В отношении завоеванных Российской империи окраин проводилась политика интегрирования национальной элиты в российский правящий класс с наделением ее всех привилегий, что способствовало более быстрой ассимиляции завоеванных народов¹.

¹ Например, еще Петр I сохранил в Прибалтике за немецким дворянством и бюргерством привилегии и систему сословного дворянского управления. Все прибалтий-

Украина и Белоруссия находились в составе Речи Посполитой, Прибалтика и Финляндия – в составе Швеции, Молдавия – в составе Османской империи. Можно отметить и борьбу за выход к морям, без которых Россия не могла дальше развиваться, в связи с чем пришлось воевать с Османской империей. Вместе с тем определенное количество территорий в силу исторических и культурных корней и конфессиональной общности были ориентированы на Россию, что во многом способствовало процессу включения их в состав Российской империи.

Что касается Кавказа, Закавказья, Средней Азии, то присоединение ряда экономически слабо развитых районов не принесло Российской империи каких-либо особых хозяйственных выгод, но имели особое значение именно в военно-стратегическом отношении, выражавшемся в строительстве железнодорожных сообщений, военных крепостей и городов.

Царское правительство в присоединенных территориях формировало не только бюрократический аппарат, но и систему карательных органов в лице полиции, призванных обеспечивать не только безопасность отдельного региона, но и внутреннюю безопасность Российской империи в целом. На обеспечение внутренней безопасности того или иного региона влияли следующие факторы: взаимодействие региональных (местных) органов власти с центром; их взаимоотношения с другими регионами (территориями) Российской империи; взаимодействие с органами местного самоуправления, входившими в тот или иной регион. При этом именно первый фактор оказывал непосредственное влияние как на внутреннюю, так и на внешнюю безопасность Российской империи.

В начале XX в. завершилось территориальное оформление Российской империи. Так, в ее состав кроме Великороссии входили Прибалтика, Правобережная Украина, Белоруссия, часть Польши, Финляндия, Северный Кавказ, Закавказье, Бессарабия, Казахстан и Средняя Азия¹. Каждая из территорий имела свои особенности управления. Особенности сводились к тому, что, с одной стороны, местное управление было приспособлено к местным условиям, а с другой стороны, в связи с удаленностью окраин от центра Империи органы власти пользовались более широкими полномочиями: в подчинении некоторых местностей не Министерству внутренних

ские земли возглавляли генерал-губернаторы, а городское самоуправление осуществляли магистраты и ратуши.

¹ В вассальной зависимости от Российской империи находились Бухарский эмират и Хивинское царство. В 1914 г. под протекторат Российской империи был принят Урянхайский край.

дел, а Военному, а также в объединении отдельных губерний и областей под управлением отдельных, наделенных большими полномочиями, начальников.

В качестве еще одного примера можно привести систему управления губерниями бывшего Царства Польского, во главе которых находился генерал-губернатор, у которого были помимо общих и полицейские полномочия, а также полномочия судебного характера. В частности, при генерал-губернаторе состояли два помощника – один по части полицейской, а другой – совещание из помощников и представителей местной администрации и суда.

Туркестанское генерал-губернаторство состояло в подчинении Военного министерства, а генерал-губернатору принадлежали некоторые чрезвычайные полицейские, судебные и частично дипломатические полномочия [3].

В связи с установлением наместничества на Кавказе в 1905 г. все высшее управление наместничеством было сконцентрировано в руках наместника, назначенного Николаем II. Наместник обладал правом разрешать на основании законов возникающие на месте вопросы управления, принимать исключительные меры, информируя об этом самого императора. Также наместник наделялся правами министра в отношении должностных лиц, кроме чиновников государственного контроля и Министерства юстиции.

Именно начиная с 1905 г. царское правительство делает курс не только на возвращение института наместничества на Кавказе, но и на изменение общего направления и реализации политики в данном регионе

Еще с 1903 г. в Петербурге регулярно наблюдали за тем, как разворачивались социально-политические события на Кавказе. При этом в докладах отмечались такие проблемы, как малоземелье среди местного крестьянства, миграция еще в 90-х гг. XIX в. из Турции и Персии и др. Показателем роста напряженности ситуации на Кавказе стало совершенное в октябре 1903 г. покушение на главноначальствующего Г. С. Голицына.

В 1904 г. назначенным на пост министра внутренних дел князем П. Д. Святополк-Мирским было принято решение о применении на практике ряда мер с целью стабилизации ситуации. В частности, им было предложено:

- изменить проводимую политику по отношению к окраинам Империи;
- выступать против «русификации»;

– пересмотреть политику в отношении нерусского населения¹.

Но главной мыслью П. Д. Святополк-Мирского стало предложение кандидатуры И. И. Воронцова-Дашкова в качестве наместника, имевшего большой опыт административной работы.

Восстановление института наместничества на Кавказе было принято под влиянием не только социально-политического кризиса, но и в результате пересмотра в царском правительстве последовательности проведения политики в Кавказском регионе².

Региональный фактор, безусловно, оказывал влияние не только на историю региона на его государственное и территориальное устройство его народонаселение, этнический состав населения, экономико-географическое пространство, но и на внутреннюю безопасность Российской империи в целом.

В связи с усилением революционного движения в России именно партия РСДРП представляла для царского правительства особую опасность. Например, «РСДРП, намечая места создания боевых отрядов, особо подчеркивала значимость Кавказа... При активном участии РСДРП на Кавказе боевые отряды были созданы в Баку, Батуми, Тифлисе, Кутаиси, Телави, Сухуми и других городах. Одной из особенностей создававшихся РСДРП боевых отрядов было то, что они в значительной мере опирались на криминальные структуры и лиц, имеющих навыки криминальной деятельности (абречество), то есть для решения политических целей, связанных со свержением самодержавия, революционеры использовали уголовников [4]».

Другую проблему для правительства представляли анархистские партии, которые уже с 1908 г. действовали на Кавказе, среди которых можно отметить группу анархистов-коммунистов; объединенную группу анархистов и максималистов (Северный Кавказ); в Закавказье действовали также анархические группы; в Баку и в Бакинской губернии действовали: группа «Красное знамя», группа «Анархия» и др.

В Тифлисе и Тифлисской губернии действовала группа «Джигунистов», состоявшая преимущественно из лиц грузинской национальности.

¹ 12 декабря 1904 г. по инициативе П. Д. Святополк-Мирского был подготовлен Указ «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка», где в п. 6 и 7 было обещание пересмотра правового положения инородцев и иноверцев.

² Так, например, Северный Кавказ превращается в достаточно целостную социально-экономическую и военно-политическую систему, к началу XX в. становится субрегионом Юго-Востока России, охватывавшего также Кавказ, Донбасс и Низовья Поволжья.

Вместе с тем на особый контроль Особого Отдела Департамента полиции Министерства внутренних дел была взята группа «Дашнакцутюн», которая была одной из наиболее организованных структур, внесших вклад в дело развития антигосударственного терроризма на Кавказе¹.

Обращает на себя внимание событие, когда в 1903 г. по инициативе губернатора генерал-адъютанта князя Голицына был издан закон о секуляризации церковных имуществ армяно-грегорианского духовенства. На практике исполнение данного закона вызвало активное сопротивление среди армян. «Секуляризация церковных земель наносила ощутимый удар и по позиции «Дашнакцутюна» ибо церковь служила источником пополнения партийной кассы для развития националистического движения в Турции и для подготовительной работы против Российской империи... После того как императорским указом от 12 июня 1903 г. имущество Армянской Церкви было передано под контроль имперских властей, ... партия заняла воистинную антирусскую позицию» [2].

В 1904 г. на территории Австрии в Вене был экстренно созван очередной съезд партии «Дашнакцутюн», на котором были поставлены следующие цели:

- 1) ведение вооруженной самозащиты против мусульманского мира;
- 2) осуществление вооруженной борьбы с Русским Православием².

Итак, на внутреннюю безопасность в начале XX в. Российской империи региональный фактор оказывал непосредственное влияние, к нему можно отнести геополитическое положение места развития событий, развитие экономики региона, особенности территориального устройства, а также зона интересов, прилегающих других соседних государств, таких как Турция, Персия, которые не остав-

¹ Деятельность данной партии развивалась по следующим направлениям: оказание организационно-финансовой помощи армянам, проживающим на территории Турции. Для этого Кавказские комитеты и Комитета Персидских колоний собирали деньги с армян на территории их проживания, включая и Российскую империю; приобретали для них и направляли в Турцию оружие. Второе направление – идеологическое. В городах и уездах создавались специальные «тайные школы», где осуществлялось преподавание на армянском языке, а население насыщалось идеями национализма. Третье – создание параллельных органов государственной власти. См.: Дашнакцутюн армянская политическая партия. Программа Армянской революционной и социалистической партии «Дашнак-Цутюн»: утверждена съездом партии в 1907 г.

² В результате ведения борьбы против Российской империи партия «Дашнакцутюн» сформулировала лозунг создания «Великой свободной Армении» на территории Российской империи с включением в ее состав всех армян.

ляли надежд на отторжение России от Кавказа, используя методы подстрекательства местного населения внедрением своей агентуры. Особое значение этому придавалось в годы революции (1905–1907 гг.).

Нельзя не отметить и то, что большое влияние оказывал и криминальный терроризм, представлявший прямую угрозу внутренней безопасности Российской Империи, который выражался в грабежах военных лиц, в нападении на объекты концентрации денежных и материальных ценностей, на войсковые подразделения и отдельных военнослужащих, расквартированных на территории Кавказа, в возможности кражи огнестрельного оружия и др.

Особую озабоченность для царского правительства представляли создаваемые на территории Кавказа, а также Закавказья партии, движения и революционные организации, союзы, которые действовали в пределах Российской империи вне зависимости от территориального деления, и те, которые действовали в пределах нахождения своего этноса. Именно в начале XX в. это наиболее полно проявилось на этапе развития партийного терроризма, когда создаваемые революционные партии носили общероссийский или местный (региональный) характер.

Список литературы:

1. Володин А. В. Региональная политика России и ее влияние на национальную безопасность страны : дис. ... д-ра полит. наук. М., 2002. 420 с.
2. Гейфман А. Революционный террор в России 1894–1917 гг. М., 1917. С. 35–36.
3. Грибовский В. М. Государственное устройство и управление Российской империи (из лекций по русскому государственному и административному праву). Одесса, 1912.
4. Литвинов Н., Нурадинов Ш. Кавказский террор в Российской империи : монография. М., 1999. С. 66.

**Административный надзор за лицами,
освобожденными из мест лишения свободы,
в постановлениях европейского суда по правам человека**

Аннотация

В статье рассматриваются некоторые вопросы применения административного (полицейского) надзора в отношении лиц, освобожденных из мест лишения свободы, нашедшие разрешение в постановлениях Европейского Суда по правам человека. Очевидно позитивное воздействие мер административного надзора в отношении лиц, ранее отбывавших наказание. Вместе с тем назначение административного надзора неоднократно становилось предметом обжалования в Европейском Суде по правам человека. В заключение сделан вывод о правомерности назначения административного надзора в соответствии с действующим законодательством и о важном превентивном значении его применения.

Ключевые слова и словосочетания: административный (полицейский) надзор; права и свободы человека и гражданина; предотвращение совершения преступлений; рецидивная преступность; Европейский Суд по правам человека.

На современном этапе развития нашего государства и общества особое значение приобрели вопросы обеспечения верховенства закона; защиты прав, законных интересов и свобод человека и гражданина. Правоохранительная деятельность направлена на предотвращение условий и причин потенциальных и совершенных общественно опасных деяний; устранение их последствий. Идет постоянный поиск мер, мероприятий и методик противодействия преступности.

О. И. Бекетов и В. В. Головкин отмечают многолетний опыт правоприменения, который свидетельствовал о том, что «с помощью административного надзора в наиболее полной мере обеспечивается

защита государственных и общественных интересов от преступных и иных противоправных посягательств со стороны наиболее опасной (с точки зрения предшествующего поведения) категории лиц» [1, с. 91].

По мнению В. В. Кирюхина, «в любом обществе особую опасность представляет собой рецидивная преступность, так как совершение преступлений ранее судимыми и отбывшими уголовное наказание лицами свидетельствует о недостаточной эффективности пенитенциарного воздействия. Как правило, такие лица совершают значительную долю преступлений, имеющих общественный резонанс» [2, с. 33].

Согласно положениям законодательства, административный надзор – это осуществляемое органами внутренних дел наблюдение за соблюдением лицом, освобожденным из мест лишения свободы, установленных судом временных ограничений его прав и свобод, а также за выполнением им обязанностей, предусмотренных Федеральным законом от 6 апреля 2011 г. № 64-ФЗ¹.

Основная цель административного надзора заключается в профилактическом воздействии на лиц, отбывших наказание за определенные категории преступлений, в предупреждении совершения ими новых преступлений и правонарушений.

Только в первом полугодии 2022 г. сотрудниками ОВД проведена профилактическая работа со 119 243 лицами, состоящими под административным надзором, что на 0,8 % больше, чем за аналогичный период 2021 г. Учет указанной категории лиц ведется с помощью автоматизированного сервиса охраны общественного порядка в модуле «Административный надзор».

В то же время практически еженедельно в СМИ появляется информация о совершении преступлений лицами, находящимися под административным надзором.

Так, С. Матюшин, осужденный в 2022 г. к пожизненному лишению свободы за жестокое убийство 12-летней девочки под Нижним Новгородом в мае 2021 г., находился под административным надзором после выхода из тюрьмы, где отбывал наказание за насильственные действия в отношении несовершеннолетних. В 1992 г. он был осужден на десять лет за изнасилование несовершеннолетней.

Кузбасский «душегуб» В. Пестерников, осужденный в 2022 г. к пожизненному лишению свободы за изнасилование и убийство

¹ Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы : Федер. закон от 6 апреля 2011 г. № 64-ФЗ (в ред. 01.10.2019) // СЗ РФ. 2011. 11 апр. № 15. Ст. 2037; 2019. 7 окт. № 40. Ст. 5491.

двух десятилетних школьников в г. Киселевске Кемеровской области в сентябре 2021 г., уже был осужден в 2009 г. на 10 лет лишения свободы за насильственные действия сексуального характера в отношении ребенка. Отбыв указанное наказание, он после освобождения должен был находиться под административным надзором еще восемь лет.

В этих условиях проблема эффективности административного надзора значительно актуализируется. Интерес к нему связан с очевидной всем необходимостью повышения воздействия на лиц, освобожденных из мест лишения свободы. Однако законность существования данного правового института ставится под сомнение. Установление и реализация административного надзора стали предметом обжалования в Европейском Суде по правам человека (далее – ЕСПЧ).

19 января 2021 г. ЕСПЧ вынесено постановление по делу «Тимофеев и Поступкин против России», которым подтверждена правомерность установления административного надзора за лицами, отбывшими наказание за определенные категории преступлений¹.

Заявитель В. В. Тимофеев решением от 24 октября 2003 г. признан виновным в убийстве и приговорен к тюремному заключению сроком на одиннадцать лет, шесть месяцев и десять дней с установлением опасного рецидива. 17 сентября 2013 г. руководство исправительной колонии, в которой он отбывал наказание, обратилось в Октябрьский районный суд г. Владимира с ходатайством о помещении В. В. Тимофеева под административный надзор на основании того, что он осужден за преступление, совершенное в форме опасного рецидива, не проявлял интереса к работе во время своего заключения и не соблюдал режим пенитенциарной системы, за что имеет двадцать семь дисциплинарных взысканий, семь из которых не были отменены на дату обращения. Решением от 26 ноября 2013 г. суд удовлетворил ходатайство исправительной колонии и постановил поместить В. В. Тимофеева под административный надзор на весь срок погашения судимости – восемь лет, установив ограничения:

- запрет на выход из дома или любого другого места жительства в промежуток времени с 22:00 до 06:00;
- запрет на посещение общественных мест (рестораны, бары, развлекательные центры и т. д.);

¹ Дело «Тимофеев и Поступкин против России» (жалобы № 45431/14 и 22769/15): постановление ЕСПЧ от 19.01.2021 г. // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. 2022. № 3.

– запрет на посещение мест массовых мероприятий (демонстраций, собраний, массовых торжеств и т. д.);

– три раза в месяц явиться в орган административного надзора по месту жительства.

В. В. Тимофеев обжаловал это решение, указав, что помещение его под административный надзор представляет двойное наказание за преступление, за которое он был осужден. Владимирский областной суд оставил решение об установлении административного надзора без изменений.

А. В. Поступкин решением от 6 апреля 2007 г. Рыбинского городского суда Ярославской области признан виновным в незаконном обороте наркотиков (п. 1 и 2 ст. 228.1 УК РФ) и приговорен к лишению свободы сроком на семь лет и шесть месяцев с установлением опасного рецидива.

28 ноября 2013 г. пенитенциарное учреждение, в котором он отбывал наказание, обратилось в Рыбинский городской суд с ходатайством о помещении под административный надзор, мотивированным осуждением А. В. Поступкина за преступление, совершенное в виде опасного рецидива, отсутствием интереса к работе во время заключения, нарушением тюремного режима (двадцать три дисциплинарных взыскания).

Решением от 19 декабря 2013 г. Рыбинский городской суд удовлетворил ходатайство исправительной колонии, установив следующие меры на весь срок погашения судимости – шесть лет: запрет покидать дом или любое другое место жительства в период с 22:00 до 06:00; обязанность раз в месяц являться в орган внутренних дел.

А. В. Поступкин обжаловал это решение, указав, что помещение под административный надзор представляет собой двойное наказание за преступление, за которое он был осужден, и что наложенные меры и обязательства слишком суровы.

1 июля 2014 г. Ярославский областной суд отклонил жалобу, указав, что установленные ограничения обоснованы и преследуют цель личной профилактики, учитывая характер и общественную опасность преступлений, совершенных А. В. Поступкиным, его поведение, наличие дисциплинарных взысканий и отсутствие поощрений.

ЕСПЧ установил, что основная цель мер, оспариваемых заявителями, заключается в предотвращении повторных нарушений закона, носит превентивный характер, они не являются повторным наказанием, в связи с чем установление административного надзора в отношении заявителей признано правомерным.

В отношении В. В. Тимофеева установлено нарушение п. 1 ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция)¹ в части непредоставления заявителю бесплатной юридической помощи во время рассмотрения вопроса о помещении его под административный надзор. ЕСПЧ признал, что российское законодательство, действовавшее на тот момент, не предусматривало возможности предоставления бесплатной юридической помощи, что ставило заявителя в заведомо невыгодное положение, тем самым нарушая его право на справедливое судебное разбирательство.

Следует отметить, что меры административного надзора становились предметом обжалования не только в России, но и в Италии, где также предусмотрено установление полицейского надзора.

Анжело де Томмазо, гражданин Италии, в 2009 г. обратился в ЕСПЧ с жалобой на установление в отношении него в 2008 г. полицейского надзора сроком на 2 года в связи с тем, что он после отбытия наказания продолжал представлять опасность для общества. В качестве ограничений ему было предписано:

- раз в неделю отмечаться в отделении полиции;
- начать поиски работы в течение месяца;
- не менять место жительства;
- вести честный и законопослушный образ жизни и не давать повода для подозрений;
- не общаться с ранее судимыми лицами;
- находиться дома с 22:00 до 06:00, кроме случаев, когда это необходимо, и только своевременно уведомив об этом органы власти;
- не хранить и не носить с собой оружие;
- не посещать развлекательные центры и публичные мероприятия;
- не пользоваться мобильными телефонами и средствами радиосвязи;

¹ Конвенция о защите прав человека и основных свобод, заключена в г. Риме 4 ноября 1950 г. (с изм. от 24.06.2013 г.) (вместе с «Протоколом [№ 1]», подписан в г. Париже 20 марта 1952 г., «Протоколом № 4 об обеспечении некоторых прав и свобод помимо тех, которые уже включены в Конвенцию и первый Протокол к ней», подписан в г. Страсбурге 16 сентября 1963 г., «Протоколом № 7, подписан в г. Страсбурге 22.11.1984 г.) // СЗ РФ. 2001. 8 янв. № 2. Ст. 163. Россия перестала являться Высокой Договаривающейся Стороной данной Конвенции 16.09.2022 г.

– всегда иметь при себе документ, в котором указаны его обязательства (*carta precettiva*), и предъявлять его по требованию сотрудников полиции¹.

Кроме того, префектура округа Бари приняла решение об изъятии у него водительских прав, что также представляло собой ограничение права на перемещение.

В январе 2009 г. Апелляционный суд округа Бари отменил все ограничения, признав, что на момент установления полицейского надзора нельзя было сделать однозначный вывод об опасности заявителя на основании какого-либо преступного поведения.

Несмотря на отмену всех ограничений, ЕСПЧ принял жалобу де Томмазо к рассмотрению. Заявитель утверждал, что применявшиеся к нему ограничения нарушали ст. 5, 6 и 13 Конвенции, а также ст. 2 Протокола № 4 к Конвенции.

ЕСПЧ установил нарушение ст. 2 Протокола № 4 к Конвенции в связи с недостаточной предсказуемостью Закона № 1423/1956, на основании положений которого применялись тогда меры ограничения в отношении заявителя. Указанный Закон не содержал конкретных положений, на основании которых можно определить «текущую опасность» лиц, в отношении которых принимается решение об установлении полицейского надзора. Кроме того, ЕСПЧ установил нарушение п. 1 ст. 6 Конвенции в связи с отсутствием публичного разбирательства в суде провинции Бари и Апелляционном суде округа Бари.

Таким образом, установление административного (полицейского) надзора является важной мерой предупреждения совершения преступлений ранее судимыми лицами. Правомерность данной меры подтверждается детальной регламентацией в действующем законодательстве и соответствующими постановлениями ЕСПЧ, подчеркнувшими, что требование отмечаться в полиции наряду с запретом покидать жилище в установленное судом время являются пропорциональными мерами, направленными на предотвращение преступлений, а не повторное наказание за них.

Список литературы:

1. Бекетов О. И., Головкин В. В. Современные тенденции организации деятельности полиции по осуществлению административно-

¹ Дело «Де Томмазо (De Tommaso) против Италии» (жалоба № 43395/09) : постановление ЕСПЧ от 23.02.2017 г. // Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Специальный выпуск. 2018. № 1 (13).

го надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2019. № 1 (45). С. 90–95.

2. Кирюхин В. В. Полицейский надзор: к поискам истоков // Административное право и процесс. 2021. № 3. С. 33–37.

Законодательная техника периода становления и развития советского права

Аннотация

Статья посвящена развитию законодательной техники советского времени, автор выделяет несколько ее этапов, это позволяет выявить наиболее яркие тенденции развития науки о законодательной технике и практику создания нормативных правовых актов советского периода с 1917 по 1990 годы.

Ключевые слова и словосочетания: законодательная техника; советское право; нормативно-правовой акт; законотворчество.

С возникновением нового общества, общества социалистического типа появляется необходимость в особом регуляторе общественных отношений. Этим регулятором должно было быть социалистическое право, «качественно иное право по сравнению с прошлым» [5, с. 75]. Представляется, что можно разделить развитие данного типа права на некоторые периоды, которые позволяют наиболее ярко выделить определенные черты, свойственные законодательной технике каждого из этих периодов.

Первый период – 1917–1920 гг. Основными особенностями этого этапа является отсутствие всякой научности, хотя несмотря на желание отбросить все буржуазное, не использовать накопившиеся знания в области законотворчества было просто недопустимо, поэтому старые приемы и способы законодательной техники использовались с новыми подходами. И самым важным из них было требования общедоступности, ясности изложения нормативных правовых актов. Акты этого периода похожи на газетные заголовки, лозунги революционной прессы. Активно применяется метод декларативности. Это касается и самых первых Декретов Советской власти и первой Конституции 1918 года. Примером служит ст. 79 Конституции 1918 г. «Финансовая политика в РСФСР в настоящий переходный момент диктатуры трудящихся способствует

основной цели экспроприации буржуазии и приготовления условий для всеобщего равенства граждан Республики в области производства и распределения богатств» [1, с. 19]. Форма нормативных правовых актов этого периода это прежде всего Декреты. Данная форма была впервые использована в Древнем Риме, а затем она использовалась во Франции в период Первой французской революции. Законодатели хотели, видимо, подчеркнуть революционный характер первых актов молодого советского государства.

Если рассматривать стилистику и язык нормативных актов этого периода, то следует отметить присутствие большого количества общественно-политической лексики и большую эмоциональную окраску некоторых актов.

Это объясняется тем, что данные акты во многом носили идеологический характер, они должны быть просты (в некоторой степени даже примитивны) для понимания неграмотными слоями общества и запоминаемы как рекламный слоган. Если посмотреть на статьи первой Конституции 1918 г, то большинство статей – это простые предложения, причем часто одна статья – одно предложение: ст. 71. Весь материал по производству выборов поступает в соответственный Совет. Статья 72. Совет для проверки выборов назначает мандатную комиссию. Статья 74. Совет решает вопрос об утверждении спорных кандидатов.

Старая лексика заменялась постепенно новой, но к концу данного периода законодатели все же вернулись с некоторым юридическим терминам дореволюционного периода.

Серьезных научных трудов, посвященных законодательной технике в первые годы Советской власти, не было, собственно научной деятельностью заниматься было некогда. В. И. Ленин, П. И. Стучка, Д. И. Курский и другие, некоторые из них были юристами по образованию, принимали участие в создании первых советских кодексов.

Следующий период – это 1920–1950 гг., время «победы социализма в СССР» [1, с. 187]. Развивается отраслевое законодательство, и система правил и приемов законодательной техники складывается на основе отдельных отраслей права. В зависимости от отрасли, от иерархии, соподчиненности нормативных правовых актов, от идеологической составляющей используются те или иные приемы законодательной техники.

Форма изложения норм права претерпевает некоторые изменения, появляются Основы законодательства Союза ССР, эти акты сохраняли довольно долго свое значение. Республиканские органы воспроизводили в издаваемых ими актах определенные нормативные положения общесоюзного законодательства, дополняя и разви-

вая их в соответствии с их компетенцией. Это было связано с федеральным устройством СССР, с обеспечением проведения единой линии в государственном, хозяйственном и культурном строительстве Союза ССР. В научной литературе появляется название этого приема, который стал активно использоваться при создании нормативных правовых актов – прием воспроизведения. Применение его приводило к громоздкости нормативных правовых актов, перегруженности повторами, избежать этого можно было бы путем использования ссылок, но законодатели не использовали этот прием законодательной техники. Но, если следовать главному принципу законодательной техники данного периода – принципу ясности и простоте изложения, то повторы делали акт более понятным для неспециалистов. В одной из своих работ С. И. Перетерский писал: «Закон социалистического государства пишется для широких кругов тружеников социалистического общества. Понятность, простота законов является у нас основным политическим требованием, которое мы должны предъявлять к каждому закону» [3, с. 106]. Следуя принципу ясности, создатели нормативных правовых актов забывали о точности и полноте изложения текста закона. На страницах советских юридических журналов «Советское строительство», «Право и жизнь», «Вестник советской юстиции» и других развернулась дискуссия, посвященная языку и стилю нормативных правовых актов.

Существенным моментом в области законодательной техники стало разделение нормативных положений гражданского кодекса РСФСР и кодексов союзных республик на общую и особенную часть. Это так называемая пандектная система расположения норм права в кодифицированных актах. Общая часть содержит положения юридической науки гражданского права, ее теоретическую часть, а особенная – выражает динамику гражданско-правовых отношений, эта конструкция избавляет нормативный правовой акт от излишних повторов.

Великая Отечественная война (1941–1945 гг.) внесла серьезные корректировки в действующее законодательство. Действие старых, довоенных норм продолжалось, но обстановка требовала принятия особых правовых актов, после окончания войны они были отменены или сами утратили силу в связи с изменением обстановки. Но некоторые продолжали действовать и после окончания войны (например касающиеся вопросов семейного права) [2, с. 427]. Научные труды, посвященные законодательной технике, по понятным причинам отсутствовали, особых изменений в этой области не наблюдалось.

Следующим этапом развития законодательной деятельности являются 1950–1990 гг. Это период активного развития отраслевого законодательства, что вызывает повышенный интерес к вопросам законодательной техники. В связи с этим активно исследуется само понятие законодательной техники. Видные ученые М. М. Гродзинский, Д. А. Керимов, А. А. Ушаков и др. дают этому понятию определение. Часто это определение связывается с кодификацией законодательства и определенными способами изложения правового материала. Позже уже делается попытка теоретического обоснования так называемого законодательного стиля и выделение языка закона как особого стиля речи [6, с. 14–15]. Выдвигается мысль о необходимости слияния двух наук – лингвистики и юриспруденции, что позволит достичь высоко уровня изложения правового материала. Ведь стилистика – это наука о наиболее целесообразном использовании языковых средств, но она изучает их не как таковые, а в связи с определенными задачами, которые возникают в той или иной сфере сознания и общения.

Особого интереса в этой связи заслуживают работы А. С. Пиголкина. Он определяет законодательную технику как «... систему базирующихся на практике нормотворчества и теоретически обоснованных правил и приемов создания совершенных и целесообразных по форме и структуре проектов нормативных актов» [4, с. 50]. В своем определении он впервые говорит о правилах и приемах, основанных как на теории, так и на практике, подчеркивая роль техники законодательства в решении проблем соотношения формы и содержания права.

Анализируя нормативные акты периода 70–90 г. с точки зрения законодательной техники, можно отметить, что перегруженность советских нормативных актов идеологической, политической лексикой идет на убыль. Хотя возрастает общественно-политическая значимость преамбулы законодательных актов. Например, Конституция 1977 г. содержит следующие слова: «Великая Октябрьская социалистическая революция, совершенная рабочими и крестьянами России под руководством Коммунистической партии во главе с В. И. Лениным, свергла власть капиталистов и помещиков...». Что касается второй половины 90-х, то можно определить, что идеологическая составляющая преамбул постепенно исчезает, а на ее место приходит объяснение целей и задач принятия закона.

Подводя итоги, можно определить, что законодательная техника советского периода имела поступательное, постепенное, эволюционное развитие, оно характеризуется анализом прошлого, переработкой недочетов и анализом ошибок, а также накоплением поло-

жительного опыта. Именно в этот период был заложен серьезный научный фундамент понятию законодательной техники и определена важность этих знаний.

Список литературы:

1. История государства и права СССР / под ред. Денисова. Ч. 2. С. 187.
2. Пашенцев Д. А. История отечественного государства и права: учебное пособие / Д. А. Пашенцев, А. Г. Чернявский. М.: Инфра-М, 2016. 427 с.
3. Перетерский С. И. Техника оформления кодексов // Проблемы социалистического права. 1939. № 1. С. 106.
4. Пиголкин А. С. Совершенствование законодательной техники // Советское государство и право. 1968. № 1. С. 50.
5. Ушаков А. А. О понятии юридической техники и ее основных проблемах // Ученые записки. 1961. Пермь. Том 19. Вып. 5. С. 75.
6. Ушаков А. А. Очерки светской законодательной стилистики. Пермь, 1967. С. 14–15.

Наталья Александровна Шеяфетдинова,

кандидат юридических наук, доцент,

доцент кафедры теории

и истории государства и права

Московский педагогический

государственный университет;

доцент кафедры КБ-12

«Правовое обеспечение

национальной безопасности»

МИРЭА-Российский технологический университет

Имперская архитектура социальных сетей: теоретико-правовой аспект

Аннотация

Цифровизация современного общества обусловила цифровой ребрендинг социального взаимодействия, что в конечном итоге привело к доминированию социальных сетей в интернет-пространстве. Последние по ряду параметров стали походить на известный науке и практике государственно-культурологический формат империи. В статье фокусируется внимание на ряде теоретико-правовых аспектов данных аналогий.

Ключевые слова и словосочетания: империя; современная империя; цифровая империя; социальная сеть; цифровое пространство; IT-технологии; государственность.

Специфика современного социального взаимодействия включила в повестку абсолютно новый формат коммуникации с участием IT-технологий, а именно социальные сети. Развитие социальных сетей привело к распространению их воздействия на все сферы жизни общества [1, с. 49]. Кроме того, процессы тотального внедрения социальных сетей в жизнь социума и проявление в них черт, присущих уже сложившимся в обществе социально-властным конфигурациям, позволяет говорить о целесообразности анализа социальных сетей как имперского конструкта.

Невозможно не согласиться с позицией о том, что сущность империи состоит в формировании специфического способа организации населенного пространства [5, с. 13], а отнюдь не только в выделении особой вариации государства. В свете этого контуры

сетевых IT-империй применительно к социальным сетям можно обнаружить по ряду позиций.

Во-первых, территориальная экспансия, присущая империям, и социальная мобильность населения [5, с. 13] в выраженном виде проецируются и на социальные сети. В частности, преимущественная локализация пользователей социальных сетей из тех или иных стран позволяет говорить даже о своеобразной территориальной привязке социальных сетей и интенсивном их распространении. Кроме того, социальная мобильность состоит в возможности удалять и регистрировать аккаунты в разных социальных сетях.

Во-вторых, империи присущ свой язык, благодаря которому она расширяет сферу своего воздействия [5, с. 16]. Аналогично и социальные сети имеют свою интернет-коммуникацию, чья смысловая нагрузка понятна только его пользователям. Эпоха интернета неизбежно породила свои выражения, в том числе сленговые, популяризации которых не в последнюю очередь способствовали именно социальные сети, хотя несколько десятилетий тому назад выражения «хештег», «репост», «аккаунт», «мем», «бан», «аватар» и пр. просто не имели бы шансов быть понятыми.

Важный признак империи связанный с продолжительностью ее существования и открытостью к необходимым реорганизациям [2], в полной мере проявляется в отношении социальных сетей, упрочняющих свои позиции, например, с уровня блог-платформы – Живой Журнал – до уровня мегамасштабных структур (Одноклассники, Твиттер, Инстаграмм, ВКонтакте, Фэйсбук и т. д.), которые постоянно модифицируются и не просто приспосабливаются к окружающей действительности, но и определяют ее, диктуя социальные, экономические, политические и даже некоторые правовые тренды. Интернет-среда сама по себе очень быстро реагирует на происходящие изменения, а поскольку именно социальные сети максимально коммуникативны, то именно они реструктуризируются при необходимости очень оперативно, что можно наблюдать в отношении факта монетизации сетевой активности. Подписчики в данном случае становятся не только сторонниками и интересантами того, на кого они подписались, но и его потенциальным финансовым ресурсом (благодаря фолловингу). Политический актив социальных сетей пока еще не столь мощен, как их экономическая монетарность, возможно из-за разноплановых политических убеждений пользователей, которые отнюдь не спешат их менять так просто.

Характерной чертой империи выступает подавление социального несогласия и решительность в упорядочивании противоречий и потребностей субъектов [11, с. 17]. Весьма наглядно это демон-

стрируется применительно к использованию санкций в социальных сетях. Санкционная политика в социальных сетях подразумевает редактирование в «правильном» русле материалов (предпочтительно самим же автором) и минимизацию их распространения в сети, а в ряде случаев и удаление самого материала [1, с. 55]. Заблокированность же в социальных сетях рассматривается своего рода как «цифровая кома» [14, с. 452], а поскольку инициаторами блокировки зачастую выступают «административные единицы» в виде лиц, наделенных теми или иными властными полномочиями, то блокированность и удаление аккаунта следует рассматривать как один из самых тяжких видов наказания, что свидетельствует об определенном нормативном единообразии сетевого цифрового измерения. Причем карательная политика (не редко присущая империям) проявляется в полной мере в социальных сетях, особенно при определенной монополизации ими IT и социального пространства.

Толерантность иных империй (Золотая Орда, Российская империя и т. д.) к культурологическим особенностям входящих в их состав народов синонимична (в современной вариативности проявлений себя) в рамках социальной сети созданию собственных групп и сообществ в них или вхождению в уже созданные сетевые сообщества и группы. Разноплановость контента в этой связи свидетельствует о реализации мультикультурализма и разновекторности самовыражения в социальных сетях, тем не менее все это осуществляется с позиций подконтрольности социальных сетей их владельцами, и которые фактически реализуют функции сетевых императоров.

Нет сомнений в том, что «одной из очевидных сущностных характеристик медиапространства сегодня является текстогенность, выраженная в виде поста или блога» [13, с. 185]. Агрессивный, порою навязчивый контент, так или иначе используемый социальными сетями, подразумевает идеологическое тотально-ориентированное воздействие, что также не чуждо империям. Заслуживает внимания факт того, что свобода постов и репостов заканчивается там, где начинается воля администраторов и модераторов, а также самого государства, пытающегося выстроить систему контроля над интернет-пространством. Правовая сетевая культура, несомненно, должна стать буфером на пути слабо контролируемого развития социальных сетей, будучи своеобразным фильтром допустимости и недопустимости осуществляемого в их пространстве.

Главным аспектом в этом отношении выступает нормативная база, причем применительно к социальной сетевой активности квинтэссенцией является конгломерат правовых, моральных, этиче-

ских норм, а также обычаев и ненормативных регуляторов, значимое место среди которых занимают фактически не только модные тенденции, информация, но и слухи.

Ограниченность правового регулирования обуславливается и отставанием от быстроменяющейся действительности ввиду необходимости экспертной деятельности и оценки изменений со стороны права [6, с. 48]. Это касается в полной мере и социальных сетей, пробующих себя в различных качествах по отношению к обществу и личности: политинформатора [12], правового просветителя, обучающей платформы [8], идеолога и идейного вдохновителя и пр. Отмечено, что показателем межгрупповой коммуникации пользователей социальных сетей выступает степень их взаимодействия [3, с. 63], которое не всегда является конструктивным.

Киберагрессия в социальных сетях [9] демонстрирует серьезную эмоциональную включенность пользователей в происходящее в Интернет-пространстве, что позволяет сделать вывод о целесообразности подключения культурного кластера, в частности, возможностей правовой культуры, в нейтрализацию потенциальной угрозы возможного распространения данного негативного явления из киберпространства в офлайн-среду.

Любая империя нуждается в надежных проводниках своей политики и решений. Использование в этом отношении бот-технологии может способствовать активации гражданских инициатив и социальной интеграции [10, с. 12]. С учетом интенсивного их внедрения со стороны разработчиков сетевых продуктов они представляют собой своеобразный административный аппарат ИТ-формата, используемый для социальных сетей. Кроме того, управленческий аппарат (имперского типа) представлен в социальных сетях их владельцами – своеобразными монополистами в определении судьбы и сценария развития социальных сетей, а также стоящими ниже по условной «административной лестнице» администраторами и модераторами групп.

Несмотря на то, что современность нивелирует потребность субъекта в познавательной активности права, справедливости, долга, законности [7, с. 272], целесообразность правового регулирования интернет-пространства анализируется уже давно, при этом реализация подобной инициативы позволяет государству противопоставить себя имперским амбициям сетевых кибер-ресурсов, доказывая свою нормативную и функциональную состоятельность в современном обществе.

Немаловажным является при этом не нарушение пределов законотворческой конкретизации наряду с достаточностью право-

вого регулирования [4, с. 31]. Имперские контуры социальных сетей показывают посылы к определенной социальной инволюции в виде максимально мощных, масштабных образований, каковыми в свое время были сами империи, и в определенном роде аналогичный формат начинают обретать социальные сети. Однако настрой к доминированию у социальных сетей еще не выражен с такой четкостью как у империй, несмотря на очевидные тенденции к этому. Параллельное сосуществование двух мощных социально-политических образований, каковыми выступают государство и социальные сети, неизбежно приведет к их состыковке, при этом рычаги влияния у сетевых инфоимперий на государство не столь велики, как у государства в их отношении, что становится очевидным при запрещении тех или иных социальных сетей в тех или иных государствах. Но чем больше «подданных» в виде пользователей у социальных сетей, тем больше шансов у последних достигнуть «отложенного» влияния на государство, формируя их вкусы, предпочтения, взгляды, политические убеждения, тем самым во многом делая неизбежным учет сетевых трендов в политике государства. Так или иначе социальная сеть, распространяя свой «культурный код», осуществляет тем самым тихую имперскую экспансию. Заметим, что открытого противостояния (в отличие от некоторой конкурентности) между самими социальными сетями нет, не в последнюю очередь из-за «двойного гражданства» ее пользователей, которые часто являются одновременно пользователями нескольких социальных сетей.

Социальные сети являются молодым структурным образованием, в отношении которых затруднительно прогнозировать неизбежность тех или иных тенденций, присущих иным устоявшимся социальным объединениям, при том, что их стремительный рост позволяет усмотреть их определенную империоподобность.

Восприятие социальных сетей как империи в контексте формы государственного устройства как минимум преждевременно, но не столь невозможно в связи с виртуализацией государственности. Конечно, вряд ли государство воспользуется в «чистом виде» имеющимися социальными сетями, однако не исключено, что оно использует возможность создать подобные социальные виртуальные образования в жесткой привязке к самому государству. Прообразы этого можно наблюдать, например, в необходимости регистрации гражданина на интернет-портале Госуслуг, портале Госуслуг Москвы и пр. Между тем коммуникативные возможности здесь ограничены связью «человек – государство» несмотря на то, что первые шаги делаются и на поприще соединения самих граждан в фар-

ватере правильных активностей (проект «Активный гражданин» тому пример). Пока еще государством не популяризируется взаимодействие «субъект-субъект» на базе своих собственных платформ, но это скорее вопрос приоритетов, поскольку государство заинтересовано. Прежде всего, во взаимодействии граждан с ним – государством. Скорее всего, в русле политики желаемой подконтрольности Интернета, которую в той или иной степени проводят практически все государства, заинтересованность сетевыми ресурсами неизбежна. В таком варианте социальные сети тем больше будут похожи на империи, чем больше на нее похоже само государство – их создатель, при этом государство будет диктовать нормативный вектор их развития, но оно же будет подчиняться IT-тенденциям, чтобы бы не отставать от цифровых трендов.

Привычный нам территориальный аспект масштабности империи будет несколько нивелирован привязкой к субъектному составу такой «государственной социальной сети», который ограничен гражданами. В свою очередь граждане, будучи пользователями разных социальных сетей, могут распространять в них культурный код своего государства, выступая «идеологами империи» и «вербуя» туда своих сторонников, агитируя регистрироваться в той или иной социальной сети.

Таким образом, социальные сети, обладая прообразами или фактически некоторыми признаками империи, могут расцениваться как некая новая конструкция социального взаимодействия с вкраплением отношений власти-подчинения, тем больше приближающейся к формату государственности, чем больше последнее само уходит в виртуальное пространство, цифровизуя свою деятельность и заменяя человеческий разум искусственным интеллектом. Остается риторическим вопрос, что превалирует при этом: имперская архитектура социальных сетей или же переформатирование неоимперскости в цифровую сетевую среду?

Список литературы:

1. Васильев Н. А., Комиссаров С. Н. Социальные сети. Формирование нового социального мира // Гуманитарий Юга России. 2021. Т. 10. № 4. С. 43–61.
2. Грачев Н. И. Империя как государственная форма существования локальной цивилизации: политико-правовые признаки и понятие // Вестник Восточно-Сибирской Открытой Академии. 2021. № 43 (43).
3. Ефимов Е. Г., Небыков И. А. Социальные группы в структуре социальных сетей (на примере сети «Одноклассники») // Исто-

рические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение // Вопросы теории и практики. 2014. № 5–3 (43). С. 62–65.

4. Залоило М. В. Фрагментация как современная тенденция развития правового пространства // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 1. С. 27–49.

5. Захарова В. В. Империи: сущность, признаки, историческая роль // Юридическая гносеология. 2017. № 1. С. 12–17.

6. Карнаушенко Л. В. Социальные нормы как инструмент регуляции поведения людей в современном трансформирующемся обществе. Правовой аспект // Закон и право. 2016. № 1. С. 44–48.

7. Коваль Е. А. Ненормативная мотивация // Историческая и социально-образовательная мысль. 2014. № 3. С. 271–275.

8. Косарев О. В., Водкайло Е. Г., Корсуков А. В. Использование социальной сети в качестве платформы электронного обучения (на примере социальной сети Вконтакте) // Современное образование: содержание, технологии, качество. 2018. Т. 2. С. 195–198.

9. Кривко И. П., Стародубцева Е. А. Вербальные и невербальные средства проявления киберагрессии в социальных сетях на примере социальной сети «Вконтакте» // Психология личностного взаимодействия в современном обществе : сборник материалов I Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Чебоксары, 2022. С. 233–239.

10. Минина В. Н., Василькова В. В. От социального пространства к пространству онлайн социальных сетей: исследовательские подходы и вызовы // Социальное пространство. 2019. № 5 (22). С. 1–15.

11. Скорик А. П., Невесёлов А. А. Империя как форма государства: концепт и российский дискурс // Северо-Кавказский юридический вестник. 2019. № 2. С. 15–28.

12. Соколова Л. Ю. Политическая коммуникация в социальных сетях: стратегии получения информации пользователями социальных платформ // Научный результат. Социология и управление. 2021. Т. 7. № 2. С. 132–143.

13. Степанов В. Н. Пост как инструмент формирования социального капитала в социальной сети (на примере социальной сети Фейсбук) // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2014. № 1. С. 183–191.

14. Фусу Л. И. Социально-философский анализ «заблокированности» (блокирование в социальных сетях, почте, мессенджерах) как лиминального состояния // Евразийский юридический журнал. 2019. № 6 (133). С. 450–452.

Лейсан Рафисовна Абдуллина,
адъюнкт факультета
подготовки научных
и научно-педагогических кадров
Академия управления МВД России

Становление и развитие разумности как принципа законодательства и правоприменительной деятельности

Аннотация

Статья посвящена исследованию разумности как принципа законодательства и правоприменительной деятельности. Раскрываются особенности становления начал разумности в отечественном правовом поле. Дискуссионный контент разумности кроется в его правовой природе, как феномена естественного и позитивного права. Автор утверждает, что разумность это не только общеправовое начало, но и критерий, с помощью которого оценивается поведение людей. Развитие категории разумности в правоприменительной практики связывается с его оценочным характером.

Ключевые слова и словосочетания: разумность; разум; право; принцип; правовая презумпция; позитивное право; естественное право; парадигма; разумные меры; разумное поведение; разумный срок; разумные расходы; разумная цена.

Принцип разумности в отечественном праве играет важнейшую роль в вопросах регулирования общественных отношений. Разумность – это не только общеправовое начало, но и критерий, с помощью которого оценивается поведение людей.

Разумность позволяет нам делать правильный выбор, достигать наших целей, жить лучшей жизнью и становиться лучше. Однако критерий и так называемый «стандарт» разумности обманчиво интуитивен, поскольку каждый человек считает, что знает, что является «разумным», а что нет. Почти каждый знает, что другие люди часто неразумны и могли бы извлечь пользу из занятий, специализирующихся на разумности, таких как логика; однако почти все предвзяты в отношении своей собственной разумности.

Первое, что следует отметить, это то, что «разумность», которую имеет в виду закон, должна быть практической разумностью,

а не абстрактной способностью рассуждать по теоретическим вопросам. Разумный человек обладает добродетелью благоразумия и использует это в действии. Это добродетель, которая несовместима с фанатизмом или апатией, но является средним между ними, как и между чрезмерной осторожностью и чрезмерным безразличием к риску. Разумные люди принимают во внимание предсказуемые риски, но в отношении серьезных возможностей или вероятностей, а не отдаленных или фантастических шансов. Они не делают поспешных выводов, но рассматривают доказательства и принимают во внимание различные точки зрения. Они осознают, что любая практическая дилемма может включать точку соприкосновения различных ценностей и интересов, и они серьезно относятся к конкурирующим и сходящимся ценностям, стремясь к их примирению или в случаях неизбежного конфликта, действуя в соответствии с теми, которые являются более весомыми или преобладающими ценностями.

Некоторые авторы связывают происхождение принципа разумности с ключевым римским понятием, так называемым *aequitas*. Римскими юристами данным термином обозначалась справедливость, наравне с термином *iustitia*. Римские юристы, чьи работы приведены в Сборнике Юстиниана, известны своим прагматичным подходом к делам и тонкостью своих казуистических рассуждений, что определило придание разумности особой ценности. Философия римских юристов была не философией в техническом смысле, а определенными общими социальными и этическими концепциями, известными всем разумным людям, которые в некотором роде считались полезными для их собственных юридических целей [8, с. 426].

Римское право, как и английское общее право, лишь в малой степени было продуктом законодательства. Предполагалось, что природа устанавливает определенные нормы разумности, которым позитивное право должно соответствовать как можно лучше. Следовательно, юристы даже не пытались установить презумпцию о том, что закон выражает не что иное, как волю компетентного законодательного органа.

Гносеологическая основа разумности подвергается теоретическому осмыслению через поиск базиса в плоскости естественного и позитивного права. Теоретики естественного и позитивного права в равной степени признавали за принципом разумности его общееправовое значение.

Теория естественного права уходит своими корнями в древний стоицизм, Аристотеля и римское право. Иудео-христианская традиция присоединила к этому концепцию природы, задуманной

Богом. Таким образом, сегодня этика естественного права тесно связана с различными религиозными традициями. В своей самой общей форме эта теория утверждает, что правильное поведение – это то, которое следует природе, а не условностям или обычаям. На эту традицию большое влияние оказал телеологический взгляд на природу, представленный Аристотелем и Аквинским, и поэтому она утверждает, что все вещи в природе, включая людей, задуманы Богом для достижения определенных целей или концовок [7].

Корни естественного права лежат в таких заповедях, как мораль, справедливость, разум и т. д. Естественно-правовой взгляд на права в первую очередь начинается с требования, чтобы права соответствовали этим целям. Центральной идеей естественного права, от Римской республики до наших дней, был высший принцип соответствия природе человека как разумного и социального существа, который является или должен быть оправданием любой формы позитивного права. Таким образом, в теории позитивный закон является приближением к совершенной справедливости и праву; они представляют его объекты и формируют его стандарты.

Для естественного права характерно суждение относительно разумности закона, которое раскрывается в формуле-постулате о том, что «ничто, что противоречит разуму, не может быть законным». Теория естественного права признает, что закон можно рассматривать и говорить о нем как о чистом социальном факте власти и практики, так и как о комплексе причин для действий, которые могут быть и часто являются обоснованными в качестве таковых и, следовательно, нормативными для разумных людей, к которым они обращаются. Естественное право, хотя в принципе и основано на неизменной человеческой природе, не запрещает любых изменений в позитивном праве и может даже предписывать это. Таким образом, чтобы закон оставался разумным и справедливым, когда изменяются обстоятельства, в которых он возник, сам закон, возможно, должен измениться.

Для Томаса Гоббса естественным правом была свобода, которой обладал каждый человек в естественном состоянии, делать то, что казалось наилучшим для сохранения его существования. Естественное право, с другой стороны, представляло собой свод принципов или ограничений, которые были изобретены разумом для обеспечения безопасности жизни. Разумность рассматривалась в качестве одного из таких принципов [2, с. 243–248].

Теоретики права, которые представляют или понимают свои теории как «позитивистские» или как примеры «юридического позитивизма», считают, что их теории противостоят теории есте-

ственного права или, по крайней мере, кардинально отличаются от нее. Дэвид Юм (1711–1776 гг.) отверг теорию естественного права, утверждая, что она расплывчата, неясна и противоречит эмпирическому подходу к праву. Таким образом, он разрушил теоретическую основу естественного права своим аналитическим позитивизмом [3, с. 414–416]. Теория, выдвинутая великим французским философом Огюстом Контом (1798–1857 гг.), нанесла еще один серьезный удар по ослабевающему естественному праву. Он осудил теорию естественного права как ложную, ненаучную и основанную на сверхъестественных верованиях. Наметившаяся тенденция признания важности исторической школы, которая рассматривала право как продукт народного сознания, привела к дальнейшему упадку естественного права. Основные принципы естественного права разумности и справедливости позитивисты осуждали как нереальные, неисторические и ненаучные [2, с. 432].

Либертарно-правовой дискурс, проводимый М. А. Милкин-Скопец, предметно раскрывает разумность с общих теоретических позиций. По мнению автора, «позитивистский подход предполагает отнесение разумности к неким внешним ограничителям правоприменения, лежащим в сфере фактического» [4, с. 9].

Что касается российского опыта регламентации принципа разумности можно сделать вывод о том, что в отечественном законодательстве этот термин используется в различных значениях, а именно в качестве общеправового начала, в смысле принципа, в значении презумпции-предположения, в значении свойства, в значении оценочной категории, в значении стандарта-требования законодательства.

Принцип разумности имеет как общеотраслевое значение для гражданского права, в частности, так и для всей системы частного права в целом. Как уже упоминалось, наиболее часто употребляется понятие разумности в различных вариациях в нормах гражданского законодательства. Общеизвестны в цивилистической практике категории «разумный срок», «разумные действия», «разумные меры», «разумное ведение дел» и т. д. Так, регламентируя пределы осуществления гражданских прав, законодатель в ст. 10 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ)¹ установил презумпцию – предположение о разумности действий участников в гражданском обороте. Отдельно декларируется разумное ведение

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (с посл. изм. и доп. от 25.02.2022 № 20-ФЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 12.11.2022).

дел участниками полного товарищества (ст. 72 ГК РФ), и, напротив, неспособность к разумному ведению дел может стать основанием для прекращения соответствующих полномочий полного товарища или даже исключения его из состава полного товарищества (п. 2 ст. 76 ГК РФ).

В гражданском законодательстве принцип разумности воплощается, кроме того, в трактовке «разумных расходов», понесенных участниками в связи с осуществлением различных договорных обязательств, а именно: в договоре поставки покупателю предоставляется субъективное право требования компенсации понесенных им расходов на покупку непоставленных товаров, отвечающих критерию разумности (абз. 1 п. 1 ст. 520)¹. Разумные расходы употребляются и в иных договорных конструкциях, в частности, при компенсации расходов, понесенных подрядчиком в связи с внесением изменений в технической документации (ст. 744 ГК РФ).

Оценивая разумность в поведении сторон обязательства, суд исследует также достаточность, оправданность, необходимость соответствующего поведения, облекая вышеизложенное в форму предпринимаемых участниками разумных мер, направленных, как правило, на предотвращение или минимизацию убытков (подобные условий декларированы в нормах ст. 750, 962 ГК РФ).

Не вызывает разногласий оценочный характер разумности, которому в литературе уделяется достаточно пристальное внимание. По аргументации М. А. Дрезина оценочный характер разумности следует исследовать через призму соотношения с добросовестностью, которая с искомой категорией обладает определенным сходством и в то же время является самостоятельным принципом частного права [1, с. 116]. Следует согласиться с выводом автора о взаимодополняющем характере данных принципов в сфере действия частного права, хотя при этом оценочное свойство в большей степени присуще концепту разумности. А. Г. Репьев разумность, наряду с определенностью и действительностью, относит к критериям установления правовых преимуществ. Как указывает автор, «разумность демонстрирует гибкость законодателя, его готовность идти на компромисс» [5, с. 61].

Принцип разумности присутствует не только в частно-правовой сфере, но и к примеру, в административной, где отражен через реализацию в административной дискреции. Согласно позиции

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (с посл. изм. и доп. от 01.07.2021 № 295-ФЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 12.11.2022).

О. Н. Шерстобоева, административное усмотрение не было бы полноценным, если бы государство и управленческий субъект полностью отрицали принцип разумности [6, с. 79]. Несмотря на то, что сегодня административная дискреция минимизируется с целью избежать коррупционности, принцип разумности воплощается через соразмерность и равенство. Именно разумность является стандартом административной дискреции. По мнению О. Н. Шерстобоева разумность следует считать правовым принципом, базирующемся на конституционных ценностях. С такой трактовкой сложно дискутировать исходя из аксиологической концепции разумности.

Таким образом, принцип разумности прошел значительный эволюционный путь от констатации данного начала как морально-нравственного критерия до его закрепления непосредственно в законодательстве. Однако, несмотря на длительную историю, принцип разумности испытывает серьезные сложности в правоприменении. Основные проблемы применения категории разумности в правоприменительной деятельности сводятся, во-первых, к отсутствию легальной дефиниции разумности, что следует считать упущением законодателя, позволяющем вольно трактовать данное понятие в угоду собственным интересам; во-вторых, к декларированию лишь общих ориентиров разумности и, в то же время отсутствию норм-императивов, в которых были бы закреплены требования, делающие прозрачным и понятным для сторон механизм оценивания судом разумности в различных вариациях.

Список литературы:

1. Дрезин М. А. Соотношение принципов разумности и добросовестности в системе оценочных категорий частного права // E-Scio. 2019. № 5 (32). С. 115–122.
2. История политических и правовых учений: учебник / под ред. д-ра юрид. наук, проф. О. Э. Лейста. М.: Зерцало, 2000. 688 с.
3. История политических и правовых учений: учебник для вузов / под общ. ред. акад. РАН, д-ра юрид. наук, проф. В. С. Нерсисянца; 4-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2004. 944 с.
4. Милкин-Скопец М. А. Принцип разумности в либертарно-правовом дискурсе. Историко-правовое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. 29 с.
5. Репьев А. Г. Оценочные категории в нормах законодательства (на примере положений о правовых преимуществах) // Вест-

ник Барнаульского юридического института МВД России. 2018. № 2 (35). С. 60–62.

6. Шерстобоев О. Н. Административная дискреция и принцип разумности (часть 2: российский опыт) // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2018. №1 (32). С. 7483.

7. James R. Stoner, Jr. Common law and the law of reason // Natural law, natural rights and American constitutionalism, 2011. P. 11–19.

8. Simpson E. Practical Reasonableness: Some Metaethical Issues // The Journal of Value Inquiry. 2013. № 47. P. 425–437.

Многосубъектность участников механизма взаимодействия органов прокуратуры с органами публичной власти в сфере защиты прав и свобод человека и гражданина

Аннотация

В статье на основании сложившегося практико-ориентированного подхода к пониманию природы таких феноменов как механизм и взаимодействие органов прокуратуры и органов публичной власти, проведен анализ и сделан вывод о сформировавшихся в их рамках постоянных и неизменных элементах, одним из которых являются субъекты – участники взаимодействия. По результатам анализа данного элемента выведены основные, характеризующие его, черты.

Ключевые слова и словосочетания: органы прокуратуры; органы публичной власти; механизм; взаимодействие; мультисубъектность; мультиинституциональность.

Согласно ст. 2 и 18 Конституции Российской Федерации права и свободы человека и гражданина являются высшей ценностью государства, надлежащая охрана которых возможна лишь в рамках правового государства при наличии соответствующего функционирующего конституционно-правового механизма их защиты¹.

В настоящее время такой «механизм» представляет собой объективно существующее, распространенное в правовой сфере, многоаспектное и сложное по структуре явление, участником которого являются и органы прокуратуры.

Реализуя в рамках данного механизма полномочия по защите прав и свобод индивида, органы прокуратуры используют различные находящиеся в их арсенале инструментально-процедурные конструкции, продиктованные тактикой и избранным способом защиты нарушенных прав и свобод. Выбор таких инструментов зависит от множества факторов и обстоятельств конкретного дела, в рамках

¹ Конституция Российской Федерации : принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. : с изм., одобренными в ходе общерос. голосования 1 июля 2020 г. // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 08.04.2022).

которого необходимо решить, с чего начать и в какой последовательности осуществлять проверку.

Конституционный суд Российской Федерации в некоторой степени решил часть этих вопросов. Так, в постановлении Конституционного суда Российской Федерации от 17 февраля 2015 г. № 2-П указано, что «автоматическое возбуждение прокурорской проверки ... без предварительного использования возможностей, позволяющих выяснить существенные ... обстоятельства посредством обращения к соответствующему государственному органу, создавало бы необоснованные препятствия для ее нормальной работы». То есть вынесение прокуратурой решения о проведении проверки целесообразно лишь в случаях, когда «нельзя подтвердить или опровергнуть в ходе межведомственного взаимодействия с государственным органом, осуществляющим федеральный государственный надзор за деятельностью ... организации»¹ факт нарушения требований действующего законодательства, в том числе прав и свобод человека.

Таким образом, институциональные контакты разнопланового характера становятся неотъемлемой частью при осуществлении прокуратурой практически любой надзорной деятельности, а взаимодействие является потенциально-первичной формой для начала осуществления любой прокурорской деятельности, в том числе связанной с защитой прав и свобод личности. А. Ю. Усов так характеризовал предмет взаимодействия – «выявленные недостатки и просчеты ... прокурор совместно с иными субъектами взаимодействия подвергает согласованному исследованию, уяснению их природы и оценке для определения необходимости и возможности их использования, отмены, прекращения, изменения, преобразования, совершения других совместных юридических актов-действий или принятия совместных юридических актов-решений для достижения тех

¹ По делу о проверке конституционности положений пункта 1 статьи 6, пункта 2 статьи 21 и пункта 1 статьи 22 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» в связи с жалобами межрегиональной ассоциации правозащитных общественных объединений «Агора», межрегиональной общественной организации «Правозащитный центр «Мемориал», международной общественной организации «Международное историко-просветительское, благотворительное и правозащитное общество «Мемориал», региональной общественной благотворительной организации помощи беженцам и вынужденным переселенцам «Гражданское содействие», автономной некоммерческой организации правовых, информационных и экспертных услуг «Забайкальский правозащитный центр», регионального общественного фонда «Международный стандарт» в Республике Башкортостан и гражданки С. А. Ганнушкиной»: Постановление Конституционного суда Российской Федерации от 17 февраля 2015 г. № 2-П // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 08.04.2022).

же целей» [3, с. 12]. Но к настоящему моменту единой концепции по вопросу реализации механизма взаимодействия в научной литературе не сложилось. Само «взаимодействие» как сложная и многосторонняя система может пониматься в двух аспектах – в широком и узком смысле. В широком смысле взаимодействие может пониматься как часть деятельности реализуемой в рамках прокурорского надзора, осуществляемой на стадиях подготовки, непосредственной реализации надзорных функций или контроля за результатами деятельности и фактическим восстановлением нарушенных прав. В соответствии с данным подходом взаимодействие представляет собой все виды прокурорской деятельности, включающие в себя взаимоотношение с другими субъектами, порождающее их взаимную обусловленности и воздействие друг на друга.

На феномен взаимодействия можно взглянуть и с учетом принципа разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную ветви власти. Конституционный Суд Российской Федерации, неоднократно обращаясь к анализу данного принципа, характеризуя его как «установление такой системы правовых гарантий, сдержек и противовесов, которая исключая возможность концентрации власти у одной из них, обеспечивает самостоятельное функционирование всех ветвей власти и одновременно – их взаимодействие»¹. С учетом данной позиции Конституционного Суда Российской Федерации, а также особого положения органов прокуратуры, не входящих согласно ст. 10, 11 Конституции Российской Федерации в данную систему разделения властей, в узком смысле взаимодействие, реализуемое органами прокуратуры, можно характеризовать как добровольное и равноправное сотрудничество между независимыми субъектами, представляющее собой самостоятельный вид прокурорской деятельности, имеющее собственную функциональную наполненность, или, как отмечал И. А. Доборез, «является самостоятельной функцией прокуратуры» [1, с. 38–43], направленной на объединение на равноправных началах информационных, организационных и правовых ресурсов для достижения общих целей. Таким образом, по мнению В. С. Степина, взаимодействие является не просто одним из способов осуществления прокурорской деятельности, но «интегрирующим фактором, посредством

¹ По делу о проверке конституционности ряда положений Устава (Основного Закона) Алтайского края : Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 18 января 1996 г. № 2-П // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 28.09.2022).

которого происходит объединение частей в определенный тип целостности» [2, с. 394].

Применяя термин «механизм» в аспекте взаимодействия органов прокуратуры с органами публичной власти, все указанное выше позволяет сделать вывод о том, что в общей структуре данного явления должен присутствовать ряд наиболее устойчивых элементов, стабилизирующих данное явление. Одним из таких элементов, бесспорно, являются его субъекты-участники. Учитывая конституционно закрепленный принцип разделения властей, благодаря которому, как отметил И. И. Шувалов, «суммирование самостоятельности различных независимых инстанций способствует только улучшению работы и повышению ее результативности» [4, с. 2–5], субъекты взаимодействия, реализуя свои полномочия в сфере защиты прав и свобод человека и гражданина на равноправных и независимых началах, представляют собой мультисубъектную и мультиинституциональную среду, включающую в себя в том числе органы прокуратуры, органы государственной власти, органы государственной власти субъектов, органы местного самоуправления, а также их должностных лиц, деятельность которых базируется на принципах, исключающих дублирование и подмену полномочий друг друга при четком разграничении компетенций, что повышает скорость и эффективность взаимодействия. При детальном рассмотрении понятия мультисубъектность данное явление характеризуется как дуалистическое или многосубъектное явление, где максимальное количество возможных участников не ограничено, а минимальное количество, исходя из приведенного выше понимания сущности данного феномена, не может быть менее двух. Мультиинституционализм в свою очередь представляет собой потенциал для установления взаимосвязей механизма взаимодействия между прокуратурой и органами публичной власти различного уровня (федерального, регионального, местного), а также между различными институтами власти, при условии сохранения независимости участников взаимодействия и отсутствия прямого конституционно-правового запрета на реализацию взаимодействия.

В общей сложности все сказанное выше позволяет сделать вывод о том, что данный элемент является существенным условием взаимодействия и способствует перераспределению ресурсов субъектов-участников данного процесса, а также позволяет выработать согласованные решения по совместному достижению заданных целей способами и методами, присущими каждому из них, благодаря чему актуализируется единый механизм государственной охраны и защиты прав и свобод индивида.

Список литературы:

1. Доброрез И. А. организация органами прокуратуры межведомственного взаимодействия // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2016. № 3. 152 с.
2. Новая философская энциклопедия: в 4 т. / Ин-т философии РАН, Нац. общ. -научн. фонд / ред совет.: В. С. Степин, А. А. Гусейнов, Г. Ю. Семигин, А. П. Огурцов и др. М.: Мысль, 2010. Т. III. 736 с.
3. Усов А. Ю. Взаимодействие прокуратуры Российской Федерации с неподнадзорными государственными органами: дис. ... канд. юрид. наук. Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации. М., 2016. 196 с.
4. Шувалов И. И. Юридический аспект теории разделения властей // Конституционное и муниципальное право. 2005. № 3. 152 с.

Рациональность как свойство правового ожидания

Аннотация

Статья посвящена исследованию феномена «правовое ожидание». Автор выделяет рациональность в качестве свойства правового ожидания, используя теории рациональных и адаптивных ожиданий, которые позволяют выявить механизм их формирования.

Ключевые слова и словосочетания: правовое ожидание; рациональность; теория адаптивных ожиданий; теория рациональных ожиданий.

До недавнего времени общество не задумывалось над вопросом о роли ожиданий, формируемых субъектами общественных отношений, в повседневной жизни. Сегодня на феномен ожидания обращают внимание в научном сообществе и пытаются установить степень его влияния на общественные отношения в различных сферах общественной жизни. Более того, ожидания являются мощным инструментом, способным влиять на изменение различных экономических показателей, в связи с этим в экономике активно исследуют их влияние на процесс инфляции в России. Существует определение «инфляционные ожидания» [2, с. 196], подтверждающее, что они действительно вызывают высокий научный интерес и предпринимаются попытки их исследования в различных областях научного знания. Социальная философия тоже не обошла стороной феномен ожидания и исследует его регулятивное воздействие на поведение личности, выделив коллективные и индивидуальные социальные ожидания [1, с. 148]. Особый интерес вызывают ожидания, формируемые в правовой сфере общественной жизни, поскольку человек каждый день вступает в правоотношения, реализовывает свои права, а вместе с ними и юридические обязанности. В самом общем смысле ожидание представляет «образ будущего, который либо трансформируется со временем в действительность, либо нет» [3, с. 32], иными словами, не все ожидания, первоначально формиру-

емые в сознании человека, реализуются в будущем. Возникает логический вопрос, а как определить, сбудутся ли они в будущем или нет? Ответ достаточно простой – никак, возможно только выявить вероятность наступления ожидаемых изменений и в соответствии с этими изменениями определенного положения вещей в будущем. То есть, опираясь на сформированные ожидания, составить прогноз наступления определенных событий и соответствующих им последствий, который всегда строится на оценке вероятностей их наступления. Вероятность реализации ожиданий представляется возможным определить, используя теории адаптивных и рациональных ожиданий. Если ожидания рациональны, то с большей вероятностью они сбудутся в будущем, данное правило действует и в обратном направлении. Рациональность играет важную роль при формировании ожиданий в правовой сфере, поскольку человек определяет линию поведения, соответствующую его ожиданиям, таким образом если они носят иррациональный (ошибочный) характер, то его действия в правоотношениях могут повлечь наступление неблагоприятных последствий. Следует подчеркнуть, что неблагоприятные последствия не всегда носят юридический характер, поэтому сопоставлять данные понятие будет неправильно. Они могут выражаться лишь в том, что сформированные ожидания не реализуются, как на это надеялся субъект правоотношений, но данный факт наступления юридических последствий не влечет, поскольку правовая безграмотность субъекта лишает сформированные им ожидания законного основания. Таким образом, рациональность как признак присущ правовым ожиданиям, который дает возможность отграничить правовые ожидания от неправовых. Данное обстоятельство обосновывается тем, что на первый взгляд может показаться, что ожидания носят правовой характер, поскольку субъект при их формировании обращался к действующему законодательству, но неправильное уяснения смыслового содержания норм в случае не реализации ожиданий не влечет юридических последствий, лишая ожидания рациональности и, как следствие, правового характера.

Для определения рациональности ожиданий с точки зрения уяснения правовой информации, на основании которой они формируются, необходимо субъектов правоотношений условно разделить на две группы:

1. Субъекты правоотношений с высшим образованием;
2. Субъекты правоотношений со средним образованием.

Вышеприведенная стратификация, с одной стороны, обуславливается необходимостью использования технических приемов при написании статьи – построение логической структуры изложения научного материала, а также для упрощения и более наглядно-

го анализа рациональности ожиданий у разных субъектов правоотношений, с другой – тем, что «для любого человеческого общества характерен неравный доступ к ресурсам, к источникам информации...» [3, с. 134], а также разное образование или его отсутствие влияет на правильное понимание смыслового содержания одной и той же правовой информации, а также определяет способность быстро в ней ориентироваться, в силу чего разные субъекты правоотношений формируют ожидания в отношении одной и той же ситуации или последствий, но в одном случае ожидания будут носить правовой (рациональный), а в другом – неправовой характер.

Для определения рациональности ожиданий у разных субъектов правоотношений представляется целесообразным использовать теории рациональных и адаптивных ожиданий, которые позволяют определить преобладание в них опыта прошлых лет (адаптивные ожидания) или понимание правовой действительности (рациональные ожидания). Важно отметить, что содержание ожиданий субъектов правоотношений не будет в чистом виде представлено рациональными или адаптивными ожиданиями, поскольку в процессе их формирования субъекты всегда будут учитывать события и наступившие правовые последствия, имевшие место в прошлом, поэтому в статье акцентируется внимание на выявлении преобладания рациональности или адаптивности в ожиданиях с точки зрения правильного понимания правовой действительности в целом, в том числе имевшей место в прошлом, и смыслового содержания норм права, в частности, после чего возможным будет сделать вывод о правовом или неправовом их характере.

1. Субъекты правоотношений с высшим образованием в большинстве своем обладают правовой грамотностью, пониманием процессов, происходящих в правовой сфере общественной жизни. Круг их общения чаще всего составляют лица, имеющие непосредственное отношение к правотворческой или правоприменительной деятельности и обладающие соответствующими правовыми знаниями. Данные субъекты имеют доступ к многочисленным информационным ресурсам для отслеживания актуальной правовой информации и изменений в праве, прогнозируемых в будущем. Среди них преобладающее число читающих деловую прессу (Российская газета, Собрание законодательства Российской Федерации) и смотрящих каналы, освещающие правовую информацию (например Закон ТВ, НТВ Право), а также использующих для поиска необходимой информации различные сообщества юридического характера в социальных сетях. Также они могут использовать свое окружение, в котором преобладают лица, чья деятельность носит профессио-

нально-юридический характер, для получения необходимой информации в области права и углубления понимания юридических процессов. Данная информация носит частный характер, доступ к которой ограничен у остальных субъектов правоотношений в силу отсутствия соответствующих деловых связей. Также они обладают навыками быстрого поиска информации и развитым аналитическим мышлением, в силу чего им проще ориентироваться в информационном пространстве и отделить главную (необходимую) информацию от второстепенной. Субъектам правоотношений с высшим образованием в связи с возможностью доступа к более полной информации, и заблаговременного доступа к той информации, которая еще публично не обнародована, легче проанализировать текущие, а также грядущие изменения в праве и спрогнозировать с большей вероятностью наступление ожидаемых последствий, что свидетельствует о преобладании рациональности в ожиданиях и точности строящихся на их основе прогнозах. Поэтому возможно сделать предположение, что ожидания, формируемые рассматриваемой категорией субъектов, носят правовой характер, поскольку основываются на правильном понимании правовой действительности и уяснении смыслового содержания норм права, к которым они апеллируют.

2. Субъекты правоотношений со средним образованием имеют общее представление о процессах, происходящих в правовой жизни государства, в связи с чем уровень их правовой грамотности ниже, чем у представителей с высшим образованием. Навыками быстрого поиска информации и аналитическим мышлением они обладают, но соответствующие среднему образованию знания не позволяют это делать также оперативно, как предыдущей категории субъектов, в связи с чем им сложнее ориентироваться в информационном пространстве. От уровня правовых знаний зависит правильное восприятие правовой информации, которая содержится в нормах права, а поскольку содержанием сознания рассматриваемой категории субъектов являются общие представления о правовых процессах, у них могут возникнуть трудности в понимании смыслового ее содержания и привести к дальнейшему ее искажению. У субъектов правоотношений со средним образованием критическое мышление, выражающееся в способности ставить под сомнение поступающую информацию из различных информационных ресурсов, развито хуже, чем у предыдущей категории субъектов, поэтому они склонны ее воспринимать «на веру», особенно, если адресантом информации выступает авторитетный источник (СМИ, политический деятель, известный юрист). Данные субъекты имеют доступ к многочисленным информационным ресурсам для отслеживания

информации юридического характера, но в отличие от представителей с высшим образованием их заинтересованность в самостоятельном ее изучении в целях углубления правовых знаний ниже. Получение заблаговременного доступа к информации частного характера вызывает у них трудности из-за отсутствия соответствующих деловых связей, выступающих ее первоисточником. Данное обстоятельство лишает их возможности проанализировать грядущие изменения в праве и наступление соответствующих последствий, а отсутствие правовых знаний и преобладание общих представлений о правовой действительности могут привести к искажению смыслового содержания норм права, поэтому формируемые ожидания и прогнозирование основываются на опыте прошлых лет, который на текущий момент времени может быть неактуален, что свидетельствует о преобладании адаптивности в их ожиданиях. Преобладание адаптивности в ожиданиях над рациональностью обосновывается тем, что пробелы в правовых знаниях и неполноту полученной правовой информации они компенсируют, обращаясь к правовому опыту прошлых лет. Ожидания данной категории субъектов в большинстве случаев носят неправовой характер, поскольку их адаптивность является следствием отсутствия соответствующих правовых знаний, а также возможностей получения полной правовой информации.

Несомненно, есть субъекты правоотношений, обладающие достаточным уровнем правовой грамотности для правильного понимания правовой действительности не смотря на среднее образование, поэтому выводы, сделанные в статье, не являются персонализированными и категоричными и допускают исключения.

Таким образом, от уровня правовых знаний и навыков ориентироваться в правовой действительности зависит правильное понимание смыслового содержания нормы права и правового опыта, имевшего места в прошлом, оказывающее влияние на рациональность ожиданий субъектов правоотношений.

Список литературы:

1. Грибов Д. Е. Социальные ожидания в регуляции социального поведения личности в современном российском обществе: дис. ... канд. филос. наук. Майкоп, 2016. 148 с.
2. Райзберг Б. А. Современный социэкономический словарь. М.: ИНФРА-М, 2009. 628 с.
3. Тычинский Д. В. Влияние социальных ожиданий на процесс инфляции в России: дис. ... канд. социол. наук. М., 2010. 183 с.

Право на забвение в системе естественных прав в цифровую эпоху

Аннотация

Естественные права человека, гарантируемые международными и национальными правовыми актами, в процессе политического, экономического, научного развития общества могут как уточняться, так и дополняться новыми актуальными идеями, учитывая предшествующий исторический опыт.

В условиях существования и развития в новой принципиально отличной реальности, где господствуют цифровые технологии, претерпевают изменения все аспекты общественных отношений, требующие соответствующие обновления правовой сферы. Цифровизация общественных отношений привела к появлению новых естественных прав человека, которые по своей природе имеют отличия от традиционных прав, но неразрывно с ними связанных, – цифровых прав. К такому праву относится право на забвение.

Ключевые слова и словосочетания: естественные права; право на забвение; цифровизации; право на неприкосновенность частной жизни; персональные данные.

В условиях погружения общества в цифровую среду очень сложно сохранить многие аспекты частной жизни приватными. Человек оставляет значительное количество информационных следов практически ежедневно, что приводит к ситуации, когда персональные данные оказываются во всеобщем, открытом доступе. Особенно актуально в отношении информации, связанной с биометрическими данными, фотографиями, адресными и иными личными данными, историями финансовых операций. Абсолютно любая информация, попавшая в цифровую среду, с технической точки зрения остается там навсегда, – Интернет помнит все. Размещенные данные в сети Интернет активно могут использоваться кем угодно, и не всегда с благими намерениями: работодатели в целях изучения профес-

сиональной и личной характеристики потенциального сотрудника, маркетинговые площадки – для выяснения потребностей и интересов покупателей, рассылки рекламы товаров, представители средств массовой информации, банковских организаций, а также злоумышленники. Таким образом, восприятие человека окружающим миром, его деловая репутация, безопасность – все чаще зависят от информации, которая содержится о нем в информационном пространстве.

С целью обеспечения защиты персональных данных от их свободного распространения и последующего использования возникла концепция права на забвение (*The right to be forgotten*), основные положения которой известны правовой науке достаточно долгое время. Так, например, ст. 8 Хартии Европейского Союза 2012/СЗ26/02 гласит о праве каждого на защиту персональных данных, доступа к ним и праве на их исправление [1], а содержание Директивы Европейского Союза о защите персональных данных 95/46/ЕС 1995 г. отражает общую концепцию права на забвение [2]. Косвенное отражение указанного права можно обнаружить в латиноамериканских приказах *Хабеас дата*, которые предоставляли право требовать доступа к документам, содержащим информацию о лице, а также исправлять неточности [3, с. 154]. Согласно французскому законодательству отбывший наказание имеет возможность оспорить публикацию или информацию в ином виде о содеянном преступлении или сроке заключения. Аналогичная практика существует в Германии [4]. Несмотря на существующие нормы международное признание и распространение право на забвение связано с прецедентным делом «Марио Костех Гонсалес против Google» в 2014 г. Право на забвение предполагает обращение лица к поисковым системам (Google, Яндекс, Mail.ru, Yahoo и пр.) с требованием об исключении из поисковых систем ссылки на личную информацию, ведущие на сайты третьих лиц при наличии оснований, указанных в нормативно правовых актах [5].

На сегодняшний день право на забвение закреплено в ряде международных и национальных нормативных актах и признано судебной практикой (Аргентина, Турция, Бразилия, Сербия, страны ЕС и др.). При рассмотрении таких запросов поисковые системы должны оценивать информацию по критериям точности, уместности и избыточности, а также общественной ценности. Таким образом, право на забвение не абсолютно на том основании, что хранение информации о лице может быть легитимно, если преследует аналитические, научно-исследовательские, политические и иные социально важные цели.

В Российской Федерации право по ограничению свободного доступа к информации личного характера реализуется с 1 янва-

ря 2016 г. посредством внесения поправок в Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об Информации, информационных технологиях и о защите информации» (ст. 10.3).

Реализация указанного права одновременно с позитивным обязательством в отношении защиты персональных данных порождает ряд проблем. Основная сложность реализации права на забвение связано с невозможностью технически удалить информацию из сети Интернет, поскольку сведения постоянно копируются с одного ресурса на другой. Данные, единожды попавшие в цифровое пространство, не могут быть стерты бесследно. Достаточно удаления ссылок на информацию из поисковой системы, чтобы доступ к ней стал затруднителен со стороны неограниченного круга лиц [6, с. 21].

Еще одна проблема связана с определением критерия общественной значимости и значимости информации в будущем. Даже если на данный момент информация не представляет особой важности, то можно только предположить, как отразится исключение данных в последующем. Или как быть, когда запросы об удалении ссылок на неактуальную информацию из общего доступа приходят от врачей, которые требуют удалить запросы на ресурсы с негативными отзывами. Другой пример связан с данными, относящимися к группе лиц (фотография, статья), один из которых требуется удалить информацию из общего доступа. Возникает вопрос, чье волеизъявление подлежит исполнению [7, с. 21]? В каждой конкретной ситуации необходимо соотносить интересы личности, общества и государства, поэтому приоритетная задача права на забвение видится в нахождении баланса между правом на неприкосновенность частной жизни, правом на свободу слова и доступности информации.

Проблема объективной оценки отнесения информации к достоверной, неактуальной также относится к вопросам реализации права на забвение. Такой деятельностью самостоятельно занимается другое частное лицо – оператор поисковой системы, который принимает на себя не свойственные функции правоприменительных органов или суда. В отсутствии четких критериев указанной деятельности и мер воздействия возможно автоматическое, субъективное или недостоверное исключение данных по требованию заявителя. По этой причине по статистике поисковых систем Google, Яндекс наблюдается высокая доля отказов в исполнении требований обращающихся лиц [8]. Анализ судебной практики по делам, связанными с ограничением свободного доступа к информации личного характера, свидетельствуют об отсутствии полноценной правоприменительной практики.

В заключении можно сделать вывод, что появление права на забвение вызвано закономерным результатом развития право-

отношений в цифровом пространстве. Цифровизация не порождает принципиально отличных по природе естественных прав, лишь создает иные возможности для их реализации и порождает новые угрозы. Скорее общепризнанные и фундаментальные права обрастают актуальными характеристиками, подстраиваясь под повсеместное внедрение цифровых технологий. Непростая задача мирового сообщества и отдельных государств состоит в обеспечении и защите естественных прав в цифровую эпоху, предполагающих поиск действенных правовых решений, соответствующих реальным возможностям и ограничениям.

Список литературы:

1. Хартия основных прав ЕС. URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:12012P/TXT> (дата обращения: 14.12.2022).
2. Директива ЕС 95/46/EC от 24.10.1995. URL: <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=CELEX:31995L0046:en:HTML> (дата обращения: 14.12.2022).
3. Варламова Н. В. Цифровые права — новое поколение прав человека? (окончание) // Труды Института государства и права РАН / Т. 14. № 5. С. 141–167.
4. Джеффри Розен в Stanford Law Review. Право на забвение. 2012. URL: <https://www.stanfordlawreview.org/online/privacy-paradox-the-right-to-be-forgotten/> (дата обращения: 18.12.2022).
5. Европа получила «право на забвение» // Право.ру. 2014. URL: <https://pravo.ru/interpravo/practice/view/105053> (дата обращения: 19.12.2022).
6. Гончаров И. В. Новые векторы в развитии естественных прав человека // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2019. № 6 (74). С. 18–23.
7. Михайлов С. В. Что такое право на забвение? // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2017. № 17. С. 19–25.
8. Запросы на удаление контента на основании европейского законодательства о конфиденциальности. URL: https://transparencyreport.google.com/euprivacy/overview?delisted_urls (дата обращения: 27.12.2022).
9. Холостов К. М. Направления и проблемы внедрения в деятельность органов внутренних дел технологий искусственного интеллекта и робототехнических систем // Искусственный интеллект на страже полиции : сборник статей Международной научно-практической конференции. М., 2021. С. 71–78.

Факторы, обуславливающие особенности становления и развития советской юридической науки

Аннотация

В статье исследованы факторы, обуславливающие проблемы и особенности становления юридической науки; представлены отечественные и зарубежные правоведы, чей вклад в российское правоведение является наиболее значимым; обозначены факторы формирования и развития теоретической юриспруденции (потребности общества и государства в справедливом праве, а также необходимость систематизации действующего законодательства).

Ключевые слова и словосочетания: наука; юридическая наука; история юридической науки; правоведение; развитие советской юридической науки; советская правовая наука.

Формирование юридической науки проходило не просто и неопределенно. Значимое место в развитии юридической науки занимали выдающиеся ученые, правоведы и мыслители, которые внесли неопределимый вклад как в отечественную, так и мировую юридическую науку. Некоторые ученые-правоведы считали, что самым продуктивным периодом был период реального социализма после 1961 г., охарактеризовавшийся, к примеру, увеличением интереса к вопросам философии науки, динамичным развитием сферы правовой науки, а также возрастанием научных трудов в области юриспруденции, чему в значительной мере способствовало благополучное использование специальных и частных способов юридической науки.

Таким образом, в результате методов социально-правового исследования были осуществлены организация и реализация изучения эффективности норм права. Это послужило фундаментом для научного доказательства результатов о продуктивности норм права и производства определенного прогресса тех из них, в которых были обнаружены недочеты. Благодаря исследованию положи-

тельной и негативной практики существующих норм зарубежного опыта методом сравнительной юриспруденции отечественная наука в значительной степени увеличила информационное пространство. Использование вычислительной, в частности, электронной техники тоже содействовало формированию и прогрессу в советской правовой науке.

Достаточно существенно осмысление создателями новой парадигмы своего эффективного несоответствия прежней эпохи. Имеется в виду не только новый взгляд на юриспруденцию, но и принципиально новую основу понимания юриспруденции в совокупности с правоприменительной практикой и законодотворчеством.

По мнению А. Я. Вышинского, буржуазной науки не существует, если не относить к науке совокупность произвольных конструкций, состоящих из научной фразеологии. Подобное явление вне сомнения в капиталистическом мире существует, однако не существует науки, способной такой называться в истинном смысле слова, несмотря на то что «... среди "научного" буржуазно-правового "мусора" выделяются работы перечня примечательных выдающихся правоведов, буржуазных ученых, но которые разделяют судьбу всей буржуазной науки. Их работы, так же, как и вся буржуазная наука, бесплодны, вроде библейской смоковницы» [1, с. 191–285].

С точки зрения П. А. Стучки вся юриспруденция является знанием дел божественных и человеческих, наукой права и справедливости без исключения ее направления как социологического, так и социалистического, которая заключается в убогих формулах, переживает колебания относительно вопроса на предмет принадлежности к научному [5].

Необходимо отметить, что важной особенностью являются аргументы принципа парадигмы, в соответствии с которым конкретная область знания позиционировала себя как наука. Ключевую роль в научной парадигме играл принцип научности, который служил ориентиром логике признания или опровержения различных законов в качестве научных положений, а также логике методологического подхода к исследованию, претендующего на право называться научным.

Правовая наука является формой существования юриспруденции в рамках определенного исторического времени, например, эпохи Нового времени. Следует обратить внимание на то, что право, как таковое, имело место или как искусство добра и справедливости, или трактовалось с точки зрения божественного закона (до Г. Гроция). Но именно понимание права как науки дает возможность применять юридическое знание в идеи парадигм.

Кроме того, понимание права в рамках гуманитарной науки обозначило вопросы, затрагивающие условия научного знания – именно это изучается в советский период. Вопрос, содержащийся в основе новой парадигмы, был сформулирован максимально предметно, то есть был направлен на установление того, что конкретно делает науку наукой, а также на природу научного понимания в какой-либо сфере гуманитарного знания, чем, собственно и является юриспруденция. Именно с учетом такого положения и зарождался вопрос об основе права.

В рамках этого принципа вполне допустимы уточнения абсолютно любого фундаментального определения, сужение и расширение последнего. Вместе с тем на первоначальном этапе это очень четко видно в отличие от этапа сформированной парадигмы. Такое положение дел является причиной жесткой полемики на предмет понимания права в 20–30-е гг. XX в. между А. Я. Вышинским, М. А. Рейснером, Е. Б. Пашуканисом [4] и П. И. Стучкой.

Эта полемика не являлась противостоянием теорий, она скорее носила характер дискуссии в пределах определяющей парадигмы. Ее принцип не подвергался сомнению, но как бы «выкристаллизовывался», обретал четкую форму ввиду вырабатывания догматики в пределах твердого толкования основных, базовых понятий.

Отметим, что роль принципа, послужившего основанием советской юридической науки, сыграло марксистское учение о социуме. Это учение носило характер производственных отношений и антагонизмов социальных классов, поэтому вопрос, затрагивающий право, заключался не только в формально-юридических рамках, что имело отношение к нормативистско-этатистскому толкованию права в качестве формы политики и деятельности государства. Пусть право сохранялось как таковое, однако наука об этом праве могла претендовать на истинное звание науки с условием, что будет являться именно системой знаний, определяющей законы, в качестве которых выступали именно законы развития общества, как они определены в марксистском учении, но не юридические законы. Соответственно, во второй половине 1920 гг. правоведы берут за аксиоматическую основу принцип, в соответствии с которым только теория, способная определить связи и зависимость преступлений от классового характера отношений в социуме, раскрыть закономерность изучаемых явлений, установить истинные законы, которые управляют развитием этих явлений, и будет непременно являться научной, то есть содержать собственно научное знание. Указанным критериям отвечает теория диалектического материализма. С учетом данного условия в советской науке имели место

самостоятельный объект, именуемый общественными отношениями, и предмет, именуемый отражением указанных отношений в правовых нормах, а также сама проблема, содержащая сферу явлений, обнаруживаемых парадигмой для изучения. Видится, что именно такой подход был использован Т. Куном при рассмотрении сути исследовательского пространства, выявляемым парадигмой с целью развития науки, то есть с целью изучения фактов, устанавливаемых эмпирическим путем. В данном случае была возможность представить само видение выявляемых фактов, остававшихся незамеченными до соответствующего момента. Эти факты были скрыты от внимания, кроме того, они не являлись фактами в другой парадигме.

Необходимо отметить, что правоведение прежде всего изучает сами формы отношений в социуме – это формы, с помощью которых, с точки зрения Маркса, люди реализовывают различные общественные отношения (например обмен товарами, отношения капитала и т. п.).

После войны значимость советской науки возросла. Роль государства и права постоянно повышалась в рамках укрепления фундамента социалистического общества. Пренебрежительное отношение к праву как к таковому, а также к его ключевым принципам были в прошлом ввиду того, что наступало время новой систематизации и кодификации советского законодательства. Этот период продолжался с конца 1950-х и до начала 1980-х гг. В это время соблюдение принципа социалистической законности – неукоснительное правило советского социума. В данном случае роль теоретической правовой науки, а также отраслевых наук возрастает. Огромное значение имеют исследования в области истории государства и права, политико-правовых учений стран, ориентированных на социалистический подход, и буржуазных государств, сравнительный анализ зарубежных государственно-правовых институтов [2, 3].

В период оттепели (1950-е годы) советская юридическая наука впервые очень деятельно изучает проблемы, касающиеся сферы обеспечения законности, защиты прав граждан в законодательных рамках, контроля и надзора в государственном управлении.

XX съезд КПСС, состоявшийся в 1956 г., в истории страны и уголовного законодательства явился неким переломным событием.

После указанного съезда партии безотлагательно началась интенсивная работа по подготовке нового уголовного законодательства, прежде сдерживавшаяся.

В Конституцию СССР были внесены демократические изменения, например восстановлено положение, касающееся компетенции союзных и республиканских органов в пределах уголовного законо-

дательства: «Конституция 1977 года зафиксировала новые формы демократии, всенародное обсуждение и референдум, а также новые гражданские права:

- на обозначение действий должностных лиц;
- на судебную защиту от посягательства на честь и достоинство;
- на критику действий государственных и общественных организаций и т. д.»¹.

В первый раз были зафиксированы права:

- на охрану здоровья, жилище;
- пользование достижениями культуры;
- свободу творчества.

Право осталось только на бумаге, несмотря на то что многие граждане страдали от произвола чиновников-бюрократов, именно поэтому необходимо подчеркнуть нижеперечисленные важнейшие тенденции в формировании советской правовой науки:

1) подчиненность советской правовой науки (как и всех социальных гуманитарных наук упомянутого периода) механизм официальным взглядов;

2) увеличивающиеся тенденции по отношению к связи юридической науки с надлежащей практикой (черта, являющаяся типичной для обозначенного периода).

Советская юридическая наука внесла немалый вклад в решение проблем, затрагивающих сферу реализации права, претворение в жизнь посредством предписаний правовых норм, обозначающих в своей основе толкования правомерного поведения субъектов общественных отношений.

Список литературы:

1. Вышинский А. Я. Основные задачи науки советского социалистического права. Доклад на I Совещании по вопросам науки советского государства и права (16–19 июля 1938 г.) // Вопросы правоведения. 2009. № 1. С. 191–285.

2. Иванов С. А. История отечественного государства и права : учебное пособие для среднего профессионального образования. М.: Юрайт, 2022. 210 с.

¹ Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик. Принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 г. URL: <https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1977.htm> (дата обращения: 03.12.2022).

3. История и методология юридической науки : учебник. М.: ИНФРА-М, 2019. 283 с.
4. Пашуканис Е. Б. Общая теория права и марксизм. Опыт критики основных юридических понятий. М., 1924. 160 с.
5. Стучка П. И. СССР и РСФСР. Советская конституция в вопросах и ответах. 12-е изд., доп. М.: Прометей, 1930. 96 с.

К вопросу о разграничении понятий «правовые последствия» и «правовые квазипоследствия»

Аннотация

Статья посвящена представляющей научный интерес в последние годы правовой категории «правовые последствия», а также отдельным аспектом ее соотношения с таким смежным феноменом, как «правовые квазипоследствия». В статье освещены отдельные признаки каждого из рассматриваемых понятий, отмечены аспекты механизма и возникновения и выявлены их общие начала и существенные различия.

Ключевые слова и словосочетания: правовые последствия; правовые квазипоследствия; правоотношения; субъективные права; юридические обязанности; адресаты правовых предписаний.

Правовые последствия – правовая категория, упоминания которой в последнее время все чаще можно встретить в законодательных актах и научной юридической литературе. Несмотря на то, что данное словосочетание фигурирует в названиях и содержаниях различных статей отечественного законодательства, юридически дефиниция данного понятия в настоящий момент не закреплена.

В связи с данным пробелом многие ученые в области теории права и даже некоторых отраслевых наук предлагают авторскую трактовку данного термина. Так, по мнению М. В. Баранова, правовые последствия – это все связанные с существованием и властной, и невластной реализацией предусмотренных правом всех прав и обязанностей либо все последствия, предусмотренные правом [1, с. 107]. Безусловно, если мы упоминаем, что последствия «правовые», то это означает, что они реализуются в рамках действующих правовых норм. Что же касается интерпретации термина «последствия», то несмотря на несущественные отличия, толковые словари трактуют их как результат, следствие чего-либо.

Стоит отметить, что зачастую в юридической литературе правовые последствия отождествляются с понятием «юридические последствия». П. В. Васильев трактует юридические последствия как результат правового регулирования, осуществляемого правовыми средствами, т. е. правовыми явлениями, обладающими определенными характеристиками и позволяющими реализовать потенциальную силу права [3, с. 14]. О. А. Красавчиков под юридическими последствиями понимает движение конкретного правоотношения, его возникновение, изменение или прекращение [7, с. 83–84]. Однако не все ученые разделяют позицию, согласно которой происходит отождествление понятий «правовые» и «юридические». Так, М. В. Баранова отмечает, что «правовые – юридические» последствия соотносятся в русле «идеальное – реально» [1, с. 107]. В своих исследованиях мы склонны больше к первой позиции, в связи с чем предлагаем считать данные понятия тождественными.

Придерживаясь авторской трактовки, предлагаем под правовыми последствиями понимать обусловленный наличием юридического факта результат преобразования общественных отношений, затрагивающий изменение правового статуса адресатов правовых предписаний.

Нельзя не отметить, что у категории «правовые последствия» существуют смежные понятия, такие как «юридическая ответственность», «правовые санкции» и «правовые квазипоследствия». Отдельные аспекты вопроса соотношения правовых последствий с ответственностью и санкциями рассмотрены нами в других исследованиях, в настоящей работе хотим уделить отдельное внимание рассмотрению правовых последствий и правовых квазипоследствий.

Поскольку единственной формой осуществления правового регулирования являются правоотношения, то, соответственно, они же являются единственной формой существования правовых последствий.

Одним из важнейших свойств правовых последствий является то, что они имеют правосубъектных адресатов. Под правосубъектностью принято понимать способность физического или юридического лица выступать субъектом правоотношений, то есть иметь и реализовывать свои права и обязанности непосредственно или через представителей. Стоит отметить, что одно и то же предписание для разных лиц может повлечь различные последствия. Так, в своем исследовании В. К. Бабаев отмечал, что санкция для одного адресата может выступать диспозицией для другого адреса, при чем иного уровня [5, с. 114].

Еще одним ключевым свойством правовых последствий является изменение динамики правового статуса адресатов правовых предписаний (в данном случае речь идет об общем правовом статусе, т. е. о субъективных правах и юридических обязанностях). Особенностью общего правового статуса выступает его унифицированность, он не зависит ни от складывающихся обстоятельств, ни от национальных особенностей политико-правовой системы. В наиболее обобщенном изложении можно отметить, что субъективные права являются мерой возможного поведения участника правоотношений, а юридические обязанности – мерой должного поведения. Возникновение субъективного права одного субъекта неукоснительно приводит к возникновению юридической обязанности у другого. Соответственно, наступление правовых последствий влечет возникновение у их адресата либо прав, либо обязанностей (в зависимости от того, являются последствия позитивными или негативными), после чего парная категория возникает у уполномоченного субъекта. Участие в данных правоотношениях уполномоченного субъекта обусловлено непосредственным участием государства в их реализации, в частности, путем применения мер государственного принуждения.

В отличие от законного интереса, являющегося составной частью специального правового статуса, реализация субъективного права обеспечена законом. Нет возможности в его обеспечении отказать со ссылкой на внутренне убеждение компетентного органа. То есть право на жизнь, право на образование, право на труд и иные субъективные права реализуются и охраняются вне зависимости от субъективного мнения и желания уполномоченного субъекта.

Согласно Большому академическому словарю, приставка «квази» трактуется через синонимичные понятия «мнимый», «ненастоящий» [2]. При изучении правовых квазипоследствий можно встретить и иное их наименование, в частности, нетипичные правовые последствия, что сразу позволяет нам понять, что механизм их наступления отличается от «типичного» процесса определенными особенностями. В настоящее время не так много исследований, посвященных данной проблематике, зачастую все они сводятся к условному разбору конкретных жизненных ситуаций и отнесению их по определенным критериям к категории «правовые квазипоследствия», то есть проводятся исследования с помощью метода индукции. Однако до настоящего времени спорным остается вопрос, касающийся реальности обеспечения высокой достоверности исследования, основанного на индуктивных выводах.

В своей монографии П. В. Васильев рассматривает следующие правовые квазипоследствия: превышение водителем транспортного средства скорости движения на величину до предела возникновения административной ответственности; выражения мнения детьми в возрасте до 10 лет; применения обязательства о явке в уголовном судопроизводстве; выставления оценок при осуществлении текущего контроля успеваемости обучающихся; занятия мест в рейтингах [3, с. 42–43]. Данные примеры нам кажутся заслуживающими внимания, но далеко не исчерпывающим перечнем существующих на настоящих момент правовых квазипоследствий.

Сами по себе юридические квазипоследствия представляют собой феномен изменения правового статуса лица, не связанного с динамикой субъективных прав и юридических обязанностей, т. е. изменения происходят с отдельными категориями, включенными в специальный правовой статус. Ряд авторов указывают, что нетипичные правовые последствия возникают в формах законного интереса и необязательной юридической предопределенности [6, с. 330]. В. Ю. Фомин отмечает, что юридические квазипоследствия, выраженные в указанных формах, выступают в качестве субсидиарных компонентов имплицитно сконструированных юридических статусов косвенных адресатов правовых предписаний [8, с. 529].

Проиллюстрировать случай возникновения правовых квазипоследствий, не прибегая к ранее указанным примерам, возможно путем демонстрации изменения динамики законного интереса. А. В. Малько определяет законный интерес как отраженное в объективном праве либо вытекающее из его общего смысла и в определенной степени гарантированное государством простое юридическое дозволение, выражающееся в стремлениях субъекта пользоваться конкретным социальным благом, а также в некоторых случаях обращаться за защитой к компетентным органам в целях удовлетворения своих потребностей, не противоречащих общественным [4, с. 62]. Несмотря на некоторую абстрактность данного определения, на сегодняшний день оно является наиболее успешным, в связи с этим мы разделяем его в рамках проводимого исследования. Так, к примеру, в случае развода супругов при наличии у них несовершеннолетних детей (а также совершеннолетних при установленных законодательством условиях) согласно семейному законодательству Российской Федерации предусмотрено, что супруг, проживающий отдельно от детей, обязан их содержать. Порядок исполнения данного обязательства может быть установлен соглашением супругов либо же в судебном порядке. При отказе одного из супругов добровольно исполнять алиментные обязатель-

ства, у второго супруга возникает право требования уплаты данных денежных средств, которое он может реализовать в рамках гражданского судопроизводства. Однако пока лицо не обратится с иском в суд, несмотря на то что у другого супруга существует юридическая обязанность, в отношении него не наступят юридические последствия. То есть в данном случае у супруга, с которым проживают дети, существует законный интерес на взыскание алиментов, который преобразуется в субъективное право только при возникновении юридического факта – подачи иска. До совершения указанного действия для супруга, не выплачивающего денежное содержание, возможно говорить лишь о правовых квазипоследствиях, поскольку существующая ситуация никак не влечет изменения его субъективных прав и обязанностей. Таким образом, можно сделать вывод, что для преобразования правовых квазипоследствий в юридические последствия также необходимо наличие юридического факта, причем отличного от того, который изначально привел к возникновению квазипоследствия.

Обобщая вышеизложенное, стоит еще раз отметить, что категория «правовые последствия» и феномен возникновения правовых квазипоследствий представляется весьма перспективным для дальнейшего изучения на современном этапе развития юридической науки. Несмотря на внешнюю схожесть проявления и наличия общих признаков возникновения последствий и квазипоследствий, они обладают существенным различием – воздействием на динамику субъективных прав и юридических обязанностей. О возникновении юридических квазипоследствий возможно вести речь лишь при наличии у адресата правовых предписаний специального правового статуса.

Список литературы:

1. Баранова М. В. Основные правовые последствия канселинга (cancel culture): содержательная и технико-юридическая специфика // Правовые последствия: теория, практика, техника : сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции (Нижний Новгород, 26–27 мая 2022 г.) / под общ. ред. В. А. Толстика. Нижний Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2022. С. 107–113.
2. Большой академический словарь. URL: <https://gufo.me/dict/bse/> Квази (дата обращения: 14.03.2022).

3. Васильев П. В. Правовые последствия и квазипоследствия: постановка проблемы соотношения явлений : монография. Ульяновск: Издатель Качалин Александр Васильевич, 2021. 72 с.

4. Малько А. В. Стимулы и ограничения в праве. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2004. 250 с.

5. Нормы советского права. Проблемы теории / под ред. М. И. Байтина, В.К. Бабаева. Саратов: Саратовский университет, 1987. 248 с.

6. Васильев П. В., Фомин В. Ю. О нетипичных правовых последствиях в системе правового регулирования конституционных правоотношений // Актуальные проблемы науки и практики: сборник научных трудов (Хабаровск, 22–24 апреля 2019 г.). Хабаровск: Дальневосточный юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2019. С. 330–336.

7. Толстик В. А. Пределы пересмотра правовых последствий // Правовые последствия: теория, практика, техника : сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции (Нижний Новгород, 26–27 мая 2022 г.) / под общ. ред. В. А. Толстика. Нижний Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2022. С. 81–91.

8. Фомин В. Ю. Нетипичные правовые последствия в механизме противодействия злоупотреблению субъективным юридическим правом на установление рейтинговых систем // Противодействие злоупотреблению правом: теория, практика, техника : сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции (Нижний Новгород, 23–24 мая 2019 г.) / под ред. В. А. Толстика, В. М. Баранова, П. В. Васильева. – Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2019. С. 529–540.

Возможность применения опыта борьбы с экономическими преступлениями в СССР для современной России

Аннотация

В статье рассматривается деятельность по борьбе с хищениями социалистической собственности и спекуляцией в России после революции. В статье предложено рассмотреть и использовать опыт прошлого для борьбы с экономическими преступлениями и делается попытка предложить конкретные методы борьбы с ними.

Ключевые слова и словосочетания: экономические преступления; хищение; спекуляция; СССР; РСФСР; Военно-революционный комитет; Чрезвычайная комиссия; ДНД; юные друзья полиции.

Экономические преступления – это та болезнь, которая постоянно мучает нашу многострадальную родину и трудно поддается лечению. О необходимости исцеления от вышеуказанной болезни думали, планировали и действовали в целях излечения как в дореволюционной России, РСФСР и СССР, так и в ныне существующей Российской Федерации.

Советская власть практически сразу после Великой Октябрьской социалистической революции в ноябре начала бороться с экономическими преступлениями.

Постановление Петроградского Военно-революционного комитета о борьбе с хищениями и спекуляцией от 10 ноября 1917 г. гласило: «Всем истинным гражданам Военно-революционный комитет постановляет: хищники, мародеры, спекулянты объявляются врагами народа. Лица, виновные в этих тягчайших преступлениях, будут немедленно арестовываться по специальным ордерам Военно-революционного комитета и отправляться в кронштадтские тюрьмы впредь до предания их военно-революционному суду. Всем общественным организациям, всем честным гражданам Военно-революционный комитет предлагает: обо всех известных случаях хищения,

мародерства, спекуляции немедленно доводить до сведения Военно-революционного комитета.

Борьба с этим злом – общее дело всех честных людей. Военно-революционный комитет ждет поддержки от тех, кому дороги интересы народа.

В преследовании спекулянтов и мародеров Военно-революционный комитет будет беспощаден.» [1, с. 54–55].

«Положение ВЦИК о Всероссийской и местных чрезвычайных комиссиях» от 28 октября 1918 г. гласит:

«Всероссийская Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности является центральным органом, объединяющим деятельность местных чрезвычайных комиссий и планомерно проводящим в жизнь непосредственную борьбу с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности на всей территории Российской Социалистической Федеративной Советской Республики.» [1, с. 203].

Во Всероссийской чрезвычайной комиссии созданы специальные отделы по борьбе со спекуляцией и по борьбе с преступлениями в государственном аппарате, превышением власти, взяточничеством. Так начиналась в СССР вышеуказанная деятельность, значение которой очень трудно переоценить и важность которой впоследствии только увеличивается.

В нынешних реалиях мы неоднократно могли наблюдать в сетевых продовольственных магазинах, как искусственно создавался дефицит на имеющиеся в большом количестве и в большом запасе виды продовольственных товаров (например, таких как сахар и др.), задерживались своевременные поставки из заполненных данным товаром складов, а впоследствии поднималась стоимость на такие товары. Это и есть спекуляция.

Проанализировав историю борьбы с экономическими преступлениями в СССР, считаем целесообразным использовать положительный опыт по следующим направлениям:

1. Привлечение сил общественности (ДНД, ОНФ, юные друзья милиции (полиции) и др.), в плотной связке с государственными органами, в том числе правоохранительными органами, для выполнения вспомогательных функций, таких как контроль за злоупотреблением в торговле (в том числе необузданная спекуляция др.).

Находясь в суровых современных реалиях только консолидируя большую часть общества, можно добиться положительных результатов.

При этом важным считаю разработку и популяризацию в СМИ, искусстве и других сферах жизни населения Российской Федерации

идеологию взамен существующей, начиная с девяностых, да и сейчас и проходящей во всех сферах жизни преобладающей идеологии верховенства материального благосостояния, которое между строк проходит во всех сферах жизни в нашей стране. При этом способы, которыми это благосостояние наживается, обычно не освящаются. Таким образом, молодежь, а также люди с отсутствием твердой системы моральных ценностей может воспринять материальные блага высшей ценностью, без оценки морального учета способов их получения. Это в свою очередь может увеличить количество экономических преступлений.

2. Конфискация имущества, которая широко использовалась в СССР. Считаем целесообразным широко использовать конфискацию в качестве наказания, при этом в целях профилактики экономических преступлений широко освещать применение данного вида наказания.

3. Кроме того, крайне необходима интенсификация дальнейшей работы по обеспечению стабильного и достойного уровня жизни населения, что в перспективе, на наш взгляд, может помочь решить и демографическую проблему, остро существующую в нашей стране. В 2022 г. в России без учета новых регионов за 2022 г. население уменьшилось более чем на полмиллиона человек.

В целом считаем, что без хорошего знания уроков прошлого и умения воспользоваться этим опытом очень сложно построить отличное настоящее и будущее.

Список литературы:

1. Из истории Всероссийской чрезвычайной комиссии 1917–1921 гг. : сборник документов. М., 1958. С. 54–55, 203.

Нормы-оговорки в российском праве как индикатор тенденций правотворчества

Аннотация

Автором анализируются современные тенденции правотворческого процесса, в том числе демонстрирующие усложнение приемов правового регулирования общественных отношений за счет таких средств, как нормы-оговорки. Рассмотрены сущностное и содержательное определение феномена «оговорка» в праве как с позиции доктрины права, так и современной правоприменительной практики и законодательства. Аргументируется вывод, что правоприменительная практика на сегодняшний день не выработала единой концепции понимания и реализации норм-оговорок в правотворчестве, что обуславливает риски правовых ошибок при их толковании и применении.

Ключевые слова и словосочетания: оговорка; норма права; правовое регулирование; правотворчество.

Юридические нормы, находясь в фокусе ключевых проблем правоведения, на протяжении всего периода их исследования эволюционировали. Менялись подходы к их рассмотрению через призму определения места в кругу иных социальных норм (политических, религиозных и иных), так и соотношения со специальными их разновидностями (исключениями, дополнениями, отсылками и пр.), при этом особенные средства фиксации правил поведения зачастую рассматривались как компоненты правового воздействия, но не относились непосредственно к типам и видам правовых предписаний, регулирующих отношения в обществе. Тем не менее, появление и последующее активное использование в нормах законодательства уточнений, дополнений, корректировок, изъятий, предусматривающих иной – отличный от общеустановленного правового порядка, актуализировало обращение ученого сообщества к проблематике оговорок в целом, и норм-оговорок, в частности.

Следует отметить, что несмотря на весьма обширное количество публикаций по тематике оговорок как института международного частного права [11, с. 182–197], компонента судебной (в первую очередь интерпретационной) практики [1, с. 186–195], технико-юридического приема [4, с. 20–34], его юридическая природа исследована недостаточно. Норма-оговорка и вовсе не становилась предметом самостоятельного исследования. Имеют место единичные публикации на данный счет, и что парадоксально, обнаружить там понятие данного явления, его сущностные признаки представляется затруднительным [3, с. 49–50]. В этой связи попробуем в рамках научной публикации несколько нивелировать это упущение, углубив знания относительно феномена «норма-оговорка» в праве через призму тенденций правотворчества.

Учитывая полисемичный характер термина «оговорка», начать полагаем уместным с ее краткого семантического анализа. Это необходимо еще и в свете того, что «оговорка» имеет широкий синонимичный ряд, а также омонимичное свойство. Так, слово «оговориться» употребляется в одном ряду с терминами «обмолвиться», «ошибиться», и в значении нечаянно произнесенного высказывания, незначительно допущенной ошибки речи [5, с. 37]. В русском языке как литературном, так и разговорном, за словом «оговорка» закрепилось значение произвольной лингвистической ошибки [2, с. 428]. Полагаем, что для разграничения восприятия «оговорки» как ошибки и как некоего разъяснения следует обратить внимание на его глагольные формы.

Характерно, что в словаре русского языка В. И. Даля конца XIX в. дается одно из первых толкований глагольной формы данного существительного в значении дополнительного пояснения чего-либо. Так, оговаривать – значит «объяснять наперед, ставить условие, предупредить условно» [8, с. 667]. Современные справочные источники также используют аналогичную интерпретацию термина «оговорить» через различные формы разъяснения. Например, «объяснить наперед, предупредить» [10, с. 586]. Вместе с тем необходимо иметь ввиду и омонимичное свойство данного глагола, имеющего тем не менее кардинально иное значение в понимании оклеветать, очернить, опорочить и пр. Таким образом, в рамках языка нормотворчества термин «оговорка» используется в значении разъяснительного положения, поправки к основному тексту, дополнения к ранее установленному.

Анализ норм современного российского законодательства, все чаще прибегающего к нормам-оговоркам, позволяет очертить некоторые контуры, характеризующие значение норм-оговорок в рамках тенденций правотворчества:

1) в них ярко просматривается аксиологическое значение, поскольку норма-оговорка иллюстрирует ценности государства и общества, предус-

матривая возможности для наиболее полного удовлетворения интересов субъектов. Применяя в норме оговорку, законодатель тем самым показывает, какие ценности на сегодняшний день и в ближайшей перспективе важны для государства, а каким может быть отдано факультативное значение, либо ввиду их противоречия интересам общества, они должны быть упразднены. Ценности, как известно, могут представлять собой как материальные явления внешнего мира, так и абстрактные, мыслительные категории (идеи, образы и пр.) [9, с. 259]. В нормах-оговорках выражается и оценка значимости, важности сферы правового регулирования со стороны законодателя, а впоследствии в акте применения права будет выражена и оценка со стороны адресата нормы. Кроме того, ценностное значение нормы-оговорки подкрепляется и общественным одобрением, поскольку ее конструкция исходит из реально складывающейся жизненной ситуации, обстоятельств, в которых находятся люди, оценкой гражданами нормы с точки зрения соответствия морали, духовным основам общества и пр.;

2) использованием законодателем норм-оговорок обеспечивается интеграция и систематизация различных структурных компонентов нормативного правового акта в единую совокупность предписаний, что дает доступность их понимания правоприменителем, понятность и четкость изложения. Для сообщества профессиональных юристов и граждан создается возможность применения и использования отраслевых норм (как публичного, так и частного характера), комплексного восприятия юридической терминологии. Так, нормой-оговоркой уточняют процесс регулирования сферы общественных отношений в области миграции, указывая на ориентир в виде иного нормативного правового акта или нескольких: «иностранцы граждане и лица без гражданства пользуются в Российской Федерации правами и несут обязанности наравне с гражданами Российской Федерации, кроме случаев, установленных федеральным законом или международным договором Российской Федерации»¹.

Однако в рамках предпринятой нами попытки исследования норм-оговорок мы не могли не коснуться их рискогенности. В частности, отдельные предписания подобного рода ассоциируются с дефектами правотворческого процесса, детерминирующими различного рода формы противодействия закону. Будучи наполненной абстрактным юридическим содержанием, норма-оговорка позволяет легально обойти существующую практику применения того или иного базового правового предписания [6, с. 274; 7, с. 40]. Абстрактные нормы-оговорки, не содер-

¹ Конституция Российской Федерации : принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. : с изм., одобренными в ходе общерос. голосования 1 июля 2020 г. // СПС КонсультантПлюс. (дата обращения: 08.04.2022).

жащие в себе однозначных ориентиров по установлению истинного смысла правового предписания, вынуждают правоприменителя максимально широко использовать субъективное усмотрение. Как известно, одной из наиболее неопределенных норм-оговорок выступает предписание с лексемой «и в иных случаях», при отсутствии хотя бы примерных их очертаний.

Так, в дополнение к случаям осуществления закупки у единственного поставщика¹, в рамках проводимой антикризисной политики, принята норма-оговорка, что «в период до 31 декабря 2023 г. включительно <...> могут быть установлены иные случаи осуществления закупок»². На момент исследования перечень подобных случаев не проработан, также как и организационно-правовой механизм реализации данного предписания. Учитывая распространенность мер ответственности, применяемых к государственным учреждениям в сфере закупок³, полагаем, что подобное абстрактное уточнение будет игнорироваться правоприменителем, либо детерминирует систему правовых ошибок. В этом качестве оно будет выступать средством воплощения в жизнь правового принципа целесообразности, оттеняя и подменяя принцип законности.

Тенденции правообразовательного и правоприменительного процессов высвечивают сегодня значение норм-оговорок в качестве динамичного средства установления взаимосвязи как между правовыми предписаниями различного уровня, так и компонентами одного правового установления. В этом ракурсе норма-оговорка выступает еще и детерминантом активизации правотворчества, стимулирует органы законодательства по наполнению правовой системы необходимыми уточнениями, изъятиями, дополнениями. Всесторонняя теоретико-правовая разработка вопросов таких деталей правотворчества, как использование норм-оговорок, имеет важное и непосредственное значение для достижения целей построения социального государства.

¹ О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд : Федер. закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ (в ред. от 4 ноября 2022 г.), ст. 93 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. № 14. Ст. 1652; 2022. № 45. Ст. 7665.

² О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федер. закон от 8 марта 2022 г. № 46-ФЗ (в ред. от 4 ноября 2022 г.), ч. 2 ст. 15 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2022. № 11. Ст. 1596.

³ См., например: О направлении обзора основных нарушений и недостатков, выявленных по результатам контрольных мероприятий, проведенных Минздравом России в рамках ведомственного контроля соблюдения законодательства Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд в 2021 году и в 1 квартале 2022 года : письмо Минздрава России от 19 мая 2022 г. № 22-0/И/2-8093 // СПС Консультант Плюс (дата обращения: 08.04.2022).

Список литературы:

1. Егоров А. В. Ассиметричные оговорки о разрешении споров судебная практика заменяет на симметричные // Вестник международного коммерческого арбитража. 2012. № 2 (6). С. 186–195.
2. Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка : в 3 т.: ок. 160 000 слов. М.: АСТ: Астрель, 2006. Т. 2: М-П. 1160 с.
3. Латышев Н. В., Завьялов С. О. Функции правовых оговорок // Центральный научный вестник. 2018. Т. 3. № 13 (54). С. 49–50.
4. Репьев А. Г. Конкретизация правовой нормы посредством технико-юридической оговорки (на примере словосочетания «в случае») // Журнал российского права. 2021. Т. 25. № 10. С. 20–34.
5. Словарь синонимов русского языка: в 2 т. Т. 1: А-Н / под ред. А. П. Евгеньевой. М.: ООО «Издательство Астрель»; ООО «Издательство АСТ», 2003. 680 с.
6. Сенякин И. Н., Репьев А. Г., Торчилин К. Е. Запрет на обход закона в механизме правового регулирования: историко-правовой аспект // Вестник Томского государственного университета. Томск: Томский государственный университет. 2022. № 474. С. 272–284.
7. Сухова Н. И. Обход закона как форма противодействия его реализации: попытка теоретико-правового обобщения // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2021. № 1 (56). С. 37–46.
8. Толковый словарь живого великорусского языка В. Даля. Второе изд., испр. и значит. умнож. по рук. автора. Т. 2: И-О. СПб.: Изд-ие книгопродавца-типографа М.О. Вольфа, 1881. 807 с.
9. Тугаринов В. П. Избранные философские труды. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1988. 344 с.
10. Ушаков Д. Н. Большой толковый словарь современного русского языка. М.: Альта-Принт, ООО Изд-во «ДОМ. XXI век», 2008. 1239 с.
11. Цинделиани И. А., Безикова Е. В. Налоговая оговорка как инструмент конвергенции частного и публичного правового регулирования // Вестник Томского государственного университета. Право. 2022. № 43. С. 182–197.

Проблемы соблюдения принципа тайны обращения граждан в органы государственной власти и местного самоуправления

Аннотация

Право на обращение в органы государственной власти, являясь институтом прямой демократии, позволяющим гражданам России участвовать в управлении государственными делами, обеспечивает реализацию важнейшего конституционного принципа – народовластия. Оно же представляет собой одно из основных конституционных прав граждан Российской Федерации.

Институт обращений граждан является одной из ключевых форм коммуникации человека и государства. Обеспечение права на обращение в органы публичной власти является важной задачей государства, достижению которой способствует реализация его принципов. Одним из важных принципов является «тайна обращения».

Ключевые слова и словосочетания: принципы обеспечения; тайна обращения; государственный служащий; правовой институт; исполнительская дисциплина.

Эффективное взаимодействие гражданского общества в лице граждан невозможно без процесса коммуникации (взаимодействия) со всеми органами публичной власти. Создание механизма, обеспечивающего такую возможность человеку, гражданину, объединению граждан (в том числе юридических лиц) с органами власти всех уровней является одной из приоритетных задач современности. Не случайно Президент Российской Федерации В. В. Путин¹ неоднократно на совещаниях с представителями органов государственной власти отмечал важность реакции на обращения (в том числе жалобы) граждан по различным вопросам.

¹ Бочарова С. Путин начал выдавать губернаторам списки претензий после прямой линии // Информационное приложение к газете «Ведомости». URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2017/07/06/712678-putin> (дата обращения: 05.08.2022).

Федеральный закон от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан в Российской Федерации»¹ (далее – № 59-ФЗ) составляет важную часть правового регулирования конституционного права граждан на обращение, в нормах которого закреплены принципы его обеспечения. Важнейшим из них является «тайна обращения».

Часть 2 статьи 6 № 59-ФЗ прямо запрещает разглашать любые сведения, содержащиеся в обращении, касающиеся жизни человека и гражданина, без его разрешения. Исключение составляет направление обращения в орган публичной власти или его должностному лицу в соответствии с компетенцией. Указанный запрет и вытекающий из него принцип «тайны обращения» способствует защите прав и свобод человека и гражданина. В первую очередь это касается правоохранительных органов (например органов внутренних дел) ввиду существенной доли таких обращений. Так, только в системе МВД России за 2022 г. зарегистрировано более 4 миллионов заявлений и жалоб². В своем большинстве их специфика состоит в том, что они посвящены вопросам жизни, здоровья, прав и свобод граждан, противодействия преступности, охраны общественного порядка и собственности.

Благодаря цифровизации и в целях реализации и защиты прав человека на обращение появляются различные Интернет-ресурсы – «посредники», на которых происходит учет обращений и ответов, дополнительный межведомственный контроль сроков рассмотрения, полноты информации и иные параметры. Данные мероприятия производятся в форме дублирования учетных данных (дата поступления/регистрации обращения, дата ответа, электронный образ ответа и др.). Например, справочный сетевой телефонный узел³ (далее – ССТУ.РФ), Платформа обратной связи⁴ (далее – ПОС) и многие другие. Безуслов-

¹ О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации : Федер. закон от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ (ред. от 27.12.2018). Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 12.06.2022).

² Официальный сайт МВД России. URL: https://мвд.рф/мвд/structure1/Departamenti/Departament_deloproizvodstva_i_raboti_s/Informacija_o_rassmotrenii_obrashhenij (дата обращения: 05.08.2022).

³ О мониторинге и анализе результатов рассмотрения обращений граждан и организаций : Указ Президента Рос. Федерации от 17 апреля 2017 г. № 171 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 06.04.2022).

⁴ О проведении эксперимента по использованию федеральной государственной информационной системы «Единый портал государственных и муниципальных услуг

но, данные ресурсы повышают исполнительскую дисциплину, качество рассмотрения вопросов, содержащихся в обращении, и иные аспекты работы с обращениями, что в динамике позитивно влияет на обеспечение конституционного права на обращение в целом.

Вместе с тем разработка, реализация, эксплуатация, техническое обслуживание подобных ресурсов и иные мероприятия дают возможность доступа к информации, содержащейся в обращении неопределенному кругу лиц. Особенно это касается организаций (юридических лиц), которые на правах подряда выполняют работы по технической поддержке и исправлению ошибок в ходе эксплуатации.

Они получают доступ к следующим сведениям об обращениях, авторами которых не являются: информация о факте, ходе и результатах рассмотрения обращения лица, касающихся частной жизни гражданина, а также к различным охраняемым законом видам тайн (банковская, врачебная и иные). Так, например, в соответствии со ст. 161 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации¹ закреплена тайна следствия (данные предварительного расследования, которые не подлежат разглашению).

Доступ к данной информации неуполномоченных лиц не только может привести к обнародованию таких сведений и, как следствие, несоблюдению принципа тайны обращения, но также может создать угрозу безопасности человека, общества и государства. Исходя из этого, информирование о ходе и результатах рассмотрения обращения лица, не являющегося его автором, не производится.

В этой связи доступ третьих лиц к информации об обращениях в органы публичной власти (особенно в правоохранительные органы), как и ее размещение в полном объеме на Интернет-ресурсах (ССТУ.РФ, ПОС и иных), представляет серьезную проблему обеспечения принципа тайны обращения.

(функций)» для направления гражданами и юридическими лицами в государственные органы, органы местного самоуправления, государственные и муниципальные учреждения, иные организации, осуществляющие публично значимые функции, и их должностным лицам сообщений и обращений, а также для направления такими органами и организациями ответов на указанные сообщения и обращения : Постановление Правительства Рос. Федерации от 10 ноября 2020 г. № 1802 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 47. Ст. 7519.

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 18.03.2023) // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 19.11.2022).

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что в целях контроля качества, полноты и своевременности рассмотрения обращений с одновременным соблюдением прав и свобод человека и гражданина, необходимо размещать в сети «Интернет» информацию, которая не позволит идентифицировать человека, но даст возможность осуществлять контроль, надзор и анализ (например указание только номера обращения и даты регистрации, без отображения ФИО автора), также необходимо ограничить круг лиц, имеющих доступ к обращениям граждан, но не относящихся напрямую к их рассмотрению.

**Правовые основы защиты традиционных российских
духовно-нравственных ценностей как одного
из факторов сбережения народа России**

Аннотация

Стремление Российской Федерации к укреплению суверенитета, проведению самостоятельной внешней и внутренней политики в условиях внешнего давления требуют от государства решения стратегических вопросов национальной безопасности, которые не могут быть решены на фоне убыли населения. В данной статье автор рассматривает проблему сбережения народа Российской Федерации через призму сохранения и защиты традиционных российских духовно-нравственных ценностей как одного из факторов, содействующих достижению национальных интересов государства на современном этапе.

Ключевые слова и словосочетания: сбережение народа; традиционные российские духовно-нравственные ценности; национальные приоритеты; психологическая служба.

Сбережение народа России является одним из национальных интересов государства на современном этапе, причем его обеспечение и защита осуществляется за счет концентрации усилий и ресурсов органов публичной власти, организаций и институтов гражданского общества.

Несомненно этот установленный Стратегией национальной безопасности Российской Федерации¹ национальный приоритет является развитием постулата, изложенного в п. 1 ст. 7 Конституции Российской Федерации: «Российская Федерация – социальное государство, политика которого направлена на создание

¹ О Стратегии национальной безопасности : Указ Президента Рос. Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 26.11.2022).

условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека»¹.

Что же есть «сбережение народа»?

Во время ежегодного обращения к Федеральному Собранию Российской Федерации 10 мая 2006 г. Президент России призывает сенаторов и депутатов, «отодвинув в сторону политические амбиции и не распыляя ресурсы, сосредоточиться на решении важнейших для страны проблем. И одна из них – демографическая, или, как точно выразился А. И. Солженицын, это в широком смысле "сбережение народа"»².

Необходимо отметить, что еще в Указе Президента Российской Федерации от 10 января 2000 г. № 24 «О Концепции национальной безопасности Российской Федерации» указывается на «деформацию демографического слоя общества, ослабление фундаментальной ячейки общества – семьи, снижение духовного, нравственного и творческого потенциала населения»³. О сложной демографической ситуации Президент упоминает в своем Послании Федеральному Собранию Российской Федерации в 2000 г.⁴, в связи с чем в сентябре 2001 г. принимается Концепция демографического развития Российской Федерации на период до 2015 г., которая «должна служить ориентиром для органов государственной власти, а также для органов местного самоуправления при решении вопросов, касающихся рождаемости, оказания поддержки семье, здоровья, продолжительности жизни, миграции и иных аспектов демографического развития»⁵.

В настоящее время в Российской Федерации приняты и реализуются государственные программы и федеральные проекты в рамках национальных целей развития Российской Федерации; национальные проекты (программы) и федеральные проекты, принятые

¹ Конституция Российской Федерации : принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. : с изм., одобренными в ходе общерос. голосования 1 июля 2020 г. // СПС КонсультантПлюс.

² Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации от 10 мая 2006 г. б/н. // Официальный сайт Президента России. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/23819/page/2> (дата обращения: 26.11.2022).

³ О Концепции национальной безопасности : Указ Президента Рос. Федерации от 10 января 2000 г. № 24 // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 26.11.2022).

⁴ Послание Президента Российской Федерации от 8 июля 2000 г. б/н. // Официальный сайт Президента России. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/22401> (дата обращения: 26.11.2022).

⁵ О концепции демографического развития Российской Федерации на период до 2015 года : распоряжение Правительства Рос. Федерации от 24 сентября 2001 г. № 1270 р. // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 26.11.2022).

в рамках национальных проектов по направлениям стратегического развития; приоритетные программы и проект, что несомненно оказало свое влияние на демографическую ситуацию в стране: количество населения России выросло с 143,2 млн человек в 2006 г. до 146,8 млн человек в 2017 г., однако затем опять пошло на убыль¹.

На несостоятельность предпринимаемых государством мер по сбережению народа и причины, способствующие этому, еще в 2010 г. указывает А. Г. Вишневский [1, с. 44]. По его мнению, компенсировать естественную убыль населения России и противодействовать ее демографическому упадку способно только крупномасштабное привлечение иммигрантов [1, с. 74].

Более поздние результаты исследований показывают, что преодоление демографических ограничений лишь в малой степени возможно за счет внешней миграции [8, с. 151]. В настоящее время Россия может рассчитывать в основном на миграцию из стран Средней Азии (Кыргизстана, Таджикистана, Узбекистана), в которых усиливается этнокультурная удаленность населения этих стран от России, что не позволяет рассчитывать на сравнительно легкую интеграцию мигрантов в принимающий социум, возникает социальная проблема, ставящая остро вопросы совместного общежития, диалога культур и традиций [8, с. 53].

Здесь необходимо вернуться к тому смыслу, который вкладывал в понятие «сбережение народа» А. И. Солженицын. Только лишь демографию в чистом виде, воспроизводство населения он имел ввиду?

Да, А. И. Солженицын с осуждением указывает на проводимую государством политику, когда в 1991 г. отрезанными от России остались 25 млн русскоязычных соотечественников, тогда как неконтролируемая федеральной миграционной службой в страну из Закавказья и Средней Азии хлынула волна мигрантов из объявленных суверенными государствами бывших республик Советского Союза. Но более его беспокоит «болезненный разрыв многомиллионных связей» [2, с. 531] белорусского и украинского народов с русским, притеснение «культурно, и служебно, и духовно» [2, с. 531] русскоязычного населения в Казахстане, а не просто количественная убыль населения. Поэтому он и произносит: «наша высокая и главная цель – это сбережение нашего народа, столь уже измученного. Сбережение его физического бытия, его нравственного бытия, его культуры, его традиций» [2, с. 533].

¹ Численность населения // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: <http://rosstat.gov.ru> (дата обращения: 26.11.2022).

Можно говорить о том, долгое время сбережение народа в России осуществлялось и продолжается в основном по линии сбережения «физического бытия»: из всего множества государственных программ и федеральных проектов подавляющее большинство направлено на улучшение физического здоровья населения, повышение качества и продолжительности жизни. Вместе с тем, жизнь человека определяется не только материальными факторами, а здоровье любого народа, государства, цивилизации обуславливается не только физическим, но и его нравственным, культурно-духовным состоянием. В 2020 г. в своем ежегодном Послании к Федеральному Собранию Российской Федерации В. В. Путин, говоря о сбережении и приумножении народа России, делая акцент на демографических показателях и обозначая задачи, которые необходимо решить с целью повышения количества населения России, обращается к истинному пониманию слов А. И. Солженицына о «сбережении народа», указывая на важность не только того, «сколько детей родится в российских семьях», но и «какими они вырастут, кем станут, что сделают для развития страны и какие ценности будут для них опорой в жизни»¹.

Эта идея находит свое продолжение в Указе Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», где конкретно указывается на то, что достижение целей государственной политики в сфере сбережения народа России и развития человеческого потенциала обеспечивается путем решения в том числе и такой задачи, как обучение и воспитание детей и молодежи на основе традиционных российских духовно-нравственных и культурно-исторических ценностей, объединяющих нашу многонациональную и многоконфессиональную страну².

Сегодня государство рассматривает традиционные ценности не только как основу российского общества, позволяющую защищать и укреплять суверенитет России, но и способствующую сбережению народа России и развитию человеческого потенциала³.

¹ Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации от 15 января 2020 г. 6/н. // Официальный сайт Президента России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/62582> (дата обращения: 26.11.2022).

² О Стратегии национальной безопасности : Указ Президента Рос. Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 26.11.2022).

³ Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей : Указ Президента Рос. Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 26.11.2022).

Между тем и сами традиционные российские духовно-нравственные ценности находятся под угрозой воздействия деструктивной идеологии, что ведет к ухудшению демографической ситуации в стране¹. Ярким примером этого может служить миграционный отток, впервые за несколько лет наблюдающийся в России в январе-сентябре 2022 г., составивший 36,2 тысячи человек. Число выбывших из Российской Федерации увеличилось на 323,1 тыс. человек, или в 2,5 раза, количество мигрировавших в государства – участники СНГ – на 283,1 тыс. человек (в 2,4 раза), в страны дальнего зарубежья – на 40,0 тыс. человек (в 2,6 раза)².

Думается, что часть эмигрантов как раз и составили так называемые «испугавшиеся патриоты», воспитанные в условиях отсутствия государственной идеологии³, впитавшие чуждые российскому народу идеи и ценности, превратившиеся в неких людей с «обще-человеческими» ценностями, для которых не существует понятий «Родины», «нации», «народа».

Признание на официальном уровне существования национальных интересов российского народа ставит вопрос о необходимости национально-государственной идеологии [5, с. 18]. Однако в данном случае речь идет «не о необходимости обязательной и единственной государственной идеологии, запрещенной Конституцией российского государства, а об идеологии государства как о ясном плане (концепции) его развития, основах его деятельности, соответствующих идеям, ценностям, устремлениям разных групп населения и обеспечивающих сохранность и национальную безопасность Российской Федерации» [7, с. 254].

Именно наличие в государстве национальной идеи, базирующейся на культурной и исторической составляющей национального менталитета, является, на наш взгляд, одним из факторов, содействующих сбережению народа в результате формирования государством высоконравственной личности, воспитанной в духе уважения к традиционным ценностям, мотивированной на мирное созидание

¹ Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей : Указ Президента Рос. Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 26.11.2022).

² Социально-экономическое положение России. Январь-октябрь 2022 // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: <http://rosstat.gov.ru> (дата обращения: 26.11.2022).

³ Конституция Российской Федерации : принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. : с изм., одобренными в ходе общерос. голосования 1 июля 2020 г. // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 26.11.2022).

и защиту Отечества, способной противостоять внешнему деструктивному информационно-психологическому воздействию.

Утвержденные Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, юридически закрепляя понятие «традиционные ценности» и предлагая их перечень, определяя содержание деятельности по обеспечению духовно-нравственной безопасности, конкретизируют положения правовых документов стратегически-доктринального характера, направленных на достижение национальных целей Российской Федерации¹. Таким образом, этот нормативный правовой акт является первым элементом выстраиваемой государством системы комплексного регулирования вопросов сбережения российского народа через его духовно-нравственное состояние, позволяющим в дальнейшем однозначно толковать и формировать единую правоприменительную практику в данной сфере.

В настоящее время мы уже можем наблюдать, как в рамках реализации положений Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей государственной властью во взаимодействии с институтами гражданского общества осуществляется формирование мер правового воздействия для обеспечения эффективного сохранения и укрепления традиционных ценностей. Федеральным Собранием Российской Федерации принят пакет федеральных законов: «О внесении изменений в Федеральный закон "Об информации, информационных технологиях и о защите информации" и отдельные законодательные акты Российской Федерации»² и «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях»³, устанавливающих полный запрет на размещение и демонстрацию информации, пропагандирующей нетрадиционные сексуальные отношения и (или) предпочтения, педофилию, смену пола. В целях выявления и блокировки противоправной информации регламентируется порядок мониторинга сети Интернет, внесудебный порядок включения ее в единый реестр запрещен-

¹ Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей : Указ Президента Рос. Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 26.11.2022).

² Законопроект № 217471-8 : Официальный сайт Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/217471-8> (дата обращения: 26.11.2022).

³ Законопроект № 217472-8 : Официальный сайт Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/217472-8> (дата обращения: 26.11.2022).

ной информации. Существенно ужесточаются санкции за пропаганду нетрадиционных сексуальных отношений или предпочтений, вводится административная ответственность за пропаганду смены пола, пропаганду педофилии, устанавливаются повышенные размеры административных штрафов для граждан, должностных и юридических лиц.

На рассмотрении в Государственной Думе Российской Федерации (далее — ГД РФ) находится законопроект «О внесении изменений в Федеральный закон "О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию"»¹, которым устанавливается механизм ограничения доступа детей к запрещенной к распространению среди них аудио-визуальной продукции.

Соответствующие изменения также вносятся в законы «О средствах массовой информации»², «О рекламе»³, «О государственной поддержке кинематографии Российской Федерации»⁴, «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации»⁵. На рассмотрении в ГД РФ находится законопроект «О внесении изменений в Федеральный закон "О государственном языке Российской Федерации"»⁶, направленный на защиту и поддержку русского языка как языка государствообразующего народа. Закон предусматривает совершенствование механизмов обеспечения статуса русского языка как государственного языка Российской Федерации на всей территории страны, подчеркивая объединяющую роль русского языка в едином многонациональном государстве.

Стоит отметить, что не последнюю роль в воспитании граждан России в рамках духовно-нравственных ориентаций и моральных стереотипов следует отнести деятельности психологической службы государственных органов, сотрудники которой способны создавать условия для формирования и сохранения психологиче-

¹ Законопроект № 223946-8: Официальный сайт Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/223946-8> (дата обращения: 26.11.2022).

² О средствах массовой информации : Закон Рос. Федерации от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 26.11.2022).

³ О рекламе : Федер. закон от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ // СПС КонсультантПлюс.

⁴ О государственной поддержке кинематографии Российской Федерации : Федер. закон от 22 августа 1996 г. № 126-ФЗ // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 26.11.2022).

⁵ Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации : Федер. закон от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 26.11.2022).

⁶ Законопроект № 221977-8 : Официальный сайт Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/221977-8> (дата обращения: 26.11.2022).

ского здоровья личности, прививая приоритет высших духовных ценностей над витальными, ориентируя на идеалы нравственности и соблюдение правовых норм.

В связи с этим законодателю, прежде всего, на федеральном уровне, необходимо вернуться к вопросу правового регулирования деятельности психологов. В 2014 г. на рассмотрение в ГД РФ вносился проект федерального закона «О психологической помощи населению в Российской Федерации»¹, предметом регулирования которого стали отношения, возникающие в сфере оказания психологической помощи населению, который является и сейчас остро востребованной в связи с проведением специальной военной операции России на Украине, однако был возвращен на доработку субъекту законодательной инициативы. В настоящее время считаем, будет более актуальным принятие федерального закона «О психологической деятельности в Российской Федерации», учитывающего не только оказание психологической помощи населению и организацию взаимодействия между специалистом и получателем психологической помощи, но и такие аспекты психологической деятельности, как профилактика, коррекция, просвещение и другие, направленные на формирование высоконравственной личности.

Подводя итог, можно сказать, что формируемые государством правовые основы регулирования деятельности по защите традиционных духовно-нравственных ценностей позволят укрепить общероссийскую гражданскую идентичность и российскую самобытность, межнациональное и межрелигиозное согласие на основе традиционных ценностей, что будет способствовать сбережению и приумножению народа России, развитию человеческого потенциала, поддержанию гражданского мира и согласия в стране, защите российского общества от распространения деструктивной идеологии и достижению национальных целей развития.

Список литературы

1. Вишневский А. Г. Сбережение народа или депопуляция России? : докл. к XI Междунар. науч. конф. Государственного университета – Высшей школы экономики по проблемам развития экономики и общества (Москва, 6–8 апреля 2010 г.) ; Гос. ун-т – Высшая школа экономики. М.: Изд. дом Государственного университета – Высшей школы экономики, 2010. 82 с.

¹ Законопроект № 553338-6: Официальный сайт Государственной Думы ФС РФ. URL:<https://sozd.duma.gov.ru/bill/553338-6> (дата обращения: 26.11.2022).

2. Государственная Дума : Стенограмма заседаний. Осенняя сессия. Т. 9. 21–28 октября 1994 г. М.: Известия, 1995. 639 с.
3. Денисов Н. Г. Культурно-идеологическая основа российской цивилизации: исторические уроки и будущее государственности: сборник: материалов Всероссийской научно-практической конференции «Цивилизационный путь России: культурно-историческое наследие и стратегия развития // Сетевое научное рецензируемое издание «Журнал института наследия». 2018/2(13). С. 1–8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturno-ideologicheskaya-osnova-rossiyskoy-tsivilizatsii-istoricheskie-uroki-i-budushee-gosudarstvennosti> (дата обращения: 26.11.2022).
4. Мельникова Н. В. Духовно-нравственное назначение психологического сопровождения // Мир науки, культуры, образования. 2015. № 2 (51). С. 300–303.
5. Мусаелян Л. А. К вопросу об отсутствии в России государственной идеологии // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2022. Вып. 55. С. 6–21.
6. Овчинников А. И. Национальная безопасность и традиционные духовно-нравственные ценности: вопросы законодательного обеспечения // Вестник юридического факультета ЮФУ. 2022. Т. 9. № 1. С. 35–42.
7. Пастухов Т. Ю. Государственная идеология или идеология государства: к постановке вопроса // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2018. № 2. С. 252–258.
8. Сбережение населения России: проблемы, задачи, пути решения : научный доклад / под ред. академика РАН Б.Н. Порфирева. М.: Артик Принт, 2022. 168 с.
9. Современный российский реализм: теория и практика : антология : в 10 томах / Клуб «Реалисты»; [ред.-сост.: М. А. Барина и др.]. М.: Клуб «Реалисты», 2007. 22 см. Т. 9: Сбережение нации – стратегическая цель и первоочередная задача российского государства. Т. 9. М., 2012. 349 с.
10. Ченцов А. В. Сбережение народа – важнейшая функция Российского государства // Современные исследования социальных проблем. 2011. 2 (06). С. 175–181.

Линейный и нелинейный подходы к изучению развития государства

Аннотация

В статье рассматриваются линейный и нелинейный подходы к изучению развития государства. Приведены ключевые признаки и особенности каждого из них. Выделяются достоинства и недостатки подходов. Анализируется новый интегративный подход к изучению развития государства.

Ключевые слова и словосочетания: тип государства; типология государств; развитие государства, линейный подход, нелинейный подход.

Одним из актуальных вопросов общественного развития является проблема направленности исторического процесса. Интерес к изучению данной темы возник еще в период античности, а в настоящее время он только усилился в связи с кризисами и трансформациями, происходящими в обществе. Осмысление данной проблематики связано с двумя подходами к изучению развития государства: линейным (стадийно-поступательным) и нелинейным (культурологическим и цивилизационным). Стоит отметить, что исторически первой появилась идея нелинейности общественного развития, когда были выявлены циклические природные процессы, перенесенные человеком на общественное развитие.

Главной целью исследования подобных эволюционных процессов является поиск общих закономерностей возникновения и функционирования государства, а также его специфики на разных исторических этапах. Роль этого социального института, цели, задачи и условия функционирования имеют прямую взаимосвязь с обществом в целом, что обуславливает рассмотрение развития государства в совокупности с развитием общества.

Линейный подход определяет развитие государства и общества, с одной стороны, как поступательное движение и восхождение

ние к более совершенному состоянию (прогресс), а с другой стороны, нисхождение к более простым состояниям (регресс). В данном подходе выделяют общие стадии развития, сменяющие друг друга, которые характерны для всех государств.

Сущность данного подхода характеризуется следующими признаками: объективные закономерности развития государства носят всеобщий характер; развитие государства происходит от низкой к более высокой ступени развития (или наоборот); за основу выбирается один превалирующий фактор (как правило, фактор экономического развития); каждый этап общественного прогресса и движения общества выступает моментом продолжения предшествующего этапа, причем линейные процессы частично поглощают свойства предшествующих этапов и в итоге развивают и обогащают их.

Сторонники нелинейного подхода рассматривают функционирование каждого государства как собственный, уникальный и неповторимый путь. Развитие государства не имеет однонаправленного характера, и в его истории имеются периоды зарождения, подъема и падения. На изменения общества и государства воздействуют различные факторы: демографические, географические, политические, экономические и другие, поэтому каждое государство и процесс его развития необходимо рассматривать как самостоятельный и неповторимый исторический путь.

Нелинейный подход характеризуется следующими чертами: изучение развития государства происходит комплексно. В центре внимания – совокупность всех черт того или иного государства (культурных, нравственных, экономических, социальных и т. д.).

Линейный подход развития государства и общества представлен различными теориями, рассмотрим некоторые из них: теорию эволюции Л. Моргана; теорию общественно-экономических формаций К. Маркса и Ф. Энгельса; эволюционную теорию Г. Спенсера; теорию стадийного роста У. Ростоу; теорию эволюции государства Л. Е. Гринина.

Основой теории эволюции Л. Моргана является развитие средств производства и выделяются три фазы: дикость, варварство, цивилизация. Теория основывается на том, что существует единый прогрессивный путь развития. Во времена дикости люди пользовались примитивными орудиями труда для собирательства пищи (лук, копья, огонь). На стадии варварства происходит приручение животных, освоение металла и изготовление из него инструментов, освоение ирригации земель. Стадия цивилизации характеризуется появлением классового общества и государства, письменности, разнообразных орудий труда.

Теория общественно-экономических формаций К. Маркса и Ф. Энгельса рассматривает развитие государства как процесс смены исторических типов общества, основывающихся на типах производства. Выделяют следующие формации: первобытное государство; рабовладельческое государство; феодальное государство; капиталистическое государство; социалистическое государство [3].

В эволюционной теории Г. Спенсера развитие государства и общества осуществляется линейно. Эволюция представляется основополагающим движущим фактором развития общества и государства и характеризуется следующими признаками: усилением неравенства труда, власти и имущественного положения; разделением общества на группы и классы; увеличением аппарата управления государством [11].

Теория У. Ростоу описывает пять стадий роста государства: традиционное государство; стадия создания предпосылок для подъема (переходное государство); стадия подъема; стадия быстрого созревания (индустриальное государство); век массового потребления (постиндустриальное государство) [6].

В теории Л. Е. Гринина о трехэтапной системе эволюции государства выделяются: раннее государство; развитое государство; зрелое государство. Понятие «раннее государство» характеризует форму аграрно-ремесленного общества, которое определяет основные направления: внешнюю политику, социальный и общественный порядок. Следующей ступенью выступает развитое государство, обладающее централизацией власти и развитостью социальных институтов. Зрелое государство является самой развитой структурой, присущей индустриальному обществу. Характеризуется отделенной от населения организацией власти, обладающей суверенностью, верховностью, развитым аппаратом принуждения и легитимностью [1].

Нелинейный подход развития общества и государства представлен следующими теориями: концепция культурно-исторических типов Н. Я. Данилевского; цивилизационный подход А. Тойнби; «морфология культуры» О. Шпенглера.

Ярким примером нелинейного подхода считается концепция культурно-исторических типов отечественного историка Николая Яковлевича Данилевского, в основе которой лежит идея о том, что народы «нарождаются, достигают различных степеней развития, стареют, дряхлеют и умирают». В истории развития человечества Н. Я. Данилевский выделил десять культурно-исторических типов, характеризующихся наличием единого языка, политической независимостью и способностью к духовному развитию [2]. Труды

Н. Я. Данилевского не теряют своей актуальности в настоящее время, что подтверждает его исторический вклад в разработку вопросов культурно-исторических типов.

В свою очередь, нелинейным выступает цивилизационный подход Арнольда Тойнби. По его мнению, цивилизация представляет собой устойчивую общность людей, имеющих общие духовные традиции, образ жизни, географические и исторические рамки. Существуют цивилизации основные и локальные. Главное отличие основных цивилизаций заключается в том, что они являются наиболее крупными и оставляют след в истории человечества. Основные цивилизации оказывают прямое или косвенное влияние на более малые цивилизации. Локальные цивилизации, как правило, замыкаются в национальных рамках. К основным цивилизациям относятся: шумерская, вавилонская, минойская, эллинская (греческая), китайская, индусская, исламская, христианская. Локальных цивилизаций в истории человечества насчитывается около 30 (американская, русская, византийская и другие) [8]. Перечисленные локальные цивилизации обладают своей уникальной историей, но занимают гораздо меньшие территории.

Еще одним примером нелинейного подхода возможно назвать концепцию «Морфология культуры», сформулированную немецким философом Освальдом Шпенглером. Указанная концепция основывается на признании близости истории общества с природной историей. О. Шпенглер выделил восемь основных великих культур в истории человечества: китайскую, вавилонскую, египетскую, индийскую, античную, византийско-арабскую, западную, русско-сибирскую. В ходе проведения сравнительного анализа возможно выделить ряд основных признаков культур: каждая из них проходит последовательные стадии развития; крупные исторические события находят отражение не в одной, а в нескольких культурах. В свою очередь, каждая культура обладает уникальными признаками, которые оказывают влияние на ее развитие. Историческое развитие культуры завершается в тот момент, когда она исчерпывает свои внутренние творческие возможности и «умирает» [9].

Основная идея концепций, раскрывающих нелинейный подход развития общества и государства, заключается в том, что исторический процесс – это функционирование и эволюция множества социальных организмов (цивилизаций), не сопоставимых друг с другом и развивающихся нелинейно. В 20-х гг. XX в. изложены идеи нелинейности социальных процессов в трудах отечественных ученых – А. Л. Чижевского (влияние солнечной активности на динамику исторического процесса), Л. Н. Гумилева (концепция этногенеза:

этапы развития человеческого общества – от рождения, расцвета и до упадка, связанные с жизнью биосферы, с космическими и биохимическими колебаниями).

Таким образом, А. Л. Чижевский и Л. Н. Гумилев рассматривали функционирование общественных процессов как путь взлетов и падений, кризисов и их преодоления. В настоящее время указанные идеи не потеряли своей актуальности и находят применение в различных сферах: экономике, политике, юриспруденции, социологии и т. д.

Подводя итог, стоит определить сильные и слабые стороны представленных концепций. Линейный подход к типологии государств позволяет увидеть общие черты поступательного исторического развития общества и государства; представляет историю как закономерный процесс. В свою очередь, не все общества и государства развиваются линейно и проходят различные стадии; линейный подход строится на выборе одного основного фактора (экономического, политического) и не учитываются духовные, культурные, демографические и иные процессы. Нелинейный подход позволяет изучать многообразие и специфичность различных государств и обществ. Большое внимание уделяется уникальным ценностям, национальным особенностям отдельных цивилизаций. При использовании нелинейного подхода затруднено исследование закономерностей развития общества. При этом ни один из приведенных подходов не отражает разносторонних процессов, влияющих на развитие государства и общества.

В XXI в. в связи с ускоряющимися социальными переменами во всех сферах жизни возникает необходимость теоретического переосмысления динамики общественного развития в рамках линейных и нелинейных теорий. Социальная реальность показала, что не существует вечных линейных закономерностей, универсальных стадий эволюции, которые можно было бы отнести ко всему обществу, состоящему из разных групп и общностей, тем более что общество стали признавать сложной системой, развивающейся с течением истории [10]. На современном этапе развития науки перспективным выступает концепция «Мир-системный подход», дающая возможность исследовать развитие обществ и государств в глобальном временном и пространственном масштабах; концепция позволяет увидеть общие черты и тенденции исторического развития; обращает внимание на причины, влияющие на ход исторического развития [4].

Список литературы:

1. Гринин Л. Е. О стадиях эволюции государства. Проблемы теории // История и современность. 2006. № 1. С. 3–44.
2. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. 2-е изд. М.: Институт русской цивилизации, 2011. 816 с.
3. Козловский А. Ю. Марксистский научно-исследовательский подход к проблематике социально-экономической типологии стран мира: теоретическое исследование // Философия хозяйства. 2017. № 4. С. 112–123.
4. Кошкарева С. Г. Мир-системный подход к всемирной истории // Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. 2019. № 2 (34). С. 7–11.
5. Разуваев Н. В. Эволюция государства: социально-антропологический и юридический аспекты: дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2017. 303 с.
6. Росту У. У. Стадии экономического роста. Некоммунистический манифест. Нью-Йорк, 1961. 242 с.
7. Семёнов Ю. И. Философия истории (Общая теория, основные проблемы, идеи и концепции от древности до наших дней). М.: Современные тетради, 2003. 776 с.
8. Тойнби А. Д. Цивилизация перед судом истории. М.: Айрис Пресс. 2003. 592 с.
9. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 1. Гештальт и действительность. М.: Мысль, 1993. 126 с.
10. Ковтунова Д. В., Попов В. В. Становление научной парадигмы: от линейной к нелинейной концепции общественного развития // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов. 2011. № 7. С. 114–117.
11. Спенсер Г. Социальная статика. Изложение социальных законов, обуславливающих счастье человечества. М.: Гама-Принт, 2013. 496 с.

Обход закона как общеправовой феномен

Аннотация

Целью проводимого исследования явилось рассмотрение обхода закона как общеправового феномена, с учетом его неоднозначного понимания в научном сообществе, на основании его признаков, которые позволяют разграничить его со смежными правовыми категориями. В результате проведенного исследования аргументирован тезис, что обход закона является самостоятельным правовым феноменом, который обладает специфическими признаками и особенностями.

Ключевые слова и словосочетания: обход закона; злоупотребление правом; правомерные действия; неправомерные действия; противоправные действия.

Развитие права и государства демонстрирует интерес ученого сообщества не только к базовым понятиям, но относительно новым категориям. В числе последних можно назвать и такой феномен, как «обход закона».

Разрешение многих споров между субъектами предполагает опору на положения законодательства, которые регулируют те или иные общественные отношения, однако не исключает действий, которые могут совершаться в обход установленных положений закона. Это может иметь противоправный характер под видом правомерного (без существенного нарушения правовых норм или отсутствия нарушения в целом).

Несмотря на активные попытки разработки понятия и содержания обхода закона в науке гражданского права, общеправовые исследования на данную тему практически отсутствуют за редким исключением таких ученых, как А. Г. Репьева, И. Н. Сенякина, К. Е. Торчилина [9], В. М. Баранова [1], А. И. Муранова [7]. Данные ученые предпринимали отдельные попытки исследовать феномен

обхода закона, например, с историко-правовых позиций, а также проблемы противодействия.

В своем большинстве ученые-правоведы указывают на то, что обход закона представляет собой действие по искажению правовых норм с целью их последующей реализации, или наоборот, исключения последней [10, с. 38]. Также достаточно распространенным является мнение, что обход закона можно определить в качестве действия, направленного на обеспечение конкретного правового предписания [2, с. 29].

Одной из немногих работ в ракурсе общей теории права, посвященной обходу закону, является исследование, проведенное Н. Ю. Ветер, который обозначает, что обход закона можно определить в качестве законной формы действий субъектов, которая по своей сущности является неправомерной и предполагает недобросовестность осуществления действия участниками правоотношений, применяемая с целью достижения конкретного результата, что может повлечь за собой нарушение прав, свобод и интересов других участников правоотношений [5, с. 184]. Мнение данного автора, конечно, заслуживает уважения, однако в целом данная позиция может быть уточнена. Данная дефиниция является более упрощенным вариантом, который не учитывает многие особенности. Н. Ю. Ветер рассматривает обход закона только с позиции недобросовестности действий субъектов, в то время как обход закона может быть совершен их правомерными действиями (бездействием), выражающимися, как правило, в пассивной деятельности субъекта. Хочу отметить, что обход закона не всегда ориентирован на результат недобросовестной цели: бывают ситуации, когда данное действие совершается ради блага, например, сохранения своего имущества либо положения. Отличить «обход закона» и легитимное поведение достаточно сложно, так как абсолютно всем известен принцип – «что не запрещено законом, то разрешено».

В. В. Белозерцева на основании анализа материалов судебной практики выделила, что обход закона представляет собой совершение проступков в обход установленных норм, процедур, требований. При этом автор отождествляет обход закона со злоупотреблением правом [4, с. 42], что является неверным, поскольку как уже было отмечено ранее, обход закона может быть реализован посредством правомерных действий (бездействия). Так, например, 28 сентября 2007 г. вышло постановление по делу Вагнер и Дж. М.В.Л. против Королевства Люксембург. В данном деле незамужняя женщина усыновила трехлетнего ребенка в Перу по законам этой страны (сами же законы Люксембурга не позволяли усыновление лицам, которые

не состоят в браке). Затем она подала иск о признании перуанского решения, чтобы установить официальное усыновление со стороны властей Люксембурга, в чем ей было отказано со ссылкой на «обход закона».

Анализ материалов судебной практики свидетельствует о том, что в качестве обхода закона могут быть оценены действия участников правоотношений, которые совершены с намерением устранить возможное воздействие закона на конкретные правоотношения или применить закон, который не может быть применен в конкретной ситуации, но по причине видимости реализации субъективного права субъектом.

В. М. Процкий, обобщая многочисленные труды правоведов, отмечает, что большинство указывают на разграничение обхода закона со злоупотреблением правом и соотношение их как общего и части, где обход закона является формой злоупотребления правом. Приводя в пример сравнение обхода закона с шиканой, автор указывает, что основное отличие обхода закона состоит в целевой направленности действий субъектов, которые при шикане сосредоточены на совершении собственных действий, а при обходе закона на самой цели их совершения [8, с. 53].

М. Г. Федюковская считает, что отсутствие законодательного определения термина «обход закона» негативным образом сказывается на всей судебной практике, поскольку суды хаотично применяют его при наличии каких-либо нарушений, без учета их детального анализа. В связи с чем автором справедливо предлагается установление критериев определения обхода закона от иных форм. При этом одним из признаков обхода закона, по мнению автора, является противоправная цель, а признание обхода закона с правомерной целью представляется абсурдным [11, с. 136], с чем нельзя согласиться. Цель будет противоправной тогда, когда она будет выражаться в нарушениях основополагающих принципов права.

Импонирующей является позиция М. С. Беловой, которая, наоборот, определяет, что обход закона может быть реализован посредством правомерных действий добросовестных субъектов, направленных на урегулирование тех или иных общественных действий. Автор считала, что в рамках обхода закона могут иметь место быть и неправомерные действия, которые влекут за собой возникновение противоправного результата [3, с. 31–32].

С учетом изложенного следует признать, что в действительности обход закона как общеправовой феномен включает в себя как противоправные, так и правомерные действия, направленные на достижение конкретной цели. Противоправность может выра-

жаться в последствиях, к примеру, нарушении прав и свобод человека и гражданина, а правомерность в отсутствии таких нарушений, пассивном исполнении правовых норм или вообще в правомерном неприятии во внимание тех или иных положений законодательства. Полное отождествление обхода закона со злоупотреблением правом представляется спорным, поскольку обход закона можно представить в качестве общего понятия, в которое и включается злоупотребление правом. К тому же с позиции лингвистики «закон» и «право» соотносятся между собой как часть и общее, что еще раз подтверждает соотношение обхода закона и злоупотребления правом, а не отождествление их.

Для выделения собственного определения такого общеправового феномена как обход закона, необходимо рассмотреть признаки, которые ему присущи.

Анализ многочисленных источников также свидетельствует об отсутствии их однозначного определения.

По мнению П. Д. Ковалевой, в числе основных признаков обхода закона можно выделить следующие: отсутствие прямого нарушения правовой нормы, но наличие искажения ее смысла; отсутствие злоупотребления правом; наличие запрета на осуществление действий, связанных с обходом закона; наличие действий, направленных на обход закона [6, с. 270].

Н. Ю. Ветер выделял следующие общие признаки обхода закона: действия возможны только в отношении предписаний закона; действия связаны с толкованием определенных правовых норм; действия являются недобросовестными и направлены на достижение противоправных целей; действия связаны с нарушением самостоятельности, усмотрения действий субъектов; действия внешне похожи на правомерные; действия предполагают нарушение прав, свобод и интересов других лиц. Автор считал, что можно также выделить и квалифицирующие признаки действий в обход закона, среди которых: совершение их за пределами определенного правового регулирования; взаимосвязь с толкованием конкретных правовых норм; наличие прямого умысла; нарушение добросовестности и пр. [5, с. 175–185].

В. В. Белозерцева считает, что поскольку обход закона может быть только неправомерным, к его основным признакам можно отнести следующие: внешняя правомерность при искажении положений закона; наличие умысла; наличие определенной нормы права; наличие некорректного результата; наличие нарушения интересов других субъектов [4, с. 10].

С учетом изложенного, принимая во внимание то, что такой феномен, как обход закона может быть и правомерной, и противоправной, представляется целесообразным под ним понимать умышленные действия правомерного или противоправного характера, направленные на достижение определенного результата, наличие которого обусловит существование правовых последствий. В качестве основных признаков обхода закона можно выделить следующие:

1. Совершение обхода закона действиями, обусловленными определенной целью при том, что результат обхода может иметь, как негативный, так и позитивный характер.
2. Возможность реализации только при наличии определенной правовой нормы.
3. Умышленность обхода закона даже при условии его правомерности.

Не отрицая существования иных точек зрения, в части понимания обхода закона только как общеправового феномена, содержащего в себе неправомерные действия, считаем, что предложенное иное понимание данной категории способствует ее современному осмыслению и формированию в последующем полноценного знания о нем и о формах противодействия ему.

Список литературы

1. Баранов В. М. Обход закона: сущность и проблемы противодействия // Противодействие злоупотреблению правом: теория, практика, техника : сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции. Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России. 2019. С. 8–34.
2. Бахштейн В. С. Обход закона как одна из форм злоупотребления правом // Закон. Право. Государство. 2020. № 3 (27). С. 29–32.
3. Белова М. С. Действия в обход закона с противоправной целью как форма злоупотребления правом // Перспективы государственно-правового развития России в XXI веке : сборник материалов Всероссийской научно-теоретической конференции адъюнктов, курсантов и слушателей вузов МВД России, аспирантов и студентов образовательных организаций, посвященной 55-летию Ростовского юридического института Министерства внутренних дел Российской Федерации. Ростов, 2016. С. 28–32.
4. Белозерцева В. В. Некоторые аспекты понятия, признаков и последствий действий в обход закона // Становление и развитие

полицейской Восточной Сибири в XVIII и начале XX вв. : сборник материалов межвузовского научно-практического семинара (посвящается 300-летию российской полиции). 2018. С. 40–46.

5. Ветер Н. Ю. Понятие, признаки и юридическая сущность обхода закона // Власть Закона. 2014. № 4 (20). С. 175–185.

6. Ковалева П. Д. Действия в обход закона: понятие и правовая природа // Актуальные проблемы современной науки: состояние, тенденции развития : сборник материалов III Всероссийской научно-практической конференции, 2019. С. 269–271.

7. Муранов А. И. Проблема «обхода закона» в материальном и коллизионном праве : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999. 272 с.

8. Процкий В. М. Обход закона как форма злоупотребления правом // Актуальные вопросы права, экономики и управления : сборник статей XII Международной научно-практической конференции: в 2 ч. 2018. С. 52–55.

9. Репьев А. Г., Сенякин И. Н., Торчилин К. Е. Запрет на обход закона в механизме правового регулирования: историко-правовой аспект // Вестник Томского государственного университета. Томск: Томский государственный университет. 2022. № 474. С. 272–284.

10. Сухова Н.И. Обход закона как форма противодействия его реализации: попытка теоретико-правового обобщения // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2021. № 1 (56). С. 37–46.

11. Федюковская М. Г. Обход закона и злоупотребление правом: к вопросу об определении объема правового понятия // Отдельные новеллы гражданского законодательства : сборник статей. 2014. С. 131–137.

Ответственность за нарушение законодательства в области персональных данных в России и Индии: сравнительный анализ

Аннотация

В данной работе был проведен сравнительный анализ законодательных актов двух государств в сфере персональных данных – России и Индии. Не смотря на то, что индийское цифровое право активно развивается, оно российскими правоведами малоизучено, в следствие сего данное направление является крайне актуальным. Выяснено, что у законодателей обеих стран примерно схожее понятие персональных данных, однако разный подход в вопросах привлечения ответственности за нарушение законодательства в области персональных данных. Например, в Российской Федерации размер штрафа за нарушение законодательства в области персональных данных значительно ниже, чем в Индии. Автор предлагает для повышения ответственности увеличить размер штрафа за указанные правонарушения.

Ключевые слова и словосочетания: цифровое право России; персональные данные; цифровое право Индии; ФЗ «О персональных данных»; конфиденциальность; Акт «Об информационных технологиях» Индии.

Информационные технологии стремительно развиваются во всем мире, что несомненно положительно в большинстве своем отражается на цивилизации. Однако у цифровизации есть и побочный эффект: стало очень сложно защитить личные данные физических лиц. В России и Индии персональные данные граждан защищают по-разному.

Для проведения сравнения ответственности за нарушение законодательства в области персональных данных в Российской Федерации и Республики Индия необходимо сравнить определения персональных данных в законодательстве России и Индии.

В Российской Федерации согласно п. 1. ст. 3 Федерального закона «О персональных данных» от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ персональные данные – это любая информация, относящаяся прямо или косвенно к определенному или определяемому физическому лицу (субъекту персональных данных)¹.

Виды обрабатываемых персональных данных подразделяются на следующие четыре категории, указанные в Постановлении Правительства Российской Федерации «Об утверждении требований к защите персональных данных при их обработке в информационных системах персональных данных»² от 1 ноября 2012 г. № 1119 (далее – Постановление № 1119). К первой категории относятся специальные данные, такие как информация о национальной и расовой принадлежности субъекта, о религиозных, философских, политических убеждениях, о здоровье и интимной жизни субъекта. Ко второй категории относятся биометрические персональные данные, которые характеризуют биологические или физиологические особенности субъекта, позволяющие его идентифицировать (например фотография или отпечатки пальцев). К третьей категории персональных данных относятся общедоступные персональные данные: сведения о субъекте, полный и неограниченный доступ к которым предоставлен им самим. К четвертой категории персональных данных относятся иные виды персональных данных [1, с. 25].

В индийском законодательстве, к сожалению, в нормативно-правовых актах нет определения понятия «персональные данные», которое необходимо в эпоху цифровизации для защиты граждан от посягательств на их права. Однако в Акте «Об информационных технологиях» от 2008 г. есть понятие «данные» (п. «о» ст. 2) – это представление информации, знаний, фактов, концепций или инструкций, которые подготавливаются или были подготовлены в установленном порядке и подлежащие обработке, находятся в процессе обработки или были обработаны в компьютерной системе или компьютерной сети и могут быть в любой форме (включая компьютерные распечатки на магнитных или оптических

¹ О персональных данных : Федер. закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 06.05.2022).

² Об утверждении требований к защите персональных данных при их обработке в информационных системах персональных данных : Постановление Правительства Рос. Федерации от 1 ноября 2012 г. № 1119 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. № 45. Ст. 6257.

носителях, перфокартах, перфолентах) или храниться внутри памяти компьютера¹.

Согласно Правилам в области информационных технологий персональные данные включают в себя примерно такой же перечень персональных данных, как и в Постановлении № 1119, а именно: фотографию человека, имя, возраст, адрес электронной почты, номер мобильного телефона, номер банковской карты и т. д. Конфиденциальные персональные данные могут включать сведения о расовом или этническом происхождении, политических взглядах, религиозных убеждениях или других убеждениях аналогичного характера, членстве в профсоюзах, физическом или психическом здоровье или состоянии, сексуальной жизни, совершении или предполагаемом совершении любого преступления, участии в любом судебном разбирательстве [6, с. 44–45].

Стоит отметить, что у индийского правительства существует три подхода по отношению конфиденциальности данных. При первом подходе данные рассматриваются как товар, который пользователь может свободно передавать кому угодно по своему желанию и государство по отношению к пользователю придерживается концепции невмешательства. При втором подходе правительство четко определяет границы предполагаемого использования данных компанией, в свою очередь компания подчиняется строгому набору правил, попытка уклониться от которых повлечет за собой штрафы или постоянный запрет их услуг. При третьем подходе конфиденциальность данных пользователя рассматривается с точки зрения национальной безопасности, и правительство предпримет любые шаги для обеспечения национальной безопасности [5, с. 294]. В российском законодательстве размер административного штрафа за нарушение в законодательства в области персональных данных невелик: в соответствии с ч. 2 ст. 13.11 КоАП РФ обработка персональных данных без согласия в письменной форме субъекта персональных данных на обработку его персональных данных в случаях, когда такое согласие должно быть получено в соответствии с законодательством Российской Федерации, влечет наложение административного штрафа на должностных лиц – от 10 тыс. до 20 тыс. руб., а на юридических лиц – от 15 тыс. до 75 тыс. руб.; разглашение информации, доступ к которой ограничен федеральным законом, лицом, получившим доступ к такой информации в связи с исполнением служебных или профессиональных обязанностей, влечет наложение административного штрафа на граждан в разме-

¹The Information Technology ACT, 2008.

ре от 500 до 1 тыс. руб.; на должностных лиц – от 4 тыс. до 5 тыс. руб. В. И. Солдатова отмечает, что размер такой ответственности не соответствует материальным и нематериальным последствиям разглашения персональных данных и информации с ограниченным доступом, с чем мы полностью согласны [3, с. 39].

В Индии штраф за нарушение конфиденциальности значительно выше. Согласно разделу 72 Акта «Об информационных технологиях» за предоставление доступа к любой электронной записи, корреспонденции, информации, документу или другому материалу любому другому лицу без согласия субъекта наказывается лишением свободы на срок до двух лет, или со штрафом, который может достигать одного лакха рупий (примерно 78 000 тыс. руб.), или с тем и другим. Согласно разделу 72 того же Акта любое лицо, включая посредника, которое при оказании услуг в соответствии с условиями законного договора, получил доступ к любому материалу, содержащему личную информацию о другом лице, с намерением или зная, что он может причинить неправомерную потерю или неправомерную прибыль, раскрывает без согласия заинтересованного лица или в нарушение законного контракта, такой материал любому другому лицу, подлежит наказанию в виде лишения свободы на срок до трех лет или штрафа в размере до пяти лакхов рупий (390 500 руб.), или и того, и другого. Штрафы, как мы можем видеть, внушительные. Но, к сожалению, нарушитель раздела 66Э («Наказание за нарушение неприкосновенности частной жизни») Акта «Об информационных технологиях», но и может быть осужден к трем годам лишения свободы, он должен будет заплатить штраф размером до двух тысяч рупий (примерно 1 500 тыс. руб.)¹.

Любое юридическое лицо, которое владеет, управляет или обрабатывает персональные данные в соответствии с разделом 43А Акта «Об информационных технологиях», несет гражданско-правовую ответственность. Этот раздел обязывает компании, собирающие и использующие персональные данные, вместе пересматривать свои договорные отношения, чтобы гарантировать, что их методы и процедуры обеспечения безопасности данных соответствуют тем, которые предусмотрены.

Поскольку в индийском уголовном законодательстве конкретно не рассматривается неприкосновенность частной жизни или конфиденциальность данных в соответствии с Уголовным кодексом Индии, ответственность за такие нарушения должна вытекать из связанных с ними преступлений. В случае кражи данных может

¹The Information Technology ACT, 2008, разд., 66Э, 72, 72А.

последовать судебное преследование за преступления, связанные с кражей, незаконным присвоением имущества или преступным злоупотреблением доверием. Например, ст. 403 УК Индии предусматривает уголовное наказание за недобросовестное присвоение или преобразование «движимого имущества» других лиц для собственного использования. Движимое имущество было определено как имущество, которое ни к чему не привязано и не является землей, а также может толковаться как включающее частные личные данные, которые хранятся на материальном носителе. Наказание за такие уголовные преступления, как и в случае злоупотребления доверием, – лишение свободы, которое может быть продлено до трех лет, или штраф, или оба наказания [4, с. 174–181].

В российском законодательстве уголовную ответственность влечет нарушение неприкосновенности частной жизни (на основании ст. 137 УК РФ), разглашение тайны усыновления (удочерения) ст. 155 УК РФ) и др. В то же время ст. 24 ФЗ «О персональных данных» устанавливает, что лица, виновные в нарушении настоящего федерального закона, несут предусмотренную законодательством России ответственность. А. М. Бахтигареев отмечает, что несмотря на тот факт, что личная и семейная тайна отвечает всем признакам персональных данных (пусть и особого рода), в действующем Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2018 г. № 46 [4] это обстоятельство не нашло отражения даже в виде отсылки к соответствующему федеральному закону [2, с. 50].

Несмотря на раздел 66Э, который, как мы полагаем, требует доработки и увеличения суммы штрафа до уровня размера штрафов разделов 72 и 72А, мы полагаем, что российским законодателем стоит перенять опыт Индии и установить за нарушение законодательства в исследуемой области хотя бы до уровня индийских штрафов. Мы полагаем, что такие внушительные суммы повысят уровень ответственности и правосознания среди населения и значительно уменьшат количество правонарушений в исследуемой области.

Список литературы:

1. Долматов, А. В., Долматов Е. А. Особенности и проблемы правового регулирования защиты персональных данных // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2018. № 3 (40). С. 53–60.

2. Бахтигареев А. М. К вопросу о криминализации деяний, нарушающих законодательство о персональных данных // Юридическая наука. 2019. № 11. С. 50–52.
3. Солдатова В. И. Защита персональных данных в условиях применения цифровых технологий // LexRussica. 2020. № 2 (159). С. 33–43.
4. Duraiswami D. R. Privacy and Data Protection in India/ Journal of Law and Cyber Warfare: Volume 6. Summer 2017. Issue 1.P. 166–186.
5. Mathur T., Sharma J., Singh R., Beg M. I. Legal Perspective on Data Protection // International journal of current science. Volume 12, Issue 2 May 2022. P. 923–927
6. Venkateshwarlu V., Legal issues on data privacy and security in cyberspace with special reference to India // International Multidisciplinary Law Journal Vol. 1 Issue Dec. 2015. P. 43–55.

Государственное принуждение как недостаточное условие действия права

Аннотация

В статье автором рассматривается государственное принуждение как недостаточное условия действия права и делается вывод о том, что помимо принуждения необходимо использовать убеждение и только в комплексе данные виды правового воздействия способны обеспечить его реальное (эффективное) действие.

Ключевые слова и словосочетания: действие права; правоотношение; нормативность; обязательность; государственное принуждение; убеждение.

Определение роли государственного принуждения в обеспечении действия права вызывает научный интерес среди ученых – теоретиков. Одни придерживаются позиции, что норма права уже содержит в себе государственное принуждение, поскольку ее регулятивное воздействие «не обеспеченное государственным принуждением, теряет качество правового», без которого норма права, «которая не подкреплена принуждением, – бессильна» [5, с. 65–68]. Е. А. Агеева считает, что «нормативность всегда несет в себе обязанность принуждения, навязывание определенной нормой эталона поведения применительно к правовому нормированию – государственного принуждения, в том числе и в форме санкций» [1, с. 21–22]. Такого же мнения придерживается С. Н. Братусь, который отмечает, что «нормативность и предполагает принуждение, без которого нормативность размывается, рамки, границы поведения стираются, от масштаба поведения ничего не остается» [3, с. 44]. Таким образом, можно сделать вывод о том, что всякое закрепленное в норме право является принудительным.

Однако некоторые теоретики права высказывают мнение о том, что отождествлять нормативность и принуждение не целесообразно, поскольку не все нормы права имеют принудительный харак-

тер. Так, В. И. Гойман указывает на то, что «первичные (исходные) законодательные установления – нормативные справки (преамбулы), дефиниции, нормативные обобщения, юридические конструкции – отнюдь не предполагают признака принудительности» [4, с. 22]. Авторы, отождествляющие нормативность с принуждением, исходят из того, что обязательность, содержащаяся в норме права, является условием принуждения, однако обязательность не всегда предполагает принудительность [4, с. 22], поэтому реализация некоторых норм права не предполагает применение государственного принуждения. Например, п. 3 ст. 38 Конституции Российской Федерации обязывает совершеннолетних, трудоспособных детей заботиться о нетрудоспособных родителях. Юридической ответственности за неисполнение указанной обязанности не предусмотрено, следовательно, не все юридические предписания, выраженные в нормативных актах, являющиеся обязательными, обеспечиваются государственным принуждением. Не подлежит сомнению, что действие права должно поддерживаться силой государственного принуждения, но не выражаться в нем. В. И. Гойман сформулировал определение, в соответствии с которым «действие права – это обусловленное социально-экономическими условиями, потребностями и интересами людей свойство (способность) права в определенной среде оказывать информативное и ценностно-мотивировочное воздействие на личность, общности людей и вследствие этого обеспечивать соответственно целям, принципам и предписаниям права правомерный характер их деятельности и поступков, достижение цивилизованными средствами фактических результатов и на этой основе способствовать утверждению реального господства права в общественных отношениях» [4, с. 45–46].

В определении автор акцентирует внимание на том, что право воздействует на ценностную составляющую личности человека, мотивируя его поступать в соответствии с правовыми предписаниями, принципами, обеспечивая тем самым правомерный характер его поведения, а не побуждает его вести себя правомерно, используя принуждение, основанное на устрашении. Принуждение возможно в случаях фактического нарушения права с целью восстановления социальной справедливости.

Однако государственное принуждение является недостаточным условием для обеспечения действия права потому, что оно распространяется на ограниченный круг субъектов, то есть на тех, кто допустил правонарушение, в отличие от убеждения, которое охватывает более широкий круг общественных отношений и оказы-

вает влияние на субъектов как до правонарушения, так и после его совершения.

В научной литературе существует множество авторских позиций по поводу понятия убеждение. Так, Л. А. Аскерова считает, что убеждение «представляет собой стимулирующее воздействие с целью побуждения лица к добровольному совершению правомерных действий, в которых заинтересованы государство и общество» [2, с. 21–22]. Автор акцентирует внимание на том, что конечной целью убеждения является побуждение лица вести себя правомерно, а сам факт правомерного поведения будет выступать результатом достижения выше обозначенной цели. Эффективность убеждения в обеспечении действия права выражается в том, что оно побуждает человека совершать действия, которые соответствуют не только интересам государства и общества, но и его собственным, поскольку их совершение не предусматривает применение мер государственного принуждения и соответствующие этим мерам правовые ограничения и имущественные лишения.

Еще одним преимуществом убеждения перед принуждением является то, что оно оказывает воздействие на субъектов правоотношений, которые намериваются, но еще не совершили правонарушение, а также на тех, которые уже совершили и наступили правовые последствия. В отношении субъектов, намеревающихся совершить правонарушение, либо тех, у которых такие намерения отсутствуют, убеждение выражается в виде профилактики противоправного поведения. В отношении субъектов, поведение которых носит общественно-опасный либо общественно-вредный характер, убеждение проявляется в их перевоспитании в целях недопущения повторного совершения правонарушения.

Таким образом, убеждение характеризуется масштабностью правового воздействия, что является достаточным условием действия права, в отличии от принуждения, воздействие которого начинается с момента совершения правонарушения. Но сделанный вывод не означает, что необходимо отказаться от государственного принуждения при обеспечении действия права, его применение необходимо в случае правонарушения. В этой связи «акцент должен быть сделан на то, что весь набор соответствующих средств не следует сводить исключительно к принудительному фактору» [4, с. 25]. Важно в применении мер государственного принуждения и убеждения найти баланс, чтобы не допустить сильный перевес в применении одного из видов правового воздействия. Поддержание баланса является достаточным условием для наиболее эффективного действия права.

Список литературы:

1. Агеева Е. А. Юридическая ответственность в государственном управлении. Социально-правовой аспект. М., 1990. 139 с.
2. Аскерова Л. А. Правовые убеждения: теоретико-правовой аспект.: автореф. канд. юрид. наук. Краснодар, 2012. 132 с.
3. Братусь С. Н. Юридическая ответственность и законность. М., 1976. 216 с.
4. Гойман В. И. Действие права. Методологический анализ. М., 1992. 181 с.
5. Козулин И. А. Принуждение в социальном регулировании: правовой аспект // Правоведение. 1985. № 3. С. 65–68.

Роль С. Ю. Витте в создании фабричной инспекции

Аннотация

В статье рассматриваются основания для создания такого государственного органа, как фабричная инспекция. Отмечена роль С. Ю. Витте в становлении и развитии института фабричной инспекции. Отмечены правовые акты, принятые для регулирования деятельности инспекторов фабричной инспекции. Проанализирована деятельность данного государственного органа.

Ключевые слова и словосочетания: фабричное законодательство; рабочие вопросы; фабричная инспекция; реорганизация; рабочее законодательство; защита прав рабочих.

На рубеже XIX–XX вв. трудовое законодательство России имело ряд особенностей. Оно формировалось за счет отдельных элементов, создавая единую систему. В частности, законы существовали для отдельных категорий предприятий и фабрик. Законодательно также закреплялись особенности труда конкретных категорий граждан – несовершеннолетних, подростков, женщин.

Принятие каждого отдельного закона начиналось с его апробации в отдельных губерниях, после чего осуществлялось их распространение по стране. Помимо основного текста в законах имелось большое количество разъяснений, выполненных циркулярами министров или указами сената.

В рассматриваемый период времени представители власти вели борьбу с рабочим движением. Делалось это двумя основными способами. Во-первых, проводились репрессии и применялись карательные меры к лидерам движений. Во-вторых, предпринимались попытки по выяснению основных причин, порождающих конфликты между работниками и работодателями. После уяснения причин правительством осуществлялось воздействие на предпринимателей для того, чтобы устранить выявленные причины.

В конце XIX и начале XX вв. в России существовала необходимость в бесперебойной работе всех заводов и предприятий, поскольку от этого зависела своевременная уплата налогов в казну государства. Однако забастовки рабочих могли приводить к долговременной остановке работы предприятия, что приводило к перебоям в налоговых отношениях.

В складывающейся ситуации защищать права рабочих стремилась фабричная инспекция. Она представляла собой государственный орган, основной задачей которого был надзор за исполнением и соблюдением рабочего законодательства. Работа данного органа должна была свести перебои в производстве к нулю, в том числе и из-за забастовки рабочих.

Основную заинтересованность в функционировании фабричной инспекции проявляло Министерство финансов, которое и принимало попытки к решению «рабочих вопросов» через фабричную инспекцию. Помимо этого обеспокоено было и Министерство внутренних дел, так как забастовки рабочих в некоторых ситуациях приводили к массовым беспорядкам, в ходе которых сотрудники могли громить здания, оборудование и выводить из строя технику.

В ходе анализа исторической литературы можно прийти к выводу, что основным врагом работодателя считали именно представителей фабричной инспекции. Рабочие же наоборот видели в данном органе единственный способ защиты своих законных прав. Именно туда они обращались со всеми своими жалобами. Фабричная инспекция должна была следить за соблюдением со стороны работодателя всех норм рабочего законодательства, а также иных условий труда и быта рабочих. Главной целью рассматриваемого государственного органа стало предотвращение конфликтных ситуаций на заводах, которые могли бы привести к забастовке среди сотрудников [1].

Немалое внимание фабричной инспекции уделялось министром финансов (1892–1903 гг.) и председателем Комитета министров (1903–1906 гг.) Сергеем Юльевичем Витте. Благодаря ему произошла реорганизация указанного органа для того, чтобы в последующем наделить их дополнительными правами и полномочиями.

В 1900 г. был издан «Наказ чинам фабричной инспекции», содержащий в себе девять глав и отражающий основные положения о фабричной инспекции, общие обязанности чинов фабричной инспекции, обязанности и права фабричных инспекторов и многие иные положения. После подписания данного акта С. Ю. Витте заявил, что «фабричным инспекторам должны быть в одина-

ковой мере близки интересы как фабрикантов, так и рабочих, ибо только в объединении этих интересов и в законосообразном понимании их заключается залог правильного хода фабрично-заводского дела» [3]. Представители фабричной инспекции должны были выстраивать свою деятельность разумно и последовательно, не нарушая при этом справедливых интересов промышленности. Они должны были обращать внимание на любое даже малейшее недоразумение среди рабочих и работодателей, а также поводов, способных привести к таковым. Действия инспекторов также должны были способствовать повышению технического уровня производства предприятия.

В ходе развития института фабричной инспекции, а такжевиду совершенствования рабочего движения на данный орган возлагалась и некая «полицейская функция». Это нашло свое отражение в циркулярах Витте, изданных 11 апреля и 5 декабря 1895 г., обязывавших чинов инспекции «следить и своевременно доводить до сведения Министерства финансов ... о нездоровых проявлениях и неустройствах на фабриках, которые могут порождать беспорядки» [4]. По итогу таких преобразований фабричных инспекторов стали приравнять к полицейским. Тогда появилось предложение о том, чтобы создать специальную фабричную полицию. Данную идею поддерживал ряд чинов. Однако поскольку С. Ю. Витте занимался активным развитием фабричной инспекции, когда был министром финансов, то в 1903 г., став главой правительства, он воспользовался своим служебным положением и оставил фабричную инспекцию в Министерстве финансов. Таким образом, он сохранил прежние функции и политику государственного органа.

В 1903 г. С. Ю. Витте ушел в отставку с поста министра финансов. Именно с этого момента работа над разработкой фабричного законодательства завершилась. 27 сентября 1905 г. было создано Министерство торговли и промышленности, которое среди прочих задач было призвано обеспечить социальный мир в русской промышленности путем реформы рабочего законодательства. В 1905 г. все дело фабричного надзора вместе с отделом промышленности было передано из Министерства финансов во вновь образованное министерство.

Деятельность фабричной инспекции можно разделить на три группы: посещение подчиненных заведений с целью ревизии и наблюдения за применением законов, рассмотрение жалоб и посредническую деятельность по приведению сторон к соглашению и, наконец, исполнение многочисленных обязанностей не имеющих непосредственного отношения к охране труда. После возло-

жения обязанностей губернских механиков на чинов инспекции постепенно двигались на задний план основные задачи инспекции, ставя на первый план посредническую деятельность и техническую функцию инспекции [2].

Резюмируя все вышесказанное, можно прийти к выводу, что роль С. Ю. Витте достаточно велика в становлении и развитии фабричной инспекции. Благодаря ему государственный орган был реорганизован с целью совершенствования полномочий представителей фабричной инспекции. Расширение функций и полномочий инспекторов фабричной инспекции осуществлялось, прежде всего, для того чтобы они могли мирным способом урегулировать конфликты между рабочими и работодателями и предотвратить появление забастовок, поскольку они нарушали своевременную уплату налогов в государственную казну.

Список литературы:

1. Смоленская О. А. История становления фабричной инспекции в Российской империи во второй половине XIX века // Вестник БГТУ имени В. Г. Шухова. 2014. № 4.
2. Шельмагин И. И. Фабрично-трудовое законодательство в России (второй половины XIX в.). М.: Госюриздат, 1947. 188 с.
3. Яковенко К. А. История разработки правовых основ охраны труда рабочих табачной промышленности в России в конце XIX – начале XX в. // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. 2015. № 3.
4. Глава 4. Политика царизма в рабочем вопросе. URL: http://www.illuminats.ru/component/content/article/8840#_edn18 (дата обращения: 26.11.2022).

Правовое регулирование медицинского освидетельствования рекрутов в российской империи в начале XIX в.

Аннотация

Статья посвящена исследованию нормативных актов, регламентирующих процедуру медицинского освидетельствования лиц, подлежащих рекрутскому набору в Российской Империи в начале XIX в. Автором выявляются предпосылки возникновения и развития данной процедуры, а также особенности правового регулирования медицинского освидетельствования лиц, подлежащих призыву на воинскую службу, в указанный исторический период.

Ключевые слова и словосочетания: медицинское освидетельствование; рекрутский набор; Российская империя; начало XIX в.; наставление.

На основании Указа Президента Российской Федерации от 21 сентября 2022 г. № 647 «Об объявлении частичной мобилизации в Российской Федерации», в соответствии с федеральными законами от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне», от 26 февраля 1997 г. № 31-ФЗ «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации» и от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» с 21 сентября 2022 г. в Российской Федерации была объявлена частичная мобилизация. В связи с этим широкую дискуссию в обществе вызвали вопросы, связанные с необходимостью медицинского обследования и освидетельствования граждан, поступающих на военную службу. В этой связи представляется особенно актуальным обратиться к богатому историческому опыту, накопленному в этой области за годы существования Российской империи.

Различные упоминания о некоторых процедурах отбора лиц, поступающих на воинскую службу, встречаются в нормативно-правовых актах начиная с XVII в. В числе первых таких актов можно упомянуть именной указ Петра I от 6 декабря 1699 г. «Об изго-

товлении служивых людей к походу и о сборе с тех, кои на службу быть не пожелают, деньгами по указанным статьям», адресованный ряду сословий, «чтобы они к его Великого Государя службе были все по спискам в готовности»¹. Однако он в большей мере определял численность подлежащих призыву, чем критерии, которым должны были соответствовать призываемые на воинскую службу.

Впервые такие критерии были детально изложены в высочайше утвержденном «Наставлении, служащем руководством врачам, при наборе рекрут находящимся» (далее – Наставление), составленном Главным по военной сухопутной части инспектором лейб-хирургом Я. В. Вилие и принятом 24 сентября 1806 г.²

Согласно прилагаемому Циркулярному отношению Министра внутренних дел к начальникам губерний, необходимость регламентирования процедуры медицинского освидетельствования рекрутов была обусловлена двумя причинами: с одной стороны, участвовавшей практикой направления в рекруты лиц, не пригодных к службе по состоянию здоровья, а с другой – симуляцией заболеваний со стороны лиц, по состоянию здоровья к службе пригодных. В связи с этим в Наставлении были перечислены критерии, предъявляемые к кандидатам на военную службу, а именно: достижение определенного возраста, надлежащий рост и соответствующее здоровье. И если установление первых двух критериев возлагалось на гражданских и военных чиновников, то установление состояния здоровья рекрута возлагалось на медицинских работников.

Во избежание злоупотреблений к производству медицинского освидетельствования помимо губернского лекаря привлекался один из членов Медицинской управы по назначению Губернатора, а в тех городах, где располагались полки или гарнизонные батальоны, к проведению медицинских освидетельствований рекрутов должны были привлекаться еще и полковой или батальонный лекари.

Для определения состояния здоровья рекрутов в Наставлении приводится перечень заболеваний, сгруппированных по трем категориям: 1) не совместимые с военной службой; 2) притворные, позволяющие избежать призыва на воинскую службу; 3) утаиваемые болезни.

Болезни, при которых рекрут признавался не способным к воинской службе, делились на: 1) душевные; 2) телесные (внутренние и наружные); 3) телесные недостатки и уродливости. При этом

¹ ПСЗРИ, собр. 1. Том 3. № 1729.

² ПСЗРИ, собр. 1. Том 29. № 22.282.

в вышеупомянутом отношении Министра внутренних дел говорилось, что чиновники, осуществляющие набор в рекруты, в случае выявления врачами какой-либо болезни, препятствующей привлечению к военной службе, должны были требовать от последних соответствующего письменного свидетельства.

К болезням душевным были отнесены глупость или дурачество, безумие, т. е. деменция и состояние, которое законодатель определил как задумчивость, понимая под этим термином два различных заболевания – меланхолию и ипохондрию. При этом глупость предлагалось выявлять неосновательностью ответов на вопросы, внешним необычайным видом лица, диким взглядом и справкой у людей, знающих больного, безумие – узнавать по нечувствительности, равнодушию ко всему, печальному взгляду и мутным глазам, а болезненную задумчивость определять по печальному виду, излишней боязливости, стремлению отдалиться от общества и забывчивости. Таким образом, болезненные состояния психики диагностировались по внешним проявлениям и соответствующему поведению. При этом отсутствие точности в определениях и формулировках способствовало широкому толкованию правовых норм и не могло гарантировать единообразия их применения.

К внутренним телесным болезням были отнесены падучая болезнь или родимец, т. е. эпилепсия, паралич различных частей тела, водяная болезнь, сухотки разного рода, в том числе маразм, атрофия, кровохаркание, чахотки различного вида, любострастная болезнь или сифилис, цинга, золотуха, явственные завалы внутренностей, застарелый почечуй или геморрой, камни в желчных путях, каменная болезнь, одышка или астма.

К наружным болезням законодатель отнес все неизлечимые и хронические воспаления, опухоли, окрепlosti и наросты мышц, артерий, вен, желез, сухожилий, связок и костей, препятствующие движению конечностей. Также к категории наружных болезней были отнесены неизлечимые язвы и свищи, застарелые вывихи и переломы, неизлечимые сыпи и раны, препятствующие движению конечностей. Сюда же отнесли рак и раковые язвы, а так же различные грыжи.

Особое внимание обращалось на наружные болезни и травмы головы, следы больших ран, нарывов, переломов и вдавливания черепа, прежде всего в связи с тем, что подобные травмы могли отразиться на состоянии головного мозга. Различные наросты, опухоли и сыпи в области головы также являлись противопоказанием к службе. Примечательным было то, что в числе болезней головы, при которых рекрут признавался не способным к воинской службе,

назывался например ковтун, или по другому колтун, т. е. воспаление сальных желез на голове, возникающее в результате нарушения условий гигиены, нерасчесывания, вшивости и т. д. Значительное внимание уделялось состоянию и здоровью лица рекрута, отсутствию различных свищей, гноетечений, состоянию полости рта.

Огромное внимание уделялось здоровью глаз и остроте зрения рекрутов. В числе заболеваний глаз, препятствующих призыву на военную службу, упоминается «темная вода» или амавроз, слепота, бельмо или катаракта, разноглазие или косоглазие, а так же близорукость, правда не упоминается в какой степени должно быть развито это заболевание, чтобы рекрут был признан не годным к военной службе.

Весьма кратко упоминаются болезни шеи и груди, в частности, опухоль щитовидной железы, различные опухоли и нарывы, затрудняющие дыхание или вызывающие удушье.

Вместе с тем весьма обширный раздел посвящен болезням мочеполового аппарата.

К телесным недостаткам и уродливостям законодатель отнес глухоту, немоту и заикание, наличие горба, искривления конечностей, хромота, нехватка пальцев на руках и ногах.

Перечисление заболеваний, препятствующих призыву на воинскую службу, сопровождалось описанием признаков, позволяющих выявить их в ходе визуального осмотра при этом какие-либо исследования, направленные на выявление скрытых болезней и патологий, не проводилось. Помимо визуального осмотра для выявления и подтверждения признаков болезни рекомендовалось применять такой метод, как испытание.

Большое значение законодатель уделит притворным болезням. В Наставлении не только был дан подробный перечень заболеваний, которые могли симулировать рекруты, но и приводились способы выявления обмана. Исходя из указанного перечня, можно сделать вывод о том, что чаще всего рекруты симулировали слабость, одышку, кровохаркание, боли во внутренних органах, хромоту, немоту, слепоту, глухоту, припадки падучей болезни и паралич. Использовались различные средства для образования подложных ран и язв, искусственных опухолей, воспалений и нагноений¹.

Вместе с тем, как видно из текста самого Наставления, помимо тех, кто пытался избежать призыва на военную службу, симулируя несуществующие болезни, были и такие, кто всячески пытался утаить имеющиеся проблемы со здоровьем и поступить на службу ради

¹ ПСЗРИ, собр. 1. Том 29. № 22.282.

своей прибыли. Согласно приведенному перечню, чаще всего рекруты пытались утаить такие заболевания, как чахотка на начальной стадии, кровохаркание, падучая болезнь, близорукость, каменная болезнь, головные боли и болезни, связанные с мочеполовой системой.

Таким образом, принятие данного нормативного документа стало важным шагом на пути повышения боеспособности вооруженных сил Российской Империи, закрепившим один из ключевых принципов их формирования, актуальный и по настоящее время.

Проблемные аспекты разграничения полномочий органов публичной власти в России

Аннотация

Статья посвящена исследованию вопросов разграничения полномочий органов публичной власти в России. Автором выделяется проблема взаимодействия и разграничения полномочий по предметам ведения между муниципальными районами и городскими поселениями.

Ключевые слова и словосочетания: публичная власть; местное самоуправление; муниципальный район; городское поселение; разграничение полномочий.

Развитие современных отношений, социальные, правовые, экономические и политические изменения побуждают к анализу и постоянному поиску оптимальных моделей организации публичной власти как важнейшего института упорядочения общественных явлений и процессов.

Модель организации публичной власти в России основана на принципах федерализма и разделения властей. Принцип разделения властей содержит в себе вертикальное и горизонтальное преломление. Основу вертикального составляет фактор разграничения полномочий между уровнями публичной власти. Принцип федерализма, в свою очередь, выражается в единстве системы государственной власти, разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и ее субъектов, а также в том, что во взаимоотношениях с федеральными органами все субъекты Федерации между собой равноправны [1, с. 134].

Государственная власть и местное самоуправление являются фундаментом организации публичной власти в России. При согласованном взаимодействии этих двух компонентов обеспечивается

функциональная и организационная самостоятельность каждого ее уровня. Конституция Российской Федерации провозглашает единство системы публичной власти, в том числе единство системы органов исполнительной власти в пределах ведения Российской Федерации и ее полномочий по предметам совместного ведения. Однако же организация публичной власти на так называемом первичном уровне в рамках осуществления местного самоуправления имеет ряд особенностей, поскольку местное самоуправление не входит в систему государственной власти, тем не менее является отдельным составляющим элементом публичной власти. Это, в свою очередь, обеспечивает функциональную самостоятельность муниципальных образований в пределах «законодательных рамок» их компетенции, а также позволяет наиболее полно обеспечить социально-экономическое развитие отдельных территорий и государства в целом.

Вместе с тем ряд проблем, связанных с организацией публичной власти на местном уровне, актуальны и на сегодняшний день. Одной из них является проблема, связанная с разграничением полномочий по предметам ведения органов местного самоуправления в России. В свою очередь она отталкивается от несовершенства системы взаимодействия между уровнями местного самоуправления. Этому способствует так называемый процесс урбанизации городов, а именно расширение и объединение их территории с территориями городских и сельских поселений в единую агломерацию. Такое объединение является позитивным фактором для городов, поскольку оно способствует росту населения, развитию инфраструктуры, транспортной сети и экономического механизма. Однако наряду с этим появляется ряд вопросов, связанных с разграничением полномочий по предметам ведения между территориями. Как правило, свою деятельность муниципальные образования в России осуществляют на базе уставов, которые определяют предметы ведения органа местного самоуправления. Вторым ключевым фактором реализации полномочий органов местного самоуправления является бюджет. Муниципальное образование не может осуществлять свою деятельность без заранее спланированного и сформированного бюджета. Так, согласно ч. 1 ст. 52 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»¹ каждое муниципальное

¹ Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации : Федер. закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ (ред. от 14.07.2022) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 92.

образование имеет собственный бюджет (местный бюджет), который может образовывать так называемые своды бюджетов городских и сельских поселений, входящих по территориальному признаку в муниципальный район, что создает консолидированный бюджет муниципального района. Законодатель, формируя данную норму, закладывает идею объединения составных частей местного бюджета для улучшения работы органов местного самоуправления городских поселений, входящих в состав муниципального района. Однако данная идея не всегда реализуется на практике. В связи с тем, что на территории муниципального района может находиться городское поселение, круг их задач может быть разным, исходя из разграничений предметов ведения, прописанных в их уставах. Например, в п. 5 ст. 8 устава Навлинского муниципального района Брянской области к вопросам местного значения Навлинского района относится дорожная деятельность в отношении автомобильных дорог местного значения вне границ населенных пунктов в границах муниципального района, осуществление муниципального контроля за сохранностью автомобильных дорог местного значения вне границ населенных пунктов в границах муниципального района, и обеспечение безопасности дорожного движения на них¹. Однако по сведениям Росреестра, данных дорог не существует, поскольку дороги, которые проходят вне населенных пунктов Навлинского района, в том числе дороги, проходящие между Навлинским городским поселением и иными поселениями Брянской области, относятся к ведению самой области. Согласно п. 5 ст. 6 Устава Навлинского городского поселения к вопросам местного значения поселения относится дорожная деятельность в отношении автомобильных дорог местного значения в границах населенных пунктов поселения. Исходя из того, что территория Навлинского городского поселения входит в состав Навлинского муниципального района, дороги, которые являются предметом ведения поселения, находятся на территории этого муниципального района². Таким образом, все дороги относятся к ведению Навлинского поселения.

¹ Устав муниципального образования «Навлинский район» (в ред. решений Навлинского районного Совета народных депутатов № 3-268 от 15 мая 2009 г., № 4-401 от 20 декабря 2013 г., № 4-413 от 11 апреля 2014 г., № 5-90 от 28 апреля 2015 г., № 5-172 от 28 декабря 2015 г., № 5-258 от 28 апреля 2017 г., № 6-62 от 28 декабря 2019 г.).

² Устав муниципального образования «Навлинского городского поселения» (в ред. решений Навлинского поселкового Совета народных депутатов № 2-342 от 13 марта 2014 г., от 28 октября 2015 г. № 3-74, от 26 апреля 2016 г. № 3-111, от 28 апреля 2017 г. № 3-157, от 31 марта 2020 г. № 4-66).

В рамках нормативно-правового регулирования вопросы разграничения предметов ведения, в данном случае относительно дорог, четко определены уставами муниципальных образований. Однако, возвращаясь к вопросу формирования бюджета, реализация полномочий Навлинского городского поселения по благоустройству и содержанию данных дорог от доходов, как показывает практика, недостаточна. В связи с этим законодательно предусмотрена особенность, которая позволяет городскому поселению на договорной основе передать часть полномочий по благоустройству дорог и иной инфраструктуры администрации муниципального района, что в свою очередь позволяет снизить бюджетную нагрузку городского поселения, поскольку так называемая расходная часть переданных полномочий возлагается на бюджет муниципального района. Однако несовершенство регулирования таких договорных отношений может привести к негативным правовым последствиям. К примеру, при попытке привлечь к административной ответственности Администрацию, например, если было установлено нарушение административного законодательства и начато производство по административному делу по ст. 12.34 КоАП РФ¹ за несоблюдение требований по обеспечению безопасности дорожного движения при строительстве, реконструкции, ремонте и содержании дорог, железнодорожных переездов или других дорожных сооружений либо непринятие мер по своевременному устранению помех в дорожном движении, по осуществлению временного ограничения или прекращения движения транспортных средств на отдельных участках дорог в случаях, если пользование такими участками угрожает безопасности дорожного движения, администрация Навлинского района может попросту сослаться на то, что дороги городского поселения не относятся к собственности района, а договорные отношения в рамках передачи полномочий муниципальному району по благоустройству и содержанию дорожно-транспортной сети поселения по своей юридической природе будут являться гражданско-правовыми. Кроме того, если договорные отношения не были установлены между субъектами местного самоуправления, в частности, муниципального района и городского поселения, при попытке привлечь к ответственности это самое городское поселение, оно может сослаться на норму ч. 4 ст. 24.5 КоАП РФ, которая исключает производство по делу об административном правонарушении в отноше-

¹ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 29.12.2022) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 1 (ч. I). Ст. 1.

нии исполнительно-распорядительного органа местного самоуправления в случае, если муниципальным образованием в соответствии с порядком и сроками вносился или направлялся проект местного бюджета о выделении бюджетных ассигнований на осуществление соответствующих полномочий в рамках реализации задач местного значения, однако при этом данные ассигнования на указанные цели не выделялись.

Формат статьи не позволяет полностью и всесторонне рассмотреть данную проблему и определить ее решение, однако отталкиваясь, на наш взгляд, необходимо от позиции отказа от статуса городских и сельских поселений, входящих по территориальному признаку в муниципальные районы, а администрации таких поселений переформировать в филиалы администрации муниципального района, которые, исходя из расположения, смогут на местах проводить оценку благоустройства территории и передавать соответствующую информацию в администрацию района.

Список литературы:

1. Киричѐк Е. В. Конституционное право России : учебник. Тюмень: Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России, 2012. С. 270–271.

Артеми́й Алекса́ндрович Кузнецов,
студент юридического факультета
Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации;

Ольга Викторовна Петрова,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент департамента
международного и публичного права
Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации

Правовой статус частных военных компаний в условиях современных прокси-конфликтов

Аннотация

В данной научной статье анализируется деятельность частных военных компаний с точки зрения современного международного гуманитарного права. Рассматривается определение частных военных компаний, а также нормативные акты, нормы которых регулируют их функционирование. Особое внимание уделяется роли частных военных компаний в условиях современных прокси-конфликтов. Обосновывается необходимость четкого регулирования их деятельности, и вместе с тем закрепления соответствующего правового статуса в международном праве.

Ключевые слова и словосочетания: частные военные компании; ЧВК; наемничество; прокси-конфликт; опосредованная война.

На современном этапе мирового развития значительно преобразуются все сферы общественной жизни. Не являются исключением и вооруженные конфликты. Технологический прогресс способствует развитию системы вооружений, все большее распространение на поле боя приобретают беспилотные летательные аппараты и квадрокоптеры. Командование в ответ на развитие оружия разрабатывает новые тактики ведения боя, преобразовываются армейские тактические единицы, и значительно повышаются требования к солдатам. В связи с последним фактором утверждается контрактная система формирования армии. О постепенном отходе от призывной системы высказался также и Президент Российской Федерации [6].

Особенную актуальность в современных условиях, особенно для армий переходного периода с недостатком квалифицированных «контрактников», становится деятельность частных военных компаний (далее – ЧВК). «Солдаты удачи» – профессиональные воины, продолжающие традиции наемников, объединяются в организации для того, чтобы предлагать свои услуги за деньги. Их «потребителями» сегодня чаще всего становятся государства: развивающиеся страны используют их для собственной защиты, развитые же страны используют их для достижения своих целей в ситуациях, когда использование собственных вооруженных сил нежелательно.

На данный момент ЧВК представляют из себя значимую силу. Так, штат самой многочисленной ЧВК – британской G4S – составляет более 800 000 человек [4]. Вместе с тем единого правового подхода к таким субъектам в рамках международного права нет. Конечно, существуют национальные подходы, в том числе и в Российской Федерации, согласно которым «работники» ЧВК признаются наемниками и несут уголовную ответственность, вместе с тем деятельность таких организаций транснациональна и представляется, что национального подхода недостаточно.

Стоит отметить, что использование различного рода наемных соединений, а именно с ними и ассоциируют ЧВК многие исследователи [3, с. 38], в вооруженных конфликтах – явление не новое. Уже в Римской империи на поздних этапах активно привлекались иностранные наемники [1, с. 9]. На закате средневековья наемники-ландскнехты доминировали над тогда традиционными рыцарскими соединениями, тем самым внося огромный вклад в развитие военного дела [5, с. 1]. Вместе с тем по мере возникновения и развития регулярных армий, а также внедрения мобилизационных мероприятий значение такого рода соединений отошло на второй план. В течение Первой и Второй мировых войн наемничество почти не применялось.

После всех разрушительных последствий войн XX в. общественное мнение стало выступать резко против вооруженных конфликтов. Именно поэтому государства стремятся не участвовать в конфликтах непосредственно, а развязывать так называемые «прокси-войны» и привлекать ЧВК.

Термин «прокси-война» в России часто используется как «опосредованная война» – международный конфликт между двумя странами, которые пытаются достичь своих собственных целей с помощью военных действий, происходящих на территории и с использованием ресурсов третьей страны, под прикрытием разрешения внутреннего конфликта в этой третьей стране [7, с. 13]. Ключевым

преимуществом для государств, развязывающих такие войны, является достижение своих целей без прямого военного вмешательства в дела государств [2, с. 11].

В условиях, когда прямое использование собственных вооруженных сил недоступно, страны привлекают ЧВК, которые и выполняют необходимые задачи за плату.

Однако несмотря на широкое распространение деятельности ЧВК по всему миру, а также сравнительно большое количество таких объединений (по некоторым данным их зарегистрировано более 700 по всему миру [3, с. 40]), их деятельность слабо представлена на международно-правовом уровне. На данный момент правовому регулированию современного наемничества посвящена ст. 47 дополнительного протокола I к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающаяся защиты жертв международных вооруженных конфликтов от 8 июня 1977 г. Согласно ее положениям, наемник – лицо, специально завербованное для участия в конфликте за рубежом. Главный мотив его деятельности – стремление получить доход. Наемники не входят в состав Вооруженных сил какой-либо стороны конфликта и, следовательно, не имеют статуса комбатанта или военнопленного.

Вместе с тем отождествление ЧВК с наемниками представляется неверным. Для того чтобы быть наемником, лицо должно соответствовать сразу всем пунктам, указанным в ст. 47 указанного выше акта [8, с. 14–16]. Так, в случае ЧВК исключается применение п. «d» ч. 2 ст. 47 Протокола I в силу того, что «...ни место регистрации ЧВОК как юридического лица, ни личное гражданство сотрудников кампании, не имеют значения для квалификаций действий ЧВОК как наемничества» [3, с. 42].

Кроме того, попытки урегулировать правовой статус ЧВК были предприняты Международным Комитетом Красного Креста. 17 сентября 2018 г. принят документ Монтрё «О соответствующих международно-правовых обязательствах и передовых практических методах государств, касающихся функционирования частных военных и охранных компаний в период вооруженного конфликта». В данном документе ЧВК признаются самостоятельными субъектами международного гуманитарного права. Закрепляется их определение: «... ЧВОК – это частные предпринимательские субъекты, которые оказывают военные и/или охранные услуги, независимо от того, как они себя характеризуют. Военные и охранные услуги включают, в частности, вооруженную охрану и защиту людей и объектов, например, транспортных колонн, зданий и других мест; техобслуживание и эксплуатацию боевых комплексов; содержание

под стражей заключенных; и консультирование или подготовку местных военнослужащих и охранников»¹. Для осуществления своей деятельности таким компаниям необходимо получить специальное разрешение, причем выдавать их предлагается не на международном, а на национальном уровне.

Документ Монтрё отдельно указывает на то, что чаще всего сотрудники ЧВК не являются наемниками, ведь они не соответствуют признакам, указанным в ст. 47 Дополнительного протокола I к Женевским конвенциям. Однако допускается, что служащие в ЧВК могут быть и наемниками при наличии всех указанных признаков. В подобных случаях они не имеют права на статус комбатанта или военнопленного.

Кроме деятельности ЧВК документ Монтрё определяет обязанности государств, использующих услуги таких организаций, а также государств, на территории которых они действуют, и государств, в которых находятся головные учреждения компаний.

Рассмотренный выше документ является одним из первых нормативных актов, в которых предпринята попытка урегулировать правовой статус ЧВК, а также обязанности их нанимателей. Однако документ Монтрё носит рекомендательный характер. ЧВК сами выбирают, придерживаться ли его принципов и норм или нет².

Другим документом, стремящимся урегулировать деятельность таких организаций, является Международный кодекс поведения частных военных и охранных компаний (далее – Кодекс). Он базируется на документе Монтрё. Сторонами, согласившимися использовать данный документ, являются не государства, а сами ЧВК. Кодекс также, как и документ Монтрё, определяет обязанности ЧВК в сфере международного гуманитарного права и прав человека. Ключевой особенностью документа является предложение о создании международной базы данных, содержащей информацию обо всех существующих на данный момент ЧВК и их сотрудниках (как действующих, так и бывших). Вместе с тем необходимо отметить, что согласие с данными правилами ЧВК необязательно, в противном же случае их ждут определенные последствия. Ранее

¹ Документ Монтрё о соответствующих международно-правовых обязательствах и передовых практических методах государств, касающихся функционирования частных военных и охранных компаний в период вооруженного конфликта. URL: <https://www.montreuxdocument.org/pdf/document/ru.pdf> (дата обращения: 05.04.2022).

² Документ Монтрё о соответствующих международно-правовых обязательствах и передовых практических методах государств, касающихся функционирования частных военных и охранных компаний в период вооруженного конфликта. URL: <https://www.montreuxdocument.org/pdf/document/ru.pdf> (дата обращения: 05.04.2022).

предлагалось не допускать заключения международных контрактов с организациями, не утвердившими Кодекс. Однако большинство стран такую инициативу не поддержали, и сейчас это правило работает только в отношении подрядчиков агентств ООН [3, с. 44].

Таким образом, основные международные документы, наиболее полным образом регулирующие деятельность ЧВК, являются для них необязательными. Поэтому в настоящее время объективно требуется общеобязательное международное урегулирование деятельности данных субъектов, ведь сейчас ЧВК представляют из себя независимые вооруженные формирования. По сути, их нанимателями могут быть не только государства и межправительственные организации, но и транснациональные корпорации, и даже международные преступные формирования. В последнем случае возникают особенно большие риски, ведь различного рода преступники (террористы, контрабандисты и другие) могут получить поддержку профессиональной военной силы и наносить еще больший ущерб интересам личности, общества и государства.

Исходя из этого, необходимо должным образом закрепить правовой статус ЧВК на уровне международного права. При этом ЧВК должны пониматься как отдельные от наемников, самостоятельные субъекты. Представляется, что за основу нормативного правового акта, регулирующего данную сферу, целесообразно взять уже упоминавшийся выше документ Монтрё, а закрепленное в нем определение ЧВК признать в качестве единого.

Кроме того, упомянутый ранее Кодекс также должен найти международно-правовое закрепление и признание обязательным для исполнения всеми ЧВК. В случае, если организация этого не делает, международному сообществу в лице государств и межправительственных организаций запрещается пользоваться ее услугами. Для определения ЧВК, принявших такой Кодекс, целесообразно сформировать специальный реестр, где будет содержаться информация обо всех подобных организациях.

В условиях современных «прокси-войн» услугами ЧВК могут пользоваться как различные транснациональные государства, так и международные преступные сообщества. Для недопущения использования таких организаций в незаконных целях предлагается ввести международное предписание, согласно которому нанимателями ЧВК могут выступать только признанные государства и органы (организации) международного сообщества.

Представляется, что частные военные компании – существующий по объективным причинам институт, во многом схожий с наемничеством, но тем не менее им не являющийся. В условиях опос-

редованных войн у заинтересованных субъектов не остается иного выхода, кроме привлечения ЧВК независимо от того, законно ли это будет или нет, именно поэтому деятельность таких компаний должна четко регулироваться нормами международного права, в полном объеме определяя их правовой статус.

Список литературы:

1. Дрязгунов К. В., Чекин С. Ю. Гвардия в поздней римской империи // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2009. № 9.
2. Капицын В.М. и др. Прокси-войны и состоятельность государств в современном мире // Социально-гуманитарные знания. 2019. № 4.
3. Меркушин В. В. О некоторых проблемах международно-правового статуса частных военных и охранных кампаниях (ЧВОК) и обоснование их отнесения к квазисубъектам транснациональной организованной преступности // Международное гуманитарное право глазами белорусской общественности : сборник материалов междунар. науч. форума. Минск, 30 окт. 2020 г. Белорус. гос. ун-т ; редкол.: Е. Ф. Довгань (гл. ред.) [и др.]. Минск: БГУ, 2020. С. 36–50.
4. Официальный сайт G4S. URL: <https://www.g4s.com/who-we-are/our-people> (дата обращения: 18.09.2023).
5. Попов А. Ю. Ландскнехты как переходное звено от рыцарской конницы Средневековья к регулярным армиям Нового времени // Студенческий научный форум : сборник материалов XI Международной студенческой научной конференции. URL: <https://scienceforum.ru/2019/article/2018011216> (дата обращения: 18.09.2023).
6. Путин: призыв в армию уйдет в прошлое // информационное агентство ТАСС. URL: https://tass.ru/armiya-i-opk/6328627?utm_source (дата обращения: 18.09.2023).
7. Andrew Mumford. Proxy Warfare // John Wiley & Sons. 2013. P. 180.
8. Hampson, «Mercenaries: Diagnosis before prescription» // Netherlands Yearbook of International Law. Vol. 3 1991.

Обязанности в структуре правового статуса

Аннотация

В данной статье рассматривается один из элементов правового статуса личности – «обязанности». Автором раскрывается взаимосвязь между обязанностями и права и свободами человека и гражданина. Проводится сравнительный анализ Конституции Российской Федерации и Конституции Республики Казахстан.

Ключевые слова и словосочетания: обязанность; права человека; правовое государство; гражданин; конституция; свобода; Россия; Казахстан.

В любом правовом государстве деятельность государства направлена на обеспечение прав человека. Для того чтобы определить место и роль правового государства, место и роль его граждан и в общем человека, обозначить рамки во взаимоотношениях между государством и человеком необходимо понимание такой юридической категории, как «правовой статус личности» [1]. Одним из элементов правового статуса личности являются его обязанности. Стабильное функционирование государства, его органов и институтов власти зависит не только от наличия и защищенности прав человека, но и от наличия взаимных обязанностей человека и государства. Исторические события и сегодняшние реалии показывают, что вседозволенность, отсутствие высокого правосознания как у общества в целом, так и у отдельных его членов как раз связано с отсутствием четкого выполнения обязанностей.

Неисполнение обязанностей ведет к деградации и развалу государства. На сегодняшний день таким элементам, как права и свободы человека и гражданина посвящено много научных работ, а вот такому элементу, как обязанности уделено внимание недостаточно, и с этим соглашаются ученые-юристы современности Б. С. Эбзеев, Ю. В. Барзилова, И. В. Коршунова.

Однако при рассмотрении обязанностей и сравнительном анализе их с правами необходимо найти баланс между правами и обязанностями, не умоляя и не завышая значимости ни одного элемента «правового статуса» личности.

Общественные отношения неоднородны, в связи с чем обязанности подразделяются на социальные и юридические. Остановимся на юридических обязанностях. Правовой статус личности характеризуется наличием как прав, так и обязанностей, и если от прав человек может отказаться, то от обязанностей нет. Таким образом, мы можем сказать, что обязанности – это правила поведения, предписания, от которых нельзя отказаться. Как правило, обязанности человека и гражданина в государстве закрепляются законодательно в демократических государствах в Основном законе страны.

Например, в Основном законе Республики Казахстан обязанности указываются в статьях 34–38¹. Касательно Российской Федерации основные обязанности рассматриваются в ст. 57–59 Конституции Российской Федерации². Обязанности в этих двух конституциях можно разделить на обязанности человека и обязанности гражданина. Определить их можно по конструкции нормы. В норме, где указано «каждый», обязанности относятся к человеку (физическому лицу), т. е. и к гражданину, и к иностранцу, и к лицу без гражданства, находящемуся на территории государства. Там же, где указано «гражданин», обязанности относятся только к гражданам конкретной страны.

Если сравнивать конституции России и Казахстана, то в обязанностях по сохранению природы и бережном отношении к природным богатствам есть разница. Конституция Республики Казахстан обязывает сохранять природу каждого гражданина, Конституция же Российской Федерации обязывает сохранять природу *каждого*. По нашему мнению это правильно, поскольку государство создает благоприятные для жизни и здоровья условия для всех людей, а сохранять природу и бережно относиться к природным богатствам должны только граждане Республики Казахстан. Мы считаем, что при составлении данной статьи законодатель не совсем удачно применил понятие «гражданин». В связи с чем назревает необходимость внесения в этой части изменения в Конституцию Республи-

¹ Конституция Республики Казахстан : принята на респуб. референдуме 30 августа 1995 г. с изм. и доп. по состоянию на 19.09.2022. URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=1005029#sub_id=0 (дата обращения: 14.11.2022).

² Конституция Российской Федерации : принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. : с изм., одобренными в ходе общерос. голосования 1 июля 2020 г. // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 14.11.2022).

ки Казахстан по аналогии с Конституцией России. По структуре конституций мы видим, что сначала законодатель в основном законе страны располагает обязанности каждого, а затем обязанности гражданина – человека имеющего политико-правовую связь с государством.

Определив условия для соответствующих отношений личности и государства, ведущих к соблюдению и сохранению интересов обеих сторон, основные обязанности выступают носителями правовых категорий. И уже их соблюдение обеспечивается всеми возможностями государства и общества воздействия на человека (правовыми и общественными). За неисполнение конституционных обязанностей возникает юридическая ответственность, которая зависит от тяжести и характера нарушения, а также к какой сфере отношений относится нарушение. Ответственность предусматривается различными отраслями права в соответствии с тяжестью совершенного деяния, таким образом применение ответственности может за собой повлечь ограничение прав человека.

Проведя анализ, можно сказать, что у личности прав больше, чем обязанностей. Однако обязанности возникают не только из пожеланий государства и закрепленных законодательно. Каждый человек имеет право требовать соблюдение его прав, а это значит, что у каждого человека возникают обязанности по соблюдению прав других людей, поэтому там, где заканчиваются права одних людей, возникают их обязанности по отношению к другим. Кроме того, нельзя рассматривать права и свободы человека отдельно от его обязанностей. Подводя итоги всему вышесказанному, мы делаем вывод, что все элементы «правового статуса» личности взаимосвязаны и не могут существовать отдельно друг от друга.

Список литературы:

1. Ладыгина О. А. Значение правового статуса личности для государства // *Advances in law studies*. Т. 10. № 4. 2022.

Историко-правовые аспекты создания и деятельности милиционных формирований в России

Аннотация

В статье рассматриваются историко-правовые особенности создания и деятельности милиционных формирований в России как в целях защиты от внешней агрессии, так и с целью охраны правопорядка. Автор обращает внимание на то, что такой социальный институт, как милиция, сохраняет актуальность и в настоящее время, что подтверждается событиями, происходящими в зоне проведения специальной военной операции на Украине.

Ключевые слова и словосочетания: милиция; милиционные формирования; государство; правоохранительная деятельность; охрана правопорядка.

Термин «милиция» пришел в русский язык из латинского языка. Исторически милицией называли вооруженные формирования, организованные в целях защиты государства от внешнего противника и состоящие не из профессиональных военных, а из народного ополчения. Служба солдата-пехотинца в Древнем Риме называлась «*militia*». Этимология слова «*militia*» имеет отношение к слову «*mille*», что переводится как «тысяча, легион». В состав милиции входило, как правило, все взрослое мужское население, способное держать в руках оружие и участвовать в военных действиях. Термин «милиция» имеет схожую этимологию с английским широко употребляемым словом «*military*», что означает «военный». Милиционные армии занимают существенное место в истории военного дела. Как правило такие армии создавались на временной основе, и их деятельность носила оборонительный характер.

На Руси до периода феодальной раздробленности вооруженные силы существовали в рамках дружинно-ополченческой системы, основу которой составляли профессиональные воины. Междоусобное противостояние князей и нашествие татаро-монголов привело

к упадку дружинно-ополченческой системы и формированию более упрощенной ополченческой, или иными словами полностью милиционной системы вооруженных сил, которые собирались только в случае войны [1, с. 486]. При милиционной системе, получившей также название поместной, основой ополчения являлся помещик, который нес службу за выделенное ему во временное пользование поместье. Помещик должен был явиться по призыву Государя вместе с вооруженными ратниками из числа крестьян, но так как помещик был связан необходимостью уделять внимание хозяйственной деятельности в своем поместье, то профессиональными качествами, которые были у свободных воинов-дружинников, он уже не обладал. При Иоанне III милиционные вооруженные силы в Русском государстве достигали численно 150 тыс. человек.

При Иване IV Грозном система поместной милиционной службы получила свое дальнейшее развитие и закрепление. Кроме того, Иван Грозный создал стрелецкое войско, которое было в военном отношении более профессиональным, но вместе с тем полностью профессиональными военными стрельцов можно считать весьма условно, так как стрельцы в мирное время занимались торговлей и иными промыслами, следовательно, оставались по характеру милиционным формированием. Кроме военной службы в мирное время стрельцы выполняли полицейские функции.

В петровскую эпоху в России была создана постоянная регулярная армия, но при этом милиционный принцип формирования вооруженных сил не был забыт. По мнению В. А. Тихонова, первое ландмилицейское формирование было создано в России в 1711 г. [2, с. 14]. 2 февраля 1713 г. был издан указ Сената, предусматривающий создание для защиты южных рубежей государства пяти ландмилиционных полков. Шесть полков ландмилиции несли службу на Украине после 1723 г. Созданная Петром I ландмилиция в Российской Империи существовала вплоть до 1775 г. и являлась поселенным войском.

Термин «ландмилиция», по мнению Л. П. Муромцевой и В. Б. Перхавко, был заимствован Петром I из Германии и Швеции [3, с. 582]. На протяжении всего XVIII в. формирования вооруженного ополчения называли «милицией» или «ландмилицией». Ратники ландмилицейских полков могли получать государственное жалование во время участия в походах; основным же источником продовольствия во время несения службы в местах постоянной дислокации являлось самообеспечение.

Дальнейшее развитие милиционные формирования получили в России в связи с изданием Манифеста Александра I от 30 ноября

1806 г. «О составлении и образовании повсеместных временных ополчений или милиции» [4. с. 892]. Численность милиционеров в соответствии с манифестом должна была составить 612 000 человек. Милиционное земское войско формировалось в период существования четвертой антифранцузской коалиции в целях усиления оборонного потенциала государства и оказания содействия регулярной армии, формируемой на рекрутской основе. В манифесте подчеркивался временный характер образуемых ополчений или милиций. Для удобства управления земским войском были предприняты соответствующие административные и организационные действия. Из 31 губернии было образовано 7 областей, в каждой из которых во главе ополчения был поставлен главнокомандующий с широким кругом полномочий. Необходимо отметить, что столь масштабное по своей численности милиционное формирование потеряло актуальность своего существования после подписания Тильзитского мира с Наполеоном Бонапартом 14 июня 1807 г. Большая часть милиционного земского войска была возвращена к своему прежнему крестьянскому быту. Треть существовавшего прежде земского войска была переведена на службу в подвижную милицию, ратники которой впоследствии были зачислены в регулярную армию.

Стихийно возникшее народное вооруженное ополчение сыграло существенную роль в достижении победы в Отечественной войне 1812 г., а развиваемая Александром I после победы над Наполеоном идея создания военных поселений также имела отчасти милиционный характер.

В течение последующих десятилетий XIX в. в Российской Империи были созданы и несли службу такие иррегулярные войска, как Ахтинская пешая милиция, Казикумыкская конная милиция, Ширванская конная милиция. Во время событий Крымской войны 29 января 1855 г. в соответствии с манифестом Николая I было положено начало формированию всеобщего Государственного ополчения. В ходе Крымской войны было сформировано 236 ополченческих дружин.

Во второй половине XIX – начале XX вв. на Кавказе и в Закаспийской области были созданы милиционные отряды, состоящие из местного населения, не обязанного служить в армии. Эти формирования также набирались на добровольческой основе и состояли из Дагестанской, Терской, Кубанской, Батумской, Карской милиций и других добровольных формирований.

Несмотря на то, что исторически термин милиция больше связывается с вооруженными силами, деятельность которых была направлена на защиту государства от внешней агрессии, не следует

забывать, что на этом роль такого социального института, как милиция, не ограничивается. Милиционные формирования принимали активное участие в охране общественного порядка, борьбе с преступностью, охране государственной границы и помощи населению в условиях стихийных бедствий при проведении спасательных операций.

В качестве примера следует упомянуть, что в 1881 г. в Москве осуществляли свою деятельность народные добровольные дружины, которые обеспечивали безопасность и следили за соблюдением порядка при проезде высочайших особ в период проведения массовых мероприятий [5, с. 29]. Численность таких дружин с течением времени росла вплоть до революционных событий 1917 г.

Большую роль милиционные отряды сыграли в начале XX в. в России в революционный период. Деятельность этих отрядов была направлена, в первую очередь, на охрану общественного порядка.

В 1905 г. в составе первого в России Совета рабочих депутатов г. Иваново-Вознесенска была образована рабочая милиция в целях «поддержания порядка на улицах города во время стачки, который может нарушиться черной сотней и хулиганами». 3 марта 1917 г. рабочая милиция была создана на заводе «Сименс и Гальске» в Канавино, о которой упомянул В. И. Ленин в статье «О пролетарской милиции» и напечатанной в газете «Правда».

10 ноября 1917 г. в соответствии с декретом НКВД РСФСР была создана рабочая милиция. В первый год своего существования рабочая милиция не являлась государственным органом, а представляла из себя совокупность добровольческих милиционных парамилитарных формирований. Признав невозможность вооружения всего населения и введения милиционной повинности в широких массах, советская власть изменила концепцию организации борьбы с преступностью и охраны общественного порядка, что нашло свое отражение в решении коллегии НКВД РСФСР от 10 мая 1918 г., в котором утверждалось создание постоянного штата профессиональных работников органов внутренних дел со специальными функциями, которые в реальности представляли из себя функции полиции. Из идеологических соображений советское руководство не могло использовать в названии правоохранительных органов власти, исполняющих полицейские функции название «полиция», так как это наименование ассоциировалось с существовавшей прежде царской властью. Таким образом в механизме государственного управления советского государства закрепилось название «милиция» за органами власти, осуществлявшими полицейские функции.

В настоящее время, в XXI в. милиционный принцип комплектования как вооруженных сил, так и сил правопорядка не исчерпал свой потенциал. Это отчетливо видно из событий, происходящих в зоне проведения специальной военной операции на Украине. Сегодняшний день отмечен напряженными внешнеполитическими отношениями между Российской Федерацией, с одной стороны, и странами Западной Европы и Соединенными Штатами Америки, с другой. Сложная военная обстановка сложилась на сопредельных с Украиной территориях. Население, проживающее в районе Донецкой и Луганской областей Украины, после событий 21 ноября 2013 г. – 22 февраля 2014 г., получивших название Евромайдана, оказалось втянутым в вооруженное противостояние, в котором многие жители Донбасса стали участниками добровольных вооруженных парамилитарных формирований, деятельность которых была направлена на борьбу за независимость от украинской власти. Большинство граждан, добровольно принявших участие в военных действиях, при защите самопровозглашенных Донецкой и Луганской республик не являлись профессиональными военными и действовали исходя из внутренних побуждений. В частности, в указанных событиях на Донбассе, помимо других вооруженных формирований, были созданы Донецкая народная милиция и Луганская народная милиция, составившие основу для образования вооруженных сил Донецкой и Луганской республик. Участие добровольцев в защите граждан от актов проявления внешней агрессии и в охране правопорядка внутри государства требует соответствующего правового регулирования.

В своем обращении к гражданам России Президент В. В. Путин отметил, что в настоящее время на Донбассе в боевых действиях принимают участие не только профессиональные военные, но и добровольческие формирования: «люди разных национальностей, профессий, возрастов». В связи с этим Президент дал поручения Правительству и Министерству обороны «в полном объеме и в кратчайший срок определить правовой статус добровольческих формирований и отрядов народной милиции Донбасса».

Происходящие события вызывают особый исследовательский интерес к теме изучения исторического опыта организации и деятельности милиционных формирований в России, а также оценке роли и потенциала милиционных формирований в деятельности, направленной на защиту интересов государства от угроз как во внешней, так и во внутренней политике.

Список литературы:

1. Государственная оборона России. Императивы русской военной классики. Выпуск 19 / под ред. А. Е. Савинкина. М.: Военный университет Русский путь. 2002 . 638 с.
2. Тихонов В. А. Санкт-Петербургская ландмилиция: 1711–1719 годы // Вестник Московского государственного областного университета/ Серия: История и политология. 2008. № 1. С. 14–17.
3. Муромцева Л. П., Перхавко В. Б. Военно-политическая история России. М.: Политическая энциклопедия, 2022. 582 с.
4. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. С 1649 по 12 декабря 1825 г. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. канцелярии, 1830.
5. Харламов В. И. Исторический опыт проблемы совершенствования нормативно-правовой базы деятельности народных дружин в Российской Федерации // Проблемы взаимодействия органов внутренних дел с общественными объединениями по охране правопорядка и обеспечению общественной безопасности : сборник материалов «круглого стола» (27 января 2006 г.). М.: Академия управления МВД России, 2006. С. 29.
6. Обращения Президента Российской Федерации. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/69390> (дата обращения: 11.12.2022).

**Общеправовой феномен «предупреждение»:
юридическая природа и сущность**

Аннотация

В данной статье автором рассмотрена юридическая природа и сущность правового предупреждения как общеправового феномена. Изучен общеправовой феномен предупреждения в фокусе исторической ретроспективы. Выделены субъекты и объекты правового предупреждения, рассмотрены некоторые особенности механизма реализации правового предупреждения. Проанализированы некоторые этапы исторического развития правового предупреждения, выделены элементы данного общеправового феномена.

Ключевые слова и словосочетания: правовое предупреждение; предупреждение нарушений; механизм предупреждения правонарушений; предотвращения нарушения закона.

Успешное развитие общества в социальной, экономической и любой другой сфере находится в прямой связи с упорядоченностью и стабильностью общественных отношений. Одной из важнейших функций права является воздействие на общественные отношения посредством системы специальных юридических средств, с помощью которых создаются необходимые условия для реализации прав граждан и обеспечения их законных интересов. Это является залогом благополучного развития общества, именно в этом проявляется социальное назначение права.

Однако кроме регулирования общественных отношений право способно выполнять иные функции. Нельзя не согласиться с тем, что в современном российском праве (любой его отрасли) в нормах, регулирующих определенную сферу общественных отношений, детерминированы границы, рамки поведения субъектов права, выход за которые влечет юридическую ответственность. Таким образом, правовые нормы выполняют также функцию предупреждения недопущения нарушений закона либо недопущения юридических конфликтов.

Существует масса правовых актов, где правовое предупреждение закреплено нормативно. Это, безусловно, Конституция Российской Федерации, Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации, Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации», Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», Федеральный закон от 6 апреля 2011 г. № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» и др.

Объектом реализации правового предупреждения в общем смысле можно назвать то, на что оно направлено при реализации механизма недопущения нарушения прав и законных интересов граждан, организаций, общества и государства.

Субъекты правового предупреждения могут быть классифицированы на три группы. К первой группе относятся физические лица, а также их объединения, организации, чьи права могут быть нарушены. Второй группой являются непосредственно лица, действиями которых могут быть нарушены права физических лиц, иностранных лиц, лиц без гражданства, их объединений, организаций.

Состав третьей группы образуют органы государственной власти, к полномочиям которых законом отнесено недопущение нарушения прав и законных интересов физических лиц, их объединений, организаций.

Само содержание применения механизма правового предупреждения подразумевает под собой совершение определенных юридических действий, которые можно также классифицировать на:

- 1) действия, непосредственно нарушающие права и законные интересы физических лиц, их объединений, организаций;
- 2) действия, направленные на недопущение нарушений прав и законных интересов физических лиц, их объединений, организаций.

Примечательно, что при запуске механизма правового предупреждения о недопущении нарушения чьих-либо прав и законных интересов, фактически конструируется в модель нежелательных юридических последствий для лица, чьи действия являются неправомерными. В этом заключается суть предупредительного воздействия норм права на личность правонарушителя, предполагающего отрицательную оценку государством любого факта, допускающего нарушения закона.

Рассматривая правовое предупреждение в историческом аспекте, следует отметить, что идея предупреждения была сформулиро-

вана еще в эпоху Просвещения в трудах французских мыслителей Ш. Л. Монтескье и Ч. Беккариа. Основной мыслью, актуальной и по сей день, является утверждение о том, что предупреждение преступлений – гораздо более эффективное решение, в отличие от реализации карательной функции права [1, с. 108–119]. «...Хороший законодатель постарается не столько карать, сколько улучшить нравы...» [2].

Философские идеи эпохи Просвещения были близки и русским мыслителям. Так, А. Н. Радищев писал, что необходимо предупреждать преступление, а не наказывать за его совершение [3, с. 461].

Анализ источников права, действовавших в Российской империи, позволяет сделать вывод о том, что государством предупреждению преступлений уделялось особое внимание. Так, с 1835 г. в России действовал Устав о предупреждении и пресечении преступлений [4]. В Устав неоднократно вносились изменения в 1842, 1857, 1876 и 1890 гг.

Именно этим источником права предупреждение преступлений закреплено как категория в уголовном праве. В Уставе детализированы различные сферы предупреждения преступлений. Так, один из подразделов Устава регулирует «Меры предупреждения нарушения благочиния», другой подраздел предусматривает «Меры предупреждения обмана по разыгрыванию лотерей».

Обращает на себя внимание ограничение применения мер предупреждения в некоторых сферах. Например, ст. 369 Устава предусматривает, что «...Полиция не должна входить в частные ссоры и несогласия между супругами, а только в случае преступления уголовного, сообразуясь с законами, производить следствие и предавать дело суду...» [4].

Также Уставом предусмотрены конкретные меры предупреждения преступлений, которые по своему характеру напоминают современные меры индивидуальной профилактики преступлений в российском уголовном праве. К таким мерам отнесены выдача лица под надзор полиции, запрет проживания в столицах, а также губернских центрах, выдворение иностранных лиц за пределы территории Российской империи.

Необходимо отметить, что Устав предусматривает предупреждение нарушений не только уголовно наказуемых, но и носящих характер деликта – нарушения хода богослужения, нарушение правил благоустройства улиц и т. д.

Анализ норм Устава свидетельствует о том, что государство регулировало и духовную составляющую жизни граждан Российской империи. В частности, в Уставе декларирована обязанность

граждан соблюдать православные обряды, военные и гражданские руководители несли ответственность за исполнение этой обязанности своими подчиненными. Также такая ответственность возлагалась на родителей в отношении своих детей.

Особенность данного источника права состоит в том, что он сочетал в себе две категории современного права – предупреждение и пресечение правонарушений и преступлений. Предупреждение правонарушений и преступлений, по мнению автора, носит ярко выраженный опережающий характер, это меры, направленные на предотвращение, недопущение нарушения прав и обязанностей, предусмотренных нормами права. Пресечение правонарушений и преступлений – это, по сути, меры, направленные на прекращение уже начатого противоправного деяния.

Интересным источником права Российской империи, предусматривающим меры правового предупреждения, является «Строительный Устав» 1900 г. Им была регламентирована ширина улиц, переулков, архитектура городских построек. Примечательно, что данным нормативным актом предусматривалась ответственность за «долгострой» [5, с. 79].

Итак, резюмируя вышеизложенное, следует согласиться с мнением А. Г. Репьева о том, что «несмотря на продолжительную историю и эволюцию института государственного предупреждения, данный вопрос в достаточной мере не разработан» [6, с. 36].

Кроме того, актуальность темы исследования продиктована современными сложными геополитическими, социальными условиями развития российского общества. Именно сейчас правовое предупреждение нуждается в глубоком научном осмыслении и анализе, выработке предложений по его совершенствованию на основании полученных научных данных, на что ранее обращалось внимание в науке.

В развитии правового предупреждения с точки зрения предотвращения и блокирования нарушений норм права заинтересовано любое общество в целом, поскольку минимизация юридических конфликтов и ущемлений чьих-либо прав означает достижение цели высокоэффективного развития и регулирования общественных отношений.

Список литературы:

1. Клейменов М. П., Кондратьев А. В., Сейбол Е. М. Профилактика правонарушений: исторический очерк // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2020. Т. 17. № 1. С. 108–119.

2. Монтескье Ш. Л. О духе законов. URL: [http://www.civisbook.ru/files/File/Monteskye.O dukhe](http://www.civisbook.ru/files/File/Monteskye.O%20duke) (дата обращения: 25.11.2022).
3. Радищев А. Н. Избранные философские и общественно-политические произведения. М.: Госполитиздат, 1952. С. 672.
4. Свод уставов о предупреждении и пресечении преступлений // Свод законов Российской Империи. Т. 14. URL: russky.com/history/library/vol.14/vol.14.3.htm (дата обращения: 25.11.2022).
5. Ушанов В. А. Нормативные правовые акты Российской империи, регламентирующие деятельность полиции по предупреждению правонарушений (вторая половина XIX в.) // Труды Академии управления МВД России. 2011. № 2 (18). С. 128–132.
6. Репьев А. Г., Васильков К. А. «Превенция» как правовая категория: в порядке научной дискуссии // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2020. № 2 (133). С. 35–42.

«Политика памяти» современного российского государства и ее роль в патриотическом воспитании

Аннотация

Статья посвящена исследованию теоретических и практических аспектов «политики памяти» и формирования национально-государственной идентичности в современной России. Особый акцент автором сделан на изучении понятийного аппарата, при этом серьезное внимание уделяется рассмотрению нормативно-правовой базы, отражающей важность сохранения исторической памяти и укреплению российских, традиционных духовно-нравственных ценностей.

Ключевые слова и словосочетания: политика памяти; коллективная память; индивидуальная память; символическая политика; фальсификация истории; национальная идентичность.

Возрастание интереса к национальной, мировой истории, дискуссии вокруг исторических событий и героев входят в современную культурную и общественно-политическую жизнь.

В идеологической, политической жизни общества история играет огромную роль, что, естественно, не может не влиять на политику современного государства.

Современное государство проводит определенную «историческую политику» или «политику памяти» для защиты своей территориальной целостности, политических, экономических и иных интересов.

Проводя определенную «политику памяти», государство принимает «мемориальные законы», вводя юридическую ответственность за фальсификацию событий прошлого, имеющих значение для граждан этого государства.

«Политика памяти» современного российского государства должна формировать устойчивые знания, убеждения в оценке событий прошлого, мировой и отечественной истории.

Важнейшим направлением «политики памяти» является противодействие попыткам извне изменить отношение российских граждан к прошлому, а значит и к настоящему в угоду интересам, стереотипам, принятым в других обществах и государствах.

Президент Российской Федерации В. В. Путин на заседании Российского организационного комитета «Победа», которое состоялось 15 декабря 2022 г., сделал акцент на важности особого отношения к традициям, развития мемориальных комплексов и сохранения исторической памяти. В. В. Путин отметил: «Попытки ряда государств переписать, перелицевать мировую историю становятся все агрессивнее, и по большому счету имеют очевидную цель в отношении нашего общества как минимум разобщить, лишить нас ориентиров, ослабить и повлиять на ее суверенитет, по сути дела, раскачать суверенитет. Искажение истории, насаждение мифов, вот с этих мифов и начинается раскачка государств и народов. Основой нашей национальной идентичности были и остаются преемственность поколений, верность традициям, высокие духовно-нравственные ориентиры». На вышеуказанном заседании было упомянуто об утверждении 9 ноября 2022 г. Указом Президента Российской Федерации № 809 Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, в число которых входит историческая память [1]. В соответствии с п. 31 Главы V вышеуказанных Основ реализация государственной политики по сохранению и укреплению традиционных ценностей будет способствовать: приумножению, а также сбережению народа России; сохранению гражданской идентичности Российской Федерации; развитию потенциала человека и общества в целом; поддержанию гражданского мира и согласия в стране; укреплению законности и правопорядка; формированию безопасного информационного пространства; защите российского общества от распространения деструктивной идеологии; достижению национальных целей развития; повышению конкурентоспособности и международного престижа Российской Федерации¹.

С целью успешного достижения основной задачи, на которую обратил внимание Президент Российской Федерации В. В. Путин во время выступления, а именно сохранение исторической памяти, считаем целесообразным и необходимым обратиться к понятиям-

¹ Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей : Указ Президента Рос. Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 14.11.2022).

ному аппарату темы исторической памяти и ответить на главный вопрос, что вообще подразумевает под собой «политика памяти»?

Официально закрепленного, общепринятого понятия «политика памяти» нет. В различных научных публикациях и Интернет-ресурсах «политика памяти» интерпретируется учеными по-разному, при этом акцентируется внимание и на рассмотрении таких понятий, как «историческая память», «коллективная память», «социальная память», «историческая политика памяти», «мемориальная политика». Можем ли мы говорить о том, что эти понятия тождественны? Нет, но то, что они тесно взаимосвязаны между собой и дополняют друг друга – однозначно. К причинам отсутствия единой методологии изучения политики памяти относится и та, что в сфере политики памяти работают ученые различных наук: социологи, политологи, историки и др. Однако необходимо отметить положительный аспект изучения политики памяти в комплексе различных наук, что позволяет более глубоко и детально раскрыть содержание «политики памяти» и ее механизмы. Можно сделать вывод о том, что необходимости в единой методологии изучения политики памяти нет, наиболее комплексное и целостное представление о ней формируется посредством изучения каждой из наук.

Прежде чем перейти к понятию «политика памяти», остановимся на теории исторической памяти. Морис Хальбвакс – автор труда «Коллективная память» и основатель теории исторической памяти, основной идеей которой является то, что история во многих отношениях противопоставляется исторической памяти: «История обычно начинается в тот момент, когда заканчивается традиция, когда затухает или распадается социальная память. Пока воспоминание продолжает существовать, нет необходимости фиксировать его письменно, да и вообще как-то фиксировать, поэтому потребность написать историю того или иного периода общества и даже человека возникает только тогда, когда они уже ушли так далеко в прошлое, что у нас мало шансов найти вокруг себя много свидетелей, сохраняющих о них какое-либо воспоминание» [2]. Проявлением социальной или коллективной памяти является историческая память, представляющая прошлое в общественном сознании. В своей работе Д. С. Лихачев, исследуя роль памяти для народа и индивида, отражал, что память противопоставляется силе времени, преодолевает его и пространство, выступает основой совести, культуры и нравственности. Помимо этого Д. С. Лихачев отмечал, что основной нашей задачей, ориентированной как на настоящее, так и на прошлое, является сохранность памяти, так как последняя имеет особую ценность. Память в определенных ситуациях выступает

как некая сила, способствующая преодолению испытаний, которые выпадают на долю общества и государства. Людям важно чувствовать и понимать свою значимость в истории [3, с. 143].

В опубликованной после смерти М. Хальбвакса работе «Коллективная и историческая память» обращено особое внимание на две категории: «индивидуальная память» и «коллективная память». М. Хальбваксом отмечено, что память в процессе своего существования имеет возможность на сохранение только в том виде, в котором отождествляет ее отдельно взятый человек в своем сознании. При этом, если мы обратимся к воспоминаниям, сохраненным в памяти конкретного человека, то увидим, что они формируются либо в памяти одного конкретно взятого человека, который воспроизводит их исходя из своей собственной позиции, либо воспоминания формируются посредством взаимодействия отдельно взятой группы людей, сформированной по тому или иному признаку, то есть каждому доступно два вида памяти – индивидуальная память и коллективная память. Однако есть некоторые нюансы. Индивидуальная память, рассматриваемая только в рамках сознания одного человека, отражает воспоминания, связанные только с ним самим и его жизнью, при этом воспоминания личности, рассматриваемые в какой-либо группе, воспроизводятся в части, затрагивающей только самого рассматриваемого. Важным выступает тот факт, что между двумя рассматриваемыми видами памяти – индивидуальной и коллективной, – определенно есть взаимосвязь и взаимодополняемость, но каждая имеет свои особенности в процессе формирования. Индивидуальная память несмотря на свою самостоятельность не может существовать изолированно, иногда с целью восполнения пробелов в памяти личность обращается к воспоминаниям других людей. Существовать без заимствования индивидуальная память не может, но это не исключает того, что каждый помнит только то, что он видел, думал и чувствовал в определенный момент. У коллективной памяти есть своя особенность, при проникновении в нее индивидуальной памяти видоизменяется память индивидуальная, а не коллективная. Коллективная память существует самостоятельно, не сливаясь с индивидуальной, хотя и обволакивает последнюю [2].

В данной работе нас интересует изучение коллективной памяти, поскольку сохранение исторической памяти осуществляется не отдельными людьми, а обществом и государством, через активное участие граждан, что отождествляется с коллективной исторической памятью. Морис Хальбвакс рассматривает коллективную

память как один из факторов, необходимых в социальной практике для выживания общества [2].

С точки зрения Алексея Миллера политизация истории – извечный, неизбежный феномен. «Политика памяти» представляется как совокупность общественных практик и норм, которые регулируют коллективную память, при этом последняя, в свою очередь, также неизбежна [4, с. 6]. Сама историческая политика предстает новым феноменом, существование которого реально в демократических или квази-демократических обществах, которые допускают, пусть и формально, плюрализм мнений и интерпретаций. А. Миллер определяет «историческую политику» как набор практик, с помощью которых отдельные политические силы стремятся утвердить определенные интерпретации исторических событий как доминирующие [4, с. 6]. Хотелось бы отметить, что А. Миллер, признавая «историческую политику» частным случаем «политики памяти», предлагает использовать первое понятие как «исследовательский термин для обозначения региональной специфики политизации истории в Восточной Европе» в начале XXI в. [5, с. 328].

С позиции О. Малиновой, «политика памяти» и «историческая политика» выступают частными случаями «символической политики» или как ее еще называют – «мемориальной политики». О. Малинова определяет «символическую политику» как публичную деятельность, связанную с производством различных способов интерпретации социальной реальности и борьбой за их доминирование в публичном пространстве [6, с. 23]. Помимо этого стоит обратить внимание и на трактовку «символической политики» С. П. Поцелуевым. Последний определяет «символическую политику» как специфический род политической коммуникации, «нацеленной не на рациональное осмысление, а на внушение устойчивых смыслов посредством инсценирования визуальных эффектов» [7, с. 62]. Значимость и важность последней части данного определения невозможно переоценить, так как на сегодняшний день власть, по мнению С. П. Поцелуева, «инсценирует себя не при помощи статуй, медалей и триумфальных арок, а посредством фото- и кинопродукции, прессы, радио и телевидения» [7, с. 62]. Учитывая тот факт, что в настоящее время кино выступает как продукт массового потребления, то соответственно оно способно влиять на восприятие и понимание массы тех или иных интерпретаций. В данном случае стремление государства определять базовые рамки, допустимые и недопустимые темы и прочтения различных исторических и настоящих событий представляется более чем логичным.

Соглашаясь с позицией А. Миллера и отталкиваясь от предложенной им терминологии, считаем, что во главу обсуждаемой темы и реализации сохранности исторической памяти стоит поставить «политику памяти», изучая ее частный аспект в виде исторической политики, и символическую политику, выделяя также индивидуальную (авторскую) память и коллективную память. Только при комплексном изучении и анализе прошлого, а именно политики памяти, исторической и символистической политик, которые имели место быть в Российской империи еще со времен Петра I, представляется возможным достичь ожидаемых результатов реализации государственной политики по сохранению и укреплению традиционных ценностей.

Список литературы:

7. Выступление 15 декабря 2021 г. Президента Российской Федерации В. В. Путина на заседании Российского организационного комитета «Победа». URL: <https://www.1tv.ru/news/2022-11-15/441568> (дата обращения: 23.09.2022).
8. М. Хальбвакс, «Коллективная и историческая память» // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3 (40–41).
9. Лихачев Д. С. «Письма о добром». СПб.: «Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ». 1999. 143 с.
10. А. Миллер «Россия: власть и история» // Журнал «Pro et contra». 2009. Т. 2. (6 с.).
11. А. Миллер и др. «Историческая политика в России: новый поворот?» // Историческая политика в XXI веке. 2012. 328 с.
12. Малинова О. Ю. Актуальное прошлое: символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. М.: Политическая энциклопедия. 2015. 23 с.
13. Поцелуев С. П. Символическая политика: констелляция понятий для подхода к проблеме // Политические исследования. 1999. №. 5. 62 с.

Экспериментальная норма российского права как средство осуществления государственных преобразований

Аннотация

В статье подвергаются анализу современные закономерности использования экспериментальной правовой нормы в рамках правотворческого процесса. Выдвигается гипотеза о тенденциях доминирования экспериментальных правовых предписаний в качестве средства осуществления государственных преобразований. Аргументируется вывод о допустимости выделения в числе специальных норм российского права экспериментальных правовых предписаний, действие которых ограничено как во времени, так и в пространстве, по кругу лиц.

Ключевые слова и словосочетания: норма права; правовой эксперимент; экспериментальная норма права; правотворчество.

Советские ученые правоведы еще во второй половине XX в. с накоплением нормативного материала обращали внимание на требования, предъявляемые к правотворческой деятельности. «Законодатель должен рассматривать себя как естествоиспытателя при отборе нужных форм», для чего ему необходимо овладеть «такими методами и средствами, которые могут сделать правовые нормы и рекомендации абсолютно точными» [1, с. 17]. Одним из таких средств, позволяющих, с одной стороны, выверено подойти к правовому опосредованию нестандартных социальных отношений, а с другой – наступательно, но при этом осторожно применить сочетание проверенных и инновационных механизмов правового регулирования, выступает конструирование и принятие экспериментальной правовой нормы.

Экспериментальная правовая норма возникла из потребности активного вмешательства государственно-властных органов в процесс правового регулирования не только на первоначальных стадиях правотворчества, но и в дальнейшем, в процессе применения и апробации нормативного установления. В этом смысле подобная разновидность юридического установления обоснована необходи-

мостью повышения детализации и конкретизации правового воздействия, повышения адресности и точности правил поведения в обществе, исключения или минимизацией социально-вредных последствий ошибочного юридического вмешательства.

«Эксперимент» (от лат. *experimentum* – проба, опыт) как феномен окружающей действительности имеет весьма пестрые толкования в справочной литературе. Он воспринимается, во-первых, как воспроизведение какого-либо явления или наблюдение нового явления в определенных условиях с целью его исследования, изучения; во-вторых, в качестве любой попытки, пробы осуществить что-либо каким-либо новым способом, в-третьих, в понимании научно-поставленного опыта [2, с. 1566].

Помимо представленных значений весьма интересное толкование данного термина дает толковый словарь под редакцией С. А. Кузнецова, перенеся акцент с общесоциального восприятия в научную плоскость. Так, коллектив авторов рассматривает эксперимент в качестве «метода познания, основанного на чувственно-предметной деятельности исследователя» [3, с. 1516].

Воспринимая экспериментирование в качестве метода научного исследования, стоит оговориться, что он возник благодаря естествознанию (некоторые авторы даже полагают, что «естествознание стало действительной наукой лишь тогда, когда в исследовании природы стали широко пользоваться экспериментированием» [4, с. 363]), в том числе ввиду активного его применения в эпоху Нового времени (У. Гильберт, Г. Галилей, И. Кеплер и другие). В свою очередь фундаментальное развитие экспериментальный метод исследования получил за счет трудов Ф. Бэкона. Ключевым импульсом, толчком для «рассвета» экспериментирования стала борьба между эмпирическим и теоретическим компонентами познания, в результате сопоставления эмпиризма и рационализма [5, с. 25–27].

До недавнего времени экспериментирование считалось возможным применять лишь в ракурсе естественных наук [6, с. 202–203], что на сегодняшний день, безусловно, не отражает всей многогранности данного приема и средства познания. Еще в 1951 г. Т. Коуэн отмечал, что «правовая система, функционирующая ради определенных целей, носит заведомо экспериментальный характер, поскольку основывается на опыте, опирающемся в конечном счете на пробы, эксперименты», поэтому и «появилась мысль о введении конкретных норм в порядке эксперимента» [7].

При всем этом в отечественной науке эксперименты в области права и государства все же стали активно исследоваться во второй

половине прошлого века в качестве разновидности социального экспериментирования [8; 9].

На современном этапе развития права и государства при всей популярности экспериментов в области экономики, социальной сферы, науки и пр., экспериментальная правовая норма не становилась предметом самостоятельного исследования. По данной теме имеют место единичные работы, преимущественно в периодических научных изданиях. К примеру, безуспешную попытку исследовать экспериментальную норму российского права предприняли профессора А. Г. Репьев и И. Н. Сенякин. Авторы считают, что «экспериментальная правовая норма – это нормативное предписание, сложившееся в результате специализации правового регулирования на основе учета особенностей определенного его вида, направленное на пробное установление властного веления, характеризующегося избирательной юридической силой в отношении конкретно установленных субъектов общественных отношений, временных и территориальных границ» [10]. Дефиниция позволяет установить признаки исследуемой нормы, по мнению авторов качественно отличающие ее от родового феномена. Речь идет об избирательной юридической силе, действии в отношении узкого круга субъектов, ограничение в реализации применительно ко времени и пространству. Мы разделяем подобную позицию ученых, и в свою очередь предпримем попытку развить ее.

Полагаем, что к сущностным признакам экспериментальной нормы российского права, в том числе иллюстрирующих ее роль как средства осуществления государственных преобразований, вполне оправданно отнести:

– *идеализированность*, которая проявляется в объективной материальной связи сознания инициатора и окружающей действительности и *наглядность*, что находит отражение при создании данной нормы, когда ее автору необходимо соединить теоретическую конструкцию и практическую реальность, для чего проявить в определенном смысле юридическую фантазию, творческое воображение, служащее ориентиром для последующих прогнозных ожиданий действия пробного предписания. Подобной сферой, сочетающей в себе некие идеальные образы и материализованные предметы, является область высоких технологий. К примеру, целью эксперимента по оказанию гражданам Российской Федерации на безвозмездной основе услуг связи по передаче данных и по предоставлению доступа к информационно-телекоммуникационной сети

Интернет стала «практическая отработка организационно-технологических возможностей операторов связи» (п. 3.1)¹;

– имеет *активный и поисковый характер регулирования общественных отношений*. Активность и поисковый характер как качества, присущие экспериментальной правовой норме, выражаются в том, что ее реализация предполагает постоянное отыскание оптимальных механизмов воздействия на общественные отношения и как результат их нахождения – возможность внесения изменения в гипотезу, диспозицию или санкцию по ходу наблюдения, в зависимости от обстоятельств и условий применения. Подобное активное вмешательство в процесс применения нормы обусловлено также необходимостью устранения влияния на общественные отношения побочных факторов и усиления воздействия со стороны средств экспериментального предписания. Так, в соответствии с распоряжением Правительства Российской Федерации от 10 июня 2011 г. № 1019-р «важным элементом развития театрального искусства являются экспериментальные постановки <...> При этом наличие в театре права на эксперимент является необходимым для развития театрального искусства и культуры в целом»². Правовая норма выступает средством познания чего-то нового, нахождения открытий;

– *гибкость формально-юридических требований по реализации*, что обусловлено необходимостью вмешательства в процесс экспериментального правового воздействия на всех его этапах. Так, несмотря на определенную консервативность охранительных норм права, направленных на регулирование отношений в сфере охраны общественного порядка, обеспечения безопасности дорожного движения, в Москве вступил в силу эксперимент по оформлению материалов дорожно-транспортного происшествия не на месте его совершения, а в ином безопасном месте³. Как известно, оставление места совершения дорожно-транспортного происшествия карается лишением

¹ О проведении эксперимента об оказании гражданам на безвозмездной основе услуг связи по передаче данных и по предоставлению доступа к информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» на территории Российской Федерации для использования социально значимых информационных ресурсов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»: приказ Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации от 31 марта 2020 г. № 148.

² О Концепции развития театрального дела в Российской Федерации на период до 2020 года: распоряжение Правительства Рос. Федерации от 10 июня 2011 г. № 1019-р // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 25. Ст. 3650.

³ См.: В Москве проведут эксперимент по новому оформлению ДТП // Российская газета. 2022. 23 марта.

права управления транспортным средством¹, а экспериментальная правовая норма позволяет более гибко подходить к процессу правового регулирования, перенося акценты на необходимость сохранения жизни и здоровья участников дорожного движения.

Экспериментальная правовая норма, с одной стороны, выступает несущей конструкцией правового экспериментирования в целом, поскольку для его участников посредством пробного правила также устанавливаются права, обязанности, закрепляются стимулы и ограничения. С другой стороны, экспериментальная правовая норма характерна не только для экспериментирования в праве, так как любая апробация новых механизмов в экономике, проверка инновационных средств в промышленности имеет документационное оформление (ведомственным правовым актом, актом локального правотворчества), что наделяет экспериментальную норму качеством формально-юридической основы и сущностным ядром испытания.

Список литературы:

1. Казимирчук В. П. Право и методы его исследования. М.: Юрид. лит., 1965. 204 с.
2. Толковый словарь русского языка: ок. 7 000 словар. ст.: свыше 35 000 значений: более 70 000 ил. примеров / под ред. Д. В. Дмитриева. М.: ООО Астрель, 2003. 1582 с.
3. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.
4. Копнин П. В. Диалектика, логика, наука. М.: Наука, 1973. 463 с.
5. Штофф В. А. Проблемы методологии научного познания. М.: Высшая школа, 1978. 269 с.
6. Якушеский М. Научный эксперимент как форма практики // Ученые записки Ростовск. н/Д гос. ун-та. 1957. Т. 61. Вып. 1. С. 201–219.
7. Cowan T. A Postulate Set For Experimental Jurisprudence // Philosophy of Science 1951. Vol. 18. Issue 1. P. 1-15. Doi:10.1086/287125.
8. Копнин П. В. Эксперимент и его роль в познании // Вопросы философии. 1955. № 4. С. 29–40.

¹ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (в ред. от 11.06.2022), ч. 2 ст. 12.27 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 1. Ст. 1; Рос. газета. 2022. 15 июня.

9. Никитинский В. И. Значение эксперимента в нормотворческой деятельности // Советское государство и право. 1967. № 6. С. 26–34.

10. Репьев А. Г., Сенякин И. Н. Экспертное значение экспериментальной нормы российского права // Юридическая техника. 2022. № 16 // Правотворческая экспертология (доктрина, практика, техника) : сборник материалов XXIII Международного научно-практического форума «Юртехнетика» (Нижний Новгород, 22–25 сентября 2021 г.) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2022. С. 36–42.

Квотирование в современной правовой политике России: тенденции и перспективы

Аннотация

В статье подвергаются анализу тенденции современной отечественной правовой политики через призму института квот. Выдвигается положение об универсальном характере квотирования как средства правового регулирования, использующего как потенциал поощрения и стимулирования, так и элементы сдерживания нежелательного поведения посредством запретов и ограничений. Доказывается необходимость активизации доктринальных разработок о сущности и юридической природе феномена «квот» для минимизации дефектов правотворчества и правоприменения.

Ключевые слова и словосочетания: правовое регулирование; квота; правовое преимущество; ограничение; запрет.

Конституция Российской Федерации, закрепляя за государством такую качественную характеристику, как социальное, ориентирует правовые институты на создание условий для обеспечения достойной жизни гражданам, возможность пользоваться и распоряжаться социальными благами и пр. В свою очередь, механизм правового регулирования по реализации названного посыла предполагает использование многопланового инструментария.

С одной стороны, сегодня активно применяются институты стимулирования социально-активного поведения человека, направленные на создание условий самореализации личности, достижения повышенных показателей в своей деятельности. С другой – аппарат власти прибегает к правовым ограничениям, вводя различного рода лимиты на результаты производственной деятельности, что позволяет за счет механизмов выравнивания правового положения различных субъектов добиться повышения общего благосостояния населения, улучшения качества получения услуг, что служит базисом зрелого гражданского общества. Обращает на себя внимание

тот факт, что и для реализации стимулирования, и для воплощения правовых ограничений применяется такой универсальный правовой институт, как квота.

Квота как общеправовой феномен в последние годы часто тиражируется в руководящих и директивных документах органов государственной власти, решениях субъектов правоприменения, публичных выступлениях политических лидеров. К примеру, Президент Российской Федерации в посланиях Федеральному Собранию Российской Федерации неоднократно прибегал к упоминанию квоты в качестве средства правового регулирования при указании на стратегические направления развития нашего государства: квотирование целевого приема в образовательные организации, квотирование выбросов в атмосферу, загрязняющих окружающую среду и пр.¹ Нормативные правовые акты как исходящие от главы государства, так и иного уровня, также постулируют необходимость использования подобного правового института². В свою очередь, для достижения национальных целей и решения задач, поставленных главой государства, органы власти, используя традиционные юридические средства (дозволения и запреты, стимулы и ограничения, льготы и дополнительные обременения и пр.), прибегают и к внедрению такого специфичного правового инструмента, как квота³.

При всем этом в законодательстве, юридической доктрине, правоприменительной практике восприятие института квот весьма неоднозначное. В трудах отечественных юристов, экономистов, филологов можно встретить различного рода вариации на тему квотирования и отнесения данного института к конкретному методу правового регулирования (императивному или диспозитивному) или определенному способу воздействия на общественные отноше-

¹ См.: Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 15 января 2020 г. // Российская газета. 2020. 16 янв.

² См., например: О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года: Указ Президента Рос. Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 (в ред. от 21.07.2020) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 30. Ст. 4884; О проведении эксперимента по квотированию выбросов загрязняющих веществ и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части снижения загрязнения атмосферного воздуха : Федер. закон от 26 июля 2019 г. № 195-ФЗ (в ред. от 26.03.2022) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2019. № 30. Ст. 4097; 2022. № 13. Ст. 1960.

³ См., например: Об утверждении Правил выполнения работодателем квоты для приема на работу инвалидов при оформлении трудовых отношений с инвалидом на любое рабочее место : Постановление Правительства Рос. Федерации от 14 марта 2022 г. № 366 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2022. № 12. Ст. 1851.

ния (за счет режима ограничений, запретов, или напротив – стимулов, поощрений, правовых преимуществ) [1, с. 68; 2, с. 74–75].

Попробуем за счет краткого филологического и доктринального анализа установить примерные очертания феномена «квота», что, как думается, послужит основной для укрепления правотворческих компетенций и снизит возможные ошибки его реализации.

Толковые словари русского языка термин «квота» интерпретируют весьма односложно: «строго установленная часть, доля, норма чего-либо» [3, с. 956]. Однако практика применения данного юридического средства позволяет убедиться в более богатом, разностороннем воплощении им функционального потенциала права. Этому свидетельствует юридическая доктрина, поскольку внимание ученых в последние годы активно привлекают механизмы квотирования и нормотворческая и правоприменительная практики.

Несмотря на фрагментарное исследование феномена «квот» в российской юридической науке, имеют место публикации в периодических изданиях, не только заслуживающие внимания с точки зрения представления дефиниции данного феномена, но и позволяющие сформировать полноценное представление о нем. Так, институт квот был раскрыт в работе профессора А. Г. Репьева в рамках общей типологии правовых преимуществ. В этой связи дефиницию, предложенную автором, можно считать весьма удачной, целостной. Ученый, проведя исследование системы преимуществ в праве, считает квоту одним из элементов данной системы и подвидовой разновидностью привилегии, заключающейся «в нормативно установленном закреплении за определенным субъектом преимуществ в реализации прав на получение каких-либо благ, владение, пользование или распоряжение ими за счет выделения их гарантированной части, доли» [4, с. 39].

Подобная формулировка нам импонирует, но мы в свою очередь видим возможность ее несколько развить, дополнить, показав тем самым более широкий содержательный потенциал механизма квотирования.

Во-первых, за счет вкрапления в содержание квоты не только сути правового преимущества, но и ограничения. О необходимости совокупного восприятия ограничений и стимулов, их сочетании и позиционировании в качестве общего организационно-правового принципа права писал М.И. Байтин [5, с. 133]. Организационно-правовой механизм сдерживания нежелательного для государства поведения – крайне важная, если не основная составляющая квотирования. В особенности она проявляется при необходимости подстроиться под изменяющиеся, трансформируемые закономерности

развития правовых отношений, в частности, международных. Так, на фоне событий, вызванных недружественным поведением ряда государств, Российская Федерация ввела в качестве вынужденной меры квоты на экспорт металла¹. При этом подобное ограничение, объективируемое в виде квот, служит важным регулятивным средством, сдерживая рост цен на металл на внутреннем рынке, стимулируя поиски новых вариантов реализации металлопродукции.

Во-вторых, путем более рельефного отражения в механизме квотирования элемента правовых гарантий. Убеждены, что помимо законодательного установления возможности воспользоваться какой-либо частью блага, нужны и условия, обеспечивающие данное дозволение. Так, на реальных механизмах в деятельности по обеспечению прав человека акцентировал внимание профессор А. С. Мордовец. Ученый понимал под правовыми гарантиями систему не только юридических, но и социально-экономических, политических, а также организационных предпосылок, «создающих реальные возможности личности для осуществления своих интересов» [6, с. 168]. К примеру, до начала специальной военной операции производителями минеральных удобрений и представителями субъектов Российской Федерации заключены соглашения о сохранении цен для внутренних потребителей. Для реального обеспечения взятых на себя обязательств, гарантирования стоимости, Правительство Российской Федерации установило соответствующие квоты².

В этой связи попробуем предложить операционное или рамочное понятие феномена «квота», которое впоследствии может быть уточнено: это *«нормативно установленная государством регламентация общественных отношений по ограниченному распределению благ, гарантированная определением их качественных и количественных объемов путем предоставления правового преимущества во владении, пользовании и распоряжении ими конкретному субъекту»*.

¹ О введении тарифной квоты на вывоз за пределы территории Российской Федерации отходов и лома черных металлов в государства, не являющиеся членами Евразийского экономического союза, и внесении изменений в ставки вывозных таможенных пошлин на товары, вывозимые из Российской Федерации за пределы таможенной территории Евразийского экономического союза : Постановление Правительства Рос. Федерации от 30 июля 2022 г. № 1358 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2022. № 32. Ст. 5834.

² См.: О введении временного количественного ограничения на вывоз отдельных видов удобрений и внесении изменения в категории товаров, в отношении которых не применяются предусмотренные Таможенным кодексом Евразийского экономического союза неполное таможенное декларирование и периодическое таможенное декларирование : Постановление Правительства Рос. Федерации от 30 мая 2022 г. № 990 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2022. № 23. Ст. 3818.

В качестве заключения укажем следующее. Институт квот сегодня позволяет обеспечить балансирование общерегулятивного и охранительного правового воздействия. Достигается это путем сочетания в механизме квотирования потенциала ограничения как средства сдерживания неблагоприятного для общества и государства развития общественных отношений, так и стимулирования за счет побуждения к социально-приемлемому, полезному результату, а также элемента правовых гарантий, обеспечивающего реальность потенциальной возможности получить соответствующие блага. Отсутствие фундаментальных монографических работ по тематике квот актуализирует обращение к данной тематике как представителей общей теории права, так и ученых отраслевого профиля.

Список литературы:

1. Макеев Ю. А. Торговля квотами на выбросы парниковых газов в КНР и перспективы создания глобального рынка углеродных квот // Вестник Института востоковедения РАН. 2021. № 3. С. 67–74.
2. Репьев А. Г. Категории «привилегия» и «льгота» в системе правовых преимуществ: теория, практика, техника. Барнаул: АЗБУ-КА, 2019. 164 с.
3. Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка: в 3 т.: ок. 160 000 слов. М.: АСТ: Астрель, 2006. Т. 1: А–Л. 1165 с.
4. Репьев А. Г. «Квота» как правовая категория: дефинитивный и содержательный аспекты // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2020. № 3. С. 34–46.
5. Байтин М. И. Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). Саратов: СГАП, 2001. 416 с.
6. Мордовец А. С. Социально-юридический механизм обеспечения прав человека и гражданина / под ред. проф. Н. И. Матузова. Саратов: СВШ МВД РФ, 1996. 228 с.

Уважение как принцип российского права и государственной политики

Аннотация

Автором выдвигается гипотеза о допустимости позиционирования уважения в качестве принципа российского права и базового начала осуществления государственных преобразований. Исследуя законодательство Российской Федерации, доктрину права и правоприменительную практику, автор аргументирует собственное видение сущностного и содержательного наполнения феномена «уважение». Доказывается необходимость утверждения принципа уважения в качестве базового начала и руководящего требования для осуществления любой юридической деятельности.

Ключевые слова и словосочетания: правовое регулирование; принцип права; уважение; достоинство личности.

Государственная политика России на современном этапе подвержена серьезным испытаниям. На внутренние противоречия построения гражданского общества и социального государства наложился внешний вызов, обусловленный недружественным отношением ряда государств, последствиями мировой пандемии и пр. В сложившихся обстоятельствах назрела необходимость обращения к классическим ценностям любого союза людей, направленным на взаимную поддержку и помощь, укрепление института семьи, заботу о старшем поколении, бережное отношение к истории поколений и т. д. По нашему мнению, нормативным основанием воплощения в жизнь подобного вектора является утверждение и реализация такого феномена, как уважение, при этом уважение должно стать базовым, фундаментальным основанием не только государственной политики, но и системы права и законодательства, т. е. реализоваться в качестве принципа.

Следует отметить, что вопрос об определении понятия и сущности категории «принцип права» по-прежнему остается неясным.

Дискуссии продолжаются относительно установления ядра этого феномен. Приведем несколько точек зрения мэтров теории права. Например, А. Ф. Шебанов, А. Ф. Черданцев и другие полагают, что сердцевину принципа права составляет «основополагающая идея» [1, с. 9; 2, с. 55]. В свою очередь С. С. Алексеев, Л. С. Явич и их сторонники склонны утверждать, что принцип есть начало (в большинстве случаев, руководящее) [3, с. 103; 4, с. 141]. Среди всех существующих подходов важное (а возможно и преобладающее) место отведено нормативному характеру принципов. В рамках него И. С. Самощенко, Е. А. Лукашева и другие правовой принцип воспринимают как основополагающее требование [5, с. 24; 6, с. 107].

Обозначенная полисемия взглядов на категория «принцип» объяснима, поскольку методологических работ на эту тему крайне мало, они носят единичный характер. В числе них можно назвать труд А. Ф. Черданцева, который одним из первых авторов с диалектико-материалистических позиций рассмотрел сущность принципа в праве, соотнеся его с такими явлениями, как аксиома, закон (в философском значении термина), категория и пр. [2, с. 52–64].

Нам импонирует одна из последних среди представленных концепций, закладывающая в основу содержания принципа требование (руководящее, основополагающее). Поскольку право, как система общеобязательных норм, регулирует общественные отношения при помощи средств государственного принуждения, принцип, полагаем, не может сводиться к абстрактной идее. Это должен быть формально закрепленный стержень, на котором основываются все виды правовой деятельности: правотворческая, правоприменительная, правоинтерпретационная и пр. Убеждены, что данное касается и феномена «уважение». Подтверждением нашей гипотезы служат тексты посланий Президента Российской Федерации, в которых он выделяет в качестве магистрального направления движения нашего государства – уважение к героическому прошлому, уважение к мнению людей и т. д.¹ Год спустя глава государства постулировал, что только на основе «взаимного уважения возможно выстраивать связи с абсолютным большинством государств мира»². В качестве дополнительного довода укажем, что редкая отрасль российского права не содержит указания на требование уважения

¹ См.: Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 15 января 2020 г. // Российская газета. 2020. 16 янв.

² См.: Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 21 апреля 2021 г. // Рос. газета. 2021. 22 апр.

к частной жизни¹, чести и достоинству², или обязанность уважительного отношения к закону³.

В работах советских авторов принцип уважения среди общеправовых принципов, как правило, не выделялся [1, с. 9; 2, с. 61; 4, с. 153]. Своего рода расширением границ восприятия феномена «уважение» в качестве начала любой юридической деятельности, в определенном смысле послужили фундаментальные разработки отраслевого профиля. К примеру, Т. Н. Москалькова указала, что «понятие "уважение" по своему содержанию шире, чем "охрана" и "защита", и включает в себя не только регламентированные нормами права средства и методы, направленные на охрану моральных ценностей человека, но и определенную меру поведения должностных лиц при выполнении ими обязанностей» [7, с. 6].

Теоретики права не остались в стороне от постижения граней уважения. Так, А. С. Мордовец заложил не только основу понимания уважения через связь с достоинством личности, но и акцентировал внимание на его восприятии в качестве неотделимой составляющей правосознания [8, с. 100]. Мы солидарны с такой позицией, полагая, что наиболее полная характеристика феномена «уважение» может быть раскрыта исключительно через призму нравственной составляющей социальных отношений. Уважение – одно из важнейших требований этики, нравственности, такое отношение к людям, в котором практически признается достоинство личности.

Именно в таком ключе и в неразрывной связи с достоинством личности сегодня развивает в своих работах теорию уважения А. Г. Репьев [9]. Автор воспринимает уважение не только как идею, какое-либо начало, а возводит его в ранг неукоснительного нормативного предписания, и пишет, что уважение должно быть рассмотрено как «требование максимально почтительного отношения к личности, в котором признается и обеспечивается его честь и достоинство» [10, с. 78].

Позволим себе с опорой на все представленные выше и иные позиции в науке относительно феномена уважения сформулиро-

¹ См.: Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 № 195-ФЗ (в ред. от 24.11.2022), п. 3.6 ст. 4.1 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 1. Ст. 1; 2022. № 45. Ст. 7656.

² См.: Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 № 63-ФЗ (в ред. от 21.11.2022), ст. 9 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954; Рос. газета. 2022. 24 нояб.

³ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2022 г. № 138-ФЗ (в ред. от 05.12.2022), ст. 2 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 46. Ст. 4532; 2022. № 50. Ст. 8801.

вать понятие *принципа уважения в российском праве*. На наш взгляд, это *руководящее идейное требование по формированию и реализации поведения (деятельности) участников общественных отношений, основанное на глубоко почтительном отношении к достоинству личности, его социальному и правовому статусу*. Мы не случайно акцентируем внимание на уважении в проекции к правовому статусу, поскольку последний есть ключевая категория юриспруденции, компилирующая в своей конструкции права, обязанности, а также иные элементы правового положения субъекта (ограничения, запреты, привилегии и пр.). Аргументом в пользу отнесения уважения к числу общеправовых принципов является и тот факт, что идея почтительного отношения к достоинству личности, его социальному и правовому статусу красной нитью проходит через большую часть положений, касающихся преобразований в Российской Федерации.

К примеру, в 2018 г. утверждены национальные цели и стратегические задачи развития Российской Федерации, при этом поставлен приоритет по созданию комфортных условий для жизни граждан, возможностей для самореализации и раскрытия таланта каждого человека¹. Полагаем, что данный посыл может быть интерпретирован как требование проявления со стороны органов государственной власти и публичного управления уважения к правам, свободам, законным интересам личности, что создаст необходимую основу для восприятия каждым человеком права в качестве регулятора, обеспечивающего его достойное существование.

Кратко изложим некоторые итоги по изложенному материалу:

1) феномен «уважение» выступает связующей скрепой метафизического и позитивистского правопонимания, наполняя нормы права нравственным, духовным содержанием, ориентируя участников общественных отношений на взаимное признание достоинства, почтительное отношение к правам и обязанностям;

2) уважение вполне допустимо воспринимать как принцип российского права. Выступая в таком ракурсе уважение иллюстрирует фундаментальные и приоритетные закономерности развития общества и государства, строящиеся в том числе на тенденциях экономики, культуры, спорта и многих других областей жизнедеятельности;

3) универсальность принципа уважения, рассматриваемого и через призму прав и обязанностей личности, обеспечения ее пра-

¹ См.: О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года : Указ Президента Рос. Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 (в ред. от 21.07.2020) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2018. № 20. Ст. 2817.

вового положения, формирования правосознания и правовой культуры, рассматриваемого с позиции территориального мирового признания, далеко не всегда совпадает с оценкой его сущностных, содержательных и ценностных свойств. Это актуализирует потребность комплексного исследования проблематики уважения, с различных позиций: и как правового принципа, и в качестве нравственно-этического ценза для государственно-правового реформирования в целом.

Список литературы:

1. Шебанов А. Ф. Вопросы теории нормативных актов в советском праве : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1965. 46 с.
2. Черданцев А. Ф. Логико-языковые феномены в праве, юридической науке и практике. Екатеринбург: УИФ «Наука», 1993. 192 с.
3. Алексеев С. С. Проблемы теории права : Основные вопросы общей теории социалистического права : курс лекций: в 2 т. / науч. ред.: Русинов Р. К.; отв. за вып.: Семенов В.М. Свердловск: Изд-во Свердл. юрид. ин-та, 1972. Т. 1. 396 с.
4. Явич Л. С. Сущность права. Социально-философское понимание генезиса, развития и функционирования юридической формы общественных отношений. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1985. 207 с.
5. Самощенко И. С. Охрана режима законности советским государством. Правоохранная деятельность Советского государства – метод обеспечения социалистической законности. М.: Госюриздат, 1960. 200 с.
6. Лукашева Е. А. Социалистическое правосознание и законность. М.: Юрид. лит. 1973. 344 с.
7. Москалькова Т. Н. Уважение чести и достоинства личности как принцип советского уголовного процесса : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1993. 16 с.
8. Мордовец А. С., Магомедов А. А., Силантьева Л. В., Чинчиков А. А. Права человека и деятельность органов внутренних дел. Саратов: СВШ МВД России, 1994. 131 с.
9. Репьев А. Г. Человеческое достоинство и правовое преимущество: диалектика взаимосвязи категорий // Государство и право. 2017. № 6. С. 109–113.
10. Репьев А. Г., Репьева А. М. Нравственно-правовые категории «уважение» и «достоинство» с позиции ценностного подхода (на примере уголовно-исполнительного права) // Алтайский юридический вестник. 2018. № 3 (23). С. 77–81.

Алена Сергеевна Полевщикова,
научный сотрудник
отдела планирования
и контроля научных исследований
научно-исследовательского центра
Академия управления МВД России

Соотношение нормотворческой и законотворческой деятельности МВД России

Аннотация

Статья посвящена исследованию содержания категорий «нормотворчество» и «законотворчество» применительно к деятельности федеральных органов исполнительной власти. Автором предпринимается попытка разграничить данные виды деятельности, а также делается акцент на том, что законотворчество является неотъемлемым направлением работы Министерства внутренних дел Российской Федерации.

Ключевые слова и словосочетания: законотворчество; нормотворчество; МВД России; федеральные органы исполнительной власти.

Действующая система права является результатом нормотворческой деятельности, поэтому ее «качество» напрямую зависит от того, насколько правильно организован процесс подготовки и рассмотрения нормативных правовых актов, а также от слаженного взаимодействия всех участников нормотворческого процесса.

Интерес автора направлен на изучение нормотворческой деятельности органов власти, не относящихся к числу субъектов права законодательной инициативы, а именно органов федеральных органов исполнительной власти (далее – ФОИВ). В связи с тем, что нормотворческая деятельность ФОИВ многообразна, хотелось бы последовательно разграничить основные ее разновидности и определить правовую природу каждой.

Начать следовало бы с правовых основ деятельности ФОИВ в сфере нормотворчества. ФОИВ, осуществляющие государственное управление в соответствующей сфере деятельности, то есть федеральные министерства, в силу своих интересов и возможностей

обязаны участвовать в определении правовой политики государства.

Это положение содержится в Указе Президента Российской Федерации «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти». В соответствии с указом разные ФОИВ имеют неодинаковые нормотворческие полномочия. Ряд ФОИВ (министерства) сосредоточили в себе определенные функции: нормативно-правовое регулирование для министерства, контроль и надзор для федеральных служб, находящихся в ведении министерств, оказание государственных услуг и управление государственным имуществом для федеральных агентств, находящихся в ведении министерств. Другие ФОИВ осуществляют как нормативно-правовое регулирование, так и контроль и надзор, оказание государственных услуг и управление государственным имуществом (ФС и ФА, подведомственные Президенту Российской Федерации или Правительству Российской Федерации).

Терминологический анализ можно провести на примере нормативных правовых актов МВД России. Положение о МВД России содержит в пп. 4 п. 11 указание на то, что МВД России осуществляет нормативно-правовое регулирование в сфере внутренних дел. Во исполнение п. 20 Положения министр издает нормативные правовые акты, положения, уставы и пр. Кроме относящиеся к сфере внутренних дел обозначаются полномочия МВД России, связанные с разработкой проектов законов, в пп. 3 п. 11.

Данные положения Указа получают свое развитие в приказе МВД России от 27 июня 2003 г. № 484 «Об утверждении Правил подготовки нормативных правовых актов в центральном аппарате МВД России».

Совершенно несправедливо в названном нормативном правовом акте указывается, что порядок организации и осуществления подготовки в центральном МВД России (и его органах и подразделениях) проектов федеральных законов, актов Президента Российской Федерации, Правительства Российской Федерации, ведомственных нормативных правовых актов, а также нормативных правовых актов един. Несмотря на то, что предлагается учитывать особенности разных видов правовых актов, установление единства в правилах разработки уравнивает их значимость, что в корне противоречит самому смыслу иерархии нормативных правовых актов.

С теоретической точки зрения, говоря о нормотворческой деятельности федеральных министерств, можно отметить такие его направления, как собственное нормотворчество, межведомственное нормотворчество и участие в нормотворческой деятельности

по линии других государственных органов (к данному направлению можно относить участие ФОИВ в законотворческом процессе). На вышеупомянутую классификацию можно посмотреть с точки зрения разработки (участия в разработке) подзаконных нормативных правовых актов и собственно законов (во взаимодействии с субъектами права законодательной инициативы).

В юридической литературе вопрос о соотношении понятий «нормотворчество» и «законотворчество» остается спорным. Не вдаваясь в подробности дискуссии, можно отметить, что в целом имеется две точки зрения по данному вопросу: 1) законотворчество и нормотворчество соотносятся друг с другом как общее и частное (или частное и общее) [6], 2) законотворчество и нормотворчество существуют как две независимые категории [1; 2].

Принято считать, что законотворческий процесс, помимо собственно законодателя, ограничивается деятельностью исключительно субъектов права законодательной инициативы. Более глубокое изучение показало, что это далеко не так.

Как было сказано выше, законопроектная деятельность ФОИВ обусловлена функцией МВД России по нормативному правовому регулированию установленной сферы. Это позволяет им участвовать в законотворческом процессе во взаимодействии с субъектами права законодательной инициативы, прежде всего, Президентом Российской Федерации и Правительством Российской Федерации. При этом следует отметить, что в последнее десятилетие деятельность Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации по созданию закона является самой результативной среди всех субъектов права законодательной инициативы.

К последнему направлению относится участие в законотворческой деятельности палат Федерального Собрания Российской Федерации, Президента Российской Федерации, Правительства Российской Федерации, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, иных государственных органов (например Прокуратуры Российской Федерации). Конституционно-правовой характер данной деятельности вытекает из осуществления ФОИВ конституционной обязанности государственной власти по обеспечению законодательного регулирования общественных отношений. Как пишет Ю. А. Тихомиров, «правовые акты служат основным способом осуществления компетенции органов исполнительной власти и иных структур. Среди их полномочий первое место занимает разработка, участие в обсуждении и принятии и реализация законов».

Федеральным органом исполнительной власти, возглавляющим систему органов внутренних дел, является Министерство вну-

тренних дел Российской Федерации. МВД России входит в систему федеральных органов исполнительной власти и осуществляет функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере внутренних дел. Это обстоятельство обуславливает многообразие форм его участия в нормотворческом процессе, начиная от проведения мониторинга правоприменения и заканчивая сопровождением законопроекта (закона). Анализ нормативных правовых актов МВД России позволяет сделать вывод, что нормотворческая деятельность МВД включает в себя подготовку как ведомственных нормативных правовых актов, так и работу над проектами законов.

Разграничение ведомственного нормотворчества, под которым Ю. Г. Арзамасов понимает издание МВД России подзаконных нормативных правовых актов, и законотворческой деятельности МВД России, имеет в своей основе значимый критерий: правовая природа деятельности.

Ряд ученых, например В. Д. Сорокин, В. П. Уманская, А. А. Максимов отмечают, что «производство по принятию нормативных правовых актов государственного управления (то есть нормативных правовых актов МВД России) представляют собой не что иное, как административный процесс» [3-5]. По мнению данных авторов, следует выделять так называемый «правотворческий административный процесс», посредством которого уполномоченными субъектами (в том числе МВД России) создаются подзаконные нормативные правовые акты, направленные на реализацию собственных функций и регулирование отношений в сфере своей компетенции.

С точки зрения природы правового регулирования участия МВД России в законотворческом процессе представляется интересной вторая группа мнений. В частности, специалист в области ведомственного нормотворчества Ю. Г. Арзамасов отмечает, что включение в нормотворчество отдельными авторами «подготовки министерствами проектов законодательных нормативных правовых актов следует признать не вполне обоснованным, так как это не нормотворчество министерств и ведомств в чистом виде, а выполнение лишь отдельных нормотворческих функций» [1].

Такую точку зрения разделяет и Н. А. Глебова, которая считает, что работа «над проектами законодательных актов не является нормотворчеством, а лишь представляет собой реализацию нормотворческих функций, позволяющих принимать нормативные акты более высокого качества» [2].

Представляется, что немаловажным является сам подход к пониманию природы нормотворчества. С одной стороны, «норму»

можно рассматривать в широком смысле слова – как правило поведения, вне зависимости от формы нормативного правового акта. В таком случае нормотворчеством можно считать как законопроектную деятельность ФОИВ, так и подзаконное нормотворчество.

С другой стороны, если рассматривать в качестве наиболее общей категории «правотворчество», то вполне обоснованно включение в его состав «законотворчества» и «нормотворчества» как категорий второго порядка. В таком случае под нормотворчеством можно понимать деятельность по созданию именно ведомственных подзаконных НПА.

Представляется, что законотворческая деятельность МВД России в отличие от ведомственного нормотворчества направлена на разработку (или участие в разработке) нормативно-правового акта высшей юридической силы, принимаемого (одобряемого) палатами законодателя, нацеленного на регулирование наиболее значимых общественных отношений.

Это дает основания разграничивать административно-правовую деятельность МВД России по изданию ведомственных правовых актов и деятельность, направленную на разработку (участие в разработке) норм закона, которая имеет конституционно-правовую природу. Данное разграничение вытекает из конституционного характера самой законодательной функции государственной власти, которая, как уже упоминалось, осуществляется сообща многими государственными органами, в том числе не относящимися к законодательной власти.

Представляется, что возникшая научная неопределенность стала возможной в результате смешения нормативного регулирования законотворческой и иной нормотворческой деятельности МВД России. Решение данной проблемы видится в разграничении нормативно-правового регулирования ведомственного нормотворчества и участия МВД России в законотворческом процессе, что позволит учесть специфику каждого вида деятельности.

Список литературы:

1. Арзамасов Ю. Г. Ведомственное нормотворчество: современное состояние, проблемы модернизации // Юридическая техника. 2012. № 6.
2. Глебова Н. А. Ведомственное нормотворчество // Вестник ВУиТ. 2009. № 71.
3. Сорокин В. Д. Административно-процессуальное право. СПб., 2004. С. 333.

4. Шагиева Р. В., Димитров Н. Н. Основы нормотворчества: учебное пособие / под общ. ред. Р. В. Шагиевой. М., 2013. С. 40.
5. Ярмонова Е. Н. Отличие нормотворчества от правотворчества как одна из основных проблем юриспруденции // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2016. № 16. URL: <http://e-koncept.ru/2016/76189.html> (дата обращения: 11.06.2022).

Естественные права как конституционные ценности

Аннотация

В статье рассматриваются конституционные ценности как основополагающие факторы в определении вектора развития отечественного государства и права, поднимаются дискуссионные вопросы о том, что собой представляют конституционные ценности; анализируются естественные права в процессе развития общества.

Ключевые слова и словосочетания: естественные права; конституционные ценности.

Естественные права человека – главный идеологический и политический факт последних десятилетий. Они являются идеологическим центром притяжения всех процессов, происходящих в мировой действительности. Они стремятся быть гегемонами и заменяют собой всевозможные дискурсы и становятся единственным компасом заблудшей эпохи.

Однако так было не всегда, был период, когда представители исторической школы юристов отвергали теорию естественного права в принципе, и лишь позже сторонники этого направления утверждали, что естественные права являются лучшим основанием для настоящего и будущего [12]. Тем не менее до настоящего времени остается необходимость осмысления противоречий реализации естественных прав, возникающих при появлении новых и смешении старых форм конституционно-правовой действительности, вызывая споры и неподдельный страх [6].

Особого внимания на современном этапе заслуживает реализация естественных прав человека, так как они находятся в центре всех социальных ценностей, занимая высшую ценность. Сложность заключается в неподготовленности к будущим ситуациям. Неподготовленность проявляется в практике конституционного правосудия, которая опирается на нечетко сформулированные понятия, в неопределенности используемой терминологии, которая применяется в вопросах конституционного и международных судов. Возни-

кают трудности в понимании, на первый взгляд, очевидных понятий общества, исполнительной, законодательной и судебной власти [4]. Формируются противоречивые научно-теоретические представления о конституционных параметрах ценностной модели.

Приведем пример: ценности пронизывают все сферы жизни человека и определяют его предпочтения, интересы и ориентиры, о которых еще Протагор говорил, что мерой всех вещей является человек [11]. Более позднее утверждение евромарксистов о том, что человек есть высшая ценность, нашло свое закрепление на конституционном уровне многих стран. Не стала исключением и Конституция Российской Федерации: ч. 1 ст. 2 провозглашает, что «человек, его права и свободы являются высшей ценностью».

Однако в специальной литературе до настоящего времени нет четко определенного перечня общечеловеческих ценностей. Ученые вплоть до настоящего времени пытались ее сформулировать, но не пришли к единому мнению. Например, по мнению М. М. Утяшева, существует следующая иерархия общечеловеческих ценностей: человек и жизнь, свобода личности, равенство, справедливость [10, с. 20]. В свою очередь, В. Н. Жуков по-разному определяет минимальный перечень человеческих ценностей: жизнь, здоровье, безопасность и порядок [2, с. 22], Т. Я. Хабриева и В. Е. Чиркин рассматривают quintessence мнения, выражаемого обществом как общечеловеческие ценности [13].

С. С. Оганесян объясняет это обстоятельство тем, что невозможно представить сформированный перечень ценностей без соотнесения его с определенной исторической эпохой. Даже такие важные для человека понятия, как «жизнь», «добро» и «зло» в разное время совершенно не совпадали по смысловому содержанию [7].

В связи с этим возникают трудности с формулировкой определения «конституционных ценностей» в специальном словаре. Даже несмотря на всемирное признание и активное использование в процессе толкования конституционных норм, официальное закрепление термина «конституционные ценности» в законодательстве также отсутствует.

Ученые только пытаются определить эту категорию. Например, О. А. Снежко под конституционными ценностями понимает основные, обобщенные принципы, лежащие в основе государственности [9, с. 13]. Под этой категорией Крусс понимает систему средств и механизмов конституционного упорядочения жизни общества [5, с. 183]. В. А. Четвернин рассматривает как принципы, закрепленные в Основном законе, основные «нормы-цели», на которые ориентируется государство, и «нормы-принципы», что означает подчинение

исполнительной, законодательной и судебной властей [9, с. 124], и Г. Б. Ройзман считает, что конституционные ценности представляют собой систему, включающую общечеловеческие и приоритетные принципы, закрепленные в Конституции и основанные на деятельности конституционной судебной власти, обеспечивающие развитие субъекта, общества и власти на основе интересов общества и государства [8].

Судя по всему, единого мнения в трактовке «конституционных ценностей» нет.

Причина такого несоответствия очевидна и указана автором выше. Вот почему до сих пор нет однозначности естественно-правового подхода к правам человека как конституционным ценностям. Теория естественного права до сих пор вызывала дискуссии в юридической науке. На наш взгляд, это связано с тем, что естественные права:

- неоднозначно воспринимаются и институционализируются разными народами в разные эпохи;
- находятся под постоянным влиянием процессов глобализации;
- являются непостоянной категорией, находящейся под влиянием социальных, культурных, политических и экономических отношений.

Эти факторы, а также непрерывный процесс развития человеческого общества и усложнение общественных отношений обуславливают появление новых прав. В связи с этим установленный перечень естественных прав (право на жизнь, свободу, безопасность, собственность, физическую и психическую неприкосновенность, личное достоинство, личную и семейную тайну) не является окончательным и подлежит дополнению, что предусмотрено ст. 55 Конституции Российской Федерации, в которой говорится о возможности добавления «иных общепризнанных прав человека»¹, активно обсуждаемых в настоящее время, где новые естественные права воспринимаются как необходимость защиты и безопасности человека, живущего в новую эпоху развития. К новым естественным правам относятся: информационные, соматические, право на забвение и другие. Предполагается, что эти естественные права далеко не последние; изменится сущность прав, их перечень будет допол-

¹ Конституция Российской Федерации : принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. : с изм., одобренными в ходе общерос. голосования 1 июля 2020 г. // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 11.06.2022).

няться в зависимости от этапа исторического развития человечества.

Таким образом, для того чтобы эволюция естественных прав протекала исходя из социальных аспектов с учетом традиционных ценностей, уважения прав и достоинства человека, культурной самобытности и автономии, необходимо сформировать некую общую систему ценностей, которая будет строиться на необратимых интеграционных процессах, характеризуя мировоззрение определенной исторической эпохи.

На современном этапе одним из основных векторов развития государства является направление защиты ценностей многонационального народа, направленное на сохранение его целостности и индивидуальности.

Эта деятельность нашла свою реализацию в Указе Президента Российской Федерации от 11 сентября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». Пункт 5 этого указа определяет перечень традиционных ценностей, однако в п. 32 указано, что они подлежат корректировке в случае необходимости «не реже одного раза в шесть лет»¹.

Представляется необходимым аналогично рассмотреть вопрос о терминологии «конституционных ценностей» и «естественных прав», закрепив их в Основном законе для однозначного восприятия и толкования этих категорий с возможностью корректировки в зависимости от эпохи, проживаемой государством и обществом, что наложит отпечаток на понимание человеком проблем глобального характера, в частности, естественных прав.

Нормы законодательства, не отвечающие критериям ясности, прозрачности, доходчивости и устойчивости, порождают противоречивую правоприменительную практику, создают потенциально двусмысленное толкование и произвольное ее применение, что ведет к нарушению конституционных прав, свобод и законные интересы граждан.

Таким образом, нет необходимости критически оценивать неизбежные процессы развития человеческой цивилизации, определяя положительные или отрицательные характеристики. По поводу негативного отношения ко всему новому, напомним слова, сказанные более 100 лет назад русским юристом Б. Я. Кистяковским:

¹ Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей : Указ Президента Рос. Федерации от 9 декабря 2022 г. № 809 // ИПП ГАРАНТ (дата обращения: 11.06.2022).

«Какой бы старой ни была сама по себе та или иная идея, она всегда нова для человека, впервые переживающего ее; оно совершает в его сознании творческую работу, усваивая и преобразовываясь с другими его элементами» [3, с. 113]. С ним невозможно не согласиться: все новое вызывает негативную реакцию и страх, чем интерес, поэтому важно ясно, прозрачно и доходчиво формулировать и конкретизировать «конституционные ценности» и «естественные права» в законодательстве Российской Федерации для раскрытия его нормативного потенциала в идеальной организации общественной и государственной жизни.

Список литературы:

1. Батурин В. К. Политология : учебник для студентов высших учебных заведений / [В. К. Батурин и др.]; под ред. В. К. Батурина. 4-е изд., перераб. и доп. М. : ЮНИТИ, 2012. 567 с.
2. Жуков В. Н. Введение в юридическую аксиологию (вопросы методологии) // Государство и право. 2009 № 6. С. 20–31
3. Кистяковский Б. Я. Вехи; Интеллигенция в России : сборник статей. М.: Молодая гвардия, 1909. С. 109–135.
4. Ключкова Ю. А. Влияние современной конвергенции на политико-правовые институты: теоретико-методологический анализ правового и политического взаимодействия // История государства и права. 2012. № 13. С. 1–5.
5. Крусс В. И. Теория конституционного правопользования. М.: НОРМА. 2007. 752 с.
6. Маклюэн Г. М. Галактика Гутенберга. Сотворение человека печатной культуры / пер. с англ. и прим.: А. Юдин. М., 2003 // Центр гуманитарных технологий. URL: [http:// gtmarket.ru/laboratory/basis/3568](http://gtmarket.ru/laboratory/basis/3568) (дата обращения: 30.11.2022).
7. Оганесян С. С. О понятии «Общечеловеческие ценности» в современном мире // Ценности и смыслы. 2019. № 5. URL: [https:// cyberleninka.ru/article/n/o-ponyatii-obshechelovecheskie-tsennosti-v-sovremennom-mire](https://cyberleninka.ru/article/n/o-ponyatii-obshechelovecheskie-tsennosti-v-sovremennom-mire) (дата обращения: 30.11.2022).
8. Ройзман Г. Б. Понятие и юридическая природа конституционных ценностей // Вестник ЧелГУ. 2012. № 1 (255). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-yuridicheskaya-priroda-konstitutsionnyh-tsennostey> (дата обращения: 30.11.2022).
9. Снежко О. А. Правовая природа конституционных ценностей современной России // Сравнительное конституционное обозрение. 2005. № 2. С. 12–16.

10. Утяшев М. М. Права и свободы человека в системе общечеловеческих ценностей // Вестник Башкирск. ун-та. 2009. № 3–1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prava-i-svobody-cheloveka-v-sisteme-obshechelovecheskih-tsennostey> (дата обращения: 30.11.2022).

11. Четвернин В. А. Конституция Российской Федерации: Проблемный комментарий / [Автономов А. С. и др.]; рук. авт. коллектива и отв. ред. В. А. Четвернин. М.: Центр конституционного исследования Московского общественного научного фонда, 1997. 702 с.

12. Фролова Е. А. Теория естественного права (историко-теоретический аспект) // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2013. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoriya-estestvennogo-prava-istoriko-teoreticheskiy-aspekt> (дата обращения: 30.11.2022).

13. Хабриева Т. Я., Чиркин В. Е. Теория современной конституции. М.: Норма, 2005. 319 с. // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 4. Государство и право: Реферативный журнал. 2007. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/2007-03-007-habrieva-t-ya-chirkin-v-e-teoriya-sovremennoy-konstitutsii-m-norma-2005-319-s> (дата обращения: 30.11.2022).

УДК 340
Татьяна Николаевна Сергеева,
адъюнкт факультета
подготовки научных
и научно-педагогических кадров
Академия управления МВД России

**Функции общенародного государства в трудах
профессора А. П. Косицына**

Аннотация

В настоящей статье проводится анализ взглядов профессора А. П. Косицына, касающихся функций государства на различных этапах исторического развития (диктатура пролетариата и общенародное государство). В результате проведенного анализа автор пришел к выводу, что некоторые функции общенародного государства, обозначенные А. П. Косицыным, не утратили актуальности в современной демократической России.

Ключевые слова и словосочетания: социалистическое государство; государство диктатуры пролетариата; общенародное государство; функции государства.

Основные функции государства диктатуры пролетариата. В развитие советской юридической науки, в частности, в области теории и истории государства и права, а также конституционного права, значительный вклад внес Александр Павлович Косицын (1925–1988 гг.), доктор юридических наук, профессор, участник Великой Отечественной войны, Герой Советского Союза, заслуженный работник МВД СССР, генерал-майор внутренней службы. А. П. Косицын исследовал вопрос о функциях государства на разных этапах социалистического развития общества. Так, на этапе государства диктатуры пролетариата автором рассмотрены следующие функции, к числу которых относятся:

- принуждения и созидания;
- хозяйственно-распорядительная;
- культурно-воспитательная;
- охраны правопорядка;
- внешнеполитические функции [2, с. 150–189].

Без наличия первой функции невозможно создание и существование любого государства, в том числе государства диктатуры пролетариата.

А. П. Косицын отмечал, что принуждение соотносится с изменением существующего строя, что выражается в классовом подавлении [3, с. 292].

Подобные действия не влекут за собой нарушение других функций государства, а являются необходимой частью для построения нового социалистического государства, и в то же время предполагают наличие созидательной деятельности по построению другого государства – пролетарского, в рамках которого все командное передается трудящимся, а государство реализует преобразование всех сфер экономической жизни.

Данное обстоятельство обусловило возникновение хозяйственно-распорядительной или иначе хозяйственно-организаторской функции, в соответствии с которой осуществляется планирование развития промышленности и управления народным хозяйством государства.

Данную функцию пролетарского государства А. П. Косицын рассматривал с позиции различных аспектов. Ученым справедливо был поставлен вопрос о том, зачем государству нужно брать на себя реализацию подобной функции, ведь гораздо проще было бы передать ее в ведение отдельных производственных коллективов, однако справедливо приходит к выводу о том, что только государство может выполнить такую многоаспектную функцию, которая включает в себя планирование и контроль [6, с. 15]. Для начального этапа пролетарского государства все же характерно наличие некоторого расслоения, что негативным образом может сказаться на экономической составляющей и подавление которого будет возможно только ввиду реализации государственно-властных полномочий. К тому же именно государство с его силами может объединить рабочий класс для построения социализма [2, с. 157].

Сущность культурно-воспитательной функции государства, как отмечает А. П. Косицын, состояла в том, чтобы сделать культуру достоянием социалистического государства. Данная функция также имела свое проявление в части участия населения в управлении делами государства, создании новой интеллигенции из числа рабочих. Негативным аспектом, тормозящим развитие культурной составляющей государства, по мнению А. П. Косицына, было тотальное пропагандирование национальной культуры, без ее какого-либо обоснования и вне зависимости от содержания, что обуславливало массу вопросов и возникновение некоторых волнений, отсутствие

стабильности пролетарского государства. Ученый считал, что пролетарское государство является ярким противником всех достижений мировой цивилизации, поскольку только в соответствии с подобным отрицанием может возникнуть культура [2, с. 171–172].

Наименование функции охраны порядка определяет ее содержание. А. П. Косицын отмечал, что реализация данной функции должна иметь тотальный характер, что осуществляется в целях установления социалистической законности и смены старого строя. Именно поэтому в 1925 г. было принято постановление «о революционной законности». Реализация данной функции также была направлена на охрану прав человека и гражданина: вопросы реализации его прав, правомерность задержания, личная неприкосновенность [2, с. 182].

Внешнеполитические функции государства диктатуры пролетариата, по мнению А. П. Косицына, были направлены на формирование всеобщего мира, что было обусловлено принятым Декретом о мире. В данном документе содержались положения «о немедленном мире», запрещалась агрессия, тайная дипломатия и осуществление внешней политики методами, которые являлись недействительными. Все переговоры должны были производиться открыто [2, с. 189].

Таким образом, обобщив изложенное, можно сделать вывод, что основные функции пролетарского государства позволяют определить его сущность как направленного на создание социализма, где предполагалось главенство рабочего класса, управление хозяйственно-распорядительной деятельностью государством, формирование народной интеллигенции, увеличение роли национальной культуры, развитие законности и правопорядка, а также деятельность, направленная на формирование всеобщего мира.

Обозначенное позволяет определить, что государство диктатуры пролетариата в своей деятельности реализует функции: принуждения и созидания, хозяйственно-распорядительную, культурно-воспитательную, охраны правопорядка, внешнеполитические функции.

Функции общенародного государства.

А. П. Косицын отмечал, что изменение государства диктатуры пролетариата на общенародное не предполагает только установление его другого определения, поскольку это являлось бы самым примитивным [4, с. 129].

Профессор разграничивает данные виды государства в соответствии с их функциями. Среди основных функций общенародного государства им выделяются следующие:

- хозяйственно-распорядительная;
- контроля за мерой труда и мерой потребления;
- социально-культурного строительства и коммунистического воспитания;
- охраны социалистического правопорядка;
- внешнеполитические функции;
- обороны страны [3, с. 324–362].

Относительно первой функции А. П. Косицын отмечал, что ее сущность связана с созданием материально-технической основы построения государства, что обусловлено ростом производительности, совершенствованием различных отраслей, увеличением ресурсов, оснащения, практическим применением научно-технического прогресса. Именно поэтому государством были предприняты существенные шаги в соответствии с реализацией данной функции [3, с. 329].

В частности, в 1965 г. началось проведение хозяйственной реформы, в рамках которой была реорганизована существующая система управления народным хозяйством, поскольку прежняя не могла отвечать потребностям нового на тот период общества и всего государства с учетом его масштабов. После 1965 г. управление промышленностью осуществлялось в соответствии с отраслевым принципом, что можно было расценивать исключительно положительно, однако для реализации хозяйственно-распорядительной функции государства немаловажное значение отводилось вопросам совершенствования и стимулирования деятельности соответствующего сектора.

Планирование должно было быть оптимальным, закрепляющим основные особенности производства, учитывать все аспекты, в том числе возможные к использованию средства, методы, доход и пр. Именно принимая во внимание все обстоятельства, планы по развитию деятельности, входящей в хозяйственно-распорядительную функцию, могли быть реализованы без наличия какого-либо ущерба для государства, а также негативных последствий.

Хозяйственно-распорядительная функция также во многом проявлялась в деятельности союзных республик, которым предоставлены самостоятельные полномочия, в том числе по планированию различных процессов производства. Предприятия стали самостоятельно вести хозяйственные расчеты, а их деятельность активно поощрялась со стороны государства, а сами предприятия стремились выполнить еще больше планов.

Рассматриваемая функция оказывала влияние и на все сельскохозяйственное производство, и, как отмечал А. П. Косицын,

это было связано с тем, что все сельское хозяйство было отнесено к общественной собственности, в соответствии с чем хозяйственно-организаторская деятельность государства распространялась на нее повсеместно. Также государство фактически являлось организатором осуществляемой деятельности, в то время как ее непосредственное руководство осуществлялось колхозами [3, с. 335].

Характеризуя хозяйственно-распорядительную функцию, А. П. Косицын справедливо пришел к выводу о ее сложности и многогранности, обозначив то, что она охватывает все сферы, связанные с производством и способами воздействия на экономические процессы [3, с. 337].

Подобное указание повлекло за собой некоторые споры в научной литературе того периода относительно выделения в рамках хозяйственно-распорядительной функции иных. Так, к примеру, Я. А. Кронрод считал, что содержание рассматриваемой функции составляют: определение задач на различные периоды; установление властных отношений между субъектами; создание ввиду экономической политики организационно-распорядительных форм, где будут осуществляться экономические отношения в сфере производства [7, с. 200–202]. А. И. Денисов также указывал на то, что организационно-распорядительная функция включает в себя множество экономических, но не раскрывал их [1, с. 3–15].

Относительно данных позиций А. П. Косицын справедливо указал на то, что нельзя рассматривать хозяйственно-распорядительную функцию как основу для выделения иных, множества экономических функций, поскольку деятельность государства в целом и в соответствии с выделяемыми экономическими функциями, в частности, как раз-таки и определяет единую хозяйственно-распорядительную функцию [3, с. 340]. Такое утверждение не следует критически оценивать ввиду выделения А. П. Косицыным многогранности хозяйственно-распорядительной функции государства (о чем было указано ранее), поскольку многогранность (функции) и множественность (функций) не тождественны друг другу.

Вопрос о существовании функции «контроля за мерой труда и мерой потребления» являлся дискуссионным [8, с. 50–52]. А. П. Косицын считал, что ее выделение является целесообразным при наличии тесной связи с рассмотренной ранее. Ученый отмечал, что несмотря на соотношение данных функций, их нельзя определить в качестве тождественных, тем более что функция контроля за мерой труда и мерой потребления соотносится и с иными функциями государства, к примеру, функцией по охране социалистической собственности [3, с. 340].

Основное содержание рассматриваемой функции А. П. Косицын соотносил с деятельностью государства, реализуемой на государственных общенародных предприятиях в области промышленности, строительства и сельского хозяйства [3, с. 341]. По нашему мнению, обозначенная А. П. Косицыным функция контроля за мерой труда и мерой потребления, с научной точки зрения подлежит дальнейшему изучению.

Типичной «культурно-воспитательной функции» А. П. Косицын дает наименование функция «социально-культурного строительства и коммунистического воспитания» [3, с. 344]. Без реализации данной функции невозможно построение общенародного государства. Для перехода к нему необходимо использовать не только материально-технические ресурсы, но и полагаться на сознательность всех членов общества. Данное положение прямо соотносилось с программой КПСС.

Главными направлениями функции социально-культурного строительства и коммунистического воспитания являются: строительство, здравоохранение, обеспечение социального равенства и пр. В основе реализации данной функции находится формирование уважительного отношения друг к другу, любви и уважения к труду, воспитанию трудовой дисциплины.

Функция охраны социалистического правопорядка по А. П. Косицыну предполагает активную деятельность государства по защите не только его интересов, но и прав и свобод человека и гражданина [3, с. 350]. Ученый отмечал, что осуществление охранительной деятельности происходит специально созданными для этого компетентными органами, а также всеми органами государственной власти и общественными организациями, граждане в любой момент могут реализовать свое право на защиту [5, с. 65–75].

Среди внешнеполитических функций государства А. П. Косицын выделяет следующие подвиды:

- функция сотрудничества с социалистическими странами;
- функция поддержания и сотрудничества с молодыми и независимыми государствами;
- функция «борьбы за мир»;
- функция организации мирных отношений [3, с. 353].

Из наименования данных функций с уверенностью можно выделить их принадлежность.

Реализация сотрудничества с социалистическими странами на протяжении достаточно длительного временного периода не могла стать самостоятельной функцией, поскольку СССР являлся единственным социалистическим государством, и только

с созданием других данная функция была приведена в действие. Содержание рассматриваемой функции состояло в первую очередь в уважении суверенитета социалистических государств, признание их территориальной целостности и невмешательства в их политику, но активное участие в совместной деятельности по различным вопросам, укрепление дружества, реализации постоянной взаимопомощи и поддержки.

Функция поддержания и сотрудничества с молодыми и независимыми государствами состояла в поддержке Азии, Африки, Латинской Америки в целях создания прочных связей.

Функция «борьбы за мир», как отмечал А. П. Косицын, состоит в реализации деятельности, направленной на предотвращение любых военных проявлений. Еще в 1970-е гг. ученый отмечал, что вопрос о мировой войне стоит достаточно остро. По его мнению, предотвращение военных действий является условием для последующего развития социализма, представляет собой некий прогресс, что подвластно реализации. А. П. Косицын также отмечает, что предотвращение совершения военных действий возможно только ввиду волеизъявления большинства общества [3, с. 355].

Функция организации мирных отношений распространялась на капиталистические страны. А. П. Косицын указывал на то, что несмотря на противоречия, связанные с организацией деятельности советского и других государств, принимать последние просто необходимо, поскольку это является взаимовыгодным и позволяет развить многие сферы, а также наладить связи [3, с. 357].

Отдельной и немаловажной функцией общенародного государства является функция обороны страны, основная сущность которой, по мнению А. П. Косицына, выражалась в защите Отечества, укреплении обороны и совершенствовании войск [3, с. 359].

Таким образом, с учетом анализа функций общенародного государства, выделенных А. П. Косицыным, можно сделать вывод, что оно не тождественно государству диктатуры пролетариата и в то же время его нельзя определить в качестве самостоятельного государства, но можно обозначить как продолжение пролетариата. По стадии своего развития государство диктатуры пролетариата является первой ступенью, в соответствии с которой происходит развитие социалистических начал, а общенародное государство – вторая ступень, в рамках которой происходит становление и развитие коммунистических начал.

Некоторые функции общенародного государства, выделенные А. П. Косицыным, находят свое отражение в современной демократической России. В частности, особую актуальность приобрели

«внешнеполитические функции» и функция «обороны страны», обусловленные обострением внешнеполитических отношений между государствами. С учетом сложившейся внешнеполитической обстановки актуализируются вопросы, связанные с поиском иных средств преодоления противоречий между государствами за счет достижения компромисса. По этому поводу А. П. Косицын писал, что в рамках внешнеполитической функции «борьба за мир» возможно предотвращение любых военных действий, но только в том случае, если свое волеизъявление даст большинство общества (вне зависимости от стороны).

Список литературы:

1. Денисов А. И. Методология исследования экономических функций государства // Вестник Московского университета. 1966. № 1. Ст. 3–15.
2. Косицын А. П. Государство, рожденное Октябрем. М.: Юрид. лит., 1987. 319 с.
3. Косицын А. П. Социалистическое государство. Закономерности возникновения и развития. М.: Юрид. лит., 1970. 415 с.
4. Косицын А. П. Закономерный этап развития социалистической государственности // Советское государство и право. М.: Наука, 1965. № 10. С. 126–135.
5. Косицын А. П. Становление Советского общенародного государства // Советское государство и право. М.: Наука, 1967. № 5. С. 65–75.
6. Косицын А. П. Пути установления диктатуры пролетариата // Советское государство и право. М.: Наука, 1969. № 11. С. 10–20.
7. Кронрод Я. А. Использование экономических законов и роль государства в строительстве коммунистической экономики. М.: Ин-т экономики АН СССР, 1963. С. 256.
8. Черноголовкин Н. В. Функции Советского государства в период развернутого строительства коммунизма. М.: Госюриздат, 1960. 191 с.

Основные подходы к формированию теории ограничения публичной власти

Аннотация

Статья посвящена исследованию содержания основных подходов ограничения государственной власти. Автором выделяются исторические этапы возникновения концепций ограничения власти, а также анализируются основные подходы происхождения феномена «власть» в зарубежной и отечественной литературе.

Ключевые слова и словосочетания: власть; государственная власть; концепции ограничения власти; суверенитет; правовое государство.

Фундаментальной темой в теории государства и права является тема власти, процесс ее возникновения, формирования, осуществления, и, как нам видится, ограничения. В научных кругах не умолкают споры о сущности власти и ее месте в обществе, о причинах зарождения и крушения власти, о ее меняющихся и закоренелых характеристиках, базовых и динамических факторах и о многом другом, что возникает в сознании при обращении к слову «власть».

Исследования проблематики государственной власти и ее места в системе иных видов власти проводились и проводятся философами, социологами, политологами, юристами и целым рядом других ученых. «Феномен власти всегда привлекал внимание как правящих, так и управляемых, оставаясь закрытым для тех и других, и будучи одним из главных социальных стимулов, в течение веков постоянно трансформировался, принимая все новые и новые формы и постоянно нуждаясь в новых обоснованиях и объяснениях» [7, с. 9].

В данной статье рассмотрены основные подходы ограничения государственной власти в отечественной и зарубежной юридической мысли, а также отражены наиболее существенные характеристики каждого рассмотренного подхода, выделяя первостепенные

идеи и последующие, послужившие основаниями для формирования институтов гражданского общества.

При сравнении ныне действующих взглядов и сопоставлении их с мнениями наиболее выдающихся философов и политиков возникает вопрос, который должен бы больше всего обратить на себя внимание и дать ответ о том, какую именно цель должно иметь все государственное устройство и какими пределами должно оно ограничивать свою деятельность.

Углубляется экономическая, социальная, политическая, духовная дифференциация общества, порождающая в том числе и обратные интеграционные тенденции, в том числе в государственных правоотношениях. Особую актуальность анализ идеи ограничения публичной власти приобретает в современной России в виду «новой власти» – подвижной, гибкой, изменчивой, многокомпонентной.

Первостепенно в картине мира древних народов доминирует представление в мифологическом божественном происхождении существующих отношений власти и порядка жизнедеятельности древневосточных обществ. В Древнем Китае обеспечением силы и справедливости монархической власти были моральные и этические нормы, статус которых был выше закона. Таким образом, была сформулирована идея контроля за властью самой властью.

Особенностью процесса совершенствования представления о мире и бытия Божиим, религиозных и мифологических взглядов на власть и политику в Древней Греции была рациональность и плодотворность, а также всесторонний анализ различных форм правления. Так, государство могло распоряжаться жизнью, имуществом и свободой своих граждан только в соответствии с существующими законами, руководствуясь силой своего разума.

Именно точки зрения Аристотеля являются одними из самых значимых, он указывал на естественное происхождение государства, обусловленное историческими факторами времени и места, внешними условиями, вне которых невозможно существование государственного строя, внутренними же факторами считались умеренное количество граждан и масштаб территории.

В будущем приверженцы либеральной демократии опирались как раз на описанную проблему Аристотеля о разграничении сферы государства и сферы общества. Мыслитель выделял два типа отношений между государством и гражданами: первый тип включал участие граждан в делах государства – собственно политический тип, второй же непосредственно затрагивал участие граждан в частной сфере. Данная проблема положила начало несовпадению

глобальных феноменов общества и государства, проблему ограничения государства сферой гражданского общества [1, с. 4].

В средневековой политической мысли главным принципом была теократия, то есть идея Божества и церкви. Именно укрепление церковной организации послужило развитию теократической идеи возникновения государства. Эта теория существовала во многих странах, таких как Англия и Европа, на протяжении всего средневековья.

Одной из важных проблем позднего времени была борьба за верховенство власти между церковью и светской властью. Ограничение власти монарха как раз будет естественным смыслом для недопущения злоупотреблений. Для этого именно народу необходимо участвовать в управлении делами государства. Мыслитель Акинат резюмировал и выдвигал идею о том, что «любая политическая власть может осуществляться с согласия народа, и все законы могут приниматься с согласия народа или его представителя, так «мы не можем быть в безопасности, пока зависим от воли другого человека» [2, с. 397].

Наиболее существенной отличительной чертой государства является его суверенность. Именно суверенитет означает наличие особой власти в государстве. Согласно теории общественного договора определенное население в пределах определенной территории отдавало правительству столько власти, сколько было необходимо для обеспечения всеобщего благосостояния. Данная теория была разработана в XVII–VIII в. такими философами, как Томас Гоббс, Джон Локк и Жан-Жак Руссо.

Д. Локк один из первых сформулировал «либеральную концепцию организационных, этических и правовых ограничений государственной власти. Для обеспечения триады естественных и неотчуждаемых прав человека необходимо следующее: ограничить объем законодательной власти и разделить государственную власть» [8, с. 34].

Одним из ярких представителей концепции, что государство представляет собой группу людей, «правомочных во имя общего блага улаживать конфликты между людьми», был Дж. Локк. Именно он обращал внимание на баланс исполнительной и законодательной власти. Так, «государственная власть должна служить обеспечению, сохранению, реализации гражданских интересов, естественных прав всех и каждого, создавать и выполнять законы, руководствоваться и ограничиваться ими в конкретных случаях» [8, с. 45]. Соглашаясь с мнением о том, что ограничить произвол власти необходимо естественным законом и разумом, именно люди могут договориться о том, что каждый будет уважать свободу другого,

а государство должно уважать свободу человека, будучи ограниченными в пределах своих функций.

В человеческой природе заложены различные волнения, страсти, способности души, для которой необходимо существование власти, особой силы, способной определять право каждого на все и решать, кому что принадлежит и что является правом. Т. Гоббс, определил власть «как возможность людей овладеть будущими благами "как право владения", как некоторую возможность, отличную от ее исполнения (действия), то есть функций» [6, с. 67].

Классиком естественно-научного подхода Т. Гоббсом «государство представлялось меньшим злом для людей, чем его отсутствие, положение человека никогда не может быть без того или другого неудобства и что величайшее стеснение, которое может иногда испытать народ при той или иной форме правления, едва чувствительно по сравнению с теми бедствиями, которые являются спутниками гражданского войны, или с тем разнузданным состоянием безвластия, когда люди не подчиняются законам и не признают над собой никакой принудительной власти...» [6, с. 2].

В русской философской мысли идею сильной неограниченной и независимой власти, «обеспечивающей общее благо и примирение враждующих общественных и государственных сил» [3, с. 35] пропагандировал Иван Тихонович Посошков в середине XVII в.

С именем Ш. Монтескье связана детальная разработка «идеи разделения власти на законодательную власть, исполнительную власть и судебную власть» [9, с. 67]. Данная концепция обосновывает принципы законности, ее главной целью является искоренение злоупотребления властью во всех сферах государственного управления. Также данный мыслитель предупреждал государство и общество об опасности передачи всей государственной власти одному человеку или группе людей, увеличение концентрации и сосредоточение публичной власти в руках одного правителя опасно и ведет к тирании (деспотизму) правительства. Особенностью идеи ограничения власти данного мыслителя являлось введение понятия «принципа правления», под которым он воспринимал страсть как движущую власть.

Идею общественного договора принял также Ж.-Ж. Руссо. Данный философ определял «общественный договор, как исторически необходимое состояние человечества, осуществляющее суверенитет и фактическое равенство посредством подчинения общей воле, выражающей объективные интересы народы» [4, с. 416].

Николо Макиавелли учил правителей облекать государственное принуждение в добродетель. Симпатии данного философа были

на стороне умеренной республики, или «смешанной» формы государства, сочетающей демократические аристократические элементы власти, которые более долговечны, чем простые формы [11, с. 66].

Вслед за Макиавелли особое внимание к проблеме определения границ вмешательства государства в жизнь общества уделял Спиноза. Данный философ считал, что «к праву государства менее относится то, на что негодует большинство». Развивая эту тему, он конкретизирует границы государственного вмешательства, «границы ее авторитета (государственной власти) и возможностей целиком определяются границами ее реальной силы, а также "мощью народа", природой самих поданных, которые признают власть государства лишь в той мере, в какой они боятся его угроз или любят государственное состояние» [4, с. 89].

Теория силы прослеживает происхождение государства от завоевания и принуждения. Сильные навязывают свои права более слабым. Одним из основоположником данной теории был Карл Маркс, указывая, что «государство – это не что иное, как исполнительный комитет буржуазии» [5, с. 12]. В 1800-х Карл Маркс определил государство как институт, используемый правящим классом для поддержания условий своего правления.

Марсистско-ленинский подход к ограничению власти опровергает применение доктрины разделения властей эпохи Возрождения, утверждая, что теория разделения властей – это «не что иное, как профанное промышленное разделение труда, применяемое в целях упрощения и контроля механизма государства». Соответственно, данный подход отвергает концепцию разделения властей, поскольку игнорирует именно классовую природу общества.

Государственная власть в зарубежной науке рассматривается на основе существующих концепций власти таких ученых, как Б. Рассела, Г. Лассуэла, Т. Парсонса, М. Вебера и других социологов. Обычно уделяют внимание бихевиористической (власть рассматривается «как особый тип поведения, изменяющий поведение других людей» [18, с. 152]); телеологической («власть воспринимается способом и средством достижения целей» [15, с. 308]); инструменталистической («власть как отношения между управляемыми и управляемым» [16, с. 46]); конфликтную («власть как распределитель благ в конфликтных ситуациях» [14, с. 75]) концепциям происхождения власти.

Аспект государственной власти, включающий сущность ярче всего, отражается в конфликтологическом и функционалистском подходах к ней. К. Маркс, автор теории конфликта, подчеркивает в явлении государственной власти борьбу за ограниченные ресурсы. «В основе власти данного подхода лежит политическая власть, кото-

рая отчуждается от народа и организуется, как относительно самостоятельное явление» [10, с. 50]. Т. Парсонс, наоборот, в своей концепции придает главное значение формам сотрудничества управляемым и управляющим. «Власть – это явление, которое отражает интересы всего общества. Государством, как политической организацией, применяется власть для всего общества» [17, с. 308]. В данных подходах двойственный характер власти представлен наиболее явно.

Актуализация проблем ограничения власти в современных условиях, отображает понятие власти наиболее общим и абстрактным, а потому и логически исходным для всей политической науки. На сегодняшний день все большее число граждан в мире охватывается самыми разнообразными формами власти, властные отношения принимают многослойный и многомерный характер. Но наряду с этим появляется идея о том, что власть необходимо ограничивать для обеспечения источника порядка и стабильности, искоренения хаоса и неустойчивости. В политической науке В. Пастухов считает, что «доминирует два основных подхода в пониманию ограничений власти: 1) как особого общественного отношения между гражданами и государством; 2) как необходимой общественной функции функционального подхода – А. И. Королев, Л. С. Мамут, А. Е. Мушкин» [12, с. 72].

Подводя итоги, хотелось бы отметить, что власть – многоплановое, социальное и юридическое явление. Исследование власти требует применения различных приемов и способов познания этого феномена. Мы исходим из того, что общественная власть – одно из проявлений общественного человеческого бытия. Изучение основных подходов ограничения власти представляет собой своеобразный вклад в ее развитие, является частью разработки программы ее преобразования. Интегративный подход, закрепляющий правовое государство, обеспечивающее границы свободы индивида и недопустимость ограничения прав и свободы человека, установленных законом, обеспечивает баланс интересов личности общества.

Список литературы:

1. Аристотель. Сочинения: в 4 т. М., 1984. Т. 4. С. 4.
2. Акстон Д. История свободы в эпоху христианства // О свободе: антология западноевропейской классической либеральной мысли. М., 1995. С. 397.
3. Баркалов В. Я. История политических учений в России XXI–XVIII вв. Барнаул, 1992.
4. Бельский М. С. Спиноза. М.: Молодая гвардия, 1964. 240 с.

5. К. Маркс. Сочинения. Москва; Ленинград: Гос. изд-во, 1931. 12 т.
6. Гоббс Т. Сочинения: в 2 т. М., 1989. Т. 1; М., 1991. Т. 2. С. 2.
7. Исаев И. А. *Politica hermetic:a*: скрытые аспекты власти. М.: Юристъ. 2010. С. 9–104.
8. Локк Дж. Сочинения: в 3 т. Т. 3. М., 1988; Зинченко Г. А. Дж. Локк. М., 1973. С. 34.
9. Монтескье Ш. Избранные произведения. М., 1955.
10. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М., 1955–1981. Т. 1–50.
11. Никколо Макиавелли. Государь / перевод с итальянского и примечания Марка Юсима. Санкт-Петербург: Азбука, 2017. 447 с.
12. Политическая наука в условиях перестройки: взгляд на актуальные проблемы современности: сборник статей. М., 1988. С. 72.
13. Руссо Ж. Ж. Об общественном договоре. Трактаты / пер. с фр. М.: «КАНОН-пресс», «Кучково поле», 1998. 416 с. (Малая серия «CIVITAS TERRENA: Социальная теория, политика и право» в серии «Публикации Центра Фундаментальной Социологии»).
14. Lasswell H. D., Kaplan A. *Power, and society*. New Haven, 1950. P. 75.
15. Parsons T. *Sociological Theory and Modern Society*. N. Y., 1967. P. 308.
16. Russell B. *Human Society in Ethics and Politics*. L., 1954; Russel B. *Power*. L., 1965.
17. Parsons T. *Sociological Theory and Modern Society*. N. Y., 1967. P. 308.
- Weber M. *The Theory Of Social and Economic Organization*. Chicago, 1947. P. 152.

Содержание понятия «сословие»: постановка вопроса

Аннотация

В разные периоды развития российского общества деление его на обособленные слои, сообщества и социальные группы на основе обобщенных позиций, определяющих социальный статус их членов, во многом определяло соответствующие характеристики российской правовой системы. В основном имеющиеся исследования сословной стратификации общества относятся к предметной области социологии и истории. В статье на основе анализа уже имеющихся определений поднимается вопрос о необходимости рассмотрения понятия «сословие» именно как правовой категории.

Ключевые слова и словосочетания: сословие; социальная стратификация; социальный статус; социальные группы; сословные права.

Как известно из курса логики, для того чтобы раскрыть содержание понятия, необходимо определить его существенные признаки [6, с. 34]. Для выявления таких признаков и уяснения содержания того или иного понятия отправной точкой является восхождение к общенаучным словарным, энциклопедическим его формулировкам.

Вынесенное в название настоящей статьи понятие в соответствии со словарем В. И. Даля определяется следующим образом: «Сословие – люди общего им занятия, одних прав; звание, состояние, разряд, каста. Сословие селян, мещан, купцов, дворян. Сословие ремесленников, или цех: более тесное братство: сословие столяров, сапожников и портных. Податные сословия. Сословные права» [3, с. 329].

Обратим внимание на тот факт, что В. И. Даль определил понятие «сословие» в качестве производного от заглавного слова «сословесие», означающего беседу, словестное состязание, от которого произошло также слово «сословить», то есть говорить согласно, одноречить. Сказанное позволяет уже на данном этапе заключить,

что сословие – это не просто люди одинакового занятия. Данное явление имеет более широкое социально-философское понимание, так как те, кто «сословит», между собой отличаются общим мировоззрением и социально-правовыми ценностями.

В современной интерпретации словаря С. И. Ожегова анализируемое понятие представлено в двух значениях. Во-первых, как сложившаяся на основе классовых отношений феодализма общественная группа с наследственными правами и обязанностями. Податные сословия (крестьяне, мещане). Привилегированные сословия (дворянство, духовенство, купечество). Во-вторых, в дореволюционной России: группа лиц, объединенных профессиональными интересами [9, с. 736–737]. Ко второму значению автор приводит пример – сословие присяжных поверенных. Такой подход, на наш взгляд, сужает понимание этого явления и сводит его к достаточно узкой профессиональной группе. Кроме того, заметим, что при определении данного понятия его правовым аспектам лексикографы практически не уделяют внимания.

В большом юридическом словаре находим, что «Сословие – в истории феодальной Европы – социальная группа, обладающая закрепленными в законе или обычае и передаваемыми по наследству правами и обязанностями. С развитием капиталистических отношений происходит разрушение сословного строя и обычно его юридическая отмена» [1, с. 704].

В отечественных трудах по истории зарубежных стран, в том числе и истории государства и права, так же как и в представленной статье большого юридического словаря, понятием «сословие» традиционно обозначают ведущие крупные социальные группы в европейском общественно-политическом устройстве феодального периода. Широко также употребляются такие понятия, как «сословно-представительная монархия», «сословный строй».

В последние годы в юридической лексике критикуется процесс вытеснения русских словесных конструкций заимствованиями из английского и иных языков. Ситуацию с понятием «сословие» можно признать одной из немногих, когда явление зарубежной истории государства и права в российской науке обозначают русскоязычным термином (а не наоборот). Вместе с тем отметим, что иногда авторами он используется в одном ряду с близкими, но не тождественными ему определениями. Например, характеризуя средневековое государство во Франции, авторы прибегают при характеристике социальных групп средневековой Европы поочередно как к понятию «сословие», так и используя такие термины, как «класс» и даже «прослойка» [4, с. 292–294].

Наиболее близко к русскому пониманию рассматриваемого понятия находятся такие слова французского языка, как «état», «ordre», «caste», означающие профессию, орден и касту соответственно.

В немецком языке для характеристики статуса, места в социальной структуре в соответствии со сложившейся иерархией используется слово «stand».

В английском языке максимально близким по значению к понятию «сословие» является термин «estate», который первоначально употребляется в значениях «имущество», «имение», «поместье», «усадебный участок», «вотчина» и только потом означает «сословие». Также можно вспомнить слово «stratum», которое лежит в основе социологического понятия «страта» и переводится в интересующем нас значении скорее как «общественный строй».

Заметно, что англоязычная традиция наименований социальной стратификации тяготеет к экономическим, социальным характеристикам, нежели юридическим.

Юридические характеристики явления «сословие» стали предметом исследования еще дореволюционных русских правоведов.

Так, не будучи зависимым от классовой теории К. Маркса и Ф. Энгельса, профессор В.О. Ключевский определяет анализируемый термин следующим образом: «Сословие (ordo или status, франц. état, нем. Stand) – термин государственного права и обозначает известный ряд политических учреждений. Сословиями мы называем классы, на которые делится общество по правам и обязанностям. Существенным и наиболее осязательным признаком сословного деления служит различие прав, а не обязанностей» [5, с. 16–17].

Относившийся к дворянскому сословию профессор права А. Д. Градовский указывал на политико-юридическую природу сословия: «различия сословий получают свою санкцию от государственного законодательства и носят характер чисто политический, не имеющий связи с различием классов или с какими-либо религиозными воззрениями» [2, с. 210].

Современные исследователи восприняли и развили сформулированные дореволюционными учеными идеи. В. С. Нересянец отмечал, что при стратификационной структуре общества «каждый является субъектом права и субъектом государства именно в качестве члена определенного сословия» [8, с. 256].

Б. Н. Миронов выделил следующие признаки сословий:

- 1) их сословные права были закреплены в законе;
- 2) права являлись наследственными и безусловными;

3) они имели свои сословные организации (дворянские собрания, городские думы, купеческие, мещанские, ремесленные, крестьянские общества и др.) и сословный, независимый от коронной администрации суд;

4) пользовались правом самоуправления;

5) обладали сословным самосознанием и менталитетом;

6) имели внешние признаки сословной принадлежности [7, с. 140].

Г. Н. Шумкин определяет сословие «как состояние социальной группы», при этом подразумевая под состоянием «набор прав и обязанностей лица (физического или юридического)» [11, с. 64]. Кроме того, автором анализируемое явление уже в названии статьи сформулировано как категория.

Приведенные выше определения понятия «сословие» позволяют сделать вывод о содержательном многообразии существенных признаков, которыми различные авторы его наполняют.

На наш взгляд, понятие «сословие» является понятием юридическим, а также заслуживает отнесения его к правовым категориям, так как имеет особое значение для теории и истории государства и права, истории политических и правовых учений, а также для государственного права.

В науке категорией считаются стабильно и однозначно используемые, специальные комплексные понятия, которые «максимально обобщают особенное, специфическое в объекте данной науки» [10, с. 9] и отражают существенные свойства группы взаимосвязанных явлений материального мира.

Содержание постановки вопроса в указанном ключе предполагает необходимость изучения типичных юридических характеристик (признаков, свойств) отдельных сословий и формулирование общей правовой характеристики явления «сословие», что позволит перейти от историко-правовых деталей к теоретико-правовым обобщениям, рассмотрев его и как общеправовую категорию.

Подобный ракурс исследования позволит получить определенные методологические результаты: выработка методов, методик и инструментов изучения юридических аспектов социальной стратификации, с помощью которых можно исследовать и соответствующие современные явления.

Список литературы:

1. Большой юридический словарь / под ред. А. Я. Сухарева. М.: ИНФРА-М, 2007. 858 с.

2. Градовский А. Д. Начала русского государственного права. Том I. О государственном устройстве. СПб., 1875. 436 с.
3. Даль В. И. Толковый словарь живого Великорусского языка. Ч. 4. М.: Тип. Т., 1866. 712 с. URL: <https://znanium.com/catalog/product/357222> (дата обращения: 05.02.2022).
4. История государства и права зарубежных стран : учебник для вузов. в 2 ч. Ч. 1 / под ред. О. А Жидкова, Н. А. Крашенинниковой. М.: НОРМА, 2001. 720 с.
5. Ключевский В. О. История сословий в России: курс, читанный в Московском университете в 1886 г. Петроград: Литературно-издательский отдел Комиссариата Народного Просвещения, 1918. 276 с.
6. Логика: учебник для средней школы / С. Н. Виноградов А. Ф. Кузьмин. Изд. 2. Москва: ГУПИ МП РСФСР. 1954. 175 с.
7. Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): в 2 т. Т. 1. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2003. 548 с.
8. Нерсесянц В. С. Общая теория права и государства : учебник для вузов. Москва : Норма : ИНФРА–М, 2021. 560 с. URL: <https://znanium.com/catalog/product/1224687> (дата обращения: 05.02.2022).
9. Ожегов С. И. Словарь русского языка: около 53 000 слов / под ред. Л. И. Скворцова. М.: Оникс; Мир и Образование, 2003. 895 с.
10. Тененбаум В. О. Государство: система категорий. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1971. 212 с.
11. Шумкин Г. Н. Категория «Сословие» как инструмент изучения стратификации российского общества XIX – начала XX в. // Петербургский исторический журнал. 2017. № 2 (14). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kategoriya-soslovie-kak-instrument-izucheniya-stratifikatsii-rossiyskogo-obschestva-xix-nachala-hh-v> (дата обращения: 05.02.2022).

УДК 340
Магомед Ахядович Тайгаров,
адъюнкт факультета
подготовки научных
и научно-педагогических кадров
Академия управления МВД России

**Институт абречества как угроза для российской
государственности на Кавказе в конце XIX – начале XX в.:
история и аналогия с современностью**

Аннотация

Статья посвящена исследованию такого уникального явления, как абречество на Кавказе в конце XIX в. – начале XX в. Автором выявляются социально-правовые, экономические, религиозно-культурные и иные причины возникновения и распространения данного явления на территории Кавказа в исследуемый период. Проводится сравнительная аналогия с угрозами современности и способы борьбы с ними.

Ключевые слова и словосочетания: Кавказ; абрек; абречество; казачество; власть; государство; государственная безопасность; гражданское общество.

*Власть терроризировала народ,
а абреки терроризировали власть.
А. Д. Шерипов*

Слово абрек по разным источникам имеет персидское или черкесское (адыгское) происхождение [2, с. 24]. Абреками на Кавказе называли людей, добровольно или вынужденно ставших вне закона и боровшихся с существующей сначала царской, а после распада империи – советской властью. Причины, по которым многие горцы выбирали для себя путь абречества, были различны. Это и индивидуальная склонность того или иного человека к праздности и хищническому или паразитическому образу жизни, и избыток пассивной энергии, проявлявшейся в духе молодечества и джигитской удали, и столкновение с несправедливостью со стороны властей, и ненависть к инородцам, установившим на землях горцев неприемлимые с их точки зрения порядки и законы, и др.

Абречество как своеобразный институт существовало еще задолго до начала покорения Кавказа царской Россией. Изначально оно имело сугубо отрицательный смысл, и абреками называли людей, сознательно поставивших себя вне закона и общества, объявивших этому обществу беспощадную войну. Абрек в его изначальном, классическом смысле – это изгой, разбойник, открыто и явно враждующий с обществом, презираемый людьми человек. Наибольшую популярность абречество приобрело после окончания Кавказской войны, когда многие горцы, несогласные с установившейся в регионе властью российской администрации, перейдя на нелегальное положение, продолжили вооруженное сопротивление. С тех пор в сознании простого обывателя-горца абрек стал ассоциироваться с борцом, ведущим справедливую, но всегда неравную борьбу с захватчиком, оккупировавшим его территорию [2, с. 23]. Однако это представление не всегда соответствовало действительности.

На самом деле далеко не все, кто уходил в горы и вел образ жизни абрека, делали это исходя из национальных или религиозных мотивов. Зачастую это были люди, движимые хищническими или маргинальными наклонностями. По сути своей многие из них – это самые настоящие разбойники и бандиты, не желавшие добывать свой хлеб честно, презиравших труд и людей, этим трудом занимавшихся. Но, несмотря на все это, после того, как подобные субъекты бывали схвачены или уничтожены, в глазах современников они приобретали ореол мучеников, несправедливо пострадавших от власти и павших в неравной с нею борьбе. Что уж говорить о людях, вынужденно ставших абреками из-за несправедливости или произвола власти, боровшихся с нею, но сохранивших при этом благородные личные черты. Такие и вовсе приобретали искреннюю любовь и поддержку со стороны населения горского края, каким принято было называть Кавказ. Наиболее выдающиеся из них, такие, например, как лезгин Кири-Буба, азербайджанец Гачаг Керем, осетин Быдзо Байсангуров, ингуш Сулумбек Гороводжев, легендарный чеченский абрек Зелимхан Гушмазукаев и многие другие и вовсе стали национальными героями своих народов.

Трудно сказать, что на самом деле двигало этими людьми – действительно ли это был порыв справедливой ярости против угнетения и подавления со стороны властей, или же главным мотивом для них выступала корысть и простое желание выжить во что бы то ни стало. В любом случае, стоит признать, что производ, предвзятое и презрительное отношение к туземному населению со стороны царской администрации на местах, нарастающие из-за этого как снежный ком проблемы социально-экономического, социально-политического, религи-

озно-культурного и этнического характера способствовали скрытому или явному недовольству туземного населения Кавказа, выражавшемуся в уходе в абреки некоторых сильных личностей из них и поддержку этих личностей со стороны большого количества населения. Власти, лишая горцев земель, применяя к ним несоизмеримо жестокие методы наказания за какие-либо виды правонарушений, сами во многом способствовали такому положению дел, когда горец считал своим священным долгом если не вредить в открытую властям, то поддерживать тех, кто это делает [1, с. 352]. Прямая поддержка заключалась в укрывательстве, обеспечении пищей и снаряжением абреков, не говоря уже о недоносительстве, которое, впрочем, само по себе в представлении подавляющего большинства горцев являлось делом крайне недостойным и низким, даже если касалось расправы с кровными врагами.

Таким образом, абрек в представлении горцев из гонимого и всеми презираемого изгоя превратился в партизана-освободителя, в иных случаях эдакого Робин Гуда, грабившего богатых и раздававшего награбленное беднякам, защищавшего их интересы. Таки-ми, к примеру, в представлении и памяти народа были и остаются поименно перечисленные выше абреки.

Безусловно, все эти люди были натурами недюжинными, обладавшими исключительными личностными качествами и даже своего рода талантами. Несмотря на то, что с точки зрения правовых норм их деяния были преступными, народом они воспринимались как справедливые мстители, потому что сама власть, на словах декларируя одно, например, равенство перед законом всех сословий и народов, на деле демонстрировала предвзятость и неуважение именно к туземному населению края. В особенности это касалось самой неимущей его части, что вызывало соответствующую реакцию со стороны последних. К слову сказать, горцы и так не отличавшиеся почтением к закону, тем более к закону, установленному белым царем, наблюдая, как те же самые законы попираются его представителями, еще больше утверждались в убеждении, что ждать справедливости от этой власти нельзя. Отсюда нарождались, наряду с крайним нигилизмом, настроения враждебного неприятия всяческих указаний и инициатив, исходивших от властных структур любого уровня, начиная от местных органов и заканчивая указами самого царя или правительства.

Абречество представляло довольно серьезную опасность для местной администрации на Кавказе. Совершая подчас крайне дерзкие нападения на административные или правительственные учреждения, абреки демонстративно показывали шаткость и уязвимость установленной на местах власти, что одновременно с подрыв-

вом ее авторитета способствовало и определенной популяризации асоциального поведения среди туземного населения. Горцы, народ в основном мало или же вовсе безграмотный, но при этом очень впечатлительный, воспринимали подобного рода акции проявлениями выплеска благородного и справедливого народного гнева. Каждая удачная акция, совершенная абреками против властных структур, встречала радостное воодушевление со стороны туземцев и способствовала пополнению рядов различного рода абреческих формирований, но в подавляющем большинстве случаев не сами по себе удачно проведенные преступные акции были главными мотивами для вступления в эти группы новых членов. Основным мотивом для ухода горцев в абреки являлось укоренившееся в сознании людей недовольство проводимой царской администрацией на местах по отношению к туземному населению политикой. И, надо сказать, причин для недовольства и возмущения было достаточно. Это и лишение туземного населения его исконных земель, что приводило к малоземелью у одних (если речь заходит о горцах) и избытком ее у других (в данном случае говорится о казаках или же влиятельных туземцах, которые в основной своей массе так же как и казаки были служащими различного рода государственных учреждений, а значит ассоциировались в понятии горцев с самою властью); и несправедливое судопроизводство, когда за одного и того же рода преступления горцы несли несоизмеримо более суровое наказание по сравнению с теми же самыми казаками или влиятельными туземцами [3, с. 10]. Например, горца за убийство казака могли сослать на пожизненную каторгу в Сибирь или на печально известный остров Чечень, что было равнозначно медленной и весьма мучительной смерти; или же просто приговаривали к смерти, а то и безо всякого приговора и суда лишали жизни на месте, даже не разбираясь в обстоятельствах дела. Если же казак убивал горца, что случалось нередко, так как «охота на гололобых», как называли преследование и убийство туземцев, была одной из любимых забав казаков, наказывалась незначительным штрафом или же вообще никак не наказывалась [1, с. 344]. Напротив, иной раз за подобный «подвиг» можно было получить поощрение или даже награду.

Разумеется, такие действия не способствовали лояльности со стороны туземного населения по отношению к царской администрации. С каждым проявлением предвзятости и несправедливости по отношению к себе горец только утверждался в решимости всеми возможными средствами саботировать любые властные указания и явно или скрыто проявлял накопившееся недовольство различными способами. И одним из явных способов проявления

недовольства был уход в абреки или же всяческая их поддержка [1, с. 354]. Власть в подобных условиях вела себя крайне недальновидно. Вместо того, чтобы укреплять взаимодействие с туземным населением, не на словах, а на деле, обеспечивая и наделяя его общегражданскими правами, она действовала прямо противоположным образом. То есть происходило повсеместное попираание прав, незаконное ужесточение санкций как к виновным, так и к невиноватым, что вело к еще большей озлобленности и враждебности туземного населения. Например, не способствовало лояльности выселение целых аулов, включая стариков, женщин и детей в суровые края севера или же взятие в заложники семей и родственников, перешедших на нелегальное положение горцев, из-за укрывательства или доносительства об их местонахождении. С предъявлением доказательств в виновности совершенных деяний тоже никто себя не утруждал.

Подобная недальновидная политика привела к тому, что горцам из поколения к поколению передавались глубокие чувства обиды, недоверия и озлобленности по отношению к царской власти [3, с. 13]. В 1917 г. это выразилось в том, что подавляющее большинство туземных жителей региона поддержали антимонархические силы, приняв при этом активнейшее участие в борьбе против белогвардейских формирований на Кавказе, состоявших в основном из исконных врагов горцев – казаков. Но, как показало дальнейшее развитие исторических событий, горцы жестоко ошиблись в своих чаяниях и надеждах на перемены, связанных со свержением царизма и установлением так называемой диктатуры пролетариата. Лозунги, при помощи которых большевикам удалось привлечь на свою сторону значительную часть населения края, о принадлежности заводов и фабрик рабочим и, что было более актуальным для горцев, принадлежности земли крестьянам, оказались агитационной ложью и обманом. И вновь, как и раньше, продолжился террор и незаконие со стороны органов государственной власти. С той только разницей, что масштабы этого террора увеличились в разы и охватывали уже более широкие слои и классы населения. Сначала под молот репрессий попали казаки, при царском режиме чувствовавшие себя и фактически находившиеся в привилегированном положении, потом под этот молот попали и горцы.

Подводя итоги, можно сказать, что существовавшая и во многом существующая проблема ухода некоторой части населения кавказского региона, в особенности молодежи, на нелегальное положение, связана со слабым развитием правовых институтов. В первую очередь это касается как органов следствия, так и судебных органов.

Корруптированность, несоблюдение общедофедеральных законов, сотрудниками правоохранительных органов на местах, чрезмерное ужесточение наказаний к представителям северокавказских регионов за отдельно взятые виды правонарушений или преступлений, приводят к нарастанию напряженной социально-политической обстановки в регионе. Тем более все эти тенденции усугубляются на фоне слабого развития экономической сферы и низкого уровня правосознания населения не только южных регионов, но и всей страны в целом. И если в XIX – начале XX в. люди уходили в абреки, то сейчас молодежь тоже уходит в леса, но уже позиционируя себя как борцов за веру и независимость [2, с. 40], что весьма чревато для целостности и безопасности российского государства, единства его многонационального и многоконфессионального народа.

Переломить ситуацию, на наш взгляд, может лишь продуманная и взвешенная политика высших органов власти, связанная с развитием и расширением гражданских прав и свобод, созданием реальной платформы для возникновения гражданского общества, способного быть помощником государству в контроле за различными общественно-политическими институтами, в особенности это касается правоохранительных органов. А главное – жесткий контроль со стороны государства за соблюдением законности и правопорядка со стороны всех участников правовых отношений, в первую очередь самих государственных структур различного уровня и направления деятельности.

Список литературы:

1. Айбатов М. М. Государственно-правовая мысль просветителей Северного Кавказа в XIX – начале XX века: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2007 г.
2. Бобровников В. О. Абреки и государство: культура насилия на Кавказе // Вестник Евразии. 2000 г. № 1. С. 19–46.
3. Кулумбекова А. К. Абречество в свете межнациональных отношений в Терской области в начале XX века // Вестник Владикавказского научного центра. 2015 г. № 1. С. 9–14.

Адолат Неъматжоновна Тошматова,
студентка юридического факультета
Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации;

Ольга Викторовна Петрова,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент департамента
международного и публичного права
Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации

Об использовании положительного опыта Европейского суда по правам человека в отечественной судебной системе

Аннотация

В связи с выходом России из Совета Европы в статье рассматривается опыт участия Российской Федерации в Европейском суде по правам человека. Анализируются взаимоотношения Европейского суда по правам человека и судов России в период сотрудничества. Раскрывается вопрос о легитимности выхода Российской Федерации из международной организации. Предлагается использовать определенные эффективные механизмы деятельности Европейского суда по правам человека в отечественной судебной системе. Обосновывается необходимость создания нового независимого международного суда.

Ключевые слова и словосочетания: Европейский суд по правам человека; Совет Европы; Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод; международная судебная защита; международная организация.

30 марта 1998 г. Россией ратифицирована Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод (далее – ЕКПЧ). В данном источнике международного права закреплены положения, соблюдение которых обязательно для государств – участников Совета Европы, куда Россия вступила 28 февраля 1996 г. Так, граждане России приобрели возможность обращения в Европейский суд по правам человека (далее – ЕСПЧ) за защитой нарушенных прав. Решения Европейского суда по правам человека усовершен-

ствовали механизм защиты прав и свобод граждан. Активно этот процесс наблюдался в первые годы после ратификации ЕКПЧ, что подтверждают решения Конституционного суда Российской Федерации, в которых он ссылается на правовую позицию Европейского суда [7, с. 3].

Россия вплоть до 2022 г. исполняла большую часть постановлений ЕСПЧ. Но в последнее время взаимоотношения Европейского суда по правам человека и Конституционного суда Российской Федерации перешли от «дуэта к дуэли» [8, с. 2].

Рассмотрим «Дело Константина Маркина против Российской Федерации»¹. Заявитель требовал оплачиваемый отпуск по уходу за ребенком, но отпуск не был предоставлен в связи с принадлежностью К. Маркина к мужскому полу. Европейский суд по правам человека указал на наличие дискриминации в данной ситуации. Далее, Конституционным судом Российской Федерации было принято постановление, согласно которому закрепилось право пересмотра решения Конституционного суда и возможность отказаться от решения ЕСПЧ, благодаря решению Страсбургского суда по делу «Маркин против Российской Федерации». Это было сделано с целью обеспечения реализации норм международного права в случае конфликта с российским законодательством. Вместе с тем, неисполнение решений Страсбургского суда фактически нарушает права граждан на судебную защиту, указанную в ст. 46 Конституции Российской Федерации², так как реализация права на судебную защиту невозможна без исполнения судебного решения [2, с. 3–4; 3]. Дальнейшие противоречия между судебными органами выражались в отказе России от исполнения решений ЕСПЧ дел «Анчугов и Гладков против России»³, «ОАО "Нефтяная компания ЮКОС" против России»⁴ и др.

Вследствие сложившейся политической ситуации в мире 14 марта 2022 г. Парламентская Ассамблея Совета Европы (далее

¹ Дело «Константин Маркин (Konstantin Markin) против Российской Федерации» (жалоба № 30078/06) : постановление ЕСПЧ от 22 марта 2012 г. // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2012. № 6.

² Конституция Российской Федерации : принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. : с изм., одобренными в ходе общерос. голосования 1 июля 2020 г. // СПС КонсультантПлюс.

³ Дело «Анчугов и Гладков (Anchugov and Gladkov) против Российской Федерации» (жалоба № 11157/04, 15162/05) : постановление Европейского Суда по правам человека от 4 июля 2013 г. // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2014. № 2.

⁴ Дело «ОАО "Нефтяная компания ЮКОС" (ОАО Neftyanaya Kompaniya YUKOS) против Российской Федерации» (жалоба № 14902/04) : постановление ЕСПЧ от 31 июля 2014 г. // Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2014. № 4.

ея – ПАСЕ) собралась на внеочередную пленарную сессию, а уже 15 марта ПАСЕ проголосовала за выход России из Совета Европы [1]. Правительство России в тот же день сообщило Генеральному секретарю Совета Европы о своем выходе из международной организации, пытаясь опередить Комитет Министров Совета Европы (далее – КМСЕ). Вместе с тем, 16 марта 2022 г. КМСЕ принял резолюцию, в которой постановил, что «... в контексте процедуры, начатой в соответствии со статьей 8 Устава Совета Европы, Российская Федерация перестает быть членом Совета Европы с 16 марта 2022 года» [4].

В связи с вышеизложенным возникает вопрос о легитимности принятого решения. Так, КМСЕ ссылается на 8 статью Устава Совета Европы. Однако в ней указано, что данная процедура применяется только в случае, если государство не воспользовалось правом выхода из Совета Европы в порядке статьи 7 Устава. Таким образом, выход России из Совета Европы осуществлен неправомерно, и на данный момент Россия является единственным государством, которое исключили из Совета Европы.

Принятое решение сказалось и на деятельности Европейского суда, поскольку членство в Совете Европы подразумевало ратификацию Россией Европейской Конвенции по правам человека. С 16 марта 2022 г. граждане России лишились возможности обращения в Европейский суд по правам человека за защитой своих прав. Жалобы, поданные ранее, все еще рассматриваются в ЕСПЧ. Таким образом, Российская Федерация вправе прекратить всякое дипломатическое сотрудничество с Советом Европы и избирательно исполнять постановления ЕСПЧ. Вместе с тем, накопленный за эти годы опыт может быть использован в процессе совершенствования отечественной судебной системы.

На данный момент в России существует два высших судебных органа: Конституционный Суд Российской Федерации и Верховный Суд Российской Федерации. Конституционный суд занимается толкованием Конституции Российской Федерации по запросам судов, проверяет конституционность федеральных конституционных законов, федеральных законов, других нормативных актов органов власти¹. Верховный суд Российской Федерации является высшим судебным органом по гражданским делам, делам по разрешению экономических споров, уголовным, административным и иным

¹ О Конституционном Суде Российской Федерации : Федер. конституционный закон от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ (ред. от 01.07.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.12.2021) // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 14.06.2022).

делам, подсудным судам¹. Таким образом, функции Европейского суда схожи с функциями Конституционного суда и Верховного суда Российской Федерации. Для того чтобы выход из ЕСПЧ был менее ощутимым, отечественным судам необходимо усовершенствовать процесс обращения в суды и использовать также механизмы Страсбургского суда.

Согласно правилу № 42 регламента Европейского Суда у палаты судей есть право объединить две или более жалобы в одно производство. Так, жалобы рассматриваются совместно². Если ввести подобное правило в работу Верховного суда Российской Федерации, то можно ускорить процесс рассмотрения аналогичных обращений. Таким образом, у судей появится больше времени и ресурсов на обработку других жалоб, что положительно отразится на работе суда.

Верховный Суд Российской Федерации рассматривает только гражданские, административные, уголовные дела. Представляется, что создание отдельного органа (палаты) в его составе, который бы занимался рассмотрением дел, связанных с нарушением конституционных прав и свобод граждан, позволило бы более эффективно осуществлять их защиту.

Практика в ЕСПЧ показала, что в Российской Федерации необходимо усовершенствовать уголовный и гражданский процессы. В связи с этим целесообразно установить ответственность должностных лиц в случае нарушения процессуальных прав граждан.

Действительно, благодаря опыту в ЕСПЧ механизм защиты прав граждан в российской судебной системе был усовершенствован. Однако, являясь правовым государством, Россия взяла на себя обязательство обеспечить гражданам максимальный уровень правовой защиты, в связи с чем национальной судебной системы для обеспечения прав и свобод человека и гражданина недостаточно.

В апреле 2022 г. с предложением о создании альтернативного суда выступил председатель Ассоциации юристов России Сергей Степашин. Он указал, что Европейский суд по правам человека не реагирует на иски жителей ДНР и ЛНР, подчеркнул, что «Евразийский суд не будет политизированным, будет независимым от всех его участников, включая и Россию, а главное – будет реально работать и защищать права человека» [6].

¹ О Верховном Суде Российской Федерации : Федеральный конституционный закон от 5 февраля 2014 г. № 3-ФКЗ (ред. от 16.04.2022) // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 14.06.2022).

² Регламент Европейского суда по правам человека. URL: https://www.echr.coe.int/Documents/Rules_Court_RUS.pdf (дата обращения: 14.06.2022).

С азиатскими странами будет труднее договориться о единых юридических принципах, чем с европейскими, поскольку в основе российской правовой системы лежат германское и французское право. Однако у граждан есть конституционное право на международную судебную защиту (ч. 3 ст. 46 Конституции Российской Федерации), поэтому государству необходимо данное право предоставить. Так, в случае создания Евро-Азиатского суда, России придется идти на уступки, так как повлиять на мнение большинства одной стране не удастся [3].

Таким образом, Европейский Суд по правам человека действительно сыграл важную роль в совершенствовании российской судебной системы. Опыт, приобретенный за многолетний период, дает возможность активно внедрять определенные процессуальные механизмы в национальные суды. Россия и другие страны имеют возможность использовать данный опыт в создании нового международного суда по правам человека, что позволит обеспечить максимальную защиту прав граждан.

Список литературы:

1. Институт права и публичной политики. URL: https://ilpp.ru/echr_denunciation?ysclid=19888ol2q4456080830 (дата обращения: 14.06.2022).
2. Князев С. Д. Обязательность постановлений ЕСПЧ в правовой системе России (на основе практики Конституционного Суда Российской Федерации) // Журнал российского права. 2016. № 12. С. 5–17.
3. Краснова П. В. Перспективы создания Евро-Азиатского суда // Научные записки молодых исследователей. 2015. № 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-sozdaniya-evro-aziatskogo-suda> (дата обращения: 14.06.2022)
4. Конституционный лабиринт. URL: <https://academia.ilpp.ru/blog/strasburgskaya-shkola-otchislili-za-povedenie/> дата обращения: 14.06.2022
5. Право Европейской конвенции по правам человека / Харрис, О`Бойл и Уорбрик; пер. с англ. Артамонова И. В. и др. М.: Развитие правовых систем, 2021. 1448 с.
6. Степашин предложил создать Евразийский суд по правам человека. URL: <https://ria.ru/20220413/sud-1783365942.html?ysclid=19aigqyh3846261654> (дата обращения: 14.06.2022).
7. Худoley К. М. Конституционный суд РФ и ЕСПЧ: история развития отношений // Ex jure. 2022. № 1. URL: <https://>

cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionnyy-sud-rf-i-espch-istoriya-razvitiya-otnosheniy (дата обращения: 14.06.2022).

8. Marochkin S. Yu. ECtHR and the Russian Constitutional Court: Duet or Duel? // Russia and the European Court of Human Rights: The Strasbourg Effect / European Inter-University Centre for Human Rights and Democratisation; ed. by L. Mälksoo, W. Benedek. Cambridge, 201.

Роль средств массовой информации в функционировании конституционно-правового механизма обеспечения правопорядка

Аннотация

В статье рассматривается понятие средств массовой информации, модели функционирования средств массовой информации, их правовая закреплённость, степень влияния на обеспечение и поддержание правопорядка, дается понятие правопорядка, определена роль средств массовой информации в функционировании конституционно-правового механизма обеспечения правопорядка.

Ключевые слова и словосочетания: средства массовой информации; государство; правопорядок; конституционный правопорядок.

Современное общество допустимо охарактеризовать как сложнодинамическую развивающую систему, подверженную информационно-цифровизационным влияниям, поэтому значительное воздействие на формирование в целом социального порядка и правопорядка, в частности, оказывают средства массовой информации (далее – СМИ).

В XXI в. особое внимание уделяется информации, поскольку именно она оказывает значительное влияние на стабильное и планомерное функционирование социума, позволяет выражать политико-социально-экономические взгляды, идеи, позиции как государства, так и отдельных социальных групп и гражданского общества в целом. Информация выступает не только как средство выражения, но и как средство коммуникации, обогащения новыми знаниями.

Как известно, одним из основных структурных компонентов гражданского общества, выполняющих коммуникативно-выразительные и интеграционные функции, выступают СМИ. Ввиду того, что СМИ носят плюралистический, многомерный характер, они способны оказывать воздействие на подсознание граждан, позиционируя те или иные идеи, формируя те или иные взгляды (полити-

ческие, социальные, экономические и иные). Тем самым СМИ находятся в состоянии «маятника», так как выполняют роль инструмента, способного не только обеспечить, укрепить правопорядок, но и разрушить его.

Конституция Российской Федерации закрепляет неотъемлемое право граждан на свободный поиск, получение, производство и иные способы передачи информации, гарантируется при этом свобода информации, запрещается цензура, различного рода пропаганда, агитация, побуждающие к возникновению национальной, расовой и иной ненависти¹.

Согласно международной программе развития коммуникации «средства массовой информации действуют в превалирующей атмосфере саморегулирования и уважения профессии журналиста, отражают и представляют разнообразие точек зрения и интересов всех слоев общества, включая маргинализированные группы населения. В нем наблюдается высокий уровень информационной и медиаграмотности»². Такое понимание свидетельствует об информационной модели СМИ.

В Большом Российском энциклопедическом словаре под средствами массовой информации понимается «периодическое печатное издание, радио-, теле-, видеопрограмма, кинохроникальная программа, иная форма периодического распространения массовой информации» [5].

Как следует из Большого юридического словаря, средства массовой информации – это форма периодического распространения информации [6].

Что касается доктринального понятия СМИ, то в среде ученых-юристов чаще всего понимаются периодические печатные издания, радио-, теле- и видеопрограммы, кинохроникальные программы, иные формы распространения массовой информации [12], то есть представленные формулировки совпадают с определением СМИ, указанным в законодательстве.

В России основным источником, регламентирующим деятельность, порядок организации и функционирования СМИ является

¹ Конституция Российской Федерации : принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. : с изм., одобренными в ходе общерос. голосования 1 июля 2020 г. // СПС КонсультантПлюс.

² Международная программа развития коммуникации. Показатели развития средств информации: система оценки развития средств информации : утверждена Межправительственным советом Международной программы развития коммуникации (МПРК) на 26-й сессии 26–28 марта 2008 г. URL: <http://unesdoc.unesco.org/images/0016/001631/163102R.pdf> (дата обращения: 04.11.2022).

закон «О средствах массовой информации»¹, в котором отражено понятие представленного детерминанта – «периодическое печатное издание, сетевое издание, телеканал, радиоканал, телепрограмма, радиопрограмма, видеопрограмма, кинохроникальная программа, иная форма периодического распространения массовой информации под постоянным наименованием (названием)». Данное понятие включает в себе конкретные средства, способствующие осуществлению коммуникативного обмена, передачи информации.

Основной идеей, содержащейся в данном правовом акте, является осуществление нормативно-правового контроля за деятельностью СМИ с возможным отстранением от государственного воздействия.

Таким образом, СМИ – совокупность методов и средств информационного воздействия на подсознание граждан, целью которого является формирование тех или иных убеждений.

Законодательно закрепляется отстранение от государственного влияния в сфере СМИ, но важным остается сохранение правового надзора за функционированием, реализацией СМИ.

Российская платформа СМИ в настоящее время воспринимается не как атрибут гражданского общества, а как средство реализации поставленных задач и достижения конкретных целей. Нельзя не согласиться с П. К. Запрудновым, который на этот счет утверждает, что «полная власть владельца над СМИ превращает их из института гражданского общества в собственность», и поясняет, что данная собственность принадлежит государству как основному владельцу, способному управлять, распоряжаться информацией по-своему усмотрению, а это может привести к недоверию со стороны общества к потребляемой информации и говорит о «посягательстве на свободу слова» [7].

И государство как крупнейший собственник СМИ получает законное право управлять своей собственностью, соответственно, информацией, по своему усмотрению, отсюда следует недоверие, так как это говорит о посягательстве на свободу слова. «Государство с помощью законодательства и административных рычагов регулирует деятельность СМИ, наказывая их за нарушение и поощряя за социальные заслуги в рамках своей информационной политики» [9]. СМИ постоянно вынуждены коммуницировать с разнообразными критериями, требованиями, которые оказывают на них влияние, поскольку данные позиции являются основой для установле-

¹ О средствах массовой информации : Закон Рос. Федерации от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 // СПС КонсультантПлюс (дата обращения : 04.11.2022).

ния и обеспечения правопорядка. Одним из способов разрешения данной ситуации стало бы доведение до граждан не только «вычлененной» информации, но и осведомлять общество о всех позициях и в результативной части приводить свою оценку изложенным фактам. Ведь от качества и достоверности информации будет зависеть уровень доверия граждан информационным источникам, формирование положительного и приемлемого образа о той или иной информационной обстановки (политических событиях), а это, в свою очередь, является гарантом в установлении и обеспечении правопорядка.

Можно предположить, что если соблюсти данное требование, то вполне вероятно обеспечить состояние упорядоченности общественных отношений и обеспечению правопорядка в гражданском обществе. Об упорядоченности общественных отношений упоминается во многих научных трудах, среди которых можно выделить А. В. Безрукова, который через данные детерминанты определяет само понятие правопорядка, добавляя, что это «результат правотворческого и правореализационного процессов» [2], согласно А. В. Степанову правопорядок есть «состояние упорядоченности правом общественных отношений, при котором государством гарантируются реализация и защита субъективных прав, исполнение юридических обязанностей участников правоотношений, характеризующееся стабильностью, прочностью и динамизмом» [10].

Ранее была рассмотрена информационная модель СМИ, однако существует и иная модель функционирования СМИ, в которой СМИ определяется как «четвертая власть», эффективный «инструмент социализации политики» и «великий арбитр» в решении сложных проблем современного динамично развивающегося общества [11]. Характерным признаком является независимость СМИ от государства или иного общественного контроля. Формирование данной модели напрямую коррелирует с развитием гражданского общества.

Учитывая современные реалии, за последнее время влияние СМИ очень сильно возрастает, поэтому логичным и правильным стало усовершенствование законодательства в сфере регулирования СМИ, в частности, «расширение полномочий Роскомнадзора по блокировке доступа к информации интернет-сайтов без получения решения суда» [9]. Такие правовые корректировки свидетельствуют и подтверждают существенное влияние и весомое значение СМИ. Поскольку, если оставить без внимания прогрессирующее развитие информационно-телекоммуникационных процессов, – это может стать причиной дисбаланса в обществе, привести к наруше-

нию основных прав и свобод человека и гражданина, гарантируемых Конституцией Российской Федерацией.

Также учитывая, что государство является гарантом обеспечения этих прав, то усовершенствование законодательства – неотъемлемая часть функционирования, обеспечения и поддержания правопорядка. В силу того, что правопорядок имеет определенное структурирование, Е. В. Киричѐк утверждает, что его можно достичь при эффективном функционировании «организационно-правового механизма обеспечения конституционных прав и свобод человека и гражданина» [8]. Здесь также прослеживается взаимообусловленность, взаимозависимость структурных элементов данного механизма, поскольку правопорядок является отражением закономерностей становления гражданского общества и самой правовой системы.

Помимо информационной одним из приоритетных направлений функционирования СМИ является их контролирующая сторона, поскольку в современных демократических реалиях «СМИ опираются как на общественное мнение, так и на закон» [8]. В отличие от иных органов, выполняющих контрольные функции, СМИ путем «моральной оценки» способно оказать влияние, воздействие на формирование социального климата, общественное сознание, а от этого также зависит поддержание правопорядка в государстве.

То есть СМИ являются непосредственным участником установления и обеспечения правопорядка и в современных реалиях являются его главным атрибутом. А. В. Безруков, рассуждая о правопорядке, делает акцент, что «конституционный правопорядок ... ядро правопорядка в целом» [4]. Это утверждение объясняется тем, что Конституция является основополагающим началом, фундаментом функционирования любой правовой системы, включая гражданское общество, что является обеспечением «конституциональной стабильности» [3], достижение которой предопределено состоянием законности, уровнем эффективного функционирования правовых норм.

Таким образом, обеспечить конституционный правопорядок возможно путем соблюдения законности, которая является основной составляющей деятельности субъектов механизма обеспечения правопорядка, где прослеживается их причинно-следственная связь, и является конституционно-правовой основой правопорядка.

Учитывая огромный спектр действия, функционирования, влияния СМИ на различные сферы (социальные, экономические, политические и иные), то помимо указанных ранее правовых документов также стоит упомянуть закон «О государственной тайне», который наделяет особым статусом определенную информацию; Уголовный

кодекс Российской Федерации, который содержит санкции за нарушения, связанные с деятельностью СМИ, в частности, предусмотрена ответственность за распространение информации, побуждающей к совершению действий нацистского характера.

Согласно решению Верховного суда Российской Федерации от 17 ноября 2014 г. по делу № АКПИ14-1292С¹ в отношении лидера украинской организации «Братство» Д. А. Карчинского было принято решение о возбуждении уголовного дела по признакам состава преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 354 УК РФ по факту осуществления публичных высказываний на телеканале «Россия 1», побуждающих к разжиганию национальной ненависти. Это свидетельствует о том, что законодательство работает и пресекает подобные нарушения.

В целях недопущения нарушений конституционно-правовых основ в сфере регулирования СМИ и их влияния на гражданское общество созданы и функционируют различные организации, целью которых является предупреждение преступлений, правонарушений и поддержание правопорядка. К таким органам можно отнести: Роскомнадзор, Общественную коллегия по жалобам на прессу, правоохранительные органы (органы внутренних дел, управление по взаимодействию с институтами гражданского общества и средствами массовой информации МВД России).

На каждый из названных субъектов обеспечения законности и поддержания правопорядка в гражданском обществе возлагается определенный спектр прав и обязанностей, позволяющих своевременно предупредить незаконную деятельность в сфере СМИ.

Таким образом, СМИ – это особый независимый институт гражданского общества, выполняющий роль «инструмента», который способствует формированию общественного мнения, различных точек зрения, взглядов на конкретные жизненные обстоятельства, и способствующего оказать значительное влияние на установление, поддержание и обеспечение правопорядка, а следовательно, является незаменимым атрибутом в механизме его обеспечения, особенно на почве современной информационной трансформации, поскольку именно СМИ на настоящий момент выполняют роль «диктатора» информационно-пропагандистской деятельности и являются незаменимым атрибутом в установлении и обеспечении правопорядка в гражданском обществе.

¹ Решение Верховного Суда Российской Федерации от 17 ноября 2014 г. по делу № АКПИ14-1292С // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 17.03.2022).

Список литературы:

1. Безруков А. В. Конституционно-правовой механизм обеспечения правопорядка органами публичной власти в Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2017. С. 87.

2. Безруков А. В. Правопорядок и безопасность: сущность, соотношение и конституционно-правовое измерение // Российский юридический журнал. № 2 (107). 2016. С. 65.

3. Безруков А. В. Правопорядок в России: современное состояние и пути оптимизации. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_36568915_73103768.pdf (дата обращения: 04.12.2022).

4. Безруков А. В. Роль органов внутренних дел и институтов общественности в обеспечении конституционного правопорядка в России : монография. М., 2022. С. 22.

5. Большой Российский энциклопедический словарь / репр. изд. М.: Большая Российская энциклопедия, 2008. С. 1489.

6. Большой юридический словарь. М.: Проспект, 2009. С. 392.

7. Запруднов П. К. Средства массовой информации в процессе становления гражданского общества. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_24912548_17414071.pdf (дата обращения: 04.12.2022).

8. Киричѐк Е. В. Организационно-правовой механизм обеспечения конституционных прав и свобод человека и гражданина: проблемы и перспективы модернизации в современной России // Юридическая науки и правоохранительная практика. 2013. № 4 (26). С. 10–20.

9. Намруева Э. В., Ильянова О. И. Технологии взаимодействия органов внутренних дел со средствами массовой информации: учебное пособие. М.: Академия управления МВД России, 2021. С. 14.

10. Степанов А. В. Правопорядок: понятие, анализ точек зрения. Миграционный правопорядок как один из видов правопорядка // Вестник Владимирского юридического института. 2014. № 4 (33). С. 190.

11. Уваров А. А. Средства массовой информации как институт гражданского общества (правовые аспекты) // Российская юстиция. 2014. № 6. С. 45.

12. Хоффман В. Монахов В. Право радио и телевидения в России. СПб., 1994.

Научное издание

РОССИЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО И ВЫЗОВЫ XXI ВЕКА

Редактор *А. А. Уварова*
Верстка *С. Н. Портновой*

Подписано в печать 17.07.2023. Формат 60 × 84 $\frac{1}{16}$.
Усл. печ. л. 22,3. Уч.-изд. л. 19,6. Тираж 97 экз. Заказ № _

Отделение полиграфической и оперативной печати РИО
Академии управления МВД России
125171, Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8

ISBN 978-5-907530-67-6

